

ТЕОРІЯ ДАРВИНА И СОЦІАЛІЗМЪ.

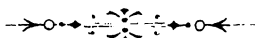
Л. Вольтманнъ.

Теорія Дарвина и соціализмъ.

(Очеркъ по естественной исторіи общества).

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей доктора философій

М. М. Филиппова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Зяблицкаго и Пятина.

1900.

Предисловіе.

Въ этомъ сочиненіи я поставилъ себѣ троякаго рода задачу: 1) дать историческій обзоръ литературы по вопросу о соотношеніи между дарвинизмомъ и социализмомъ; 2) развитъ общія естественно-научныя основанія социологіи и исторіи, и, наконецъ, 3) изслѣдовать спеціально вопросъ о томъ, гармонируетъ ли ученіе Дарвина о естественномъ подборѣ въ борьбѣ за существованіе съ историческими и экономическими ученіями историческаго матеріализма.

Нелегко было собрать литературу предмета, разбросанную по журналамъ, брошюрамъ и болѣе крупнымъ сочиненіямъ, отчасти уже вышедшимъ изъ продажи, а то и забытымъ. Часто мнѣ лишь случайно попадалась въ руки статья или брошюра по этому вопросу. Несмотря на это, я надѣюсь дать читателю полный обзоръ литературы, по крайней мѣрѣ, нѣмецкой. Я привелъ также важнѣйшія ученія и воззрѣнія изъ иностранной литературы — французской, англійской и итальянской. Такимъ образомъ, читатель легко можетъ составить систематическій взглядъ на

современное положеніе вопроса о соотношеніи между ученіями Маркса и Дарвина.

Надѣюсь, что эта книга, благодаря трактуемому въ ней вопросу, возбудитъ глубокій научный интересъ и у тѣхъ, кто не можетъ согласиться съ моими взглядами. Я считаю затронутую мною тему однимъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ вопросовъ нашего времени. Поэтому, мы должны быть благодарны за каждую новую точку зрѣнія, которая вносится въ обсужденіе этой трудной и запутанной темы. За послѣднія тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ ученія Маркса и Дарвина получили широкое распространеніе, партійное пристрастіе, невѣжество и классовое предубѣжденіе сильно препятствовали серьезному теоретическому изслѣдованію вопроса. Цѣль настоящей книги излѣчить основныя положенія, которыя дали бы возможность научно ориентироваться въ этомъ вопросѣ. Такъ какъ эта цѣль проводится мною систематически, то настоящее сочиненіе можно разсматривать также, какъ очеркъ естественной исторіи человѣческаго общества. Въ этомъ сочиненіи ученіе экономическаго матеріализма и теорія органическаго развитія приводятся въ послѣдовательную и систематическую связь,—съ указаніемъ, что уже настала пора подвергнуть критическому пересмотру теоретическія основанія современнаго историческаго матеріализма и вновь возбудить обсужденіе его принциповъ. Я желаю бы, чтобы для тѣхъ, кому чужды проводимыя мною воззрѣнія на человѣческую жизнь, моя книга послужила введеніемъ въ естественно-научное ученіе

объ обществѣ. Но и мысли философа объ исторіи
человѣчества и отношеніе общественнаго дѣятеля
къ запросамъ жизни должны быть поставлены въ
зависимость отъ рѣшенія разбираемыхъ здѣсь вопро-
совъ. Такимъ образомъ, подобное изслѣдованіе имѣетъ
не только теоретическое, но и практически-этическое
значеніе.

Авторъ.

Золлингень, Май, 1898 г.

Обоснованіе ученія объ органическомъ и общественномъ развитіи.

ГЛАВА I.

1. Дарвинизмъ и марксизмъ.

✓ Въ умственной жизни нашего времени легко замѣтить два главныхъ теченія: эволюціонизмъ и историческій матеріализмъ. Ученіе о естественномъ развитіи всего міра, а въ томъ числѣ челоуѣка, т. е. теорія эволюціи, произвела переворотъ не только въ научныхъ методахъ, но и въ народномъ сознаніи. Съ другой стороны, общественное движеніе, сначала охватившее только рабочій классъ, начинаетъ постепенно проникать во всѣ слои общества и заставляетъ правительства занимать вполнѣ опредѣленныя позиціи по отношенію къ социальнымъ вопросамъ. Если бы мы вздумали связать руководящія положенія эволюціонизма и историческаго матеріализма съ именами ихъ основателей, то могли бы назвать эти ученія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова *дарвинизмъ* и *марксизмъ*.

Современное требованіе, по которому всѣ теоретическія положенія, нравственныя оцѣнки, равно какъ и политическія мѣропріятія, должны подвергаться исторической критикѣ, вытекаетъ, въ сущности, изъ указанныхъ научныхъ теченій. Наше время переживаетъ теоретическую и практическую ломку; она постепенно захватываетъ все большую область и не останавливается передъ самыми, повидимому, прочными догматами прошлаго. Иден Дарвина, Ламарка, Спенсера, Уоллеса, Геккеля приобрѣтають громадное вліяніе на пониманіе **всѣхъ**

формъ жизни, не только растительной и животной, но и человеческой, со включеніемъ общественной и духовной исторіи человечества. Однако, осторожный и послѣдовательный мыслитель согласится, что методъ, заимствованный у естественныхъ наукъ, представляетъ въ рукахъ социолога нѣкоторую опасность, такъ какъ очень легко запутаться въ міръ чувственныхъ воспріятій и въ угнетающей полнотѣ явленій вѣшняго міра, а еще труднѣе отвѣчаться отъ своихъ собственныхъ законовъ и цѣлей. Такъ и случилось: грубое, непровѣренное критикой, примѣненіе метода естественныхъ наукъ къ человеческой исторіи и къ обществу, на ряду съ механическимъ сопоставленіемъ природы и культуры, привело къ самымъ страшнымъ и нелѣпымъ выводамъ. Кромѣ умственной, возникаетъ и нравственная опасность, такъ какъ эта новая, опирающаяся на естествознаніе, социальная наука пытается пріобрѣсти господствующее вліяніе на рѣшеніе многихъ социально-политическихъ вопросовъ. Только критическая провѣрка границъ и методовъ социологіи можетъ спасти отъ ошибокъ и заблужденій. На ряду съ экономическими и политическими вопросами возникаетъ общественная наука, задача которой—ислѣдовать, съ различныхъ точекъ зрѣнія, причины, законы и цѣли общественной жизни человѣка. Рѣшеніе теоретическихъ и практическихъ сторонъ социального вопроса получило наиболѣе рѣзкое выраженіе въ теоріи историческаго матеріализма; эта теорія не только указываетъ на практическія задачи,—она проводитъ принципиальный взглядъ на міръ и на жизнь, подкрѣпляя его вѣскими доказательствами. Въ другомъ мѣстѣ я пытался обосновать зависимость, существующую между ученіемъ объ эволюціи и теоріей историческаго матеріализма, съ точки зрѣнія критической философіи. Я полагаю, что логическіе приемы, которые марксизмъ заимствовалъ у Гегеля, болѣе не достаточны, ибо научное обоснованіе марксизма должно, въ своихъ теоретическихъ предпосылкахъ, „возвратиться къ Канту“, что уже давно сдѣлано академической философіей. Я убѣжденъ и въ томъ, что самое ученіе объ органическомъ развитіи можетъ быть предохранено отъ заблужденій и нелѣпостей только критической теоріей познанія—въ томъ духѣ, какъ она была основана Кантомъ. Едва ли кто станетъ возражать противъ требованія дополнить и расширить историческую

теорію Маркса, какъ съ философски-моральною, такъ и съ естественно-историческою стороны. Особенно нуждаются въ пересмотрѣ предпосылки изъ области теоріи познанія. Въ своемъ сочиненіи „System des moralischen Bewusstseins“ я пытаюсь выставить этическую сторону марксизма. Здѣсь я хотѣлъ бы разсмотрѣть эту теорію въ рамкахъ общихъ естественно-историческихъ задачъ. Въ виду этого, моя работа имѣетъ цѣлью изслѣдовать систематически и принципиально, съ точки зрѣнія исторіи соціального развитія и соціальной политики, отношеніе теоріи Дарвина къ ученію Маркса. Въ особенности слѣдуетъ подчеркнуть ученіе о естественномъ подборѣ въ борьбѣ за существованіе: значеніе этого ученія въ вопросахъ соціологій и исторіи разсмотрѣно мною особенно подробно.

При современномъ состояніи науки, задача подобнаго изслѣдованія можетъ пока заключаться только въ предварительномъ установленіи основныхъ положеній. Тѣмъ болѣе необходима именно такая принципиальная постановка, что какъ разъ представители естествознанія очень часто обнаруживаютъ поразительное непониманіе сущности марксизма. Изслѣдованіе соотношенія между дарвинизмомъ и марксизмомъ требуетъ болѣе глубокой и широкой постановки вопроса, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Довольно обширная, но крайне разбросанная, литература обязана своимъ происхожденіемъ борьбѣ политическихъ партій и злобамъ дня,—поэтому въ ней больше случайныхъ мыслей, чѣмъ систематическихъ и принципиальныхъ изслѣдованій. Вопросы разсматривали преимущественно естествоиспытатели и соціологи, — экономисты же и философы затрагивали его лишь мимоходомъ.

Настоящее сочиненіе имѣетъ не столько *полемиическій* сколько *критическій* характеръ. Полемическая сторона его заключается въ защитѣ научныхъ основоположеній марксизма отъ противниковъ его среди естествоиспытателей. Болѣе важна критическая сторона, доказывающая необходимость расширить теорію экономического матеріализма съ философскою и естественно-историческою точекъ зрѣнія. Въ этомъ отношеніи самъ Марксъ далъ важныя указанія, и можно быть увѣреннымъ, что біологическое ученіе о развитіи не противорѣчитъ его основнымъ идеямъ, а, лишь расширяя и углу-

бляя ихъ, возбуждаетъ новые вопросы, которые спасаютъ ученіе отъ умственного застоя. Марксизмъ надо привести въ болѣе тѣсную связь съ ученіемъ объ органическомъ развитіи, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ: тогда ему легче будетъ бороться съ неосновательными возраженіями, а, съ другой стороны, онъ сможетъ восполнить многіе пробѣлы въ пониманіи общества и исторіи. Кто желаетъ глубже изслѣдовать отношеніе теоріи Дарвина къ теоріи Маркса, тому должно быть ясно, что оба ученія — научныя теоріи, специфическое содержаніе которыхъ находится въ состояніи непрерывнаго развитія. Теорія Дарвина успѣла проникнуть во всѣ спеціальныя отдѣлы естествознанія, совершить въ нихъ переворотъ и плодотворно на нихъ повліять. Въмѣстѣ съ тѣмъ она сама, именно въ ученіи о приспособленіи и наследственности, подверглась значительнымъ измѣненіямъ. И историческій матеріализмъ, за послѣдніе тридцать лѣтъ, сильно видоизмѣнился. Несмотря на это, существуютъ прочно установленныя основныя положенія обѣихъ теорій.

Эти положенія выражаютъ неизмѣнную законосообразность жизни вообще, а общественной исторіи въ частности. Каковы эти положенія, и насколько они согласуются другъ съ другомъ, это вопросъ крайне интересный и важный.

Марксъ и Энгельсъ, какъ будетъ дальше доказано, отлично поняли и ясно выразили идейную связь ученія Дарвина о развитіи съ ихъ собственнымъ пониманіемъ исторіи и соціологій. Между тѣмъ ихъ ученіе было уже закончено, когда выступилъ Дарвинъ со своей новой зоологической и антропологической теоріей. Они совершенно справедливо увидѣли въ ней подтвержденіе своихъ взглядовъ на сущность общественнаго развитія. Однако экономическое ученіе Маркса оказалось недостаточнымъ для объясненія исторіи человѣческой культуры, и его пришлось дополнить органически-генеалогической теоріей Моргана, что и сдѣлали сами творцы экономическаго матеріализма. Такимъ образомъ, на ряду съ экономическими, и физиологическими принципами были признаны самостоятельными причинами общественнаго развитія. Признаніе это коснулось, правда, только этнологическаго вопроса о формахъ брака и семьи, однако, оно выдвинуло вопросъ о связи теоріи экономическаго матеріализма съ общимъ біологическимъ ученіемъ о развитіи. Нетрудно

понять, что законы органическаго развитія, особенно такіе, какъ дифференціація, приспособленіе, наслѣдственность и подборъ, играютъ въ исторіи человѣчества такую же роль какъ и экономическое производство, состояніе техники и обмѣна. Что еще важнѣе—само производство и условія техники подчинены общему біологическому закону дифференцированія, приспособленія и подбора: явленія экономической жизни—лишь часть явленій жизни вообще, а политическая экономія — лишь спеціальный отдѣлъ біологіи, которая имѣетъ своимъ предметомъ общіе законы жизни.

Человѣкъ, какъ *органическое существо*, есть центръ и носитель всѣхъ техническихъ и духовныхъ способностей и проявленій—поэтому научное объясненіе человѣческой культуры требуетъ въ одинаковой мѣрѣ какъ біологическаго, такъ и экономическаго пониманія исторіи; начало тому и другому положили именно Дарвинъ и Марксъ. При исполненіи этого требованія, психологическое объясненіе исторіи, зачастую односторонне подчеркивающее значеніе идеала и личности въ развитіи формъ человѣческой жизни, получаетъ новое освѣщеніе. Изслѣдовать сущность біологическаго, экономическаго и психологическаго методовъ и установить ихъ взаимную связь — есть задача теоріи познанія. Въ высшей степени плодотворна и благодарна вытекающая отсюда философская задача раскрыть въ подробностяхъ тотъ путь уметвеннаго развитія, слѣдуя которому человѣчество приходитъ къ *историческому самосознанію*.

Главная цѣль моего труда — найти общую біологическую почву для дарвинистической теоріи органическаго развитія всего животнаго міра и ученія Маркса о социальномъ экономическомъ развитіи; мысль о существованіи этой почвы легла въ основаніе отдѣльныхъ изслѣдованій. Только съ этой точки зрѣнія можно обсуждать вопросъ объ отношеніи дарвинизма къ задачамъ социальной политики.

Хотя Марксъ и Энгельсъ близко соприкасались съ естествознаніемъ, они обошли вопросъ о роли естественнаго подбора въ экономическомъ и культурномъ развитіи. А между тѣмъ, по мнѣнію Дарвина, подборъ долженъ имѣть большое значеніе въ развитіи человѣчества. Марксъ и Энгельсъ скорѣе усматривали свою общность съ дарвинизмомъ въ великой общей *идеѣ развитія*, которую признавали основной *идеѣй*,

закономъ, опредѣляющимъ не только различныя формы животныхъ породъ, но и формы человѣческаго общества. Они понимали это такимъ образомъ, что органическое и социальное развитіе находятся въ опредѣленномъ соотношеніи, и что именно въ этомъ смыслѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о взаимномъ отношеніи естественной исторіи и исторіи культуры. Эта то мысль послужитъ исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія. Дѣйствительно, всякій болѣе или менѣе проницательный изслѣдователь согласится, что въ спорѣ между дарвинистами и марксистами рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о взаимной зависимости природы и культуры, и что болѣе спеціальныи вопросъ о томъ, согласуются ли или противорѣчатъ другъ другу теоріи Дарвина и Маркса, можетъ быть рѣшенъ лишь исходя изъ указанной болѣе широкой основы, соединяющей въ себѣ естественно-научную и культурно-историческую точки зрѣнія. Поэтому на настоящее сочиненіе можно смотрѣть и какъ на очеркъ естественно-по-научнаго ученія объ обществѣ. Сторонники историческаго материализма считаютъ свою теорію примѣненіемъ естественно-научныхъ методовъ въ исторіи развитія человѣческаго общества. На самомъ же дѣлѣ, единственныя теоріи, имѣющія фундаментальное значеніе въ естественной исторіи человѣческаго общества, если не считать статистическаго метода,—есть экономическій матеріализмъ Маркса и ученіе Дарвина о естественномъ происхожденіи человѣка. Съ этой точки зрѣнія очень интересно прослѣдить отдѣльныя мысли, которыя высказывались за послѣднія 30 лѣтъ, объ отношеніи марксизма къ дарвинизму. Мы увидимъ поучительное зрѣлище возникновенія новой науки, которая хочетъ, не выходя изъ рамокъ исторіи, общества и культуры, изслѣдовать сущность человѣческаго бытія. Между тѣмъ, вопросъ о томъ, можно ли разрабатывать исторію культуры при помощи естественно-научныхъ методовъ, рѣшается самъ собою, размы болѣе не находимъ качественного различія въ природѣ и культурѣ, а смотримъ на нихъ съ общей исторической точки зрѣнія и *въ культуру видимъ природу, созданную самими людьми*.

Со временъ Конта социологи не могутъ согласиться ни относительно мѣста, которое должна занимать социологія въ ряду другихъ наукъ, ни относительно ея предмета. Сначала

общественныя явленія составляли предметъ политики, этики или экономики. Но вскорѣ, благодаря раздѣленію научнаго труда, эти науки выработали каждая свой самостоятельный методъ изслѣдованія. Явилась возможность изучать жизнь человѣка, независимо отъ политики и этики, — въ томъ видѣ, какъ она проявляется въ исторіи. Тогда оказалось, что развитіе культуры находится въ тѣсной зависимости отъ условій пространства и времени, среди которыхъ живутъ люди, что политическую, моральную, религіозную и эстетическую сторону общественной жизни слѣдуетъ анализировать въ связи съ различными ступенями человѣческой культуры. Въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи дарвинизма и историческаго матеріализма существенную услугу можетъ оказать изслѣдованіе естественной исторіи человѣческаго общества; но прежде всего необходимо ясно и по существу разграничить область каждой теоріи, — нужно, кромѣ того, вполне объективно, не поддаваясь вліянію страстей современной политической борьбы, провести параллель между обѣими теоріями, и смѣло обнаружить всѣ противорѣчія, если таковыя имѣются.

Настоящій трудъ раздѣленъ мною на три большихъ отдѣла. Эти отдѣлы связаны единствомъ мысли. Первый содержитъ историко-литературный обзоръ господствовавшей до сихъ поръ постановки вопроса и излагаетъ важнѣйшіе взгляды, высказанные по поводу отношенія дарвинизма къ марксизму за послѣднія три десятилѣтія (I—IV главы). Во второмъ отдѣлѣ излагаются общія біологическія и естественно-историческія положенія, необходимыя для правильнаго построенія теоріи человѣческой исторіи и общества. Въ послѣднемъ отдѣлѣ выясняется, на основаніи историко-литературныхъ и естественно-научныхъ изслѣдованій, отношеніе дарвинизма къ задачамъ общественной политики, и, въ частности, къ экономическимъ и правовымъ положеніямъ историческаго матеріализма.

2. Соціально-историческія воззрѣнія Дарвина.

По собственному признанію Дарвина, онъ мало размышлялъ надъ практическимъ значеніемъ морали. Вдали отъ непрерывнаго развитія экономической жизни, вдали отъ поли-

тических и технических переворотовъ, онъ настойчиво работалъ надъ обоснованіемъ и развитіемъ своей теоріи, -- однако социальные вопросы современной жизни не были ему чужды. Прежде чѣмъ проникнуть въ тайны сравнительно чуждой ему внешней природы, умъ человѣческій долженъ испытать и познать эту природу въ связи съ своимъ собственнымъ жизненнымъ опытомъ. Въ своихъ личныхъ дѣлахъ человекъ сотворяетъ себя какъ бы зеркало, въ которомъ, путемъ аналогій, онъ наблюдаетъ и познаетъ внешний міръ. Человекъ долженъ быть раньше сознать свое собственное развитіе, а ужъ потомъ признать, что эволюція есть научный принципъ, необходимый для объясненія всей вселенной. Прежде чѣмъ была изслѣдована творческая сила борьбы за существованіе въ животномъ и растительномъ мірѣ, эта борьба была познана въ человѣческомъ мірѣ. Исходя изъ данныхъ *искусственною* подбора, Дарвинъ создать теорію естественнаго подбора, а ученіе Мальтуса о народонаселеніи, по собственнымъ словамъ Дарвина, дало толчокъ его научному просвѣтленію. Въ своей автобіографіи Дарвинъ говоритъ о томъ, какъ онъ догадался, что подборъ является ключемъ къ объясненію успѣховъ, достигаемыхъ человекомъ при воспроизведеніи полезныхъ для него породъ животныхъ или растений. Но какъ примѣнить принципъ подбора къ животнымъ, находящимся въ естественномъ состояніи? Это было для Дарвина нѣкоторое время загадкой. „Въ октябрѣ 1838 года, пишетъ онъ, т. е. черезъ 15 мѣсяцевъ послѣ того, какъ я приступилъ къ своему систематическому изслѣдованію, я прочелъ, ради развлечения, книгу Мальтуса „О народонаселеніи“. Будучи подготовленъ продолжительными наблюденіями надъ образомъ жизни животныхъ и растений, я сразу оцѣнилъ все значеніе повсемѣстно происходящей борьбы за существованіе и былъ пораженъ мыслью, что при этой борьбѣ полезныя видоизмѣненія должны сохраняться, а безполезныя -- уничтожаться. Наконецъ то я обладалъ теоріей, руководясь которою могъ продолжать свой трудъ“ *). Можетъ быть, ученіе Мальтуса дало толчекъ дальнѣйшему развитію теоріи Дарвина еще потому, что въ

*) Собраніе сочиненій Ч. Дарвина. Изданіе Поповой, т. I. Автобіографія, стр. 25, а также: Дарвинъ. Автобіографія, отд. изд. ред. „Научнаго Обзорнія“, стр. 22.

книгъ Мальтуса содержатся первыя указанія на естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе, о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. Разумѣется, очень любопытно будетъ узнать, какъ относился великій естествоиспытатель къ общественнымъ вопросамъ своего времени. Въ своей автобіографіи Дарвинъ замѣчаетъ, что воззрѣнія Карлейля на рабство возмутительны. „Въ его глазахъ, сила есть право“, говоритъ онъ. Это мнѣніе интересно особенно потому, что изъ него видно, что Дарвинъ не признавалъ силу основаніемъ права, въ противоположность тѣмъ дарвинистамъ-соціологамъ и соціальнымъ политикамъ, которые въ желаніи властвовать видятъ естественный и нравственный источникъ права, а выживание наиболѣе приспособленныхъ толкуютъ въ смыслъ права сильнѣйшаго. Отношеніе Дарвина къ современному рабочему вопросу въ литературѣ совершенно не выяснено. Я могъ найти только два показанія, одно чисто личнаго, а другое болѣе принципиальнаго характера. Эвелингъ сообщаетъ, что Марксъ основательно изучилъ всѣ сочиненія Дарвина. Въ 1873 г. Марксъ послалъ великому естествоиспытателю второе изданіе I-го тома „Капитала“. Въ отвѣтъ онъ получилъ слѣдующее письмо: „1-ое октября 1873 г. Милостивый Государь! Благодарю Васъ за честь, которую Вы мнѣ оказали, пославъ мнѣ Ваше великое произведеніе „Капиталъ“. Я отъ души желаю бы быть болѣе достойнымъ этого подарка, т. е. лучше понимать глубоко-важные народно-хозяйственные вопросы. Хотя мы изслѣдуемъ совершенно различныя области, однако я полагаю, что оба мы серьезно желаемъ распространенія знанія, и что знаніе это будетъ въ концѣ концовъ способствовать счастью человѣчества.

Остаюсь, М. Г., преданнымъ Вамъ Ч. Дарвинъ“ *).

Фрэнсисъ Дарвинъ, издатель „Life and Letters“ Дарвина, въ третьемъ томѣ приводитъ одно мѣсто изъ письма своего отца, въ которомъ идетъ рѣчь о рабочемъ вопросѣ.

Выдержка касается мнѣній, высказанныхъ Вирховомъ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Мюнхенѣ, гдѣ Вирховъ утверждалъ, что дарвинизмъ ведетъ къ социализму. „Какіе нелѣпыя взгляды на связь социализма съ ученіемъ о естественномъ подборѣ—имѣеть Дарвинъ, — господствуютъ, повиди-

*) Воспоминанія Эвелинга появились въ русск. пер. въ „Научн. Обзор.“ 1898 г.

мому, въ Германіи“. Фр. Дарвинъ видитъ въ этихъ словахъ указаніе на взгляды своего отца на этотъ „нѣкогда жгучій вопросъ“. Однако, этимъ утвержденіямъ не слѣдуетъ придавать особенной цѣны, такъ какъ на сѣздѣ Вирховъ говорилъ нелѣпости, и Дарвинъ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ совершенно справедливо отразилъ упреки Вирхова. Во всякомъ случаѣ, Дарвинъ былъ мало знакомъ съ рабочимъ движеніемъ и совершенно не задавался вопросомъ, какая можетъ быть связь его ученія съ ученіемъ историческаго матеріализма.

Кромѣ этихъ, совершенно случайныхъ, замѣчаній о рабочемъ вопросѣ, Дарвинъ долженъ былъ принципиально высказаться по вопросу объ отношеніи морали къ общественности, а именно тамъ, гдѣ, говоря о происхожденіи человѣка, онъ коснулся вліянія естественнаго подбора на интеллектуальную и культурную сторону человѣческой жизни. Въ главѣ „Вліяніе естественнаго подбора на цивилизованныя націи“ можно найти цѣлый рядъ интересныхъ мыслей, въ которыхъ Дарвинъ, примыкая къ ученію Грея, Уоллеса и Гальтона, развиваетъ свой взглядъ относительно вліянія естественнаго подбора на развитіе цивилизованнаго общества. Здѣсь мы должны сдѣлать одно замѣчаніе: Дарвинъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія провозгласить новую теорію нравственности, основанную на ученіи о развитіи и естественномъ подборѣ, ту теорію, которая,—въ противоположность принципамъ человѣчности и христіанства,—стремится поставить на первое мѣсто законъ борьбы за существованіе и принципъ подбора „лучшихъ“, и которую провозглашаютъ нѣкоторые черезъ-чуръ усердные сторонники Дарвина. Дарвинъ скорѣе имѣлъ въ виду объяснить, съ точки зрѣнія эволюціи, возникновеніе старыхъ всѣми признанныхъ нравственныхъ истинъ и пришелъ къ тому выводу, что соціальныя инстинкты, совмѣстно съ умственными силами и вліяніемъ привычки, приводятъ къ золотому правилу морали: „поступайте съ другими такъ, какъ вы хотите, чтобы съ вами поступали“, и этотъ принципъ, по мнѣнію Дарвина, является основою всей нравственности *). Въ немъ заключается общечеловѣческая мо-

*) Сравн. Ч. Дарвинъ, Происхожденіе человѣка и половой подборъ изд. О. Поповой или же изд. ред. „Научнаго Обзорія“ въ пер. М. Филиппова (стр. 117).

раль, которую мы находимъ какъ въ книгахъ восточныхъ мудрецовъ, такъ и въ христіанскомъ ученіи. Слѣдуетъ еще замѣтить, что Дарвинъ никогда не заходитъ такъ далеко, какъ многіе его послѣдователи, объясняющіе всѣ культурно-историческія явленія закономъ развитія посредствомъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Въ „Происхожденіи человѣка“ онъ замѣчаетъ: „Но какъ ни важна борьба за существованіе, однако въ вопросахъ, касающихся высшихъ сторонъ человѣческой природы, мы находимъ и другія, болѣе важныя вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, нравственныя качества, прямо или косвенно, зависятъ гораздо болѣе отъ вліянія привычки, способности разсуждать, образованія, религіи и т. п., чѣмъ отъ естественнаго подбора. Тѣмъ не менѣе, происхожденіе общественныхъ инстинктовъ, послужившихъ основаніемъ для развитія нравственнаго чувства, съ увѣренностью можно объяснить вліяніемъ естественнаго подбора“. Разумѣется, Дарвинъ не рѣшилъ этимъ вопроса о нравственности, а только перенесъ его на другую почву, ибо, желая сохранить послѣдовательность въ ученіи о развитіи, надо сначала отвѣтить на вопросъ, какимъ путемъ разсудокъ, вѣрованья и т. п. сами развились изъ чисто животныхъ инстинктовъ. Дарвинъ слишкомъ остороженъ, чтобы рѣшать трудный и темный вопросъ о прогрессѣ цивилизаціи посредствомъ одного естественнаго подбора. Онъ говоритъ о различныхъ установленіяхъ и средствахъ, о врачебныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью помощь слабымъ и больнымъ и способствующихъ оставленію ими потомства. Военская повинность подвергаетъ сильнѣйшихъ членовъ общества опасности ранней смерти, въ то время какъ малорослые и болѣе слабые имѣютъ возможность размножаться. Особенно интересно мнѣніе Дарвина о вліяніи естественнаго подбора въ экономической борьбѣ за существованіе: „Человѣкъ накапливаетъ собственность и оставляетъ ее дѣтямъ, *благодаря чему дѣти богатыхъ имѣютъ преимущества передъ дѣтьми бѣдняковъ, независимо отъ тѣлеснаго или душевнаго превосходства.* Съ другой стороны, дѣти недолговѣчныхъ, стало быть, въ среднемъ, болѣе слабыхъ здоровьемъ и тѣломъ, родителей раньше начинаютъ самостоятельную жизнь и раньше послѣднихъ вступаютъ въ бракъ, нежели другія дѣти, оставляя большее число потомковъ, наступающихъ слабую организа-

цію. Но само по себѣ наслѣдованіе собственности не составляетъ зла, такъ какъ безъ накопленія капитала не могли бы развиваться искусства, а благодаря имъ, цивилизованныя расы распространились и еще теперь увеличиваютъ свои владѣнія, вытѣсняя низшія расы. Также и умѣренное накопленіе богатства не мѣшаетъ процессу подбора. Когда бѣднякъ становится болѣе богатымъ, дѣти его начинаютъ заниматься торговлею или промыслами, гдѣ достаточно мѣста для борьбы и *идея наиболее сильный только и дуломъ всегда уступаетъ большае другимъ*. Существованіе извѣстнаго числа образованныхъ людей, неозабоченныхъ добычаніемъ насущнаго хлѣба, имѣетъ огромное значеніе. *Въ самомъ дѣлѣ, вся высшая умственная работа производится ими*, а отъ этой работы зависитъ, главнымъ образомъ, матеріальный прогрессъ всякаго рода, не говоря уже о другихъ вышнихъ преимуществахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень большое богатство мало-по-малу превращаетъ людей *въ бесполезныхъ трутней*, но число такихъ богачей никогда не бываетъ велико; притомъ же оно нерѣдко подвергается самопроизвольному сокращенію, такъ какъ мы *ежедневно* видимъ, что богатые люди, въ дѣтствіе расточительности или глупости, проматываютъ все свое состояніе“ *).

Въ этихъ положеніяхъ „дарвинистической“ соціальной политики многое справедливо, но многое невѣрно и непонятно, но объясняется тѣмъ, что Дарвинъ недостаточно глубоко понимаетъ экономическую жизнь. Совершенно справедливо подчеркиваетъ онъ, что дѣти богатыхъ и бѣдныхъ, независимо отъ способностей, заранѣе находятся *въ неравныхъ условіяхъ борьбы*. Противъ накопленія и наслѣдованія общественнаго, но не частнаго, капитала нельзя ничего возразить, такъ какъ оно есть необходимое экономическое условіе высшей культуры, —однако, необходимость *индивидуально* накопленія и наслѣдованія капиталовъ можетъ быть подвергнута сомнѣнію, и, во всякомъ случаѣ, не вытекаетъ, какъ слѣдствіе естественнаго подбора: въ торговлѣ и промышленности преуспѣваетъ далеко не всегда наиболѣе одаренный тѣлесно и духовно. Да и вообще, трудно истолковать соціально-политическія воззрѣнія Дарвина въ смыслѣ противорѣчій или согласія ихъ съ ученіемъ социалистовъ. Онъ слишкомъ осто-

* Дарвинъ. „Происх. человека“. (Въ пер. М. Филиппова стр. 125—6).

рожный мыслитель, чтобы принципиально рѣшить трудный и запутанный вопросъ о социальномъ прогрессѣ: онъ то признаетъ, то отрицаетъ вліяніе естественнаго подбора. Интеллектуальный и матеріальный прогрессъ онъ, очевидно, приписываетъ вліянію этого фактора, относительно же нравственнаго прогресса не можетъ установить этого вліянія, ибо послѣдній прямо противодѣйствуетъ естественному подбору. Будущее человѣчества зависить, по его мнѣнію, отъ неизбѣжной конкуренціи и подбора: „Человѣкъ, подобно всякому животному, поднялся до настоящаго высокаго уровня путемъ борьбы за существованіе, возникающей какъ слѣдствіе быстрого размноженія. Если человѣку суждено подвинуться еще впередъ, то необходимо, чтобы онъ остался подъ вліяніемъ жестокой борьбы. Иначе онъ скоро предастся лѣни, и болѣе одаренные люди не выдвинутся въ жизненной борьбѣ. Поэтому, естественная быстрота размноженія человѣка не должна быть значительно задерживаема какими бы то ни было способами, несмотря на очевидное зло, создаваемое ею. Для человека должно быть открыто поприще свободной конкуренціи, и законъ и обычай не должны препятствовать наиболѣе способнымъ имѣть рѣшительный успѣхъ въ жизни и оставлять наиболѣе число потомковъ“. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ будетъ подробнѣе рассмотрѣно, насколько вѣрны эти взгляды, а пока ограничимся указаніемъ, что Дарвинъ самъ себя противорѣчитъ, когда развитіе высшихъ проявленій человѣческой жизни, именно нравственныхъ качествъ людей, приписываетъ дѣйствию другихъ причинъ, но не вліянію естественнаго подбора, и, на ряду съ этимъ, ставитъ будущій прогрессъ человѣчества въ зависимость отъ принциповъ размноженія, перенаселенія, конкуренціи и подбора. Совершенно справедливо, что свободная конкуренція есть необходимое условіе развитія общества, но лишь при равныхъ для *всѣхъ* вѣншихъ условіяхъ. Необходимо, чтобы дѣйствительно способнѣйшіе отъ природы имѣли больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ менѣе способные: съ этой стороны, нельзя было бы не согласиться съ ученіемъ Дарвина.

Такимъ образомъ, едва ли политическія воззрѣнія Дарвина могутъ съ какой нибудь стороны освѣтить социальный вопросъ нашего времени. Дарвинъ самъ въ своихъ писмахъ называетъ себя либераломъ и радикаломъ, а въ 1873 г. ра-

дикализмъ, по замѣчанію Ритчи, признавать не только одинъ принципъ *laissez-faire*. Другъ Дарвина, Уоллесъ, сообщаетъ, что Дарвинъ, въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ, выражать мало надежды на свѣтлую будущность человѣчества, и именно потому, что въ современной цивилизаціи принципъ естественнаго подбора не можетъ имѣть примѣненія, вслѣдствіе чего не всегда перевѣсъ остается за болѣе способными. Если это сообщеніе вѣрно, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то оно наноситъ рѣшительный ударъ буржуазнымъ дарвинистамъ, которые въ слѣпую оптимизмъ забываютъ либеральную идею „гармоніи общественныхъ интересовъ“ и рѣшаются усугублять несчастіе слабыхъ и бѣдныхъ своими насмѣшками надъ ихъ тѣлесной и духовной немощью.

3. Отношеніе Маркса и Энгельса къ дарвинизму.

Если мы изслѣдуемъ исторически источники научныхъ положеній современнаго марксизма, то окажется, что ихъ исходнымъ пунктомъ являются, во-первыхъ, нѣмецкая классическая философія, именно системы Гегеля и Фейербаха, во-вторыхъ, ученія французскихъ и англійскихъ социалистовъ, въ особенности Сень-Симона, Фурье и Оуэна, и, наконецъ, въ третьихъ, англійская политическая экономія, обоснованная Смитомъ и Рикардо. Вліяніе на марксизмъ новыхъ данныхъ естествознанія присоединилось позднѣе, когда основныя мысли марксизма нашли уже выраженіе въ составившемъ эпоху „Коммун. Манифестъ“ 1847 года. Было бы не цѣлесообразно разсматривать отдѣльно отношеніе къ дарвинизму Маркса и Энгельса, такъ какъ они были вполне солидарны въ своихъ главнѣйшихъ научныхъ принципахъ и, большею частью, даже сообща вырабатывали ихъ,—такъ что, по произведеніямъ Энгельса, можно дѣлать заключеніе о соответствующихъ взглядахъ Маркса. Марксъ и Энгельсъ пришли къ своему ученію о естественномъ развитіи человѣческаго общества не подъ вліяніемъ новѣйшаго естествознанія; ихъ идеи явились скорѣе самостоятельнымъ результатомъ изученія нѣмецкой классической философіи, которая также признаетъ принципъ всеобщаго развитія. Развитіе означало, съ метафизической точки зрѣнія, *саморазвитіе* абсолютнаго

духовнаго существа въ единичныхъ явленіяхъ природы, исторіи и общества. Это метафизическое ученіе о развитіи Марксъ и Энгельсъ свели къ реальному источнику и такимъ образомъ пришли къ идеѣ естественной исторіи человѣческаго общества, въ которой экономическія отношенія составляютъ базисъ всей духовной культуры. Поэтому Энгельсъ назвалъ эту теорію *экономически-историческимъ* матеріализмомъ или, такъ какъ она придерживалась метода гегелевской діалектики, *діалектическимъ* матеріализмомъ. Однако, историческій матеріализмъ въ основѣ своей слѣдуетъ тому самому методу, который примѣнилъ *біологическій* матеріализмъ Дарвина къ исторіи развитія органическаго міра растеній, животныхъ и человѣка. Подобно тому какъ Дарвинъ объясняетъ исторію животныхъ съ точки зрѣнія борьбы, или, вѣрнѣе, состязанія между видами за средства питанія, такъ Марксъ разсматривалъ исторію человѣческаго рода съ точки зрѣнія развитія въ борьбѣ за существованіе и, даже вѣрнѣе, съ точки зрѣнія политической и экономической классовой борьбы. Идея развитія и борьбы является, слѣдовательно, общимъ принципомъ въ пониманіи органическаго и социальнаго міра. Эту методологическую связь весьма ясно усмотрѣлъ Энгельсъ, замѣтивъ, что теоріи Маркса, по его мнѣнію, суждено слѣлаться такимъ же шагомъ впередъ въ пониманіи исторіи, какимъ является теорія Дарвина въ естествознаніи *). Эту, имѣющую весьма важное значеніе, принципиальную связь между ученіями Дарвина и Маркса совершенно не разсматривали тѣ изъ естествоиспытателей, которые выступили, какъ противники марксизма, даже не упомянувъ о ней ни однимъ словомъ.

Чтобы понять сущность историческаго матеріализма, этой пропикнутой естественно-научнымъ духомъ исторической и социологической теоріи, необходимо хотъ вкратцѣ выяснитъ понятіе о развитіи, какъ оно было выражено въ философіи Гегеля и затѣмъ Фейербаха. По Гегелю, система дѣйствительности есть саморазвитіе абсолютной идеи, въ которой скрывается старинное теологическое представленіе о Богѣ. Это саморазвитіе совершается діалектически, т. е. черезъ умопостагаемое развитіе, въ которомъ бытіе и мысль идентичны.

*) „К. Мачиѣ.“ 5-ое изданіе. Берлинъ, 1891, стр. 44.

Мѣсто вещей, чувствъ и представленій занимаютъ идеи, которыя должны выражать собой ихъ содержаніе. „Діалектика“, говоритъ Гегель, „есть та имманентная исходная точка зрѣнія, въ которой односторонность и ограниченность опредѣленій разума является тѣмъ, что она есть, т. е. ихъ отрицаніемъ. Все конечное есть то, что само себя уничтожаетъ. Діалектическое составляетъ, такимъ образомъ, движущую душу научнаго прогресса и оно—единственный принципъ, благодаря которому только и возникаетъ имманентная связь и необходимость въ содержаніи науки, и въ которомъ вообще заключается истинное, не вышнее возвышеніе надъ конечнымъ“ *).

Обыкновенный смертный воображаетъ, что *вещи* развиваются, какъ естественные предметы, согласно же воззрѣнію Гегеля развиваются не вещи, а ихъ понятія, въ которыхъ вещи входятъ идеальнымъ образомъ. Гегель признаетъ не реальное, а только идеальное развитіе природы въ пространствѣ и времени, или вѣрнѣе, реальное развитіе, по его мнѣнію, существуетъ только какъ развитіе идеальное. Этотъ абсолютный идеализмъ становится для насъ всего болѣе понятнымъ, когда мы знакомимся съ тѣмъ, какъ Гегель оспариваетъ естественно-реальное развитіе живыхъ существъ. Поучителенъ, въ этомъ отношеніи, § 249 его Энциклопедіи: „Можно разсматривать природу какъ *систему* ступеней развитія; каждая послѣдующая ступень necessarily происходитъ изъ предыдущей и является ближайшей истиной той ступени, изъ которой она вытекаетъ. Это, однако, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что каждая послѣдующая ступень происходитъ естественнымъ образомъ изъ предыдущей: она происходитъ лишь вслѣдствіе развитія внутренней идеи, образующей основу вышней природы. Превращеніе присуще лишь понятію, какъ таковому, такъ какъ лишь его измѣненіе есть развитіе. Но понятіе въ природѣ есть отчасти лишь пѣчто внутреннее, отчасти существующее лишь какъ живой индивидуумъ; этимъ послѣднимъ поэтому ограниченъ существующій метаморфозъ. Неудачно представленіе древней и новѣйшей натуръ-философій, будто развитіе и переходъ какой либо природной формы или сферы въ высшую есть

*) Энциклопедія. Берлинъ 1870. стр. 103—104.

продуктъ внѣшней дѣйствительности, которую, однако, для большей ясности, отнесли къ мраку отдаленнаго прошедшаго. Природѣ какъ разъ свойственна чистая внѣшность, здѣсь обособляются различія и выступаютъ затѣмъ какъ безразличныя, не связанныя между собою существованія; діалектическое понятіе, направляющее ступени развитія, и есть внутреннее ихъ содержаніе. Мыслящее созерцаніе должно воздержаться отъ такихъ туманныхъ представленій, какъ въ основѣ чувственныхъ въ особенности, ошибочно такъ называемое, происхожденіе растеній и животныхъ изъ воды или, затѣмъ, ученіе, будто животныя съ болѣе развитой организацией произошли отъ низшихъ и т. п.“

Заслуга Людвигъ Фейербаха заключается въ томъ, что онъ свелъ этотъ удивительный идеализмъ къ его реальному источнику: къ чувственной сущности человѣка и природы. Фейербахъ называетъ умозрительную философію Гегеля философіей въ состояніи сомнамбулизма и „пьяной (betrunkene) философіей“. Поэтому, говоритъ онъ, философія должна отрезвиться. Тогда она станетъ для духа тѣмъ же, чѣмъ чистая ключевая вода для тѣла. Философія Гегеля виситъ въ воздухѣ,—его (т. е. Фейербаха) философія твердо стоитъ обѣими ногами на землѣ.

Ключъ къ умозрительной философіи доставляетъ антропология, и стоитъ эту философію только повернуть, чтобы получить открытую, чистую и ясную истину. Тайну вѣрованій составляетъ чувственный человѣкъ. Человѣкъ есть то, что онъ есть. Этой разгадкой вѣрованій путемъ вывода ихъ изъ чувственныхъ и матеріальныхъ потребностей человѣка, *антропологическій* матеріализмъ Фейербаха приближается къ *экономическому* матеріализму Маркса и Энгельса. Такъ Марксъ считаетъ свой собственный діалектическій методъ не только отличающимся, по своимъ основамъ, отъ діалектическаго метода Гегеля, но и прямо ему противоположнымъ: „у меня, наоборотъ, идеальное есть лишь матеріальное, превращенное и видоизмѣненное въ головѣ человѣка“. Точно также и Энгельсъ, въ своей критикѣ философіи Фейербаха, говоритъ, что въ новомъ ученіи діалектическое развитіе сведено къ причинной связи. Прежде всего Марксъ и Энгельсъ разсматриваютъ, слѣдуя діалектическому методу историческаго матеріализма, писанную исторію человѣчества. Въ ней они ви-

дять рядъ сѣдующихъ другъ за другомъ въ пространствѣ и во времени общественныхъ стадій, въ которыхъ орудія труда являются не только показателемъ развитія человѣческой рабочей силы, но и указателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ происходитъ процессъ труда. Экономическая структура общества есть реальный базисъ, надъ которымъ во всякую данную эпоху воздвигается, какъ надстройка, общественное сознание. Это указаніе на родъ и степень развитія средствъ производства, на орудія труда, посредствомъ которыхъ общество создаетъ основу всякой высшей культуры, и въ зависимости отъ которыхъ совершается внутри общества борьба за существованіе,—это указаніе означаетъ принципиальную связь съ естественно-научнымъ методомъ Дарвина. Въ крайне содержательномъ, весьма интересномъ примѣчаніи, на одной изъ страницъ „Капитала“, Марксъ приводитъ свою экономическую теорію развитія общественныхъ формъ въ болѣе близкую методологическую связь съ дарвиновой біологической теоріей развитія животныхъ видовъ. Въ главѣ о развитіи машинъ Марксъ замѣчаетъ: „Дарвинъ обратилъ вниманіе на исторію естественной техники, т. е. на образованіе растительныхъ и животныхъ органовъ, какъ орудій, необходимыхъ для жизни растений и животныхъ. Развѣ исторія развитія орудій производства, которыми пользуется человѣкъ, какъ общественное существо, т. е. исторія матеріальнаго базиса всякой данной общественной организациі—не заслуживаетъ подобнаго же вниманія? И развѣ не легче было бы написать подобную исторію, ибо, какъ выразился Вико, исторія людей только тѣмъ отличается отъ естественной исторіи, что люди первую сдѣлали сами, тогда какъ вторую сдѣлали не люди? Состояніе техники, раскрываетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, обнаруживаетъ непосредственный процессъ производства, необходимый для жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняетъ процессъ образованія его общественныхъ отношеній и возникающихъ отсюда умственныхъ представленій. Всякая исторія, даже исторія религій, отвлекающаяся отъ указаннаго матеріальнаго базиса, не-критична. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо легче найти земное начало посредствомъ анализа туманныхъ религіозныхъ представленій, чѣмъ, наоборотъ, изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній развитъ соотвѣтствующія

имъ небесныя формы. Этотъ послѣдній методъ есть единственный матеріалистическій и потому научный методъ. Недостатокъ абстрактнаго естественно-научнаго матеріализма, устраняющаго историческій процессъ, становится очевиднымъ уже изъ абстрактныхъ и идеологическихъ представленій его глашатаевъ, какъ только они выходятъ изъ области своей специальности“ *). Итакъ, Марксъ проводитъ параллель между животной органологіей и общественной техникой. Больше глубокое генетическое изслѣдованіе укажетъ намъ на существованіе общей законѣрности въ значеніи органовъ и орудій труда: отъ тѣхъ и другихъ одинаково зависятъ жизненныя отношенія животныхъ и людей, и если физиологія животныхъ указываетъ намъ на связь физическаго состоянія органовъ животнаго, въ особенности его первной организаціи, со степенью развитія его духовной и социальной жизни, то необходимымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ этой мысли является ученіе, которое видитъ въ организаціи орудій труда человѣка, стоящихъ выше органовъ животнаго, матеріальный базисъ духовнаго и социального развитія людей. Этотъ экономическій естественно-научный методъ изученія человѣческой исторіи Марксъ видитъ уже примѣненнымъ въ изслѣдованіяхъ доисторической жизни человѣка. „Хотя въ историческихъ сочиненіяхъ, которыя писались до сихъ поръ, мало обращалось вниманія на развитіе производства матеріальныхъ благъ, т. е. на основы всей общественной жизни и, слѣдовательно, всякой дѣйствительной исторіи, однако, при описаніи доисторической жизни исходили изъ естественно-научныхъ, а не такъ называемыхъ историческихъ изслѣдованій, а именно, смотря по матеріалу, изъ котораго сдѣланы были орудія труда и оружія, подраздѣляли до-историческую эпоху на вѣка—каменный, бронзовый и желѣзный“ **).

Энгельсъ пишетъ, что Марксъ предполагалъ привести въ связь изслѣдованія Морганъ о первобытномъ обществѣ съ

*) „Капиталъ“. Т. I, изданіе 2. Гамбургъ 1872 г., стр. 385.

Марксъ вспоминаетъ въ „Капиталѣ“ еще разъ о составившемъ эпоху сочиненіи Дарвина „О происхожденіи видовъ“, когда проводитъ аналогію между раздѣленіемъ труда въ человѣческихъ орудіяхъ и раздѣленіемъ труда въ естественныхъ органахъ растений и животныхъ.

**) „Капиталъ“. Стр. 166.

выводами своего материалистического понимания истории и такимъ образомъ впервые выяснитъ все значеніе этихъ изслѣдованій. Энгельсъ сообщаетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія, изъ которыхъ ясно, что Марксъ пытался дополнить свою экономическую теорію физиологическими соображеніями. По поводу же материалистическаго пониманія истории Марксъ высказываетъ взглядъ, что опредѣляющимъ моментомъ истории въ послѣдней инстанціи является *производство и воспроизводство* самой жизни. Это производство, въ свою очередь, бываетъ двоякаго рода: оно есть или производство средствъ существованія—пищи, одежды, жилья и необходимыхъ для этого орудій, или воспроизводство самого человѣка, т. е. продолженіе рода. Общественныя учрежденія, при которыхъ живутъ люди данной страны въ данную историческую эпоху, обуславливаются обоими родами производства: исторіей развитія, съ одной стороны, труда, съ другой—семьи*).

Организація труда и семьи, дѣйствительно, составляетъ матеріальныя, т. е. техническія и органическія, основы всякой соціальной естественной истории, и въ этомъ заключается основной принципъ историческаго материализма.

Однако, признавая этотъ принципъ, мы не обязаны слѣпо вѣрить отдѣльнымъ выводамъ, которые дѣлаютъ изъ него Марксъ и Энгельсъ. Необходимо имѣть въ виду, что Марксъ не обосновалъ своей теоріи въ видѣ стройной системы, и что съ прогрессомъ положительной науки детальное обоснованіе основныхъ мыслей Маркса необходимо должно измѣниться. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ будетъ подробно доказано, что основную мысль историческаго материализма можно выразить слѣдующимъ образомъ: съ точки зрѣнія истории развитія, человѣкъ возвысился надъ прочимъ органическимъ міромъ лишь благодаря орудіямъ труда; логическое мышленіе и техническая дѣятельность обуславливаются взаимно; какъ нельзя отдѣлить индивидуальное сознаніе отъ тѣлеснаго организма личности, такъ историческое изслѣдованіе и родовое сознаніе человѣчества нельзя отдѣлить отъ экономической организаціи общества.

Выражая вкратцѣ отношеніе Маркса къ дарвинизму, мы можемъ сказать, что Марксъ вполне обосновалъ естественно-

*) Фридрихъ Энгельсъ. „Происхожденіе семьи“. Изд. 4. Штутгартъ 1892. Предисловіе къ 1-му изданію.

научную теорію человѣческой исторіи: идея естественнаго развитія составляла краеугольный камень его теоріи, но Марксъ никогда не думалъ объяснять направление и форму общественнаго развитія теоріей естественнаго или социальнаго подбора. Сдѣлать это ему помѣшало его остроумный анализъ системы частнаго капиталистическаго хозяйства, ибо этотъ анализъ раскрыть передъ нимъ тайну свободной конкуренціи въ такомъ видѣ, что она можетъ повліять на что угодно, только не на человѣческій подборъ и развитіе лучшихъ представителей общества. Съ другой стороны, мы должны указать и на то, что Марксъ въ своей теоріи рассматриваетъ человѣка, являющагося не только носителемъ, но и цѣлью всего хозяйственнаго процесса, лишь какъ экономическую, а отнюдь не какъ антропологическую, или, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, психологическую категорію; благодаря этому, явилась возможность расширить біологическое воззрѣніе за предѣлы животнаго міра и такимъ образомъ привести экономическій матеріализмъ въ связь съ универсальной теоріей естественнаго развитія. Между тѣмъ однихъ экономическихъ понятій недостаточно для изученія прогресса въ человѣческой культурѣ,—кромѣ нихъ, необходимы еще понятія, заимствуемые изъ фізіологій и общей біологій, какковы—дифференціація, приспособленіе и наследственность; необходимо также специально изслѣдовать, вліяетъ ли естественный подборъ на экономическую, личную и классовую борьбу въ обществѣ, или почему онъ не можетъ вліять, и что занимаетъ его мѣсто. Этихъ вопросовъ не касались ни Марксъ, ни Энгельсъ.

Отношеніе Энгельса къ ученію Дарвина выражено въ его полемической брошюрѣ противъ Дюринга *). Энгельсъ стоитъ

*) Въ видѣ примѣчанія приведемъ здѣсь взгляды Дюринга на теорію Дарвина и ея примѣненіе къ общественной жизни. Дарвинизмъ, по словамъ Дюринга, есть „изслѣдованіе природы, опять уклонившееся въ сторону умозрительныхъ измышлецій, въ значительной смѣси съ деморализующими ученіями—исходный пунктъ для возвеличенія жестокости“. Въ настоящее время, представляемая съ точки зрѣнія Дарвина деморализующая борьба за существованіе сдѣлалась яко бы „популярнымъ паролемъ и средствомъ теоретическаго прикрашиванія самаго безстыднаго эгоизма“. Основывать свое собственное благополучіе на гибели другихъ—вотъ тотъ принципъ, который въ цинической наготѣ слѣдуетъ изъ теоріи борьбы за существованіе. Перенесеніе этого принципа во всѣ частныя и общественныя

конечно, на точкѣ зрѣнія теоріи Дарвина и защищаетъ ее отъ нападокъ Дюринга. Однако онъ не переноситъ ея цѣлкомъ въ теорію человѣческаго общества. И въ обществѣ идетъ борьба за существованіе; мы видимъ, что люди трудятся, наблюдаемъ процессъ раздѣленія труда и переходъ отъ низшихъ къ высшимъ формамъ общественной жизни,—однако условія, подъ вліяніемъ которыхъ протекаетъ общественная исторія, отличаются отъ условій, господствующихъ въ органической исторіи животнаго міра. Буржуазные дарвинисты, подъ вліяніемъ своей односторонности, впадаютъ въ грубую ошибку, смѣшивая буржуазную конкуренцію капиталистическаго общества съ общимъ понятіемъ борьбы за существованіе, какъ оно установлено Дарвиномъ.

Что касается научнаго анализа капиталистическихъ способовъ производства и конкуренціи, представленнаго Марксомъ и Энгельсомъ, то этимъ я займусь потомъ, когда коснусь вопроса объ отношеніи дарвинизма къ задачамъ соціальной политики. Здѣсь я только вкратцѣ разсмотрю, какъ Энгельсъ понимаетъ экономическую конкуренцію. Развитіе повѣйшей промышленности онъ представляетъ слѣдующимъ образомъ: „*Поле труда превращается въ арену борьбы*. Великія географическія открытія и сопровождающая ихъ колонизація во много разъ увеличили предѣлы сбыта и ускорили превращеніе ремесла въ мануфактурное производство. Борьба возникла не только между отдѣльными мѣстными производителями: она расширилась до борьбы между цѣлыми на-

отношенія личностей и народовъ является, въ настоящее время, яко бы главнымъ средствомъ, при помощи котораго вѣрнѣе всего идетъ впередъ всеобщая деморализація. Эта компрометирующая всю жизнь испорченность уничтожаетъ всякое довѣріе человѣка къ человѣку; она отыскала теоретическій ядъ, необходимый ей для полнаго уничтоженія нравственности, главнымъ образомъ, въ ученіи о борьбѣ за существованіе и воспользовалась имъ по всѣмъ направленіямъ—какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. „Der Werth des Lebens“ 5 Aufl. Leipzig 1894. S. 36—42. Если возмущеніе Дюринга противъ ложнаго и односторонняго примѣненія принциповъ Дарвина къ общественной жизни и основательно, то его неумѣстные выраженія противъ дарвинизма, какъ теоріи зоологической, являются холостымъ выстрѣломъ. Дюрингъ полагаетъ, что историкъ нравовъ сможетъ написать въ ближайшемъ будущемъ еще одну главу о позорномъ образѣ мыслей настоящаго времени, но не сможетъ изложить научной теоріи. Въ этомъ случаѣ Дюрингъ вполне заслужилъ рѣзкій отвѣтъ Энгельса.

ціями и вызвала торговля войны XVII и XVIII вѣковъ. Наконецъ, крупная промышленность и возникновеніе мірового рынка сдѣлали борьбу всеобщей и сообщили ей неслыханную силу. Естественныя или искусственныя условія производства рѣшаютъ споръ въ борьбѣ за существованіе, какъ между отдѣльными капиталистами, такъ и цѣлыми производствами и даже странами. Павшему въ борьбѣ нѣтъ пощады. *Борьба за существованіе, изслѣдованная Дарвиномъ*, перенесена изъ природы съ усиленною яростью въ общество. *Природное состояніе животныхъ* дѣлается высшимъ принципомъ человѣческаго общества“ *).

Никакое дарвинистическое построеніе соціального міра не сможетъ лучше охарактеризовать капиталистическое общество согласно законамъ естествознанія, но если мы пожелаемъ изслѣдовать вліяніе подбора наиболѣе приспособленныхъ въ этой экономической борьбѣ, то мы не увидимъ, чтобы побѣждали лучшіе и болѣе совершенные представители человѣчества, которые производили бы высшія и болѣе совершенныя расы. Нѣтъ,—вслѣдствіе различныхъ причинъ—переживаютъ и размножаются далеко не лучшіе люди; совершенствуется не отдѣльный человѣкъ, не личность, а машина, дѣлающая примѣненіе человѣческой силы излѣпленнымъ. Если продолжать аналогію до конца, то переживаніе сильнѣйшихъ является здѣсь въ видѣ накопленія тѣхъ производительныхъ силъ, которыя означаютъ рабочую силу *не индивидуальную, а общественную—въ видѣ накопленія капитала*. И капиталистическая борьба—конкуренція—проявляетъ этотъ независимый отъ человѣка техническій результатъ только потому, что производительныя силы машины не зависятъ отъ отдѣльнаго человѣка и представляютъ общественную рабочую силу. Такимъ образомъ, и въ общественной жизни результатъ борьбы за существованіе также проявляется въ совершенствованіи органовъ, но не индивидуальных и фізіологическихъ органовъ человѣка, а общественных и техническихъ, отдѣленныхъ отъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ человѣка. Въ этомъ заключается основное различіе результатовъ органической и общественной борьбы за существованіе.

Энгельсъ требуетъ прекращенія борьбы за существованіе

*) Friedrich Engels. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft 2 Auflage. Hottingen-Zürich, стр. 260.

отдѣльныхъ лицъ, понимая подъ ней, конечно, капиталистическій способъ борьбы. „Съ прекращеніемъ индивидуальной борьбы человѣкъ, въ извѣстномъ смыслѣ, окончательно отдѣлится отъ животнаго міра и изъ условій животнаго существованія перейдетъ въ истинно-человѣческія“. Это, однако, не значить, что должно наступить страшное для нѣкоторыхъ дарвинистовъ равенство людей. Здѣсь заключается лишь требованіе уравниенія классовыхъ различій. „Всякое требованіе иного равенства необходимо приводитъ къ абсурду“.

Конечно дарвинистическіе соціалъ-политики, ошибочно усматривающіе въ образованіи сословій результатъ естественнаго подбора, признаютъ уничтоженіе классовъ также „противнымъ природѣ“.

ГЛАВА II.

» Сторонники научных и политических взглядовъ Маркса и Энгельса, главнымъ образомъ въ Германіи, интересовались связью дарвинизма и марксизма больше, чѣмъ основатели ученія. Раньше и глубже всего дарвинизмъ проникъ въ народное сознаніе Германіи, въ ея же политической и литературной жизни нашелъ широкое распространеніе и марксизмъ. Младшія поколѣнія марксистовъ развивались подъ вліяніемъ обоихъ умственныхъ теченій, такъ что имъ особенно желательно было привести оба эти ученія въ тѣсную связь и найти въ дарвинизмѣ возможную опору и дополненіе для своихъ соціологическихъ построеній. Однако, и здѣсь служила главнымъ мотивомъ скорѣе общая идея развитія, побуждавшая къ сравненію обоихъ областей; изслѣдователи желали найти въ теоріи органической эволюціи болѣе глубокое научное обоснованіе своихъ соціально-политическихъ взглядовъ на общественные перевороты. Съ другой стороны, критика ученія о сверхъестественномъ происхожденіи организмовъ, вытекающая изъ теоріи Дарвина, привлекала умы, которые желали покончить съ ученіемъ о предопредѣленіи и со всякой мистикой, не только въ естествознаніи, но и въ исторіи. Однако, старшее поколѣніе марксистскихъ приверженцевъ Дарвина очень мало останавливалось надъ основнымъ положеніемъ дарвинизма, именно *ученіемъ о подборѣ*, т. е. о совершенствованіи путемъ подбора въ борьбѣ за существованіе. Причиной подобнаго невниманія можно было бы счесть инстинктивное предчувствіе опасности, которая, повидному, скрывалась въ ученіи о подборѣ для соціологическихъ тео-

рій и убѣжденій изслѣдователей,—на самомъ же дѣлѣ, оно объяснялось тѣмъ, что изслѣдователи считали роль естественнаго подбора болѣе важной для окружающей человѣка органической жизни, чѣмъ для исторіи цивилизаціи и будущаго общественнаго строя. Да и вполне естественно отвергать ученіе о подборѣ въ человѣческомъ обществѣ, такъ какъ всѣ попытки научнаго объясненія исторіи культуры съ точки зрѣнія подбора въ борьбѣ за существованіе были частью очень несовершенны, частью лишены всякаго значенія.

Первую попытку доказать зависимость марксизма отъ дарвинизма представляетъ небольшая статья неизвѣстнаго автора, появившаяся въ 1873 г. въ одномъ популярномъ иѣмецкомъ органѣ, занимавшемся, главнымъ образомъ, вопросомъ о рабочихъ союзахъ. Авторъ съ большой проищательностью угадалъ родство гениальныхъ произведеній Дарвина и Маркса. По его мнѣнію, и поэтъ не могъ бы придумать болѣе интереснаго момента, чѣмъ тотъ, когда Дарвинъ и Марксъ, современники и жившіе въ одной странѣ, но лично незнакомые другъ съ другомъ, работая въ совершенно различныхъ научныхъ областяхъ, пришли, путемъ глубокихъ и остроумныхъ изслѣдованій, къ аналогичнымъ выводамъ, одинаково важнымъ, взаимно-подтверждающимъ и дополняющимъ другъ друга. Хотя, продолжаетъ авторъ, до сихъ поръ мало останавливались надъ этимъ, но *теорія Дарвина есть, несомнѣнно, важная опора для марксизма*, такъ сказать, безсознательно санкціонирующая этотъ послѣдній съ точки зрѣнія естествознанія, въ томъ смыслѣ, что дарвинизмъ, глубоко проникая въ жизнь органической природы, неизбежно приводитъ къ строгому признанію равенства людей.

Подъ равенствомъ авторъ, конечно, не понимаетъ тождества индивидуальныхъ чертъ всѣхъ людей, въ чемъ его упрекали противники; это равенство онъ понимаетъ въ смыслѣ естественно-историческомъ, т. е. какъ равенство общихъ признаковъ и какъ единство происхожденія, ибо „каждая отдѣльная особь есть произведеніе природы и стало быть имѣетъ одинаковыя съ прочими права на природу“, въ томъ смыслѣ, что человѣкъ не имѣетъ права требовать для себя „особыхъ исключеній“ изъ естественнаго хода событий. Именно въ этомъ смыслѣ повия положенія философіи

естествознанія доставляютъ строго логическое доказательство основнаго положенія всѣхъ демократическихъ теорій, т. е. естествознаніе является опорой ученія о равенствѣ и братствѣ всѣхъ людей. Какъ мало имѣетъ авторъ въ виду равенство индивидуальныхъ чертъ и способностей людей, видно изъ того, что онъ отвергаетъ пошлую фразу о „раздѣлѣ“, которая производила одно время необычайное смущеніе въ умахъ филистеровъ.

Въ 1874 г. появилась книга Леопольда Якоби, подъ заглавіемъ „Идея развитія“ *). Въ ней дается соціально-философское изображеніе исторіи человѣчества на почвѣ дарвинизма и марксизма. Вирховъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду именно эту книгу, когда упрекать дарвинизмъ въ томъ, что онъ яко бы приводитъ къ „соціализму“. Въ своихъ взглядахъ на природу и общество Якоби исходитъ изъ идеи развитія; хотя порой его разсужденія мечтательны, и фантазія поэта въ нихъ смѣшивается съ разсудкомъ мыслителя, однако, въ общемъ, онъ все-таки постигъ сущность основной зависимости между естественно-историческимъ ученіемъ Дарвина и соціологическою теоріею Маркса. Очень интересна параллель, которую проводитъ Якоби между „Происхожденіемъ видовъ“ и „Капиталомъ“. Книга Дарвина, по его мнѣнію, знаменуетъ собою начало переворота во всѣхъ областяхъ естествознанія и философіи. „Въ томъ самомъ году, когда появилось сочиненіе Дарвина, было положено начало и другому знаменательному перевороту въ области знанія; этотъ переворотъ, преслѣдовавшій тѣ же цѣли, но совершенно въ иномъ направленіи былъ начатъ книгою, остававшейся нѣкоторое время незамѣтной, именно „Критикой нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ Маркса. Шестью годами позднѣе тотъ же авторъ издалъ другой свой трудъ „Капиталъ“. Значеніе послѣдняго для пониманія общественнаго развитія столь же велико, какъ и значеніе „Происхожденія видовъ“ для пониманія органическаго развитія вплоть до человѣка“. „Капиталъ“, по мнѣнію автора, продолжаетъ и дополняетъ „Происхожденіе видовъ“ и „Происхожденіе человѣка“. Трудъ Дарвина приподнимаетъ таинственную завѣсу, за которой скрывалось прошедшее человѣчества; трудъ же Маркса сни-

*) L. Jacoby. Die Idee der Entwicklung. Eine socialphilosophische Darstellung. 2-e Auflage. Zürich 1886.

маеть покровъ тайны съ современной человѣческой жизни. „Происхожденіе видовъ“ открываетъ слѣды развитія чело-
вѣка, восходя до отдаленнѣйшихъ временъ и формъ жизни
и научаетъ людей оглядываться на безконечное прошлое: Марксъ доказываетъ, что капиталъ представляетъ ничто иное,
какъ распоряженіе неоплаченнымъ трудомъ, какъ продуктъ
неоплаченнаго рабочаго времени, т. е. источникъ его—неспра-
ведливость; книга Маркса раскрываетъ шагъ за шагомъ наи-
болѣе скрытыя причины возникновенія этой несправедливости
и учитъ челоѣка разсматривать все челоѣчество и изслѣ-
довать общественныя условія современной эпохи съ истори-
ческой точки зрѣнія. Это двѣ могущественныя, недавно
воздвигнутыя, основы челоѣческаго знанія“. Опираясь на
нихъ, можно заглядывать въ отдаленнѣйшее будущее и дѣ-
лать выводы относительно естественной необходимости про-
гресса въ развитіи челоѣчества, хотя здѣсь часто, впрочемъ,
неизбѣжны ошибки и недочеты. *Борьба за развитіе должна въ
будущемъ ограничиться соперничествомъ въ области нравственнаго и
умственнаго сознанія*, т. е. развитіемъ челоѣческаго мозга,
которое повлечетъ за собой торжество правды и красоты.
Этотъ магическій выводъ, по мнѣнію Якоби, долженъ слу-
жить источникомъ безконечной радости для каждаго мысля-
щаго челоѣка. *Грубая матеріальная борьба за существованіе до
сихъ поръ происходитъ между людьми*; при современномъ спо-
собѣ производства она самымъ грубымъ образомъ выражается
въ свободной конкуренціи; но съ пробужденіемъ полнаго
сознанія она должна прекратиться—въ этомъ различіе чело-
вѣческой жизни отъ жизни растительной и животной. Ал-
чность, страсть къ наживѣ, появляющіяся и дѣйствующія
безъ идеи и цѣли, безъ смысла и плана, должны исчезнуть,
разъ не будетъ разумнаго основанія для ихъ дальнѣйшаго
существованія,—ибо онѣ противоположны любви и всегда и
вездѣ вызываютъ ненависть.

*Великимъ проводникомъ равенства между людьми является ка-
питалъ*. Будущая культурная эпоха, всецѣло опираясь на
познаніе законовъ развитія будетъ признавать только одно
различіе между людьми, устанавливаемое самой природой.
На этомъ естественномъ различіи въ большинствѣ случаевъ,
основана вся прелесть челоѣческой жизни. Это различіе
существующее между мужчиной и женщиной; будущая эпоха

приметь его такимъ, какимъ оно дается самой природою, т. е. усмотрить въ немъ взаимное дополненіе двухъ одинаково высоко стоящихъ въ обществѣ элементовъ, лишь въ своей совокупности завершающихъ цѣльность человѣческой природы. Въ каждомъ цѣльномъ человѣкѣ слѣдуетъ усматривать способное къ развитію существо; задача социальной политики должна состоять въ томъ, чтобы въ этомъ смыслѣ способствовать равенству, т. е. содѣйствовать этому развитію во всѣхъ областяхъ жизни и возможно скорѣе воплотить его въ дѣйствительности. Стало бытъ, социальная политика достигаетъ того же, чего достигъ капиталъ? Нѣтъ, какъ разъ обратнаго! Господство капитала дѣлаетъ все одинаково низкимъ, плоскимъ и пошлымъ, господство же социальной идеи, наоборотъ, дѣлаетъ все высокимъ и прекраснымъ. *Равенство не исключаетъ многообразія и разносторонности индивидуумовъ,* каждая личность имѣетъ свои, ей одной присущія, особенности. Въ развитіи каждой личности одерживаетъ верхъ то или иное основное направленіе, отличающее ее отъ другихъ личностей: но всѣ эти тенденціи имѣютъ *равную цѣнность*, такъ какъ красота можетъ принять безконечно многія, одинаково равноцѣнныя между собою, направленія, совокупность же этихъ тенденцій опредѣляетъ все общественное развитіе. Поэтъ въ душѣ, Якоби создаетъ, такимъ образомъ, эстетическую теорію общества.

Развитіе чувства красоты въ человѣкѣ есть цѣль, которую должно преслѣдовать общество, ибо, по мнѣнію Якоби, это чувство лежитъ въ природѣ человѣка, и стремленіе къ красотѣ есть высшая радость его жизни. Легко послѣ этого понять, почему мысли Якоби были плохо поняты теоретиками социальной конкуренціи и были отвергнуты, какъ утопическія.

Болѣе подробное изслѣдованіе о связи дарвиновой теоріи съ ученіемъ Маркса сдѣлано Полемъ Лафаргомъ въ небольшой, но интересной брошюрѣ „Экономическій матеріализмъ Карла Маркса“ (1886 г.); Лафаргъ, разумѣется, стоитъ на точкѣ зрѣнія теоріи естественнаго развитія, хотя онъ по отношенію къ происхожденію видовъ и не признаетъ исключительнаго значенія теоріи выживанія наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе.

Ч. Дарвинъ, величайшій естествоиспытатель, одинъ изъ

глубочайшихъ мыслителей нашего времени, вдохнувшій новую жизньъ въ теоріи Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера. пытался доказать, что *общественное неравенство есть естественная необходимость*. Этимъ воспользовались прихвостни науки, питающіеся крохами съ роскошнаго стола геніевъ; по ихъ остроумному мнѣнію, теорія Дарвина рѣшительно опровергаетъ идею любви и братства: въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ наиболѣе одаренные и приспособленные (the fittest), а потому, умозаключаютъ они, земныя блага принадлежать по праву безполезнымъ глупцамъ, лишь бы они обладали властью присвоенія. Макъ-Магонъ, Луи-Наполеонъ—вотъ кого вопли справедливо выдвигаетъ борьба за существованіе; биржевые маклера, въ родѣ Бонту, заслуженно владѣютъ богатствами общества; дивиденды желѣзныхъ дорогъ, копеекъ и фабрикъ должны утолять мощну бездѣльниковъ, лишь бы они владѣли акціями и облигаціями. Наоборотъ, несчастіе, физическое и духовное прозябаніе есть достойное вознагражденіе за трудъ, физическую энергію и умственныя силы трудящихся классовъ. Однако, социологамъ этого „дарвинистическаго“ направленія никогда не удастся исказить науку настолько, чтобы сдѣлать ее средствомъ духовнаго гнета.

Наука всегда была и будетъ прогрессивною, отъ нея исходятъ величайшіе перевороты; предрасудки, при помощи которыхъ отдѣльные люди и цѣлыя слои общества стараются оправдать причиняемое ими зло, всегда исчезаютъ подъ вліяніемъ науки. На первый взглядъ теорія Дарвина какъ бы санкціонируетъ социальное неравенство, на самомъ же дѣлѣ она ведетъ къ отрицанію такого общественнаго строя, при которомъ нищета есть удѣлъ болѣе способныхъ, а богатство менѣе способныхъ членовъ общества, такъ какъ именно подобный строй попираетъ всѣ законы органическаго развитія.

Въ природѣ происходитъ борьба за существованіе, и естественный подборъ имѣетъ въ ней полное примѣненіе: въ борьбѣ за жизньъ побѣждаютъ болѣе одаренные и лучше другихъ приспособленные къ окружающимъ условіямъ природы. Однако естественный и половой подборъ—это геніальное открытіе Дарвина—далеко не объясняетъ всѣхъ явленій жизни. Многое можетъ быть объяснено лишь закономъ

уравновѣшенія и взаимной зависимости органовъ. Растенія и животныя опредѣленной мѣстности вліяють другъ на друга посредствомъ *ассоціаціи*, подобно тому, какъ составныя части организма обусловливають другъ друга. *Материнская* любовь сильно развита у животныхъ: между тѣмъ ассоціація уничтожаетъ чувство, болѣе необходимое для поддержанія существованія, чѣмъ эта любовь,—*мичный эгоизмъ*. У обезьянъ, слоновъ, буйволловъ—словомъ у всѣхъ стадныхъ животныхъ, болѣе сильные самцы защищаютъ стадо отъ врага, подвергая часто опасности свою жизнь. Очевидно, что природа имѣетъ въ своемъ распоряженіи многочисленныя и разнообразныя силы. Это забываютъ естествоиспытатели, когда касаются вопросовъ соціологіи, признавая лишь одну силу въ человѣческомъ обществѣ—конкуренцію, борьбу за существованіе. Для восхваленія благодѣяній капитализма, они искажаютъ и уродуютъ науку.

Изслѣдованіе Лафарга о значеніи борьбы за существованіе интересно и съ естественно-исторической и съ общественной точки зрѣнія. Остается открытымъ вопросъ, всегда ли борьба за существованіе, причиняющая выживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ внѣшнимъ условіямъ, способствуетъ органическому прогрессу; фактъ тотъ, что побѣда и поле битвы остаются за болѣе приспособленными,—но приспособившіяся животныя всегда ли вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе одаренныя и развитыя?

Развѣ не случается, что животное съ болѣе совершенной организаціей не можетъ приспособиться къ суровымъ условіямъ жизни и вытѣсняется другимъ, менѣе совершеннымъ? Стѣдовательно, борьба за существованіе, даже въ животномъ мірѣ, не всегда сопровождается прогрессомъ; очень часто послѣдствіемъ ея бываетъ регрессъ и вырожденіе. Стѣдующимъ образомъ выясняетъ Лафаргъ глубокое различіе между борьбой за существованіе въ животномъ мірѣ и общественной конкуренціей. Дикое животное только для самого себя извлекаетъ пользу отъ пріобрѣтенныхъ имъ свойствъ. Видимъ ли мы то же и у человѣка? Острые зубы и когти служатъ льву орудіями для добыванія средствъ къ жизни; у лисицы служить для этого хитрость. *Такъ какъ эти орудія неотдѣлимы отъ организма животного*, то другія животныя не могутъ воспользоваться ими противъ ихъ обладате-

лей. *Орудія же, изготовляемыя человекомъ, не связаны съ нимъ неразрывно*; работа мысли воплощается въ книгахъ, техническихъ изобрѣтеніяхъ, химическихъ открытіяхъ и т. д. Ихъ легко могутъ присвоить другія лица, могутъ воспользоваться ими даже противъ ихъ собственныхъ изобрѣтателей. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лафарга, борьба за существованіе не можетъ объяснить исторіи развитія человѣчества: люди живутъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ растенія и животныя. Борьба за существованіе на разныхъ ступеняхъ культуры неодинакова. Силы природы обуславливали возникновеніе человѣческихъ расъ, какъ и происхожденіе животныхъ видовъ, такъ какъ условія жизни человѣка на первыхъ ступеняхъ его развитія и животныхъ одинаковы; естествоиспытатели совершенно правы, объясняя возникновеніе расъ и происхожденіе видовъ однѣми и тѣми же причинами. Борьба за существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ она происходитъ среди животныхъ, была закономъ и для первобытнаго человѣка. Въ погонѣ за добычей, въ завладѣніи ею, равно какъ въ борьбѣ изъ-за самокъ, первобытный человѣкъ пользовался силой и крѣпостью своихъ конечностей; зубы и крѣпкіе ногти, да развѣ еще палки и камни оказывали ему большую пользу; побѣдителемъ оказывался болѣе сильный, ловкій и приспособленный. Но эта борьба измѣняется и принимаетъ другой характеръ еще въ доисторическія времена. Какъ только люди начинаютъ пользоваться искусственными орудіями,—побѣдителемъ оказывается не сильный, а лучше вооруженный. Какъ на войнѣ, такъ и въ промышленности борьба за существованіе пріобрѣтаетъ новый характеръ, благодаря именно усовершенствованіямъ въ механическихъ орудіяхъ. „Въ человѣческомъ обществѣ дѣло обстоитъ слѣдовательно иначе, чѣмъ у животныхъ: человѣкъ побѣждаетъ не столько благодаря своимъ природнымъ способностямъ, сколько помощью орудій труда и военного оружія. Настоящая борьба за существованіе происходитъ, можно сказать, не между людьми, а между искусственными орудіями ихъ дѣятельности“. Эта борьба за существованіе и преобладаніе различныхъ родовъ орудій и оружія, имѣющая съ внѣшней стороны тотъ же характеръ, что и борьба за существованіе у растеній и животныхъ, служитъ причиною необыкновеннаго развитія орудій производства и войны. Итакъ, борьба за существованіе у людей,

перешедшихъ стадію животной жизни, не имѣсть тѣхъ же признаковъ и не приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какіе наблюдаются у растений и животныхъ. Въ виду этого для объясненія хода человѣческаго развитія надо изслѣдовать искусственныя общественныя условія, среди которыхъ жили люди,—надо выяснитъ, какое дѣйствіе и противодѣйствіе оказываютъ они на человѣка и на человѣческое общество.

Заслуга Лафарга состоитъ въ доказательствѣ того, что, несмотря на животное происхожденіе человѣка, конкуренція въ человѣческомъ обществѣ носитъ иной характеръ, чѣмъ въ мірѣ животномъ, что формы и результаты борьбы тутъ и тамъ различны; причину этого Лафаргъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что искусственное вооруженіе человѣка механическими орудіями, сильно отличающимися отъ природныхъ неотдѣлимыхъ органовъ животного, создаетъ совершенно особыя условія борьбы за существованіе; при этихъ условіяхъ далеко не всегда выживаетъ совершеннѣйшій и лучшій,—результатъ борьбы весьма часто бываетъ обратный. Это громадное различіе между органическимъ и общественнымъ развитіемъ, подмѣченное уже Марксомъ, никогда не принималось во вниманіе дарвинистическими противниками социализма. Эти противники были настолько невѣжественны, что въ конкуренціи, являющейся результатомъ историческихъ и техническихъ условій, они усмотрѣли непреложный общепримѣнимый законъ человѣческой жизни, причемъ въ своемъ догматическомъ ослѣпленіи не сообразили, что ни животная, ни человѣческая жизнь никогда не развивалась, да и впредь не будетъ развиваться, согласно ихъ „манчестерскимъ“ теоріямъ.

Августъ Бебель, подобно Лафаргу, выступаетъ въ защиту теоріи Маркса отъ нападокъ дарвинистовъ, стараясь воспользоваться ученіемъ Дарвина для доказательства правильности основныхъ положеній марксизма. Бебель не сомнѣвается, что результаты сознательнаго примѣненія законовъ природы къ физической и духовной жизни людей могутъ быть совершенно иные, чѣмъ тѣ поразительныя стѣдствія этихъ законовъ, которыя мы наблюдаемъ въ растительномъ и животномъ мірѣ. Подобно тому, какъ по Дарвину животныя и растенія, приспособляясь къ естественнымъ условіямъ жизни, пріобрѣтаютъ соотвѣтствующую этимъ условіямъ

организацію, такъ и человекъ наполняетъ свой внутренній міръ представленіями и чувствами въ зависимости отъ условій матеріальнаго существованія, т. е. отъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній. Въ этомъ Бебель видитъ возможность улучшить самихъ людей, измѣнивъ къ лучшему условія ихъ существованія. „Послѣдовательное примѣненіе къ людямъ тѣхъ законовъ природы, которые извѣстны подъ именемъ дарвинизма, лишь постольку можетъ видоизмѣнять внутренній міръ человека, поскольку оно будетъ сопровождаться введеніемъ новыхъ соціальныхъ условій“. „Дарвиновъ законъ борьбы за существованіе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что живое существо высшей и болѣе сильной организаціи вытѣсняетъ и уничтожаетъ существо съ болѣе слабой организаціей, завершается въ человѣческомъ обществѣ тѣмъ, что, въ концѣ концовъ, должны установиться для всѣхъ людей одинаково благоприятныя условія существованія“. Бебель, въ противоположность своимъ противникамъ, считаетъ дарвинизмъ ультра-демократическимъ ученіемъ и полагаетъ, что всякій, кто держится иного мнѣнія, примѣняетъ ученіе дарвинизма къ человѣческой жизни чисто механически. Эти противники „думаютъ, что если у животныхъ и растеній борьба за существованіе ведется безсознательно, т. е. безъ знанія законовъ этой борьбы, то это справедливо и относительно людей. На самомъ же дѣлѣ человекъ, и этимъ онъ отличается отъ животныхъ и растеній,—скоро познаетъ законы, обуславливающіе его развитіе. Поэтому, человеку остается лишь примѣнить познаніе къ политическимъ, соціальнымъ и религіознымъ учрежденіямъ и преобразовать ихъ. Разница между человекомъ и животнымъ въ томъ, что *человекъ можетъ быть названъ мыслящимъ животнымъ, но животное никакъ не назовутъ немыслящимъ человекомъ.*

Это именно и проглядѣли многіе дарвинисты, при всей своей учености. Отсюда ложный кругъ, въ которомъ они вертятся“.

Книга Бебеля, въ особенности же глава: „Дарвинизмъ и общественное состояніе“, вызвала яростныя нападки со стороны естествоиспытателей. Бебеля упрекаютъ въ томъ, что онъ не понялъ дарвинизма и невѣрно истолковалъ его въ пользу своихъ соціальныхъ теорій. И дѣйствительно, въ развитіи мыслей Бебеля существуютъ несомнѣнные пробѣлы.

Трудно, напримѣръ, понять, полагаетъ ли Бебель, что прежняя исторія развитія человѣчества управлялась тѣми же законами, которые господствуютъ въ животномъ и растительномъ мірѣ.

Если да,—то познаніе законовъ развитія человѣчества не можетъ дать людямъ указанія, какъ примѣнять это познаніе къ разнымъ общественнымъ и политическимъ учрежденіямъ и какъ преобразовать ихъ,—такъ какъ совершенно безразлично, ведется ли борьба за существованіе съ научнымъ пониманіемъ этой борьбы или безъ него. Исходя изъ теоретическаго познанія законовъ борьбы за существованіе, отнюдь нельзя сдѣлать вывода, что общественное преобразование должно быть именно *соціалистическимъ*. Въдѣ законы, управляющіе какъ животнымъ, такъ и человѣческимъ міромъ, не исчерпываются лишь приспособленіемъ; важнѣе послѣдняго—естественный подборъ, вытекающій изъ борьбы за существованіе; между тѣмъ, Бебель не привелъ никакого основательнаго объясненія, *почему* и *какъ* Дарвиновъ законъ борьбы за существованіе завершается у человѣка тѣмъ, что люди, какъ существа мыслящіе и познающіе, улучшаютъ и совершенствуютъ свой соціальный строй. Какъ будто *до сихъ поръ* люди ничего сознательно не дѣлали въ своей исторіи? Возможенъ ли былъ бы безъ сознательности прогрессъ въ исторіи культуры? Бебель совершенно справедливо подчеркиваетъ забывчивость дарвинистовъ, упустившихъ изъ виду, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, какъ *мыслящимъ животнымъ*; но тотъ же Бебель, а съ нимъ и всѣ догматическіе послѣдователи историческаго матеріализма забываютъ, что человѣкъ есть не только научно-познающее, но и моральное и практически-дѣйствующее существо, и что *воздѣйствіе нравственнаго сознанія* на современный строй создаетъ идею высшей формы общественности и рано или поздно воплотить ее. Бебель разсматриваетъ соотношеніе между дарвинизмомъ и социализмомъ только съ теоретической точки зрѣнія, между тѣмъ, какъ измѣненіе общественнаго состоянія можетъ произойти только черезъ посредство хотящаго и дѣйствующаго человѣка. Вся сила общественныхъ идеаловъ состоитъ именно въ томъ, что люди не себя приспособляютъ къ даннымъ условіямъ, а эти условія—къ своимъ жизненнымъ цѣлямъ и стремленіямъ.

Здѣсь, между прочимъ, умѣстно привести нѣкоторыя мысли, высказанныя В. Либкнехтомъ, въ его лекціи „О воспитательномъ значеніи исторіи,“ по поводу соотношенія между теоріей Дарвина и социальными ученіями.

Въ ней Либкнехтъ отклоняетъ упреки, высказанные профессоромъ Циглеромъ въ книгѣ „Естествознаніе и социаль-демократическая теорія“, и опровергаетъ мнѣніе, что *будто социаль-демократія стоитъ за тѣлесное и духовное равенство всѣхъ особей или даже обоихъ половъ*. По мнѣнію Либкнехта, Циглеръ смѣшиваетъ равенство, въ смыслѣ равноправія, съ тѣмъ вздорнымъ пониманіемъ равенства, которое онъ самъ себѣ создалъ. Какъ не бываетъ двухъ одинаковыхъ листьевъ, такъ нѣтъ и двухъ одинаковыхъ людей. И это счастье! Однако, при благопріятныхъ условіяхъ зачатки дарованій могутъ систематически развиваться, и жизнедѣятельность повышается. Изъ даннаго ребенка нельзя сдѣлать все, что угодно, но всякаго можно воспитать и развить лучше, чѣмъ это дѣлается теперь. Прогрессу культуры, однако, мѣшаетъ „борьба за существованіе“. Современное общество, въ которомъ господствуетъ свободная конкуренція и борьба классовыхъ интересовъ, еще всецѣло погрязаетъ въ области дарвиновской борьбы, конечный же логическій выводъ изъ такой борьбы въ человѣческомъ обществѣ—это идея анархизма. Несомнѣнно, что марксизмъ является противникомъ такого дарвинизма, но именно этимъ марксизмъ доказываетъ, что онъ защитникъ культуры и человѣчности противъ варварства и звѣрства. Говоря о равноправіи людей, имѣютъ въ виду равное участіе ихъ въ приобрѣтеніяхъ культуры. „Нельзя, разумѣется, достигнуть равенства людей въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ люди имѣли одинаковыя природныя способности и дарованія; подобное равенство было бы уничтоженіемъ прогресса, такъ какъ индивидуальныя различія—*необходимый двигатель культуры*. Мы защищаемъ лишь *право личности*, которымъ въ настоящее время пользуются далеко не всѣ“. Либкнехтъ справедливо подчеркиваетъ крупное различіе между грубымъ представленіемъ о механическомъ равенствѣ и равноправіемъ личности; онъ только забываетъ указать, почему и какъ всѣ люди равноправны,—забываетъ опровергнуть мнѣніе, по которому индивидуальныя различія обуславливаютъ и различія въ правахъ. Равноправіе есть практическое требованіе чело-

вѣческой совѣсти, *нравственный принципъ*, который нельзя обосновать непосредственно помощью естествознанія, такъ что въ этихъ вопросахъ все зависитъ отъ нашего отношенія къ проблемамъ морали. Но по этому вопросу ни дарвинисты, ни марксисты не представляли до сихъ поръ никакихъ удовлетворительныхъ соображеній.

Изъ выдающихся нѣмецкихъ естествоиспытателей одинъ только А. Додель, признавая теорію Дарвина, относится сочувственно къ марксизму и родственнымъ социальнымъ учениямъ; по мнѣнію Доделя не существуетъ принципиальнаго противорѣчія между обоими умственными теченіями. Въ своей „Новѣйшей исторіи міроздавія“ (1875) Додель указываетъ на тѣсную связь теоріи Дарвина съ великими социальными вопросами нашего времени. Онъ изслѣдуетъ, имѣли ли раньше естественный подборъ и имѣли ли онъ теперь вліяніе, и какое именно, на развитіе человѣчества; вмѣстѣ съ тѣмъ Додель старается рѣшить вопросъ, возможенъ ли и необходимъ ли естественный подборъ и въ будущемъ обществѣ.

Противъ воинъ Додель высказываетъ тѣ же соображенія, что и Дарвинъ; такъ, напримѣръ, онъ полагаетъ, что наполеоновскія войны, вслѣдствіе того, что естественный подборъ въ нихъ отсутствовалъ, способствовали ухудшенію физической организаціи французовъ. Борьба за существованіе господствуетъ во всей природѣ, въ томъ числѣ и среди людей. Борьба, происходящая не только между отдѣльными людьми, но и между цѣлыми расами и націями, очевидна; при томъ она столь же кровопролитна и жестока, какъ и борьба среди низшихъ животныхъ. Несомнѣнно, что въ борьбѣ между людьми естественный подборъ во многихъ случаяхъ имѣлъ мѣсто: болѣе сильный и умный побѣждалъ слабѣйшаго. Но часто подборъ носилъ и чисто искусственный характеръ. Несмотря на современную гуманность, и теперь идетъ разрушительная борьба человѣка съ человѣкомъ,—она получила лишь иной характеръ и избрала другое поле дѣйствія; она происходитъ на каждомъ шагу подъ лживою маскою мира. Мы рѣдко видимъ проливаемую кровь, рѣдко слышимъ громъ пушекъ и датеко раздающійся боевой кличъ,—но наблюдательный человѣкъ легко замѣтитъ, что смерть господствуетъ тамъ, куда въ мирное время она не должна бы и заглядывать. Въ дѣйствительности — нѣтъ мира, и милліоны здоро-

выхъ и сильныхъ отъ природы, тысячи лучшихъ людей, которые въ интересахъ общества должны были бы развиваться нормально, гибнуть отъ искусственной, отнюдь не естественной, борьбы за существованіе, или, какъ говорить Альбертъ Ланге, борьбы изъ-за привилегированнаго положенія. При современныхъ общественныхъ условіяхъ принципъ естественнаго подбора или совсѣмъ не проявляется или ограниченъ въ своемъ дѣйствіи. Это забываютъ, когда говорятъ, что согласно ученію Дарвина существованіе классовыхъ различій основано на законахъ самой природы, а потому — неизбежно, или когда доказываютъ, что классовыя различія должны усиливаться и, въ силу наслѣдственности, стать постоянными, т. е. что неизбежно раздѣленіе человѣчества на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ, изъ которыхъ, на примѣръ, одинъ будетъ господствовать и владѣть богатствами, а другіе будутъ лишь терпѣть лишенія и бѣдствія. Подобные выводы изъ теоріи Дарвина можно дѣлать, или наполовину понимая ученіе о подборѣ, или же умышленно, вопреки всѣмъ даннымъ опыта, превращая это ученіе въ нелѣпость. Кто станетъ утверждать, что классъ крупныхъ ранѣе дѣйствительно болѣе одаренная часть общества? Кто увѣритъ насъ, что всѣ избранныки, стоящіе внѣ борьбы за существованіе и наслѣдующіе богатство и лучшее положеніе въ обществѣ, всѣ, кому уже съ колыбели предназначено пользоваться плодами труда и культуры, — жизнью, полной удовольствій и свободной отъ человѣческихъ горестей, — что всѣ эти баловни судьбы, благодаря естественному подбору, лучше другихъ приспособлены, а потому имѣютъ природное право размножаться и совершенствоваться? Если бы это было такъ, если бы люди, весь жизненный путь которыхъ постоянно освѣщается розовымъ свѣтомъ счастья, были самой природой приспособлены къ счастью и имѣли природное право на него, то обнаружили бы и соотвѣтствующіе результаты подобнаго подбора, т. е. мы наблюдали бы у этихъ людей необходимыя приспособленія и могли бы указать на особую физически и умственно выдающуюся расу людей, которые вслѣдствіе своего природнаго превосходства постепенно выдѣлялись бы въ новый видъ. Этого, однако, мы не видимъ.

По мнѣнію Доделя, развитіе промышленности и накопленіе капитала, сопровождающее это развитіе, создаетъ опас-

ность для человѣчества; *спасительный принципъ естественнаго подбора теперь болѣе, чѣмъ когда либо, оттъсненъ на задній планъ; на первомъ планѣ стоитъ, наоборотъ, принципъ искусственнаго подбора (т. е. неестественнаго и создающаго вырожденіе)*. Додель требуетъ равнаго для всѣхъ права на развитіе,—такъ, чтобы каждый человѣкъ, родился ли онъ въ хижинѣ бѣдняка или во дворцѣ богача, каждый талантъ и геній имѣли возможность и средства для развитія своихъ природныхъ дарованій; эта возможность и эти средства должны быть сообразованы лишь съ внутреннимъ достоинствомъ личности и значеніемъ, какое могутъ имѣть дарованія человѣка для всего общества. Нынѣ же болѣе 90% этихъ духовно одаренныхъ людей гибнутъ подъ гнетомъ тяжелой борьбы за существованіе, никѣмъ незамѣченные. Сколько выигралъ бы прогрессъ человѣчества, если бы среди молодого поколѣнія борьба за существованіе велась на условіяхъ для всѣхъ одинаковыхъ, если бы принципъ естественнаго подбора могъ быть примѣненъ ко всѣмъ людямъ въ одинаковой мѣрѣ!

Итакъ, Додель отнюдь не желаетъ, чтобы естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе былъ упраздненъ; напротивъ, онъ требуетъ, чтобы всѣ таланты боролись другъ съ другомъ, и утверждаетъ, что именно въ настоящее время этой желательной борьбы не существуетъ. Онъ убѣжденъ, что для всего молодого поколѣнія должны быть созданы одинаковыя условія существованія и развитія, послѣ чего должно быть предоставлено мѣсто естественному совершенствованію. „Чѣмъ сильнѣе проявляется конкуренція въ разныхъ областяхъ, тѣмъ вѣрнѣе и быстрѣе подвигается прогрессъ цѣлаго“. Общественное движеніе нашего времени Додель считаетъ выраженіемъ требованія, чтобы искусственный подборъ былъ замѣненъ естественнымъ,—какъ основой выживанія наилучшихъ. На этомъ же основаніи Додель требуетъ отъ современной демократіи, признающей естественное равенство людей, чтобы болѣе одаренные отъ природы занимали въ обществѣ и преобладающее положеніе, такъ какъ они, по законамъ природы, были бы побѣдителями въ борьбѣ за существованіе. Подобнымъ же образомъ Додель разсматриваетъ и женскій вопросъ, относясь къ нему вполне сочувственно. Онъ полагаетъ, что въ настоящій моментъ половому подбору, какъ и естественному, мѣшаютъ экономическія соображенія, въ ре-

зультатъ чего получается вырожденіе. Повышеніе значенія и общественнаго положенія женщины должно открыть прекрасныя перспективы и для будущаго поколѣнія мужчинъ, такъ какъ дастъ имъ матерей, которыя будутъ болѣе умственно развиты, чѣмъ современныя.

Штибеллингъ въ небольшомъ сочиненіи „Соціализмъ и дарвинизмъ“ *) пытался разрушить доводы дарвинистовъ-противниковъ социализма, какъ, напримѣръ, Гэккеля, Шмидта и проч. Дарвинъ, говоритъ онъ, примѣнилъ принципъ развитія и къ человѣку; этимъ онъ показалъ, что все люди—одного происхожденія, а потому все они братья по природѣ; отсюда слѣдуетъ, что среди людей нельзя различать господъ и рабовъ,—все должны считаться свободными. Соціализмъ, слѣдовательно, основывается непосредственно на дарвинизмѣ. Однако, выводы Штибеллинга ошибочны, какъ подобныя же соображенія одного анонимнаго автора. Послѣдній развиваетъ мысль, что все люди, какъ члены одной семьи, могутъ быть названы братьями по происхожденію; но отсюда не слѣдуетъ, что они братья и въ нравственномъ смыслѣ этого слова: будучи братьями по происхожденію, они могутъ быть жестокими врагами. Конечно, на признаніи общаго и естественнаго происхожденія всего человѣческаго рода основана великая нравственная истина о духовномъ единствѣ и одинаковой по существу природѣ всехъ людей; хотя такъ называемые аристократы часто стараются скрыть эту истину, вслѣдствіе своего высокомерія. Можно быть увѣреннымъ, что естествознаніе оказываетъ большое вліяніе на основныя положенія нашей практической жизни, но отсюда не слѣдуетъ, что дарвинизмъ непосредственно приводитъ къ социализму.

Во всякомъ случаѣ Штибеллингъ высказалъ по спорному вопросу плодотворную мысль,—о важномъ различіи, существующемъ между принципомъ борьбы за существованіе въ дарвинистическомъ смыслѣ и конкуренціей, господствующей въ человѣческомъ обществѣ. Онъ не отрицаетъ, что люди ведутъ другъ съ другомъ активную борьбу, но полагаетъ,

*) Sozialismus und Darwinismus. Eine kritische Studie von Georg C. Stiebeling. Книга эта вышла изъ продажи. Какъ я узналъ отъ одного нью-іоркскаго книгопродавца, все экземпляры уничтожены сыномъ автора, противникомъ социализма.

что ее нельзя назвать борьбой за существованіе въ смыслѣ Дарвина. „*Дѣйствительная, нормальная борьба за существованіе у людей, какъ и въ животномъ и растительномъ царствахъ, есть та непосредственно или косвенно-производительная работа, помощью которой отдѣльная особь добываетъ себѣ пропитаніе и защищаетъ себя отъ вредныхъ вліяній природы и отъ нападенія враговъ изъ другихъ животныхъ видовъ; между тѣмъ, какъ трудовая конкуренція и война приводятъ къ уничтоженію этихъ нормальныхъ отношеній и вслѣдствіе развитія человѣческаго самосознанія представляютъ уклоненіе отъ природнаго состоянія и потому могутъ быть названы *противоестественной или ненормальной борьбой за существованіе*“.*

Нормальная борьба за существованіе сохраняетъ лучше и крѣпче всего организованныхъ особей и способствуетъ ихъ развитію, а борьба ненормальная, т. е. конкуренція и война, приводитъ къ противоположнымъ результатамъ. Нормальной борьбой обусловливается постепенное развитіе человѣческаго мозга и вмѣстѣ съ тѣмъ разума. „Наоборотъ — ненормальная борьба создаетъ, какъ свое непосредственное слѣдствіе, господство физически-сильнаго надъ слабымъ; это господство принимаетъ сначала форму людоедства, войны и грабежа, а затѣмъ менѣе грубый видъ экономической борьбы и переходитъ въ эксплуатацію труда; послѣдняя, въ свою очередь, сначала имѣетъ видъ подчиненія по принужденію, т. е. видъ рабства, потомъ переходитъ въ крѣпостное право и феодализмъ, наконецъ — въ систему наемнаго труда, повидимому освобожденнаго отъ внѣшняго принужденія, и въ капитализмъ“.

Результатомъ ненормальной борьбы оказывается борьба классовая, достигающая высшаго развитія въ капиталистическомъ строѣ. Нормальная борьба происходитъ между людьми и внѣшней средою, ненормальная — между людьми. Первая привела къ изобрѣтенію оружія, орудій, одежды и жилища. Въ жизни каждаго народа бываютъ періоды процвѣтанія и упадка въ зависимости отъ того, на какую изъ двухъ родовъ борьбы онъ тратитъ больше силъ; человѣчество, какъ цѣлое, непрерывно поднимается на все высшую и высшую ступень культуры и цивилизаціи. Ненормальная борьба доходитъ до своей высшей точки въ экономической борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, — но въ этой же борьбѣ развиваются и тѣ силы, которыя должны ее уничтожить и вновь установить *первона-*

чальное равновѣсіе между инстинктами самосохраненія и продолженія рода, равновѣсіе, нарушенное ненормальнымъ характеромъ борьбы.

Въ настоящей главѣ нельзя обойти молчаніемъ отношеніе къ социализму А. Р. Уоллеса.

Уоллесъ—одинъ изъ основателей теоріи подбора. Независимо отъ Дарвина, вполне самостоятельнымъ путемъ, онъ пришелъ къ ученію о естественномъ подборѣ въ борьбѣ за существованіе; многіе вопросы теоріи развитія онъ разсматриваетъ съ своей оригинальной точки зрѣнія. Мысли Уоллеса крайне интересны и симпатичны. Онъ—единственный современный, при томъ выдающійся, естествоиспытатель, свободно и смѣло трактующій социальные вопросы. Уоллесъ не согласенъ съ Дарвиномъ и дарвинистами въ томъ, что происхожденіе и развитіе духа можно приписывать дѣйствию тѣхъ же силъ, которыми обуславливается развитіе тѣла. Способности къ математикѣ и музыкѣ никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены естественнымъ подборомъ, такъ какъ невозможно найти зависимость между обладаніемъ этими способностями и выживаніемъ въ борьбѣ за существованіе. „Онѣ являются результатомъ, а не причиной, общественнаго и умственнаго развитія“ *).

Мы должны согласиться съ Уоллесомъ, что высшія художественныя и нравственныя способности создаются не борьбой за *матеріальное* существованіе отдѣльной личности, какъ полагали нѣкоторые, лишенные критической способности дарвинисты; однако, мы никоимъ образомъ не можемъ присоединиться къ взгляду Уоллеса, что въ развитіи челоука существуютъ два отдѣльныхъ пути; причиной высшаго духовнаго развитія Уоллесъ считаетъ нѣчто „чего челоукъ не унаслѣдовалъ отъ своихъ животныхъ предковъ“, и что можно обозначить какъ нѣкоторую духовную сущность, постепенно развивающуюся лишь при наличности опредѣленныхъ благопріятныхъ условій. Подобный дуализмъ неизбѣженъ при свойственномъ Уоллесу и большинству дарвинистовъ узкомъ и ограниченномъ пониманіи естественнаго подбора, не принимающемъ во вниманіе высшихъ способностей, выходящихъ уже въ животномъ мірѣ далеко за предѣлы матеріальнаго существованія вообще и въ особенности—суще-

*) Уоллесъ. Дарвинизмъ. Есть русск. пер. подъ ред. проф. Мензбира.

ствования особи, какъ единичнаго существа. Но вѣдь эти высшія способности какъ разъ и легли въ основаніе умственнаго и нравственнаго развитія человѣка. Мы еще не разъ коснемся вопроса объ исторіи духовнаго развитія человѣчества.

Уоллесь критикуетъ современную цивилизацію на томъ основаніи, что побѣдители въ борьбѣ изъ-за денегъ далеко не лучшие и умнѣйшіе, что каждое новое поколѣніе больше обновляется низшими, чѣмъ средними и высшими классами. Подбору препятствуетъ институтъ наслѣдственнаго владѣнія богатствомъ, что даетъ слабымъ и порочнымъ несомнѣнное преимущество—жить, не трудясь, заключать ранніе браки и оставлять послѣ себя многочисленное потомство. Хотя воспитаніе и оказываетъ косвенное вліяніе на пригодность человѣка къ борьбѣ, но все таки подборъ есть единственное средство улучшенія расы. Однако, Уоллесь вовсе не сторонникъ обостренной формы экономической борьбы и видитъ спасеніе въ *раціональномъ половомъ подборѣ, основанномъ на справедливомъ и разумномъ общественномъ строгѣ*. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ противникъ какого бы то ни было вмѣшательства закона въ личное счастье и свободу личности, хотя онъ увѣренъ, что, если будутъ очищены Авгіевы конюшни современнаго строя и будутъ введены такіе установленія, при которыхъ *все должны будутъ вносить свою долю умственного и физическаго труда и получить полное вознагражденіе за свой трудъ*,—то въ такомъ случаѣ будущность человѣчества, какъ расы, будетъ обезпечена тѣми же законами развитія, которые создали медленный, но непрерывный прогрессъ высшихъ сторонъ человѣка. Женщинамъ слѣдуетъ предоставить больше свободы и дать лучшее образованіе, такъ какъ именно онѣ должны оказать огромное вліяніе на половой подборъ. Подборомъ наилучшихъ слабые устраняются сами собою, не задѣвая нашего чувства гуманности *).

Каутскій **), въ статьѣ своей о „Дарвинизмѣ и социа-

*) Уоллесь—предсѣдатель Land Nationalisation Society; это общество преслѣдуетъ цѣль замѣнить частную земельную собственность общенациональной. См. книгу Уоллеса „Land Nationalisation“. London 1896 г. Эта книга посвящена англійскимъ рабочимъ; въ ней говорится о томъ политическомъ, общественномъ, матеріальномъ и моральномъ злѣ, которое порождаетъ лэндлордизмъ, т. е. система крупной земельной собственности. Авторъ говоритъ, что это зло можно уничтожить только націонализацией земли.

**) „Oesterreichischer Arbeiterkalender“ 1890. Berlin.

лизмъ“ приходитъ къ выводу, что нѣтъ никакой необходимости трудиться надъ рѣшеніемъ вопроса, какъ примирить оба эти ученія: „они не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ“. Однако, Каутскій не думаетъ, что дарвинизмъ и социализмъ лишены какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія,—онъ хочетъ лишь подчеркнуть, что шаблонное перенесеніе принциповъ дарвинизма, безъ необходимой критической провѣрки, на человѣческое общество и основанное на подобномъ перенесеніи опроверженіе социализма—не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительною сущностью послѣдняго, ибо только путемъ изученія современнаго *общественнаго* строя и его развитія, а отнюдь не растительныхъ и животныхъ видовъ, можно придти къ правильнымъ выводамъ. Такъ, по другому поводу, Каутскій говоритъ, что Дарвинъ и Марксъ нашли ключъ къ объясненію развитія, первый—въ борьбѣ за существованіе, а второй—въ классовой борьбѣ и что законы жизни природы, открытые Дарвиномъ, и законы жизни общества, открытые Марксомъ, могутъ быть сведены къ *одному общему закону жизни* *).

Слѣдовательно, оба ученія, какъ научныя системы, безусловно имѣютъ много общаго.

Каутскій предвидитъ цѣлый рядъ мнѣній дарвинистовъ, какъ за, такъ и противъ социализма.

Социализмъ—врагъ культуры, говорятъ дарвинисты, онъ хочетъ уничтожить *конкуренцію*, т. е. борьбу за существованіе. Между тѣмъ, эта борьба происходитъ во всей природѣ, въ царствѣ растений и животныхъ; безъ нея нѣтъ развитія, а лишь одно прозябаніе, регрессъ. Введеніе всеобщаго *равенства* такъ же противоестественно, какъ и уничтоженіе конкуренціи. Все развитіе органическаго міра основано на *неравенствѣ*, на томъ, что на ряду съ сильными, способными, хорошо вооруженными существуютъ слабые, неспособные, плохо вооруженные. Сильные, способные и лучше вооруженные побѣждаютъ, размножаются, улучшаютъ свою природу; это улучшеніе, этотъ прогрессъ, основанъ на уничтоженіи слабыхъ, менѣе одаренныхъ и плохо вооруженныхъ, на ихъ нуждѣ и несчастьѣ. Конкуренція, неравенство, нужда и

*) „Darwinismus und Marxismus“. Die Neue Zeit. XIII Jahrgang. № 23, 8, 709.

бѣдствія—природная необходимость; можно скорбѣть о томъ, что она существуетъ, можно признавать ее печальною необходимостью,—но устранить ее нельзя, какъ нельзя избѣгнуть другихъ, не менѣе печальныхъ необходимостей, напримеръ, старости или смерти.

Съ другой стороны, необходимость борьбы за существованіе безспорна, но *капиталистическая конкуренція не есть борьба за существованіе. Въ современной экономической борьбѣ утѣшающее значеніе имѣютъ не личные достоинства, а богатство.* Способный, но бѣдный, падаетъ въ борьбѣ и гибнетъ, между тѣмъ богатъ, какъ бы мало ни былъ онъ способенъ, всегда побѣждаетъ.

Только нѣкоторые личные качества имѣютъ значеніе въ этой борьбѣ,—это низкіе инстинкты, всеупрочивающіеся въ человѣческой душѣ, вслѣдствіе того, что именно они даютъ побѣду—алчность, жестокость и лживость. И половой подборъ точно такимъ же образомъ искажается въ капиталистическомъ обществѣ: при выборѣ спутника жизни принимаютъ во вниманіе не доброту, красоту и здоровье личности, на которую палъ выборъ, а ея богатство, какъ бы ни была безобразна, ничтожна и слаба эта личность. Капиталистическій строй ведетъ не къ улучшенію рода, а къ ухудшенію его. Каутскій полагаетъ, что этимъ дѣло не кончается. Если даже современная конкуренція не можетъ быть названа борьбой за существованіе, въ томъ смыслѣ, какъ послѣднюю понимаетъ Дарвинъ, если развитіе общества и нельзя объяснять дѣйствіемъ конкуренціи, то отсюда еще не слѣдуетъ, что съ уничтоженіемъ современной конкуренціи сама собою возникнетъ „истинная“ борьба за существованіе. Весьма возможно, что уничтоженіе конкуренціи не будетъ сопровождаться возникновеніемъ борьбы за существованіе въ Дарвиновомъ смыслѣ, каковой не существуетъ и теперь. При обсужденіи вопроса о томъ, существуетъ или не существуетъ зависимость между дарвинизмомъ и социализмомъ, исходятъ изъ того положенія, что борьба за существованіе есть абсолютно-необходимое условіе развитія. У Дарвина понятіе борьбы за существованіе имѣетъ совершенно опредѣленный смыслъ: посредствомъ естественнаго подбора она производитъ совершенствованіе видовъ. Но она—не единственный двигатель, помимо нея могутъ существовать и дру-

гіе, неизвѣстные намъ двигатели. Дарвинъ открылъ одинъ изъ нихъ: это - половой подборъ. У домашнихъ животныхъ борьба за существованіе низведена искусственнымъ подборомъ до минимума, — однако, мы замѣчаемъ, что развитіе видовъ и разновидностей домашнихъ животныхъ происходитъ гораздо быстрее, чѣмъ у животныхъ въ дикомъ состояніи. Въ дикомъ состояніи, вліяніе борьбы за существованіе весьма различно по своему значенію для разныхъ видовъ. Самое слабое вліяніе оказываетъ она на животныхъ, живущихъ обществами. Внутри общества ея почти совсѣмъ не существуетъ: болѣе слабое животное пользуется въ обществѣ извѣстными выгодами, какъ и болѣе сильное, — средства и условія какъ отысканія пищи, такъ и защиты, для всѣхъ одинаковы. Чѣмъ общество лучше организовано, чѣмъ тѣснѣе связь его членовъ — тѣмъ меньшее вліяніе оказываетъ борьба за существованіе. Такимъ образомъ можно указать двѣ причины, значительно ограничивающія вліяніе борьбы за существованіе: во первыхъ — планомѣрное вмѣшательство человѣка и, во вторыхъ — жизнь обществами. Всякое обобществленіе, всякое планомѣрное, основанное на данныхъ науки, воздѣйствіе человѣка всегда ослабляетъ значеніе борьбы за существованіе. Соображенія нѣкоторыхъ дарвинистическихъ противниковъ социализма касаются всякаго общества, всякаго практическаго примѣненія науки. Врачъ, поддерживающій жизнь хилаго человѣка, мѣшаетъ дѣйствію „естественнаго подбора“; то же дѣлаетъ и желѣзная дорога, которая съ одинаковой быстротой провозитъ страдающаго одышкой и скорохода; всякія *машины, всякаго рода приспособленія и научныя изобрѣтенія — словомъ все, что замѣняетъ личный трудъ человека общественными силами, доступными всемъ людямъ, препятствуютъ дѣйствію естественнаго подбора*. Когда о слабомъ членѣ семьи заботятся столько же, сколько о сильномъ, а то и больше, развѣ этимъ не противодѣйствуютъ закону подбора? Развѣ естественный подборъ можетъ имѣть примѣненіе по отношенію къ членамъ такого общества, которое предоставляетъ всѣмъ одинаковую защиту? /

Развитіе человѣческаго общества обусловливается не борьбой за существованіе, а другими факторами — именно *формами труда, производствомъ*. Трудъ въ своей наиболѣе совершенной формѣ есть исключительное свойство человѣка.

Еще болѣе исключительнымъ, чему ничего подобнаго нѣтъ въ животномъ мірѣ, является развитіе производства, благодаря непрерывному улучшенію какъ „средствъ производства“, такъ и его способовъ, и вслѣдствіе того, что человѣкъ все глубже проникаетъ въ связь между явленіями природы. Производство всегда имѣло характеръ общественный; со временемъ этотъ характеръ еще усилится.

Процессъ производства и борьба, возникающая иногда на почвѣ того или иного способа производства,—не есть борьба за существованіе; она не имѣетъ ничего общаго съ біологическимъ развитіемъ видовъ. Борьба за существованіе означаетъ приспособленіе организма къ окружающимъ его условіямъ природы; производство, наоборотъ, приспособляетъ природу къ потребностямъ человѣка. Борьба за существованіе слѣпа,—производство же, конечно, съ технической, а не коммерческой своей стороны, вполне планомерно. Развитіе при помощи производства и развитіе путемъ борьбы за существованіе—два разныхъ понятія. Развитіе человѣческаго общества подчинено инымъ законамъ, чѣмъ развитіе видовъ. Выводить законъ и конкуренцію изъ законовъ борьбы за существованіе столь же разумно, какъ опредѣлять законы денежнаго обращенія на основаніи законовъ кровообращенія.

Каутскій справедливо подчеркиваетъ глубокое различіе между животной борьбой за существованіе и экономической конкуренціей; вѣрно также, что борьба за существованіе, какъ ее понимаетъ Дарвинъ, не можетъ имѣть мѣста въ человѣческомъ обществѣ въ виду обобществленія труда и при наличности техническихъ условій производства; поэтому нельзя не согласиться съ Каутскимъ, когда онъ опровергаетъ ни на чемъ не основанные упреки социологовъ-дарвинистовъ, доказывая, съ этой *узкой* точки зрѣнія, что дарвинизмъ и социализмъ не имѣютъ ничего между собой общаго. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи исторіи развитія, какъ это признаетъ и Каутскій, обѣ теоріи имѣютъ много точекъ соприкосновенія. Вѣдь, если человѣкъ развился изъ животнаго состоянія, то тѣ силы природы, которыя выдѣлили человѣка въ особый видъ, продолжаютъ оказывать вліяніе и на дальнѣйшій ходъ его развитія. Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на экономическую конкурен-

цію, какъ на частный случай всеобщей борьбы за существованіе, и Каутскому слѣдовало бы коснуться вопроса, сократится ли естественный подборъ и въ будущемъ обществѣ: естественное совершенствованіе есть необходимое условіе прогресса, но вся трудность именно въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить, при какихъ условіяхъ лучше всего можетъ происходить это усовершенствованіе.

* Статья Каутскаго вызвала возраженіе и дополненіе со стороны Генриха Кунова*). Во многихъ пунктахъ онъ соглашается съ Каутскимъ, но, съ другой стороны, указываетъ на то, что каждая наука должна считаться съ выводами другихъ наукъ. Въ этомъ отношеніи, дарвинизмъ и социализмъ не представляютъ исключенія. Хотя экономическая и социальная борьба разныхъ историческихъ періодовъ и не привела къ образованію новыхъ видовъ, однако она оказала огромное вліяніе на физическое и духовное развитіе уже существовавшихъ видовъ; ее нельзя назвать борьбой за существованіе, но она входитъ въ эту борьбу, какъ часть въ цѣлое, т. е. она есть одна изъ многочисленныхъ формъ, которыя принимаетъ борьба за существованіе въ человѣчествѣ. Высоко развитое машинное производство есть точно такъ же одно изъ средствъ къ созданію условій, необходимыхъ для существованія, какъ стрѣла и лукъ доисторическихъ дикарей или зубы и когти животныхъ; разница лишь та, что въ современномъ обществѣ эти условія имѣютъ качественно высшій характеръ, нежели въ первобытномъ. Ошибка социологовъ состоитъ въ томъ, что, говоря о борьбѣ за существованіе, они имѣютъ въ виду только одинъ видъ ея, а именно *индивидуальную борьбу изъ-за физическихъ потребностей*; національ-либералы и прогрессисты обыкновенно подразумеваютъ подъ этой борьбой даже современную конкуренцію. Борьба за существованіе, какъ ее понимаетъ Дарвинъ, охватываетъ не только борьбу между особями одного и того же вида, но и борьбу этого вида съ другими видами организмовъ, а также борьбу съ силами природы, или, какъ говоритъ Дарвинъ, со стихіями; всѣ эти виды борьбы отнюдь не одинаковы по силѣ и значенію во всѣхъ странахъ и для всѣхъ видовъ животныхъ. Особенно часто имѣетъ

*) „Darwinismus contra Sozialismus“. Die Neue Zeit. Heft 7 und 8, 1890. Статья была подписана лишь инициалами Н. С. (Heinrich Cunow).

второстепенное значеніе именно индивидуальная борьба между представителями одной и той же разновидности; а между тѣмъ сторонники взгляда, по которому социализмъ и дарвинизмъ противоположны другъ другу, приписываютъ именно этой индивидуальной борьбѣ особенно важное значеніе. Среди представителей нѣкоторыхъ видовъ, особенно высшихъ, подобной борьбы совсѣмъ не существуетъ, несмотря на ожесточенную борьбу съ другими видами и разновидностями. И Дарвинъ въ „Происхожденіи человѣка“ упоминаетъ, что въ виду лучшей защиты и совместнаго добыванія пищи часто наступаетъ соединеніе въ группу особей одной и той же разновидности.

Затѣмъ Куновъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи человѣческихъ расъ съ точки зрѣнія основныхъ положеній Дарвина, а также вопросъ о значеніи для человѣческаго рода полового подбора; въ заключеніе, онъ касается вопроса, уничтожить ли борьбу за существованіе переходъ отъ индивидуально-капиталистическаго производства къ общественному? *Индивидуальная борьба отдельныхъ личностей во всякомъ случаѣ исчезнетъ*; но она не есть собственно борьба за существованіе, а лишь одинъ изъ ея моментовъ, возникающій на извѣстной ступени развитія и,—въ виду своего историческаго характера—исчезающій на другой опредѣленной ступени. Въ своей нынѣшней специальной формѣ, а именно въ видѣ конкуренціи, борьба за существованіе есть даже продуктъ самой послѣдней исторической эпохи,—въ средніе вѣка ея еще не было. *Зато достигнется борьба всего общества съ природой изъ-за условій существованія*. Конечно, общество не будетъ вести грубой животной борьбы; утонченныя потребности высоко-развитого общества потребуютъ и соответственныхъ условій существованія. У природы надо отвоевать какъ можно больше гарантій сохраненія и размноженія человѣческаго рода; борьбу за независимость отъ условій внѣшней природы, которую человѣкъ началъ вести со времени употребленія первыхъ орудій, слѣдуетъ продолжать, придавая ей все высшія формы. По вопросу о томъ, прекратится ли въ будущемъ обществѣ всякая внутренняя борьба, Куновъ высказываетъ сомнѣніе.

Новому общественному строю придется прежде всего рѣшить вопросъ, какъ провести въ жизнь индивидуальную и общественную равноправность женщины.

Арманъ Буше (Bouchez) въ небольшой статьѣ „*Дарвинизмъ и социализмъ*“ *) подымаетъ вопросъ о сущности *соціологической истины*; только опредѣливъ эту сущность, можно разрѣшить споръ дарвинистовъ съ различными школами въ области экономикѣ. Буше одинаково отвергаетъ какъ крайній индивидуализмъ, такъ и коммунизмъ, но увѣренъ, что нужды и желанія страждущаго человѣчества нѣкоимъ образомъ не могутъ быть удовлетворены болѣе или менѣе равномѣрнымъ сочетаніемъ индивидуализма и социализма. Буше полагаетъ, что общественный строй, къ которому стремится человѣчество, будетъ скорѣе глубокимъ объединеніемъ или „синтезомъ“, а не искусственнымъ сопоставленіемъ обоихъ противоположныхъ принциповъ. При этомъ онъ слѣдуетъ сложившимся подъ влияніемъ Гегеля ученіямъ Прудона и думаетъ, что современный коллективизмъ есть именно тотъ пресловутый высшій синтезъ, въ которомъ исчезаетъ великое противорѣчіе, лежащее въ основѣ социальнаго вопроса. *Индивидуалистическій дарвинизмъ* видитъ въ свободной экономической конкуренціи осуществленіе въ человѣческомъ обществѣ великаго Дарвинова закона жизни: отдѣльный человѣкъ по отношенію къ обществу является тѣмъ же, чѣмъ какой нибудь органъ по отношенію ко всему организму или индивидуумъ ко всему виду. *Антидарвинистическій социализмъ* отвергаетъ ученіе дарвинистовъ на томъ основаніи, что изъ борьбы интересовъ не можетъ возникнуть гармоніи; въ основаніи социальнаго строя должны лежать альтруизмъ и солидарность.

„Мы никогда не повѣримъ, что счастье человѣчества можетъ заключаться въ богатствѣ меньшинства и необезпеченности большинства, въ эгоистическомъ довольствѣ однихъ и полной обездоленности другихъ“.

Буше полагаетъ, что *дарвинистическій социализмъ* ближе всего подходитъ къ правильному разрѣшенію вопросовъ соціологіи. Ошибка дарвинистовъ заключается въ неполномъ примѣненіи ими своей теоріи. Непослѣдовательность и очевидность этой ошибки лучше всего доказываетъ, къ какимъ слабымъ доводамъ и жалкимъ приѣмамъ прибѣгаетъ ортодоксальная политическая экономія. Совершенно правильно утвержденіе

*) Armand Bouchez „Darwinisme et Socialisme“, Paris. 1890.

дарвинистовъ, что къ человѣческому обществу должны быть примѣняемы законы, господствующіе въ жизни животныхъ видовъ,—отсюда, однако, не слѣдуетъ, что борьба за существованіе и естественный подборъ лучше всего воплощаются въ обществѣ, построенномъ на началахъ индивидуализма. Законъ борьбы есть законъ общій какъ для представителей одного и того же вида, такъ и для различныхъ видовъ, изъ которыхъ состоитъ весь міръ животныхъ. Но между обществомъ и отдѣльной личностью существуетъ нѣчто среднее, а именно—различныя группы или классы. Поэтому, въ человѣческомъ обществѣ кромѣ индивидуальной существуетъ и классовая конкуренція. Классовая борьба есть, стало-быть, конечный результатъ, къ которому стремится принципъ дарвинизма въ хозяйственной области, а потому новая форма жизни восторжествуетъ, благодаря дѣйствію тѣхъ самыхъ законовъ Дарвина, которыми думали доказать фактическую невозможность ея реализаціи. Индивидуальная борьба за существованіе происходитъ и среди пролетаріата, но наряду съ ней у рабочаго класса развивается и самосознаніе; рабочіе объединяются, организуются въ сильные союзы, цѣль которыхъ—уничтожить индивидуальную борьбу посредствомъ борьбы высшаго порядка, классовой. Подобное толкованіе теоріи Дарвина гуманнѣе и логичнѣе, чѣмъ индивидуалистическое. Весьма возможно и даже почти достовѣрно, что въ животномъ мірѣ индивидуальная борьба за существованіе сопровождается борьбу видовую, и это достигается посредствомъ слѣпого инстинкта, который руководитъ животнымъ и подсказываетъ ему тѣ или иные движенія и поступки. Но человѣкъ отличается отъ животнаго своимъ разсудкомъ и разумомъ; эти двѣ особенности человѣка должны были видоизмѣнить дѣйствіе законовъ природы на общественное развитіе. Фактъ, что человѣкъ—существо разумное, служить лишнимъ доказательствомъ справедливости того мнѣнія, что настанетъ моментъ, когда люди, не протестуя противъ вѣчныхъ законовъ природы, поймутъ возможность ихъ примѣненія въ высшемъ, духовномъ смыслѣ. Раньше или позже человѣкъ ясно уразумѣетъ, насколько невыгодно ему продолжать и классовую борьбу, если побѣда даннаго класса не устранитъ индивидуальной борьбы за жизнь, въ прежнее время представлявшейся необходимою въ силу низкаго жизненнаго уровня,

составлявшаго удѣлъ членовъ этого класса. Необходимость исключить прежде всего борьбу за существованіе изъ области индивидуальной жизни, раньше или позднѣе, проникнетъ въ сознание трудящагося класса. Война—не вѣчный законъ; природа вещей требуетъ, чтобы раньше или позже наступилъ миръ.

Грантъ-Алленъ, ученикъ Дарвина, признаетъ ученіе о естественномъ развитіи и подборѣ; это, однако, не помѣшало ему перейти въ лагерь научнаго социализма и защищать социалистовъ отъ нападковъ со стороны естествоиспытателей. Бернштейнъ, говоря, во введеніи къ статьѣ, напечатанной въ „Neue Zeit“, о рѣчи Грантъ-Аллена, вызвавшей въ свое время много толковъ, замѣчаетъ, что социалистамъ и раньше часто приходилось выслушивать обвиненія въ несообразности, а именно въ томъ, что социализмъ противорѣчитъ законамъ естественнаго подбора. „Социалисты немедленно признали Дарвинову теорію развитія и происхожденія органическихъ существъ, поскольку она научно обоснована; но они не могли признать, что тотъ законъ природы, который нѣкогда господствовалъ надъ бессознательнымъ и всецѣло зависящимъ отъ природы міромъ, управляетъ и человѣчествомъ, сознавшимъ свое положеніе въ природѣ и подчинившимъ еѣ себѣ; они оспаривали также и оптимистическія утвержденія относительно результатовъ борьбы за существованіе“.

Бернштейнъ и по другому случаю ведетъ полемику съ буржуазными дарвинистами, понимающими равенство въ механическомъ смыслѣ; по его мнѣнію, эти дарвинисты примѣняютъ борьбу за существованіе по разъ принятому шаблону ко всему—растеніямъ, животнымъ и человѣческому роду, и при томъ не разбирая, идетъ ли рѣчь о низшей или высшей ступени общественнаго развитія *).

Грантъ-Алленъ называетъ социалистическій строй послѣднимъ звеномъ въ цѣпи тѣхъ великихъ біологическихъ процессовъ, которые съ момента возникновенія органической жизни постоянно вносили въ растительный и животный міръ прогрессъ. Современная система капитализма и земельной монополіи, говоритъ онъ, задерживаетъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ естественный и половой подборъ. Въ на-

*) Die Neue Zeit № 29. 1893—94, стр. 71.

шемъ общественномъ строѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаются искусственно созданныя преграды и преимущества жизни; мы видимъ вполне правильно организованную систему покровительства и стѣсненій, при которой однимъ загромождается путь, а другимъ открывается широкая дорога; въ виду этой системы законъ выживанія наиболее способныхъ въ настоящее время не имѣетъ примѣненія; между тѣмъ, въ такомъ строѣ общественной жизни, который создаетъ для всѣхъ своихъ членовъ равныя условія, этотъ законъ нисколько не ослабляется, а тѣмъ болѣе не уничтожается. Соціализмъ отнюдь не желаетъ ограничить дѣйствіе закона выживанія наиболее способныхъ, онъ желаетъ бы только устранить искусственно созданныя для отдѣльныхъ людей преимущества и препятствія, онъ желаетъ бы, чтобы *„никому не возбранялось пользоваться необходимыми для жизни средствами и орудіями труда“*. Грантъ-Алленъ проводитъ ту мысль, что борьба за существованіе имѣетъ различныя формы и различныя ступени развитія; онъ утверждаетъ, что индивидуальная борьба за существованіе имѣетъ ограниченныя предѣлы внутри обществъ животныхъ высшаго порядка, что обвиненія, которыя ставятъ соціализму, могутъ быть съ такимъ же правомъ сдѣланы всей цивилизаціи съ самаго ея возникновенія. „Ошибка защитниковъ ничѣмъ не ограниченаго естественнаго подбора заключается въ томъ, что они понимаютъ этотъ подборъ не въ широкомъ біологическомъ, а въ крайне узкомъ смыслѣ. Они имѣютъ въ виду только особь, а не группу или видъ, между тѣмъ біологія привыкла къ тому взгляду, что *раса выстѣпаетъ въ борьбѣ за существованіе, какъ отдѣльная единица*“.

Изъ всѣхъ писателей-соціалистовъ Э. Ферри *) подробно всего изслѣдовалъ вопросъ объ отношеніи дарвинизма къ соціализму. Однако, нельзя съ нимъ согласиться, что собственно марксизмъ есть лишь дальнѣйшее продолженіе теоріи развитія. Вѣдь Марксъ хронологически предшествовалъ Дарвину и Спенсеру и познакомился съ теоріей Дарвина довольно поздно и лишь въ видѣ второстепеннаго пособия. Взгляды Маркса на историческое и общественное развитіе имѣли совершенно другой источникъ, чѣмъ идеи Дарвина, и

*) Sozialismus und moderne Wissenschaft. Leipzig 1895.

уже вскорѣ послѣ 1845 г. получили въ своихъ основныхъ чертахъ вполне опредѣленную форму. Иное дѣло, если рѣчь идетъ не объ историческомъ преемствѣ, но о *логической и методологической* связи марксизма и дарвинизма.

Уже раньше было указано, что Марксъ и Энгельсъ самостоятельно пришли къ нѣкоторымъ выводамъ, которые легли въ основу систематической связи дарвинизма и марксизма.

Ферри отклоняетъ всѣ обвиненія противъ социализма въ томъ, что это ученіе исходитъ изъ положенія о равенствѣ всѣхъ людей. Социализмъ говоритъ слѣдующее: *люди не равны, но они все люди*, т. е.—въ силу неодинаковыхъ условій, среди которыхъ появляется на свѣтъ и развивается отдѣльный человѣкъ, такъ же трудно найти двухъ вполне одинаковыхъ людей, какъ трудно увидѣть на деревѣ два одинаковыхъ листка,—однако всякій человѣкъ, какъ таковой, имѣетъ право на человѣческое существованіе, а не на жалкую жизнь вьючаго животнаго.

Ферри стоитъ также за раздѣленіе труда. Всегда будутъ люди, которые, по развитію мозга и мускулатуры, будутъ болѣе способны къ научной и художественной дѣятельности, чѣмъ другіе, болѣе способные къ полевой работѣ, ремеслу или механическому труду. Но вотъ чего не должно быть и не будетъ въ нормальномъ обществѣ, а именно, чтобы нѣкоторые совсѣмъ не работали, а многіе другіе трудились слишкомъ много или за слишкомъ ничтожное вознагражденіе. Несправедливо утвержденіе, будто социализмъ требуетъ для всѣхъ гражданъ матеріальнаго и позитивнаго равенства какъ труда, такъ и наслажденія. Каждый долженъ работать для поддержанія своего существованія, *все же должны развиваться при равныхъ социальныхъ условіяхъ*. Если люди совершаютъ для общества соответствующую своимъ врожденнымъ или приобрѣтеннымъ способностямъ работу, то ихъ всѣхъ надо считать одинаково заслуженными, такъ какъ они всѣ въ равной мѣрѣ содѣйствовали той солидарности труда, отъ которой зависитъ жизнь общества, а слѣдовательно и индивидуума.

По воззрѣніямъ Ферри, борьба за существованіе—неотдѣлимый элементъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія. Она имѣетъ свои различныя формы и ступени. Постепенному измѣненію цѣлей и идеаловъ, преслѣдуемыхъ въ борьбѣ,

соотвѣтствуетъ постепенное смягченіе способовъ борьбы; закону борьбы за существованіе противопоставитъ законъ солидарности индивидуумовъ одного и того же вида, которому социалисты подчасъ придавали черезчуръ большое значеніе, тогда какъ индивидуалисты, наоборотъ, слишкомъ часто забывали о немъ. „Значитъ, утвержденіе, что естественный подборъ, обусловленный борьбой за существованіе, даетъ выживать *наилучшимъ*, невярно; въ дѣйствительности выживаютъ *наибольше приспособленные*. Эта разница одинаково важна и для естественнаго и для социальнаго подбора. Борьба за существованіе несомнѣнно ведетъ къ выживанію тѣхъ, кто наилучше приспособленъ къ средѣ и данному историческому моменту. Это различіе Ферри на самомъ дѣлѣ очень важно, такъ какъ біологи примѣняютъ представленія *о лучшихъ, достойнѣйшихъ или совершеннѣйшихъ*, не уяснивши себѣ идейно ихъ значенія. Приспособленіе и достоинство—два понятія, которыя необходимо различать. Подборъ наилучше приспособленныхъ обязателенъ вездѣ, даже въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ, однако, часто происходитъ подборъ *нравственно худшихъ*.”

Ферри подчеркиваетъ, что социализмъ добивается безпрепятственнаго развитія самой личности, тогда какъ теперь многіе таланты и силы погибаютъ, не имѣя возможности развиться. „При такихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, въ борьбѣ за существованіе восторжествуютъ лучшіе, такъ какъ въ нормальной средѣ здоровымъ натурамъ обезпечена побѣда“.

Точка зрѣнія, которую вводитъ Ферри, несомнѣнно подвинула вопросъ дальше и уничтожила нѣкоторые возраженія противниковъ, хотя съ другими взглядами его, во всякомъ случаѣ, интересной книги согласиться нельзя *).

Еще раньше, чѣмъ Ферри, далъ подобную же критику понятія о выживаніи лучшаго съ этической точки зрѣнія, Георгъ Гизикскій (Gizycki **) въ своей „Философіи морали“. Гизикскаго, безъ сомнѣнія, можно считать сторонникомъ дарвинизма. Хотя онъ въ то время, когда писалъ свою книгу, не былъ социалистомъ, по взгляды его развиваются все-таки въ этомъ направленіи. Въ послѣдніе годы

*) Сравни критику книги Ферри, данную Каутскимъ въ „Neue Zeit“ XIII Jahrgang № 23, стр. 709.

**) Moralphilosophie 1889. Глава о „Природѣ и Морали“ (Natur und Moral).

своей жизни онъ сталъ убѣжденнымъ социаль-демократомъ, какъ это извѣстно тѣмъ, кто былъ съ нимъ лично знакомъ, и какъ видно изъ изданныхъ послѣ его смерти лекцій по социальной этикѣ *).

Гижицкій изслѣдуетъ значеніе открытаго Дарвиномъ закона для жизни человѣчества. „Принципъ подбора“, законъ, въ силу котораго въ борьбѣ за существованіе выживаютъ наиболѣе приспособленные къ условіямъ жизни—есть выраженіе того, что происходитъ, а не того, что должно происходить: *это законъ природы, но не законъ морали*. Мы подчинены этому естественному закону органической жизни такъ же, какъ и закону притяженія или сохраненія энергіи: совершенно безотносительно къ нашему хотѣнію. „Естественный подборъ“—двигатель, который, управляя вообще жизнью, повліялъ на форму всѣхъ существъ органическаго и специально животнаго міра; это общая сила природы, управляющая и человѣческой жизнью. И что же мы видимъ при этомъ? Много жертвъ физическихъ и моральныхъ бѣдствій, которымъ этотъ законъ не только не препятствуетъ, но даже отчасти ихъ создаетъ. Мы ставимъ себѣ задачей бороться съ міровыми страданіями посредствомъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, находя міръ, каковъ онъ есть безъ нашего вмѣшательства, „не лучшимъ изъ возможныхъ“, а нуждающимся въ улучшеніи, надъ которымъ мы и должны работать. То, что создаютъ общія силы природы, не можетъ служить для насъ мѣриломъ нравственнаго, такъ какъ онѣ создаютъ также все худое. По закону Дарвина, существо лучше всего приспособленное къ „окружающему, къ условіямъ своей жизни, имѣетъ наиболѣе шансовъ сохраниться и размножиться; и это относится какъ ко всѣмъ остальнымъ, такъ и къ человѣческимъ существамъ“. Наиболѣе „приспособленные“, „подходящіе“, „пригодные“ выживаютъ. Между условіями жизни человѣка мы должны различать физическія и социальныя. Какого рода нравственныя качества даютъ обладающему ими возможность выживать? Принципъ „естественнаго подбора“—законъ природы, но не морали; ему, поѣтому, ничто не противорѣчитъ въ исторіи: ни отравленіе Сократа, ни сожженіе Джіордано Бруно.

*) Vorlesungen über sociale Ethik. Berlin 1895.

Сократъ, Джіордано Бруно не были „наиболѣе приспособленными“ къ окружающему ихъ общественному строю, ихъ гибель была слѣдствіемъ ихъ характера. *Когда хочешь опредѣлить, кто будетъ выживающимъ въ данномъ обществѣ, то все зависитъ отъ особыхъ свойствъ* этого общества. Гижницкій цитируетъ Ц. Ц. Эверетта, который, между прочимъ, говоритъ: „Въ самомъ дѣлѣ, общества, въ которыхъ высшія и благороднѣйшія нравственныя качества были бы ручательствомъ за успѣхъ, очень рѣдки“.

Если бы, продолжаетъ Гижницкій, въ какомъ нибудь обществѣ стало преобладать мнѣніе, что „борьба за существованіе“ оправдываетъ или даже требуетъ исключительнаго преслѣдованія своихъ собственныхъ интересовъ, угнетенія или эксплуатаціи слабыхъ сильными, уничтоженія страданія посредствомъ уничтоженія страдающихъ, искорененія совѣсти и природной жалости, которыя сопротивляются всему этому; если бы въ такомъ обществѣ стали развивать эгоизмъ, а жизненная сила и утонченный умъ стали бы его идеаломъ, то оно было бы близко къ паденію, такъ какъ оно работало бы надъ собственнымъ разъединеніемъ, поощряя „борьбу всѣхъ противъ всѣхъ“, которая, въ силу своихъ законовъ, наступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ общности интересовъ.

Такимъ образомъ, „естественный подборъ“, поддерживая справедливое и уничтожая злое, играетъ роль судилища. Познаніе этого ободрить насъ въ стремленіи къ добру и въ борьбѣ со зломъ. Но мы остережемся отъ того, чтобы забыть истинное значеніе этого: не надо забывать, что это лишь власть высшаго люда. Законъ естественнаго подбора—законъ природы и предсказываетъ то, что неизбѣжно должно произойти. Что же это значить? Зло погибнетъ, добро утвердится *при предположеніи существованія добра!* Если по этому закону подвергается подбору только хорошее, то оно вѣдь заранѣе должно быть на лицо. Закону этому не противорѣчитъ то, чтобы, напримѣръ, вымерло все чело-вѣчество, какъ дѣйствительно и вымерли безчисленные виды; изъ закона подбора, наоборотъ, слѣдуетъ, что чело-вѣчество должно вымереть—если въ немъ будетъ преобладать зло *).

Не безъ насъ, а черезъ насъ, черезъ нашу волю, сознающую свои цѣли,

*) См. Darwinismus und Ethik. Deutsche Rundschau 1885.

произойдетъ развитіе въ смыслъ прогресса. То аналогичное справедливости начало, которое проявляется въ дѣйствіяхъ поэтического подбора, не можетъ удовлетворить нашей потребности въ справедливости. Намъ не кажется достаточнымъ возмездіемъ за дурную жизнь то, что грѣхи взыскиваются съ дѣтей до третьяго или четвертаго поколѣнія; мы требуемъ, *чтобы каждому воздавалось по его собственнымъ дѣламъ.*

Вильгельмъ Бельше *) хочетъ объяснить часто противорѣчивое и предубѣжденно отрицательное отношеніе къ социализму многихъ высокостоящихъ въ умственномъ отношеніи и свободлюбивыхъ людей интеллектуальной и политической исторіей послѣднихъ десятилѣтій. Никто не станетъ спорить, что едва ли мыслимо болѣе рѣшительное сведеніе развитія культуры къ чисто природнымъ двигателямъ, чѣмъ то, которое мы находимъ въ современномъ матеріалистическомъ пониманіи исторіи теоретиковъ социаль-демократовъ. Ставя культуру шагъ за шагомъ въ зависимость отъ экономическихъ условій, этотъ взглядъ на исторію, также и въ отношеніи способа естественнаго развитія культуры, близко соприкасается съ тѣмъ факторомъ, который такъ много разъ примѣнялся Дарвиномъ къ давленіямъ внѣшнихъ условій существованія, ведущихъ къ непосредственному приспособленію. Борьба за существованіе происходитъ въ человѣчествѣ и тамъ, гдѣ является борьба за *умственные цѣнности*, за идеи и изобрѣтенія. Упрекъ, будто бы требованія социализма противорѣчатъ аристократическому принципу дарвинизма, опровергается безъ труда. Дарвинъ говорилъ о выборѣ наиболѣе приспособленныхъ. Понятіе о приспособленіи, однако, очень относительно. Гдѣ же современная аристократія? Ни аристократія по рожденію, ни образованный классъ не могутъ быть ею. Образование—привиллегія имущественныхъ классовъ. Но нашу аристократію по образованію никакъ нельзя назвать аристократіей въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ее Дарвинъ. Никто не можетъ доказать, что въ массѣ, которая вовсе не приняла участія въ этомъ подборѣ, не было какъ разъ самыхъ способныхъ къ усвоенію образованія. Социализмъ энергично борется за *свободныя и равныя средства и способы образованія для всѣхъ*, слѣдовательно,

*) Sozialismus und Darwinismus. Der Sozialistische Akademiker II Jahrgang № 5.

сражается, въ самомъ строгомъ смыслѣ, за дарвинистическіе принципы. Такимъ образомъ, въ наше смутное время, опять пробиваетъ себѣ дорогу дарвиническій принципъ подбора. Соціализмъ не стремится къ всеобщему „равенству“ всѣхъ культурныхъ людей. *Онъ требуетъ известнаго равенства общихъ условий развитія всѣхъ индивидуумовъ*, равенства, въ томъ смыслѣ, что всѣ индивидуумы должны начинать свой путь параллельно. Какъ высоко поднимается та или иная параллель въ силу своей внутренней одаренности, это дѣло другое, и пусть дарвинистическіе законы тутъ вступаютъ опять въ дѣйствіе въ самомъ чистомъ видѣ.

Карль Пэрсонъ (Pearson) въ статьѣ: „Соціализмъ и дарвинизмъ“ *) пробуетъ опровергнуть аргументы, приведенные Киддомъ, Спенсеромъ и Гэккелемъ противъ соціализма. Изъ его собственныхъ выводовъ я подчеркиваю слѣдующіе:

Соціалисты не хотятъ упразднить борьбу за существованіе, какъ законъ природы, обозначаетъ ли она борьбу съ физической природой, съ болѣзнью, борьбу между группами или высшей расы съ низшею. Ни одинъ мыслящій соціалистъ не имѣлъ бы ничего противъ эксплуатаціи Уганды на счетъ ея теперешнихъ жителей, если бы въ Англіи былъ голодъ, лишь бы это дѣлалось открыто и съ сознаніемъ своей цѣли, не прикрываясь присылкой миссіонеровъ и учрежденіемъ торговыхъ компаній. Ни одинъ соціалистъ не назоветъ прекращенія конкуренціи внутри группы идеаломъ будущаго. Онъ считаетъ, что исторія общественнаго роста неизбѣжно сопровождается конкуренціей; въ теперешней же борьбѣ, происходящей внутри группъ, онъ видитъ не столько борьбу за существованіе, сколько за *измѣняющуюся степень комфорта и роскоши*. Пэрсонъ думаетъ, что ограниченіе этого рода борьбы не болѣе противорѣчитъ „естественному порядку“, чѣмъ развитіе наиболѣе раннихъ формъ соціальныхъ инстинктовъ у стадныхъ животныхъ, или же развитіе самаго инстинкта материнской любви. Современные соціалисты вполне допускаютъ, что лучшія мѣста, болѣе доходныя и удобныя должности, выпадутъ на долю лучшихъ и болѣе способныхъ работниковъ, и что такъ должно быть въ интересахъ общества.

*) Переведено на нѣмецкій языкъ съ согласія автора д-ромъ Верно Карпелес. Neue Zeit XVI Jahrgang № 23.

Но социалисты хотятъ установить здоровое разграниченіе между совершенствомъ и преимуществами искусственно созданнаго неравенства; они хотятъ избѣжать и того, чтобы побѣда болѣе способнаго или одареннаго вела за собой такое угнетеніе менѣе способныхъ или одаренныхъ, изъ-за котораго социальное равновѣсіе уничтожалось бы бѣдствіями побѣжденныхъ. Соціалистическіе писатели постоянно утверждаютъ, что одна изъ главныхъ задачъ политики, среди которыхъ обобществленіе средствъ производства и общественный контроль труда занимаютъ видное мѣсто—есть уничтоженіе конкуренціи внутри общества; этимъ предупреждается растрата силъ, неизбѣжная при производствѣ, основанномъ на свободной конкуренціи, и открывается просторъ полному развитію производительныхъ силъ общества. Они думаютъ, что, благодаря ослабленію борьбы внутри общества, оно успеетъ въ защитѣ внѣшнихъ опасностей, такъ какъ тогда объединеніе будетъ тѣснѣе и устойчивѣе общества, т. е. его производительныя силы и духовныя традиціи, равномернѣе распредѣлятся на всемъ протяженіи его. Съ другой стороны, однако, болѣе или менѣе авторитетные біологи утверждаютъ, что прогрессъ всякаго общества связанъ съ напряженной борьбой между членами общества. Пэрсонъ оспариваетъ мнѣніе Кидда, что достиженіе высшей ступени цивилизаціи обусловливается обостреніемъ борьбы между индивидуумами, обладающими равными шансами. Такъ какъ Киддъ считаетъ борьбу за существованіе между индивидуумами неустранимымъ закономъ природы, то усиленная конкуренція, вытекающая изъ уравниваній шансовъ борьбы, должна была бы привести или къ совершенному уничтоженію побѣждаемыхъ или къ большей способности воспроизведенія потомства у побѣдителей. *Статистика показываетъ, однако, отсутствіе зависимости между способностью воспроизведенія потомства и успѣхомъ въ жизни.* Если „равенство социальныхъ условій“ обозначаетъ, между прочимъ, что всѣ люди равно свободны въ заключеніи брака и воспроизведеніи потомства, то Киддъ, очевидно, полагается на то, что въ идеальномъ будущемъ обществѣ, гдѣ главнымъ факторомъ, по его мнѣнію, будетъ усиленная индивидуальная борьба, побѣждаемые, обезспленные голодомъ, парализованные пораженіемъ, могли бы быть отстранены или совершенно уничтожены. Если прогрессъ равнозначущъ съ

размноженіемъ при дѣйствіи наслѣдственности въ связи съ подборомъ однихъ и вытѣсненіемъ другихъ—этими слѣдствіями индивидуальной конкуренціи, то онъ равнозначущъ и съ уничтоженіемъ менѣе пригодныхъ формъ. Нельзя, однако, подкапываться подъ жизнь человѣка или задерживать его сильное стремленіе къ воспроизведенію рода, не причиняя еще большихъ бѣдствій и страданій, и мы должны принять, что Киддъ, какъ и Спенсеръ, готовъ заплатить этой дорогой цѣной за великое социальное благодѣяніе прогресса, за „успѣшное дѣйствіе борьбы за существованіе“. — Если состязаніе за успѣхъ въ жизни не ведетъ за собой уничтоженія менѣе пригодныхъ и не мѣшаетъ ихъ воспроизведенію, то совершенно праздно сопоставлять его съ біологическою борьбой за существованіе. Въ рѣзкомъ противорѣчій съ Киддомъ и Спенсеромъ, Парсонъ утверждаетъ, что ограниченіе борьбы, происходящей внутри общества, будетъ имѣть слѣдствіемъ повышение социальной пригодности. Еще не доказано, что у стадныхъ животныхъ какого бы то ни было вида, включая сюда и человѣка, борьба на жизнь и на смерть между индивидуумами одного и того же общества играла какую нибудь роль при естественномъ подборѣ. Не доказано, что въ цивилизованныхъ обществахъ внутренняя борьба за существованіе имѣетъ особенно важное значеніе. Но нѣтъ сомнѣній, что такая борьба можетъ имѣть большую цѣнность въ жизни общества, какъ средство достигнуть возможно высшихъ социальныхъ результатовъ, ставя каждаго человѣка на соотвѣтствующее его качествамъ мѣсто.

Съ другой стороны, такая борьба, если она ведется не въ опредѣленныхъ границахъ за различныя степени благосостоянія, а просто за самое существованіе, весьма рискована, такъ какъ грозитъ равновѣсію общества тѣми неимовѣрными преимуществами, которыя даются единичнымъ личностямъ. И когда говорятъ объ упорядоченіи этого состязанія, то сознаютъ, что этимъ не противорѣчатъ біологическимъ законамъ и космическимъ явленіямъ, а идутъ по тому пути эволюціи, по которому шло до сихъ поръ развитіе цивилизованнаго человѣчества; а это въ томъ же смыслѣ „біологическое“ и „космическое“ явленіе, какъ и исторія развитія муравьевъ или пчелъ.

Въ концѣ этой главы позволю себѣ обратить вниманіе

на мою „Систему моральнаго сознанія“ *), гдѣ я въ главѣ о „теоріи Дарвина и социализмѣ“ занялся тѣмъ же вопросомъ. Тамъ я изслѣдую, есть ли принципъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе, который господствуетъ въ мірѣ органической природы, такой же законъ жизни, какъ и принципъ конкуренціи въ частно-капиталистическомъ и либеральномъ строѣ, и можетъ ли законъ естественнаго подбора достигъ необходимаго признанія также въ социальнo-экономическихъ учрежденіяхъ. Средства и результаты культурно-историческаго и социальнаго подбора относительно иные, чѣмъ условія естественнаго подбора въ животномъ и растительномъ мірѣ. Посредствомъ *техники* и *ума*, обусловленныхъ повышеніемъ умственнаго и физическаго уровня челоѣка, принципъ борьбы за существованіе и подбора отодвигается въ сторону, поэтому его можно переносить на челоѣческий міръ только въ особомъ критически-выясненномъ смыслѣ.

Исторія культуры рода челоѣческаго основана на великихъ біологическихъ принципахъ приспособленія, наслѣдственности и совершенствованія въ борьбѣ за существованіе. Но между дѣйствіями ихъ въ животномъ и челоѣческомъ мірѣ замѣчаются слѣдующія существенныя различія. Во-первыхъ, животныя борются при помощи органическихъ средствъ и съ органическими цѣлями, у людей же являются *техническія орудія* и экономическія средства производства, которыя извнѣ, безъ всякой генетической связи, находятся въ распоряженіи отдѣльныхъ индивидуумовъ. Во-вторыхъ, у животныхъ наслѣдственность—чисто органическая, а у людей существуетъ еще внѣшнее юридически-установленное наслѣдованіе техническихъ орудій труда и затѣмъ капитала. Въ-третьихъ, у животныхъ борьба за существованіе есть состязаніе органическаго производства и воспроизведенія, у людей же, особенно при капиталистическомъ строѣ, является *промышленная конкуренція, борьба за прибыль*, имѣющая очень мало общаго съ естественнымъ подборомъ. Задача общества сдѣлать борьбу между людьми опять естественнымъ, т. е.

*) Ludwig Woltmann. Система моральнаго сознанія, съ подробнымъ изложеніемъ отношенія между критической философіей и дарвинизмомъ и социализмомъ. Дюссельдорфъ, 1898. Стр. 318—327.

соотвѣтствующимъ культурному назначенію человѣка, жизненнымъ принципомъ. При соединеніи производителя со средствами производства, получается основа для *промышленнаго и производительнаго сосязанія личныхъ способностей*, которое опять становится аналогичнымъ прогрессивной борьбѣ за существованіе животнаго міра; такая борьба представляетъ собою средство къ совершенствованію, между тѣмъ какъ коммерческая конкуренція внутри товаропроизводительнаго капиталистическаго общества приводитъ къ вырожденію и горькой нуждѣ.

ГЛАВА III.

Дарвинисты—противники социализма.

Первымъ дарвинистомъ, который возражалъ противъ социалистическихъ стремленій, исходя изъ ученія Дарвина, является Густавъ Іегеръ *). Нѣсколько произвольно устанавливаетъ онъ двѣ формы обобществленія, изъ которыхъ одну называетъ органической, а другую—коммунистической. Для первой—умственное развитіе весьма полезно, для второй—вредно. При коммунистической формѣ общества принимаются въ соображеніе только тѣ выгоды, которыя являются результатомъ умноженія числа членовъ общества и сконцентрированія многихъ силъ для одной общей цѣли—защиты или нападенія. Одно уже это обстоятельство освобождаетъ каждаго члена этого стада отъ части работы, которою онъ долженъ былъ бы заняться для самозащиты, и необходимымъ слѣдствіемъ этого является уменьшеніе какъ соотвѣствующихъ способностей, такъ и интенсивности чувства самосохраненія. „По этому случаю я не могу не осудить съ точки зрѣнія сравнительной зоологій столь напущившую недавно коммунистическую идею. Кто требуетъ отъ человѣчества, чтобы оно вернулось къ коммунистической формѣ общества, т. е. къ состоянію стада овецъ, тотъ требуетъ отъ отдѣльнаго человѣка, чтобы онъ принялъ характеръ овцы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣло идетъ не только о вышесказанномъ ослабляющемъ вліяніи орудій защиты, но также и объ обстоятельствахъ, относящемся къ воспитанію дѣтенышей.

*) Die Darwinistische Theorie und ihre Stellung zu Moral und Religion. Stuttgart 1869.

Въ настоящемъ случаѣ положеніе дѣтенышей, для защиты которыхъ животное должно развить и усовершенствовать всѣ свои силы души и тѣла, занимаетъ собственность. Мы могли бы сдѣлать еще слѣдующее зоологическое сравненіе: самыми тупыми, психически неразвитыми оказываются тѣ млекопитающіе, которыя тащутъ съ собой въ сумкѣ своихъ дѣтенышей и такимъ несложнымъ способомъ воспитываютъ ихъ. Далеко выше тѣ животныя, которыя должны заботиться о своихъ дѣтенышахъ, скрывая ихъ въ болѣе или менѣе искусно устроенныхъ убѣжищахъ инося имъ туда пищу. Итакъ, освободите человѣка отъ заботъ о собственности, и тотчасъ же онъ опустится, по сравненію съ людьми, не сдѣлавшими этой глупости, на ту же ступень умственного развитія, какую въ ряду млекопитающихъ занимаютъ сумчатые.

Какъ ни печально и, въ то же время, ни комично это осужденіе „съ точки зрѣнія сравнительной зоологіи“, я однако вывелъ его изъ забвенія, чтобы показать, до чего можетъ дойти безстыдное невѣжество естествоиспытателя, когда дѣло касается общественныхъ вопросовъ. Достоинство удивленія это мудрое мнѣніе, что болѣе равномерное распредѣленіе благъ приведетъ людей къ состоянію сумчатыхъ! Такого рода фразы можно психологически объяснить тѣмъ, что авторъ случайно что то слышалъ о „нашумѣвшей“ недавно коммунистической идеѣ, но, къ сожалѣнію, не расширилъ своихъ занятій сравнительной зоологіей настолько, чтобы подвергнуть нашумѣвшія идеи болѣе глубокому анализу. „Дарвинизмъ“, восклицаетъ Іегеръ, „становится на сторону собственности противъ домогательствъ коммунизма“. Пусть же, выслушавъ Іегера, никто не повторяетъ безсмыслицы, что ученіе Дарвина опасно для государства и общества!

Приходится только удивляться тому, что вообще долженъ вытерпѣть дарвинизмъ! Въ той же самой книгѣ Іегеръ восклицаетъ, что дарвинизмъ борется „за общество противъ эгоизма“, и самъ Іегеръ провозглашаетъ любовь къ ближнему высшимъ закономъ, обуславливающимъ общественную жизнь. Не только социалисты, но и его коллеги—дарвинисты совершенно въ правѣ по этому поводу пожать плечами.

Болѣе глубокому изслѣдованію со стороны естествоиспы-

тателей-дарвинистовъ подвергся социализмъ въ рѣчи Рудольфа Вирхова, произнесенной на 50-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ (1877). Въ этой рѣчи Вирховъ старается обнаружить слабыя стороны увлеченія Геккеля дарвинизмомъ и стремленія его распространить это ученіе. По Вирхову, теорія Дарвина, если послѣдовательно проводить ее, имѣетъ весьма опасную сторону, „и, прибавляетъ онъ, надѣюсь, отъ васъ не скроется то обстоятельство, что социализмъ соприкасается съ этой теоріей. Вотъ что мы обязаны вполне уяснить себѣ“. Чтобы выставить со всею силою опасность, грозящую отъ социалистическаго характера ученія Дарвина, Вирховъ отождествляетъ дарвинизмъ съ ученіемъ, которое навело такой ужасъ на многихъ въ сосѣдней странѣ... Какъ ни велики заслуги Вирхова въ патологій и антропологій, однако, эти его мнѣнія не имѣютъ никакого реальнаго и принципиальнаго значенія, такъ какъ этотъ реакціонный прогрессистъ и до сихъ поръ не обнаружилъ болѣе или менѣе яснаго пониманія ни социализма, ни дарвинизма. Несмотря на это, Вирховъ представилъ глазамъ „образованнаго и имущаго общества“ ту сторону ученія Дарвина, которая казалась опасной въ политическомъ отношеніи, и этимъ вызвалъ со стороны естествоиспытателей болѣе серьезное обсужденіе проблемы. Изъ такихъ естествоиспытателей наиболѣе достойны вниманія Оскаръ Шмидтъ и Эрнстъ Геккель.

Оскаръ Шмидтъ *) упрекаетъ Вирхова въ томъ, что онъ низводитъ ученіе Дарвина на степень козла отпущенія за грѣхи „наиболѣе волнующаго умы“ социальнаго явленія нашего времени.

Справедливо, по мнѣнію О. Шмидта, утвержденіе, что нѣкоторые представители социаль-демократіи пытаются подтвердить свое ученіе теоріей Дарвина. Но эти социалисты сваливаютъ въ одну кучу два ученія, имѣющія мало или рѣшительно ничего общаго между собой или даже другъ друга исключаютъ. Это обстоятельство вполне ясно для другой части социаль-демократовъ, думающихъ, что принципъ Дарвина представляетъ собой переходный пунктъ, который дол-

*) Darwinismus und Sozialdemocratie. Ein Vortrag, gehalten bei der 51. Versammlung deutscher Naturforscher und Ärzte in Cassel 1878.

женъ быть пройденъ прежде, чѣмъ новая форма общества сможетъ осуществиться на дѣлѣ. Затѣмъ О. Шмидтъ даетъ очеркъ *экономіи животныхъ* и изслѣдуетъ вопросъ о томъ, каково отношеніе между собой въ животномъ мірѣ частнаго и коллективнаго капитала, съ одной стороны, и частнаго и коллективнаго производства, съ другой. Большинство животныхъ работаетъ отдѣльно, каждое для себя. Ихъ орудія труда (частный капиталъ) составляютъ члены ихъ тѣла; то, что они добываютъ, они сами и потребляютъ для поддержанія своей жизни. Они ничего не собираютъ въ житницы. Только у животныхъ высшихъ классовъ мы находимъ ассоціацію труда и заботу о будущихъ поколѣніяхъ — инстинкты, которые могутъ быть объяснены, какъ унаслѣдованныя и закрѣпленныя привычки; всѣ эти инстинктивныя дѣятельности превращаются въ работу съ постепенно накопленнымъ и унаслѣдованнымъ частнымъ капиталомъ. Чтобы сдѣлать заключеніе изъ сказаннаго, О. Шмидтъ напоминаетъ о давно извѣстномъ положеніи, *что у тѣхъ животныхъ, у которыхъ встрѣчаются коммунистическія и социалистическія отношенія, эти отношенія тѣмъ болѣе распространены, чѣмъ ниже стоятъ животныя*; наоборотъ, если у болѣе высоко организованныхъ животныхъ и появляются учрежденія, напоминающія социалистическій принципъ, то при распредѣленіи результатовъ коллективнаго производства все болѣе вырисовывается эгоизмъ отдѣльной особи. Автору, однако, не приходится въ голову сдѣлать отсюда заключеніе, что и въ человѣческомъ обществѣ не можетъ быть иначе; но мы здѣсь затронули бы тотъ пунктъ, который заняла социаль-демократическая философія въ вопросѣ о развитіи въ животномъ мірѣ.

Сравнительная зоологическая экономія, или экологія, какъ ее называетъ Гэккель, можетъ быть, весьма интересна для біологовъ, но ни одинъ соціологъ не былъ еще настолько глупъ, чтобы на основаніи существованія какого бы то ни было коммунистическаго порядка въ животномъ мірѣ требовать такого же для человѣческаго общества. Однако, съ болѣе высокой, объединяющей точки зрѣнія исторіи развитія, не только позволительно, но даже необходимо изучать экономію животнаго міра и людей, исходя изъ общихъ принциповъ. При этомъ, конечно, слѣдуетъ быть болѣе осторож-

нымъ, чѣмъ О. Шмидтъ, не говорить, слѣдую одной только внѣшней аналогіи, о частномъ капиталѣ, коллективномъ производствѣ и коммунизмѣ животныхъ и не примѣнять эти разсужденія въ цѣляхъ полемики.

λ Согласно воззрѣнію автора настоящей книги, дарвинизмъ разрушаетъ иллюзію равенства всѣхъ людей. *Дарвинизмъ есть научное обоснованіе неравенства*; поэтому, съ нашей стороны, нѣтъ необходимости отдѣльно возражать противъ утвержденія, что главное пріобрѣтеніе теоріи Дарвина заключается будто бы въ строгомъ признаніи положенія о равенствѣ всѣхъ людей. Это утвержденіе относительно дарвинизма ровно ни на чемъ не основано.

О. Шмидтъ впадаетъ также въ ошибку, смѣшивая идею Дарвина о борьбѣ за существованіе съ принципомъ экономической конкуренціи. „Результатъ нашего изслѣдованія выражается въ томъ, что социаль-демократы, когда они ссылались на ученіе Дарвина, этого ученія не понимали; если же они его, въ видѣ исключенія, и понимали, то не знали, какъ его примѣнить, и должны были отрицать принципъ, который отъ него совершенно неотдѣлимъ,—принципъ конкуренціи“. На это я отвѣчаю: ошибка всѣхъ почти буржуазныхъ дарвинистовъ заключается въ томъ, что они рассматриваютъ борьбу за существованіе въ организованномъ мірѣ растений и животныхъ сквозь весьма суживающія кругозоръ очки экономической конкуренціи, существующей въ буржуазномъ обществѣ, которая ничуть не является общеобязательною для человѣческаго общества вообще и тѣмъ менѣе для всего органическаго міра. Всякій видъ растений и животныхъ имѣетъ свои специфическія условія существованія и развитія, и точно также ихъ имѣетъ всякій экономическій періодъ человѣческаго общества, въ исторіи котораго періодъ буржуазной капиталистической конкуренціи начался не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Борьба за существованіе въ своей абстрактной формѣ есть общеобязательный біологическій законъ. Отрицать это не приходило въ голову и самому ослѣпленному коммунисту. Но на различныхъ ступеняхъ органической и социальной жизни формы и результаты этой борьбы за существованіе различны. При всякой формѣ жизни общество, и внутри общества индивидуумъ, должны заботиться и работать, чтобы добывать средства

къ жизни, потому что ни одно живое существо не можетъ избѣгнуть этихъ необходимыхъ и естественныхъ условій существованія. Форма же и организація этой работы и есть культурная задача обществъ. Конечно, важно прекратить или, по крайней мѣрѣ, ограничить туборьбу за существованіе, которая, въ формѣ буржуазной капиталистической конкуренціи, по мѣткому замѣчанію Маркса, представляетъ собой состязаніе въ погонѣ за прибылью. Это также естественно и даже гораздо естественнѣе, чѣмъ ссылаться на „неизбѣжный принципъ конкуренціи“, совсѣмъ не существующій у животныхъ въ той формѣ, которой социальдарвинисты требуютъ для человѣческаго общества.

На доводы Доделя, что при настоящихъ социальныхъ отношеніяхъ принципъ естественнаго подбора, т. е. сообразнаго съ природою развитія, совсѣмъ или не вполне осуществляется,—на вопросъ, образуютъ ли дѣйствительно наиболѣе одаренную отъ природы часть общества тѣ, которые стоятъ на высшей ступени общественной лѣстницы, наконецъ, на требованіе предоставить всѣмъ тѣмъ милліонамъ, которые сегодня и завтра явятся въ свѣтъ, равныя права на развитіе, благодаря чему каждый отъ природы одаренный индивидуумъ могъ бы усовершенствовать свои природныя дарованія — на все это О. Шмидтъ коротко и ясно отвѣчаетъ: „Я не могу признать правильнымъ такое толкованіе естественнаго и искусственнаго подбора. Во время развитія общества каждый обезпечивалъ свое существованіе при помощи тѣхъ средствъ, которыя оказались въ его распоряженіи, т. е. при помощи богатства, унаслѣдованнаго положенія, унаслѣдованныхъ и личныхъ физическихъ и моральныхъ свойствъ и т. п.“ Но здѣсь то и начинается дѣйствительная и трудная социальная задача. О. Шмидтъ отказывается, однако, отъ критики этого „естественнаго“ хода вещей. Можно согласиться съ его пониманіемъ человѣческой исторіи развѣ только тогда, когда онъ утверждаетъ, что изъ понятія о естественной борьбѣ за существованіе ничуть не слѣдуетъ, что въ этой борьбѣ побѣдителями всегда являются наиболее достойные въ физиологическомъ отношеніи или—относительно борьбы человѣческой—въ отношеніи морально. „Мы желали бы, но не можемъ, подняться до такого идеала, чтобы когда нибудь было такъ, и чтобы мы, поэтому, должны были представить себѣ конецъ развитія въ видѣ

всеобщаго совершенства. Несмотря на это, мы вовсе не пессимисты, но тотъ многообразный прогрессъ, который обнаруживаетъ живая и неживая природа, не можетъ сдѣлать наше міровоззрѣніе совершенно оптимистическимъ. Этотъ прогрессъ есть асимптотическое приближеніе *) къ идеалу совершенства, и, сознавши это, мы признаемъ право на стремленіе къ совершенству, но не стремимся схватить это совершенство руками“.

О. Шмидтъ еще одинъ разъ защищалъ дарвинизмъ отъ нападокъ Вирхова **). „Если бы социалисты мыслили вполне ясно, то они должны были бы стараться о томъ, чтобы скрыть ученіе о происхожденіи, такъ какъ оно вполне ясно показываетъ, эти социалистическія ученія невыполнимы“. Вирховъ долженъ былъ бы въ другую сторону направить свои нападки на крайности социализма. „До сихъ поръ человечество развивалось такимъ образомъ, что добрыя идеи всегда побѣждали. Для нашего поколѣнія борьба за существованіе превращается въ благородную борьбу за истину“. Трудно разгадать, какъ борьба за истину можетъ согласоваться съ „неизбѣжнымъ принципомъ конкуренціи“.

Точно также, какъ и О. Шмидтъ, Эрнстъ Геккель выступилъ противъ взглядовъ, связывающихъ теорію происхожденія организмовъ съ социаль-демократіей ***).

„Какая связь“, восклицаетъ онъ въ изумленіи, „можетъ быть между теоріей происхожденія видовъ и социализмомъ? Уже давнымъ давно самымъ различнымъ образомъ и съ различныхъ сторонъ было показано, что эти двѣ теоріи уживаются такъ, какъ огонь съ водой“. Доводы Геккеля заключаются въ слѣдующемъ:

Именно теорія происхожденія организмовъ показываетъ ясно, чѣмъ всякая другая научная теорія, что равенство

*) Асимптотой въ геометріи называютъ прямую, неопредѣленно приближающуюся къ кривой, но никогда ея не достигающую; другими словами, асимптота есть касательная къ кривой, съ бесконечно удаленной точной касанія.

***) Ausland № 48. 26. Nov 1877.

***) Freie Wissenschaft und freie Lehre. 1878 VI Abschnitt: Descendenztheorie und sozial-democratie, стр. 70—77.

индивидуумовъ, котораго старается достигнуть социализмъ, невозможно, и что оно находится въ непримиримомъ противорѣчїи съ существующимъ на самомъ дѣлѣ вездѣ и необходимымъ неравенствомъ.

Социализмъ требуетъ для всѣхъ гражданъ равныхъ правъ, равныхъ обязанностей, равныхъ благъ, равныхъ наслажденій. Теорія же происхожденія, наоборотъ, показываетъ, что осуществленіе этого требованія совершенно невозможно, и что въ государственныхъ организаціяхъ людей, какъ и у животныхъ, ни права и обязанности, ни блага и наслажденія никогда не будутъ и не могутъ быть равны для всѣхъ членовъ. Великій законъ спеціализаціи или дифференціаціи какъ во всеобщей теоріи развитія, такъ и въ біологической ея части, учитъ насъ тому, что разнообразіе явленій происходитъ изъ первоначальнаго единства, разнородность отправленій—изъ первоначальнаго равенства, соединенная воедино организація—изъ первоначальнаго однообразія. Условія жизни у всѣхъ индивидуумовъ неравны съ самаго начала ихъ существованія; болѣе или менѣе неравны и унаслѣдованныя свойства, а также „задатки“ способностей; какъ же могутъ быть совершенно одинаковы задачи жизни и ихъ результаты? Чѣмъ болѣе развита государственная жизнь, тѣмъ настойчивѣе выступаетъ великій принципъ *раздѣленія труда*, тѣмъ болѣе положеніе всего государства требуетъ, чтобы его члены распредѣлились по своимъ разнообразнымъ и многообразнымъ жизненнымъ задачамъ, и, такъ какъ *работы*, которую долженъ исполнить каждый, и связанная съ ней затраты силъ, ловкости, имущества и т. д. въ высшей степени разнородны, то естественно, что и вознагражденіе за трудъ должно быть въ высшей степени различно. Это такія простыя и очевидныя истины, что слѣдовало бы ожидать, что всякій благоразумный и непредубѣжденный политикъ будетъ рекомендовать теорію происхожденія, какъ и вообще теорію развитія, какъ лучшее противоядіе противъ *безточечнаго вздора, заключающагося въ стремленіи социалистовъ къ равенству*.

Однимъ словомъ дарвинизмъ, т. е. теорія подбора—такъ какъ въ своемъ заявленіи Вирховъ собственно имѣлъ въ виду скорѣе эту теорію, чѣмъ всегда смѣшиваемый съ ней трансформизмъ, т. е. теорію происхожденія—дарвинизмъ есть все, что угодно, только не социалистическое ученіе!! Если этой

англійской теоріі приписать опредѣленную политическую тенденцію—что, безъ сомнѣнія, вполне возможно—то эта тенденція только аристократическая, ничуть не демократическая и всего менѣе социалистическая! Теорія подбора учитъ насъ тому, что въ жизни людей, какъ и въ жизни растений и животныхъ, всегда и вездѣ можетъ существовать и процвѣтать пользующееся преимуществами меньшинство, между тѣмъ какъ громадное большинство бѣдствуетъ и болѣе или менѣе преждевременно погибаетъ. Безчисленны зародыши всѣхъ родовъ растений и животныхъ, безчисленны особи, происходящія изъ этихъ зародышей! Но несоотвѣтственно мало, наоборотъ, число тѣхъ счастливыхъ особей, которыя развиваются до полной зрѣлости и дѣйствительно достигаютъ преслѣдуемой ими цѣли жизни. Жестокая и беспощадная „борьба за существованіе“, которая свирѣпствуетъ и, согласно законамъ природы, должна свирѣпствовать во всей живой природѣ, эта непрестанная и неумолимая конкуренція всего живаго, есть неопровержимый фактъ; только избранное меньшинство признанныхъ лучшими и одаренныхъ можетъ счастливо ее выдержать, между тѣмъ, какъ значительное большинство конкурентовъ необходимо должно несчастливо погибнуть! Можно глубоко сожалѣть объ этой трагической дѣйствительности, но ее нельзя ни отрицать, ни измѣнить. Много званныхъ, но мало избранныхъ! „Селекція“, „подборъ“ этихъ „избранныхъ“ необходимо связаны съ злополучной гибелью сдѣлавшагося лишнимъ большинства. Другой англійскій естествоиспытатель опредѣляетъ, поэтому, сущность дарвинизма именно, какъ „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“ или „побѣду лучшихъ“. Этотъ принципъ подбора во всякомъ случаѣ не демократиченъ, но, наоборотъ, аристократиченъ въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова! И если, по мнѣнію Вирхова, дарвинизмъ, послѣдовательно проведенный, имѣлъ для политиковъ „весьма опасную сторону“, то эта опасная сторона можетъ оказаться только въ томъ, что она благопріятствуетъ аристократическимъ стремленіямъ. Но какимъ образомъ социализмъ нашего времени можетъ оказаться связаннымъ съ этими стремленіями, и какимъ образомъ отсюда могутъ быть выведены ужасы парижской коммуны,—это, говоритъ Гэккель, мнѣ, откровенно говоря, совершенно непонятно.

Между прочимъ, по мнѣнію Гэккеля не мѣшаетъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать, какъ опасно такого рода непосредственное перенесеніе естественно-научныхъ теорій въ область практической политики. Въ высшей степени запутанныя отношенія культурной жизни нашего времени требуютъ отъ практическаго дѣятеля такого осмотрительнаго и безпристрастнаго обсужденія, такого основательнаго предварительнаго знакомства съ исторіей, а также и критическаго отношенія къ дѣлу, что онъ только съ величайшей осмотрительностью и осторожностью позволить себѣ такого рода примѣненія „естественнаго закона“ къ практикѣ культурной жизни. „Я лично, говоритъ Гэккель, всего менѣе политическій дѣятель. Мнѣ недостаетъ для этого, въ противоположность Вирхову, какъ таланта, такъ и необходимой подготовки, а также склонности и призванія. Если я при случаѣ и давалъ естественно-научнымъ теоріямъ политическое толкованіе, то эти субъективные мнѣнія не имѣютъ никакого объективнаго значенія“.

„Какъ мало совпадаютъ въ человѣческой жизни теорія и практика, какъ мало стараются именно призванные представители господствующихъ ученій проводить въ практическую жизнь естественныя послѣдствія своихъ ученій, это, мнѣ кажется, всего поразительнѣе показываетъ исторія христіанства. Христіанская религія, какъ и буддійская, отдѣленная отъ догматическихъ положеній, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ весьма гуманное ядро, и именно эта гуманная часть христіанскаго ученія, которая провозглашаетъ равенство всѣхъ людей передъ Богомъ, эта заповѣдь „любѣ ближняго, какъ самого себя“, вообще „любовь“ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, сочувствіе всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ и т. д., именно эти стороны христіанскаго ученія такъ *естественны*, такъ благородны, такъ чисты, что мы безъ долгихъ размышленій присоединяемъ ихъ къ этическому ученію монистической естественной религіи. Да, „соціальныя инстинкты“ высшихъ животныхъ, на которыхъ мы основываемъ вышесказанное (напримѣръ, достойное удивленія чувство долга у муравьевъ и т. д.) именно и можно назвать христіанскими въ лучшемъ значеніи этого слова“.

Этотъ способъ разсужденія, представляющій безъ сомнѣнія, интересную точку зрѣнія, не лишенъ и глубокихъ внут-

ренныхъ противорѣчій. Гэккель говоритъ, что равенство индивидуумовъ, котораго старается достигнуть социализмъ, невозможно. Въ то время, какъ другіе противники говорятъ, что социализмъ утверждаетъ равенство людей, здѣсь заявляется, что онъ добивается этого равенства и требуетъ для всѣхъ гражданъ равныхъ правъ и равныхъ обязанностей, равныхъ благъ и равныхъ наслажденій. Но и то и другое есть ни на чемъ не основанное заблужденіе. Требованіе равныхъ правъ и равныхъ обязанностей въ социальномъ смыслѣ вовсе не есть особенность социализма; эти требованія и идеи провозгласило само буржуазное общество въ исходѣ среднихъ вѣковъ, но не могло послѣдовательно провести ихъ въ практику государственной и хозяйственной жизни. Что касается до равныхъ благъ и равныхъ наслажденій, то этого никогда не требовалъ новѣйшій социализмъ, и если бы кто нибудь потребовалъ, то можно было бы только пожать плечами, такъ какъ это уже чистый вздоръ.

Гэккель высказываетъ то, достойное вниманія, предостереженіе, что естественно-научныя теоріи должны быть только съ большою осторожностью переносимы въ область практической политики. Къ сожалѣнію, онъ пренебрегаетъ собственнымъ предостереженіемъ. Въ примѣненіи теоріи подбора онъ не различаетъ, идетъ ли рѣчь о жизни людей, животныхъ или растений. Борьба въ видѣ конкуренціи *естественна* и свирѣпствуетъ и должна свирѣпствовать во всей природѣ—и, несмотря на это, онъ называетъ эти истинно гуманныя стороны, эту „соціаль-демократическую“ часть христіанскаго ученія такой *естественной*, благородной и чистой; несмотря на это, онъ позже, въ другомъ своемъ сочиненіи утверждаетъ, что высшимъ закономъ разумной религіи остается любовь къ человѣчеству—и именно въ *естественномъ* равновѣсіи между эгоизмомъ и альтруизмомъ, между любовью къ себѣ и любовью къ ближнему. „Не дѣлай другимъ того, чего ты не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ“.—Этотъ *естественный* высшій законъ былъ уже провозглашенъ и исполняемъ тысячелѣтія прежде, чѣмъ Христосъ училъ: „люби ближняго, какъ самого себя“. Гэккель играетъ понятіемъ *естественнаго*, которое у него заключаетъ въ себѣ противорѣчивые элементы. Вѣдь это полное смѣшеніе понятій—приписывать дарвинизму аристократическую тенденцію. Это только

необходимый путь всего человѣческаго познанія переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, слѣдуя путеводной нити аналогій; такъ, вся біологическая какъ и фізіологическая, наука примѣнила къ органическому міру понятія, заимствованныя изъ человѣческаго общества, его техники, политики и экономики, и затѣмъ эти же понятія, но уже съ болѣе глубокимъ и богатымъ содержаніемъ, опять были перенесены въ соціальную науку. Но такое перенесеніе при недостаточномъ логическомъ размышленіи можетъ привести къ путаницѣ и къ ошибочнымъ толкованіямъ. Такъ ошибочно переносить по шаблону политическое понятіе аристократіи на естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе въ органическомъ мірѣ, а еще неумѣстнѣе это послѣднее соціально-фізіологическое понятіе перенести опять въ соціальную исторію человѣчества и дѣлать отсюда практическіе выводы для опроверженія плохого понятаго ученія. Дарвинизмъ, въ этомъ болѣе ограниченомъ политическомъ смыслѣ, ни аристократиченъ, ни демократиченъ. Связь между органическимъ соціальнымъ міромъ слишкомъ многосторонняя и слишкомъ сложная, чтобы можно было ее научно выразить посредствомъ устарѣлаго политическаго лозунга.

Гэккель напрасно указываетъ на то, что условія жизни для всѣхъ индивидуумовъ съ самаго начала ихъ существованія не одинаковы. Весьма вѣроятно, что у животныхъ одного и того же рода вначалѣ существуетъ извѣстное равенство во внѣшнихъ условіяхъ существованія, именно, въ условіяхъ воспитанія, защиты, питанія и обученія со стороны родителей и окружающей природы. Въ настоящее время существуетъ уже фактически нѣкоторое равенство въ условіяхъ развитія всѣхъ членовъ общества, что является результатомъ развитія буржуазіи, и никто еще не высказалъ мнѣнія, что невозможно, съ точки зрѣнія соціальной или хозяйственной, сдѣлать внѣшнія условія жизни еще болѣе равномѣрными. Въ этомъ заключается принципъ справедливости. Кромѣ того, социализмъ никогда не отвергалъ того, что способности индивидуумовъ различны, и онъ ничуть не хочетъ, да и не можетъ, отрицать это. Социализмъ, наоборотъ, выступаетъ за полное развитіе индивидуумовъ. Но онъ, однакожъ, правъ и тогда, когда старается показать, что многія свойства и способности, которыя считаются естественно

унаслѣдованными, представляютъ собой необходимыя слѣдствія произвольныхъ и специально-созданныхъ социальныхъ положеній. Определить въ точности, что человѣку врожденно и что является слѣдствіемъ въ опредѣленномъ направленіи дѣйствующихъ обстоятельствъ, весьма трудно. Затѣмъ прямо смѣшно, когда Гэккель выдвигаетъ противъ социалистовъ принципъ раздѣленія труда. Если бы онъ только бросилъ взглядъ на сочиненія Маркса, то убѣдился бы, что именно Марксъ болѣе всѣхъ другихъ экономистовъ напиралъ на историческую и культурную необходимость хозяйственнаго раздѣленія труда; кромѣ того, Гэккель также понялъ бы, что социалисты стараются по возможности стѣснить и ограничить послѣдствія техническаго раздѣленія труда, гибельныя въ физическомъ, моральномъ и социальномъ отношеніяхъ. Гэккель помнитъ только о полезныхъ сторонахъ чрезмѣрнаго и неуравновѣшеннаго раздѣленія труда и забываетъ о тѣхъ сторонахъ его, которыя ведутъ къ вырожденію.

▲ Несмотря на то, что Гэккель раньше самъ предостерегалъ отъ примѣненія естественно-научныхъ теорій къ вопросамъ практической социальной политики, онъ позже выступилъ противъ социализма съ тѣми же старыми и неизмѣненными призрачными аргументами. Можно было бы думать, что Гэккель за это время—въ теченіе пятнадцати лѣтъ—лучше ознакомился съ сущностью социализма *). Онъ провозглашаетъ новѣйшее ученіе о развитіи самымъ дѣйствительнымъ и удобнымъ оружіемъ противъ неправильныхъ ученій социаль-демократіи.

„Если еще и теперь господинъ Бебель и другіе вожаки социалистовъ иногда стараются обосновать свои утопическія теоріи на ученіи о развитіи и специально на ученіи Дарвина, то они этимъ только показываютъ, что не знаютъ или не

*) Я долженъ здѣсь упомянуть, что я разъ (весной 1894 года) еще студентомъ посѣтилъ Гэккеля, съ цѣлью его интервьюировать относительно дарвинизма и социализма. Я тогда убѣдился въ томъ, что Гэккель имѣетъ весьма слабое понятіе объ историческихъ и экономическихъ ученіяхъ социализма. Только отсюда можно понять, какъ такой непредубѣжденный и свободно-мыслящій изслѣдователь можетъ такъ грубо ошибаться.

понимають основныхъ положеній этого ученія, потому что дарвинизмъ, теорія подбора является, при свѣтѣ безпристрастной критики, *принципомъ аристократическимъ*, такъ какъ она основывается на „подборѣ лучшихъ“. Раздѣленіе труда, на которомъ преимущественно основывается прогрессирующее развитіе органическаго міра, *съ необходимостью обуславливаетъ постоянно увеличивающееся неравенство индивидуумовъ, ихъ дѣятельности, образованія и положенія*. Чѣмъ болѣе *возрастаетъ* чело-вѣческая культура, тѣмъ болѣе *возрастаютъ* различія и переходныя ступени тѣхъ разнообразныхъ классовъ работниковъ, которые содѣйствуютъ ея сложному устройству. Коммунизмъ и требуемое социаль-демократіей равенство условій существованія и отправленій было бы равносильно повороту къ варварству, къ первоначальному животному состоянію дикихъ сыновъ природы *).

Тяжелые упреки и безпочвенные аргументы, которые Гэккель приводитъ здѣсь противъ социализма, по существу тѣ же, что и прежніе. Но кто же хотѣлъ обосновать социализмъ на ученіи Дарвина? Никогда это не приходило въ голову Марксу и Энгельсу, а другіе социалисты только въ видѣ дополненія привели эти два ученія въ систематическую связь. Къ тому же, съ научной точки зрѣнія ошибочно мнѣніе, что дарвинизмъ выражаетъ аристократическій принципъ. Дарвинъ говоритъ о переживаніи наиболѣе приспособленныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Кто же эти „наилучшіе“, или аристократы? Если Гэккель послѣдовательно мыслить, то онъ долженъ считать наилучшими „юнкеровъ“ и капиталистовъ. Но развѣ подборомъ можно объяснить ихъ появленіе? Если бы Гэккель захотѣлъ дать дѣйствительное спеціальное примѣненіе своимъ общимъ фразамъ, то его невѣжество въ социально-политическихъ вопросахъ стало бы ему самому яснымъ. Затѣмъ, это только ложный выводъ, что раздѣленіе труда должно по необходимости привести къ возрастающему неравенству индивидуумовъ, неравенству ихъ дѣятельности, образованія и положенія. Для того люди и прибѣгаютъ къ сознательной социальной политикѣ, чтобы воспрепятствовать гибельнымъ послѣдствіямъ этого закона

*) Die Weltanschauung des neuen Kurses. Freie Bühne Jahrgang 1892. S. 308.

природы; въ томъ и заключается культура и нравственность, чтобы противопоставить раздѣленію и дифференцированію объединеніе силъ и гармоническое развитіе; вѣдь, этой то реакціей своей воли на дѣйствія законовъ природы и отличается человѣкъ отъ животнаго. Мы, далѣе, несогласны также и съ тѣмъ, что выполняемая каждой отдѣльной личностью работа „въ высшей степени“ различна, и что вознагражденіе за эту работу естественно должно быть „въ высшей степени“ различно; мы того мнѣнія, что въ экономическомъ отношеніи возможно, а въ нравственномъ отношеніи необходимо сдѣлать болѣе равномерными работу и матеріальную обеспеченность отдѣльныхъ лицъ, если, какъ этого требуетъ Гэккель, хотъ немного сообразоваться съ любовью къ ближнему и справедливостью. Для этого, однако, вовсе не должны быть по шаблону равны работа и вознагражденіе, но только необходимо обобществленіе орудій производства.

Нужно признать также неудачной рекомендацію Гэккелемъ ученія Дарвина о развитіи, какъ лучшее противоядіе противъ беспочвеннаго будто бы вздора, заключающагося въ стремленіи къ равенству. Кромѣ того, въ сочиненіяхъ Гэккеля можно найти много фразъ, которыя обнаруживаютъ, что онъ новѣйшій общественный порядокъ не признаетъ чисто „дарвинистическимъ“, какъ можно было бы ожидать, судя по предыдущему. Въ послѣднемъ изданіи его „Естественной исторіи сотворенія“ находимъ слѣдующія фразы, которыя звучатъ иначе: „Съ помощью новой монистической философіи мы, наконецъ, начнемъ освобождаться отъ печальнаго состоянія соціального варварства, въ которомъ мы все еще погрязли, несмотря на прославленную цивилизацію нашего вѣка. Къ сожалѣнію, слишкомъ еще вѣрно въ этомъ отношеніи замѣчаніе знаменитаго Альфреда Уоллеса, которымъ онъ закончилъ рассказъ о своемъ путешествіи: сравнительно съ нашимъ изумительнымъ прогрессомъ въ естественныхъ наукахъ и ихъ практическихъ примѣненіяхъ, наша система управленія, юстиціи, народнаго воспитанія и вся наша соціальная и моральная организація пребываетъ еще въ состояніи варварства“ *).

*) *Natürliche Schöpfungsgeschichte* 1898. S. 810.

ли выразится кто нибудь. Извѣстны жестокіе нападки Геккеля на неестественный „медицинскій и клерикальный подборъ“. Очень жаль, что неестественный капиталистическій подборъ совершенно ускользнулъ отъ его пронизательности.

Къ дарвинистамъ, противникамъ социализма, слѣдуетъ причислить и В. Прейера, который въ своемъ сочиненіи: „Конкуренція въ природѣ“ *) примѣнилъ основныя положенія ученія Дарвина къ человѣческому обществу. Онъ обстоятельно разсматриваетъ условія и результаты борьбы за существованіе въ природѣ и приходитъ къ заключенію, что они примѣнимы и къ отношеніямъ людей между собой. „Уничтоженіе свободной конкуренціи съ помощью фантазій о равенствѣ или равной справедливости для всѣхъ относительно всѣхъ потребностей жизни,—фантазій, о которой мечтаетъ сбившійся съ толку социализмъ,—такое уничтоженіе имѣло бы послѣдствіемъ непосредственное превращеніе здороваго государственнаго организма въ умирающій трупъ“. Тяжелое обвиненіе, но читатель уже знаетъ, что оно есть результатъ ложнаго и полнаго предубѣжденій представленія.

Конкуренція, доказываетъ Прейеръ, есть не только душа промышленности и торговли, но и самый могучій рычагъ прогресса въ мірѣ наукъ и искусствъ, самое вѣрное поощреніе къ труду, самообразованію, къ развитію всѣхъ свойствъ характера, всѣхъ талантовъ и добродѣтелей, къ усовершенствованію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія какъ отдѣльной личности, такъ и всего народа. Никто не можетъ избѣгнуть конкуренціи, все равно, хочетъ ли онъ того, или нѣтъ. Всякій въ жизни идетъ впередъ и добивается счастья и удачи, т. е. главной цѣли своихъ стремленій, только тогда, когда усиливаетъ свою способность конкурировать.—Все это было бы прекрасно, если бы соотвѣтствовало дѣйствительности социальной жизни.

Прейеръ полагаетъ также, что, благодаря конкуренціи, развиваются всѣ стороны ума и сердца. Онъ рѣшительно не способенъ понять, какъ могли усмотрѣть во всемъ этомъ объясненіи дарвинизмомъ сущности конкуренціи неизменное представленіе о нравственности, по которому эгоизмъ является будто бы единственнымъ мотивомъ всѣхъ человѣческихъ по-

*) Nord und Süd, февраль 1879.

ступковъ. Не подлежитъ, правда, сомнѣнію, что у очень значительнаго большинства людей, какъ и у большинства животныхъ эгоизмъ является мотивомъ, опредѣляющимъ поступки. Изъ-за этого, однако, не теряютъ своего значенія самоотверженіе, безкорыстіе, самопожертвованіе, исполненіе своихъ обязанностей. Относительно этого, однако, можно быть и другого мнѣнія, такъ какъ Прейеръ совсѣмъ забываетъ объяснить, какъ вообще могла конкуренція въ борьбѣ за существованіе развитъ нравственныя качества. Онъ видитъ только „добродѣтельныя свойства конкурентовъ“ и „безконечно благотворное оживляющее дѣйствіе конкуренціи въ области социальной жизни“. Темныя стороны ея ему совершенно незнакомы. Его хвалебная пѣснь свободной конкуренціи касается только идеологической абстракціи ея, но ничуть не дѣйствительно важнаго фактора общественной жизни.

Подобнымъ же иллюзіямъ предался Прейеръ еще и раньше въ своемъ сочиненіи „Борьба за существованіе“, появившемся въ 1869 году *). По его мнѣнію, никогда не можетъ наступить перенаселеніе, такъ какъ несоотвѣтствіе между народонаселеніемъ и количествомъ пищи всегда выравнивается. Смерть все регулируетъ. Такъ есть и такъ будетъ: худшее, менѣе жизнеспособное вымираетъ, а, слѣдовательно, болѣе совершенное побѣждаетъ и выживаетъ. Что дѣйствительно прирожденные преимущества, въ концѣ концовъ, рѣшаютъ дѣло въ этой борьбѣ за существованіе—это очевидно. Всякій знаетъ, что сильный, здоровый и способный ребенокъ имѣетъ болѣе шансовъ жить и сдѣлаться полезнымъ членомъ общества, чѣмъ ребенокъ слабый, болѣзненный, уродливый и менѣе способный. Впрочемъ, когда ребенокъ рождается, трудно сказать, къ чему онъ всего болѣе способенъ. Для этого необходимо воспитаніе. Можно согласиться съ этими теоретическими соображеніями Прейера, но необходимо поставить слѣдующій вопросъ: какъ обстоитъ дѣло съ развитіемъ и воспитаніемъ въ дѣйствительной жизни, въ которой дѣти пролетаріевъ, имѣютъ, большею частью, весьма слабую возможность развиться, несмотря на природную даровитость и способности. Далѣе Прейеръ говоритъ: „всякій самъ куетъ свое

*) Bonn 1869.

счастіе, но какъ ковать безъ желѣза? Желѣзо—это талантъ, унаслѣдованный помимо рабочей силы отъ родителей и предковъ“. Но я здѣсь поставлю слѣдующій вопросъ: что такой талантливый кузнецъ *безъ наковальни*? Вотъ въ этомъ то и заключается основной пунктъ всей соціальной проблемы! Рожденные пролетаріями не имѣютъ своей наковальни, на которой они могли бы выковать свое счастье и развить свой талантъ.

Прейеръ тоже ошибается, когда думаетъ, что товаръ всегда улучшается капиталомъ, потому что очень часто товаръ, наоборотъ, ухудшается посредствомъ поддѣлокъ и обмановъ. „Конкуренція есть прогрессъ“. Дальше я покажу, что, съ другой стороны, конкуренція есть регрессъ.

„Каждый человѣкъ участвуетъ въ состязаніи отъ колыбели до могилы, все равно хочетъ ли онъ этого или нѣтъ, и дѣло сводится только къ тому, чтобы честно бороться“. Конечно, дѣло всегда сводится къ честности оружія. Но относительно того, какое оружіе честно, существуютъ разногласія. Между тѣмъ какъ въ Германіи недавно изданный законъ противъ нечестнаго способа конкуренціи напрасно старается защитить мелкихъ конкурентовъ отъ крупныхъ, многіе социалисты придерживаются того взгляда, что и „весьма честная“ конкуренція крупнаго эксплуатирующаго трудъ капитала необходимо должна погубить мелкія производства.

Еще раньше, чѣмъ Дарвинъ обнародовалъ свои сочиненія, Гербертъ Спенсеръ выразилъ въ 1851 году аналогичныя мысли въ своемъ сочиненіи „Соціальная Статика“.

У всѣхъ низшихъ животныхъ, пишетъ онъ, господствуетъ состояніе всеобщей войны, которое въ общемъ итогѣ даетъ благотворные результаты. Плотоядные животныя удаляютъ изъ стадъ травоядныхъ не только тѣхъ особей, которыя уже состарѣлись, но также всѣхъ болѣзненныхъ, уродливыхъ, неповоротливыхъ и слабѣйшихъ. Благодаря этому процессу очистки, а также и благодаря общей борьбѣ во время спариванія, устраняется возможность ухудшенія расы вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія слабѣйшихъ ея представителей и обезпечивается такое тѣлосложеніе, которое соотвѣтствуетъ окружающимъ условіямъ. Благодаря этому, большею частью достигается и благоденствіе. Развитіе высшихъ животныхъ

составляетъ приближеніе къ такому состоянію благоденствія, которое не нарушается прежними недостатками. Въ чело-
вѣчествѣ достигается совершенство. Цивилизація есть по-
слѣдняя ступень его осуществленія. Идеальный человѣкъ
тотъ, въ которомъ выполнены все условія этого совер-
шенства. Несмотря на это, благосостояніе существующаго
человѣчества и его приближеніе къ этому нынѣшнему со-
вершенству обезпечивается тѣмъ же благодѣтельнымъ, хотя
строгимъ, подборомъ, которому подчинено все живущее, под-
боромъ, который безжалостно старается достигнуть только
хорошаго, закономъ, преслѣдующимъ только благополучіе, и
никогда не ослабѣвающимъ для того, чтобы облегчить тѣ
или другія преходящія страданія. Нищета неспособныхъ,
бѣдствія, которыя постигаютъ глупыхъ, голодь лѣнивыхъ и
тѣ побѣды сильныхъ надъ слабыми, вслѣдствіе которыхъ
столь многіе впадаютъ въ нужду и несчастье, все это резуль-
таты одного великаго, обусловливающаго въ будущемъ бла-
годенствіе, закона. Чтобы приспособиться къ соціальному
состоянію, человѣкъ не только долженъ отбросить свою ди-
кость, но онъ долженъ также приобрѣсть тѣ способности, ко-
торыя необходимы для соціальной жизни. Должно быть раз-
вито неослабѣвающее прилежаніе, и умъ долженъ измѣниться
въ такомъ направленіи, чтобы сумѣть пожертвовать малой
выгодой въ настоящемъ для большой выгоды въ будущемъ.
Переходное состояніе будетъ, конечно, полно бѣдствій. Все
бѣдствія, которыя намъ причиняютъ столько горя, и которыя
кажутся непосвященнымъ очевиднымъ слѣдствіямъ тѣхъ или
другихъ отдаленныхъ причинъ, представляютъ неустра-
нимыя сопутствующія явленія этого прогрессивнаго приспо-
собленія. Неизбѣжная необходимость заставляетъ чело-
вѣчество стремиться къ опредѣленному положенію, побуждаетъ его
къ гармоніи съ нимъ и заставляетъ переносить страданія,
какіе придется. Этотъ процессъ необходимо перенести и стра-
данія необходимо претерпѣть. Никакая сила на землѣ, ни-
какія хитро-придуманые законы государственныхъ дѣяте-
лей никакія мечты друзей чело-вѣчества объ улучшеніи міра,
никакое коммунистическое всеисцѣляющее средство, никакія
реформы, которыя люди когда-нибудь предпринимали или
предпримутъ, не могутъ ни на іоту облегчить страданій.
Муки эти могутъ усиливаться и дѣйствительно усиливаются,

и въ ослабленіи этого усиленія челоуѣколюбіе найдетъ обширное поле дѣятельности. Но съ этимъ измѣненіемъ естественно связаны многія страданія, которыхъ нельзя облегчить, не нарушая основныхъ законовъ жизни. Само собою, конечно, понятно, что, поскольку жестокость процесса смягчается, благодаря самопроизвольному состраданію людей, она и должна уменьшиться, хотя можно, безъ сомнѣнія, причинить и вредъ, если оказать сочувствіе, не имѣя въ виду конечной цѣли. Но неудобства, отсюда возникающія, ничто въ сравненіи съ тѣмъ благодѣяніемъ, которое, съ другою стороны, достигается. Только тогда, когда это сочувствіе приводитъ къ нарушенію справедливости, когда оно приводитъ къ вмѣшательству, которое съ точки зрѣнія закона равной свободы неумѣстно, наконецъ, тогда, когда оно въ какой-нибудь области жизни нарушаетъ связь между внутреннимъ строеніемъ общества и условіями его существованія, такое сочувствіе причиняетъ безусловное зло; симпатія тогда уничтожаетъ свою собственную цѣль, такъ какъ вмѣсто того, чтобы облегчать страданія, оно ихъ увеличиваетъ. Въ самомъ дѣлѣ, она благопріятствуетъ увеличенію числа тѣхъ, которые всего менѣе приспособлены къ жизни и этимъ мѣшаетъ увеличенію числа наиболѣе приспособленныхъ, такъ какъ предоставляетъ имъ меньшее поле дѣятельности. Она стремится къ тому, чтобы наполнить міръ такими людьми, которымъ жизнь готовитъ большія страданія, и удалить оттуда такихъ, которымъ жизнь могла бы принести наибольшія паслажденія. Она причиняетъ значительный вредъ и мѣшаетъ дѣйствительному счастью.

Подробнѣе излагаютъ Спенсеръ приведенные здѣсь принципы въ своемъ „Введеніи въ изученіе соціологіи“ *). Онъ разсматриваетъ общество, какъ организмъ, и констатируетъ „основное родство“, дѣйствительную аналогію между индивидуальнымъ и соціальнымъ организмомъ, такъ какъ и въ томъ и другомъ господствуютъ извѣстныя необходимыя условія, опредѣляющія ихъ развитіе. Общество опредѣляется закономъ раздѣленія труда и господства. „Человѣческое существо есть конечная проблема біологіи и первоначальный

*) См. II часть: „Біологическая подготовка“. (Есть и русскій переводъ этого сочиненія Спенсера).

факторъ социологін“. Исходя изъ біологическихъ истинъ, Спенсеръ высказывается противъ вмѣшательства государства въ отношенія гражданъ. Если бы, утверждаетъ онъ, государство предоставило каждому гражданину создать себѣ столько добра, сколько онъ сможетъ, и перетерпѣть все зло, которое онъ самъ себѣ причинитъ, то такого рода политика, въ концѣ концовъ, была бы благотѣльна. При естественномъ ходѣ вещей, индивидуумы съ несовершеннымъ развитіемъ гибнутъ прежде, чѣмъ производятъ потомство, и предоставляютъ наиболѣе надѣленнымъ соотвѣтствующимъ развитіемъ произвести слѣдующее поколѣніе. У людей, однако, дѣйствуютъ установленныя и узаконенныя ими мѣры, которыя, удаляя или уменьшая тѣ или другія неблагопріятныя вліянія, предупреждаютъ нѣкоторые роды смерти, вслѣдствіе чего и происходитъ увеличеніе числа болѣе слабыхъ, которые выживаютъ и оставляютъ потомство. Вслѣдствіе этого, является болѣе слабое тѣлосложеніе, уменьшеніе силы. Результатомъ всего этого является „все большее число представителей слабѣющей расы“.

Спенсеръ, однако же, хочетъ оставить открытымъ вопросъ о томъ, въ какой именно мѣрѣ защита слабыхъ должна быть задержана. „Моя цѣль весьма проста и заключается въ томъ, чтобы показать, какая широкая біологическая истина лежитъ въ основаніи раціональныхъ заключеній въ социологін, а также, что пренебреженіе этими заключеніями можетъ привести къ большимъ бѣдствіямъ“.—Кромѣ столь частаго пренебреженія тѣмъ обстоятельствомъ, что *качество общества* въ физическомъ отношеніи понижается искусственнымъ охраненіемъ слабыхъ его членовъ, имѣетъ мѣсто столь же частое пренебреженіе и тѣмъ обстоятельствомъ, что искусственнымъ охраненіемъ тѣхъ, которые всего менѣе способны сами о себѣ заботиться, понижается качество общества въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ. Кто отрицаетъ наслѣдованіе интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ, тотъ можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что самые дѣятельные, способные, умные и добросовѣстные люди умираютъ, не оставивъ потомства, между тѣмъ какъ беззаботные и нечестные люди оставляютъ много дѣтей.

Но кто не соглашается съ этимъ неразумнымъ положеніемъ, тотъ долженъ признать, что общественныя учрежде-

пія, облегчающія увеличеніе числа худшихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, должны оказаться въ высшей степени вредными.

Слабая способность поддерживать себя собственными силами должна, при постоянно уменьшающемся примѣненіи, появиться въ потомствѣ еще въ меньшемъ размѣрѣ. Тотъ всеобщій законъ, который мы раньше наблюдали, изслѣдуя физическое строеніе общества, мы можемъ наблюдать и здѣсь, рассматривая его духовное состояніе. Слѣдствіемъ удаленія трудностей и опасностей, которыя могутъ быть побѣждены умомъ и дѣятельностью, является уменьшеніе способности одолѣвать ихъ. Такъ какъ *лучшіе*, кромѣ необходимости поддерживать себя и свое потомство, должны еще взять на себя заботу о худшихъ и ихъ потомствѣ, то они подвергаютъ чрезмѣрному напряженію свои силы. Это обстоятельство въ однихъ случаяхъ мѣшаетъ имъ жениться, въ другихъ—уменьшаетъ число ихъ дѣтей, въ третьихъ является причиной недостаточнаго питанія ихъ дѣтей, въ другихъ, наконецъ, дѣлаетъ ихъ дѣтей сиротами. Такимъ образомъ, все сводится къ тому, что число лучшихъ во всякомъ случаѣ уменьшается, ихъ качество ухудшается, и они спускаются къ среднему уровню худшихъ.

Воспитывать лѣнтяя трудами работающаго въ высшей степени безчеловѣчно: это умышленное накопленіе бѣдствій для будущихъ поколѣній. Нѣтъ большаго проклятія для послѣднихъ, какъ завѣщать имъ подростящее населеніе изъ безтолковыхъ, праздношатающихся и преступниковъ. Благопріятствовать худшимъ въ ихъ размноженіи есть то же, что намѣренно создать нашимъ потомкамъ извѣстное число враговъ. Поэтому Спенсеръ осуждаетъ филантропію, которая не думаетъ объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ и „причиняетъ большую сумму бѣдствій, чѣмъ величайшій эгоизмъ“. Значительный вредъ создается тѣми учрежденіями, которыя въ общемъ берутъ на себя задачу сохранить лѣнтяевъ и „мѣшаютъ тому естественному выдѣлительному процессу, благодаря которому общество все болѣе и болѣе очищается“.

Въ 1884 году Спенсеръ въ собраніи своихъ статей „The Man versus the State“ (Индивидуумъ противъ государства) снова отстаивалъ взгляды, изложенныя имъ уже въ „Соціальной статикѣ“, и охваченный радикальнымъ индивидуализмомъ онъ,

съ точки зрѣнія естественнаго развитія, провозглашаетъ борьбу за личное существованіе необходимымъ двигателемъ всяческаго прогресса, между тѣмъ какъ всѣ мѣры, предпринимаемыя государствомъ для защиты больныхъ и слабыхъ, старается представить, какъ проступки противъ естественнаго закона жизни. Въ статьѣ „The sins of Legislators“ (Грѣхи законодателей) онъ восклицаетъ: „всякій социализмъ заключаетъ въ себѣ рабство“. Полнѣйшее незнакомство Спенсера съ сущностью новѣйшаго социализма есть недостатокъ, общій ему и почти всѣмъ теоретикамъ ученія о развитіи. Интересна слѣдующая цитата: „Въ теченіе третіи столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ были обнародованы эти положенія, я не имѣлъ никакого основанія отказаться отъ точки зрѣнія, на которой я тогда стоялъ. Наоборотъ, за это время этотъ взглядъ у меня укрѣпился, вслѣдствіе большей очевидности доказательствъ. Благодѣтельные слѣдствія переживанія приспособленныхъ гораздо больше, чѣмъ изображено выше. Въ процессѣ естественнаго подбора, какъ назвалъ его Дарвинъ, процессѣ, который дѣйствуетъ съ тенденціей уклоненія и унаслѣдованія этого уклоненія, этотъ ученый указалъ только главную (хотя, какъ я увѣренъ, не единственную) причину того развитія, благодаря которому всѣ равныя существа, начиная съ самыхъ низшихъ, все болѣе и болѣе расходясь въ своихъ свойствахъ, достигли настоящей ступени организаціи и приспособленія къ условіямъ существованія. Съ этой истиной такъ свыклись, что не нужно никакой оговорки, чтобы здѣсь ее высказать. И не смотря на это, какъ это ни удивительно, именно въ настоящее время, когда эта истина извѣстна большинству образованныхъ людей, когда благодѣтельное воздѣйствіе этого переживанія наиболѣе приспособленныхъ оказало на нихъ такое впечатлѣніе, что слѣдовало бы ожидать отъ нихъ скорѣе, чѣмъ отъ людей прошлаго времени, что они откажутся ставить помѣхи этому воздѣйствію,—именно теперь они болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, стараются не о чемъ иномъ, какъ только о томъ, чтобы добиться переживанія *наименѣе* приспособленныхъ“. Подъ „неприспособленными“ Спенсеръ подразумѣваетъ идіотовъ, слабоумныхъ, безумныхъ, сумашедшихъ, пьяницъ, преступныхъ, развратныхъ и т. д., которые размножаются все болѣе вслѣдствіе ложной гуманности и филантропическихъ законовъ.

Прямо по адресу социализма направлено слѣдующее сочиненіе Спенсера: „Отъ свободы къ рабству“ *). Соціализмъ хочетъ уничтожить систему конкуренціи и это, по мнѣнію Спенсера, означаетъ введеніе мощнаго принудительнаго союза, въ которомъ всякому опредѣлена мѣра работы и средства къ жизни. „Когда прекращается конкуренція и вмѣстѣ съ ней купля и продажа, то нѣтъ мѣста обмѣну той или другой работы на тотъ или другой товаръ, но работа и товаръ опредѣляются назначенными для этого чиновниками; и такое опредѣленіе имѣетъ принудительный характеръ“. Спенсеръ съ полнымъ правомъ указываетъ на блестящія благодѣтельныя послѣдствія системы конкуренціи, а также и на то, что большая часть тѣхъ средствъ производства и того богатства, которыя такъ отличаютъ нашу цивилизацію отъ дикой некультурности и дѣлаютъ возможной жизнь большаго количества людей на небольшой территоріи, обязаны своимъ появленіемъ борьбѣ за существованіе. Онъ, правда, выставляетъ также на видъ и разнообразный вредъ и темныя стороны системы конкуренціи, но все же онъ достаточно пристрастенъ для того, чтобы видѣть въ договорѣ людей въ промышленности „свободный“ договоръ. Вся критика буржуазной экономіи, кажется, осталась совершенно неизвѣстной Спенсеру, а эта критика утверждаетъ, что мнимая свобода труда есть идеологическая фраза и для наемныхъ рабочихъ означаетъ величайшее социальное припужденіе. Конечно, то изображеніе социализма, которое набрасываетъ Спенсеръ, есть его собственное изобрѣтеніе, и всякій социалистъ съ нимъ охотно соединится, чтобы одолѣть *этотъ* социализмъ. „Моя борьба противъ социализма имѣетъ своей причиною увѣренность въ томъ, что онъ долженъ мѣшать движенію человѣчества къ высшему положенію и скорѣе низвести его къ болѣе низкому. Только медленное измѣненіе человѣческой натуры съ помощью *дисциплины социальной жизни* дѣлаетъ возможными продолжительныя и благодѣтельныя измѣненія“.

Соціализмъ вовсе не желаетъ, какъ это думаетъ Спенсеръ, „уничтожить тотъ простой принципъ, что каждый долженъ самостоятельно преслѣдовать свою цѣль жизни и обязанъ

*) Есть русскій переводъ.

только оставаться въ тѣхъ предѣлахъ, которые устанавливаетъ для него *равное право* его согражданъ“. Наоборотъ, новѣйшій социализмъ исторически и принципиально есть истинное дитя либерализма; но онъ рассматриваетъ эти „границы“ и эти „равныя права“ либерализма немного тщательнѣе и находитъ, что они—чистыя иллюзіи.

Съ точки зрѣнія социализма вполне естественно и самою собою понятно, что каждый долженъ самъ о себѣ заботиться и дѣятельно преслѣдовать свою цѣль жизни, но весь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ, т. е. на какомъ всеобщемъ социальномъ базисѣ, естественнѣйшемъ и наиболѣе справедливомъ, можетъ быть осуществлена эта личная отвѣтственность за себя индивидуума. Вотъ эту то сторону старается гарантировать социализмъ съ помощью общаго владѣнія средствами производства.

Какимъ противникомъ социализма является Спенсеръ, исходя изъ теоріи развитія и подбора, показываетъ всего лучше письмо, адресованное имъ Ферри, который въ своей книгѣ „Социализмъ и новѣйшая наука“ помѣстилъ Спенсера и Дарвина въ значительной и компрометирующей близости съ Марксомъ. Спенсеръ пишетъ: „Мнѣніе, которое, какъ вы говорите, общепринято и согласно которому мои идеи благопріятствуютъ социализму, меня очень огорчило и, могу сказать, возмутило. Трудно придумать мнѣніе, болѣе противорѣчащее истинѣ. Въ Англіи и заграницей я извѣстенъ какъ главный защитникъ идеи индивидуализма, и я могу только удивляться смѣлости тѣхъ, которые пользуются моимъ именемъ для обоснованія социализма. Не менѣе я былъ пораженъ тѣмъ, что имя Дарвина также можетъ послужить этой цѣли. *Съ самаго начала моей писательской дѣятельности было извѣстно мое враждебное отношеніе къ социализму. Ученіе о естественномъ подборѣ*, которое, въ его примѣненіи къ социальной жизни, было мной изложено въ 1850-мъ и 1852-мъ годахъ, и которое было болѣе подробно обосновано Дарвиномъ въ его книгѣ: „О происхожденіи видовъ“, *діаметрально противоположно ученію социалистовъ*, и кто примѣняетъ мои идеи для обоснованія социализма, должно быть, плохо съ ними знакомъ, а если онъ съ ними знакомъ, то онъ долженъ признаться въ грубѣйшемъ искаженіи ихъ. Я раньше не одинъ разъ заявлялъ свое убѣжденіе въ томъ, что осуществленный на

практику социализм принес бы величайшее несчастье, которое когда нибудь постигало нашъ міръ, и что онъ превратился бы въ военный деспотизмъ. Предоставляю Вамъ обнародовать это мое письмо. Гербертъ Спенсеръ“.

Что касается научныхъ трудовъ Спенсера, то вмѣстѣ съ Дарвиномъ и Марксомъ онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ обоснованіи исторіи развитія соціальной жизни. Онъ вполне послѣдовательно примѣняетъ къ человѣческому обществу біологическіе принципы, но при этомъ у него прокрадывается цѣлый рядъ ошибокъ. Онъ смѣшиваетъ понятія „наиболѣе приспособленные“ и „лучшіе.“ За фізіологическимъ представленіемъ человѣческой исторіи Спенсеръ совершенно забываетъ объ экономической сторонѣ ея развитія и не принимаетъ во вниманіе происходящихъ отсюда усложненій. Спенсеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія унаслѣдованія свойствъ, прибрѣтенныхъ путемъ упражненія и неупражненія органовъ, ученія, на которое въ послѣдніе годы нападали Вейсманъ, Уоллесъ и др. Кромѣ того, Спенсеръ имѣетъ весьма поверхностное понятіе о сущности новѣйшаго социализма. Съ другой стороны, его выдающаяся заслуга заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на органическую сторону общества и поставилъ ее въ основаніе нравственныхъ обязанностей. Правда, Спенсеръ заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ соціально-политическихъ проектахъ, когда, хотя и по праву, осуждаетъ ложно и губительно дѣйствующую симпатію. Уоллесъ осторожнѣе и деликатнѣе разрѣшилъ ту же проблему, воздавъ, на ряду съ признаніемъ человѣческаго подбора, должное также и чувствамъ любви и симпатіи къ людямъ. Пріятно настойчивое провозглашеніе Спенсеромъ правъ личности и семьи надъ всемогуществомъ государства и законодательства, но Спенсеръ совершенно забываетъ изслѣдовать соціальное и экономическое основаніе, на которомъ эти права личности могутъ развиваться и проявить свое дѣйствіе. Онъ мыслитъ только фізіологическими аналогіями; экономическая точка зрѣнія у него является на второмъ планѣ, и отсюда намъ становится понятнымъ его несогласіе съ социализмомъ.

Другой англійскій мыслитель, знаменитый естествоиспытатель Т. Г. Гексли *), также противникъ социализма, но не

*) Th. H. Huxley. Soziale Essays. Berechtigte deutsche Ausgabe mit einer Einleitung von Alexander Tille. Weimar 1897.

столько съ точки зрѣнія теоріи подбора, сколько вслѣдствіе убѣжденія, что природа обнаруживаетъ неравенство людей. Въ настоящее время стало модой съ презрѣніемъ смотрѣть съ высоты новѣйшаго естествознанія на ученіе Руссо о естественномъ равенствѣ людей и о первобытномъ ихъ состояніи. Противъ этого ученія страстно возражаетъ также и Гексли, по мнѣнію котораго социальное неравенство есть только результатъ естественнаго. „Толпа *дитей* становится политическимъ цѣлымъ, *civitas*, съ ея правами на собственность и ея практическими различіями въ рангъ и могуществовъ. И все это не является результатомъ насилія или обмана, а только необходимымъ слѣдствіемъ неравенства прирожденныхъ способностей“. Гексли упрекаетъ социализмъ въ томъ, что онъ хочетъ вести войну противъ естественнаго неравенства и замѣнить его искусственнымъ равенствомъ. Гексли цѣлкомъ находится во власти призрака перенаселенія, но онъ, однако, достаточно остороженъ для того, чтобы отвергнуть идеи тѣхъ дарвинистовъ социаль-политиковъ, которые, съ одной стороны, требуютъ въ природѣ неограниченнаго господства борьбы за существованіе и подбора, а съ другой, съ помощью искусственной системы воспитанія стараются примѣнить законы животной жизни къ человѣческому обществу. Въ своихъ двухъ статьяхъ: „Эволюція и этика“ *) Гексли слѣдующимъ образомъ излагаетъ слѣдующія своеобразныя воззрѣнія:

Онъ сравниваетъ садоводство, какъ искусственное созданіе, съ естественнымъ состояніемъ природы, такъ какъ садовникъ, регулируя и взращивая тѣ или другія растенія, воздѣйствуетъ на міръ растеній. Гексли затѣмъ сравниваетъ съ садоводствомъ человѣческое разселеніе и образованіе общества, которое опять таки представляетъ созданіе искусственное.

Представимъ себѣ какую нибудь администрацію, которая также обдуманно воздѣйствуетъ на человѣческое общество, какъ садовникъ на міръ растеній. Борьба за средства существованія прекращается и точно также устраняется совершающійся, благодаря ей, естественный подборъ. Наступаетъ искусственный, основанный на идеалѣ и выполняемый администраціей, подборъ. Но этотъ рай земной не останется и безъ своего змѣя—увеличенія населенія. Тогда или опять

*) Есть русскій перев.

наступить теперешняя борьба за существованіе, или администраторъ начнетъ руководствоваться научными соображеніями, т. е. станетъ планомѣрно истреблять или исключать лишннихъ. „Безнадежно больные, одряхлѣвшіе, слабые или уродливые тѣломъ или душой, излишекъ новорожденныхъ истребляются точно такъ же, какъ садовникъ выпалываетъ уродливыя и излишнія растенія или скотоводъ закалываетъ тотъ скотъ, который ему не нравится. Только сильнымъ и здоровымъ, заботливо спарованнымъ для полученія поколѣнія, наиболѣе отвѣчающаго цѣлямъ администратора, позволяется далѣе размножать свою породу“. Изъ всѣхъ безчисленныхъ попытокъ глубже проникнуть въ основные законы естественнаго развитія или въ то, что подъ этимъ подразумѣвается, примѣнительно къ соціальной и политической проблемѣ,—попытокъ, появившихся въ послѣдніе годы, значительная часть основана на допущеніи, что человѣческое общество въ состояніи выставить собственными силами такого администратора, соблюдающаго интересы вида. Для этого необходимо деспотическое правительство, обладающее сверхъестественной прозорливостью и жестокостью, „такъ какъ оба эти свойства необходимы для выполненія основного закона улучшенія посредствомъ подбора съ безпощадной послѣдовательностью, такъ какъ отъ этого вполне зависить результатъ“. Гексли, впрочемъ, не увѣренъ въ томъ, чтобы самый прозорливый знатокъ человѣческихъ характеровъ смогъ, если ему предоставитъ сотню мальчиковъ и дѣвочекъ моложе 14-ти лѣтъ, съ малѣйшею надеждою на правильный выборъ, подобрать, съ одной стороны, тѣхъ, которые должны быть сохранены, какъ несомнѣнно полезные члены общества, а съ другой стороны тѣхъ, которые подъ хлороформомъ должны быть устранены, такъ какъ они представляютъ равную поруку въ томъ, что они будутъ ограничены, лѣнны или порочны. „Признаки“ хорошаго или дурного гражданина на самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе распознаются, чѣмъ признаки молодой собаки или теленка короткорогой породы. Многіе изъ нихъ проявляются не раньше, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда практическія затрудненія жизни побуждаютъ зрѣлаго уже мужа къ напряженію всѣхъ своихъ силъ. А въ это время несчастіе уже совершилось. Человѣкъ оказался негоднымъ, имѣлъ уже возмож-

пость размножить потомство, и подборъ совершенно не удался. Не говоря уже о томъ, что такой логическій идеаль опеки надъ развитіемъ въ фантастическомъ государствѣ, заслуживающемъ названія хорошей голубятни, вполне недостижимъ вслѣдствіе невозможности имѣть такого строго-ученаго администратора, этому противодѣйствуетъ уже одно стремленіе каждаго отдѣльнаго человѣка—отстаивать самого себя и стремиться къ естественной свободѣ, выражающейся въ стараніи насладиться радостями жизни и избѣжать страданія. Помѣхами свободному преслѣдованію личныхъ интересовъ служатъ: страхъ передъ мнѣніемъ ближнихъ, уваженіе, честь, стыдъ и сочувствіе, совѣсть, которая держитъ въ границахъ, необходимыхъ для соціальнаго блага, вредныя для общества природныя наклонности человѣка. *Это господство въ обществѣ нравственнаго начала стоитъ въ коренномъ противорѣчій съ господствомъ природы и имѣетъ тенденцію подавлять тѣ свойства, которыя наиболее удобны для побѣды въ борьбѣ за существованіе.*

Къ своему собственному сожалѣнію Гексли видитъ себя принужденнымъ признать, что этотъ безпощадный научный методъ примѣненія основныхъ законовъ развитія къ человѣческому обществу едва ли входитъ въ область практической политики. Все большее и большее усиленіе соціальной связи, господство нравственнаго начала сдерживаетъ борьбу за существованіе внутри общества и какъ только оно усилятся настолько, что будетъ обезпечивать каждому члену общества обладаніе средствами существованія настолько, насколько борьба происходитъ одинъ на одинъ, то внутри общества борьба за существованіе придетъ къ концу. А такъ какъ нельзя отрицать того, что общества, наиболѣе развитыя въ нравственномъ отношеніи, въ принципѣ достигли такого положенія, то отсюда слѣдуетъ, что, насколько дѣло касается ихъ, борьба за существованіе не можетъ играть въ нихъ значительную роль; другими словами, такого рода развитіе, которое происходитъ въ естественномъ состояніи, не можетъ имѣть у нихъ мѣста.

Гексли затѣмъ приводитъ основанія въ пользу того мнѣнія, что такой непосредственный подборъ, который осуществляется садовникомъ или скотоводомъ, не играть и не могъ играть значительную роль въ развитіи общества. Не

входя въ разсмотрѣніе другихъ причинъ, которыя и прослѣдить невозможно, того, какимъ образомъ такого рода подборъ могъ осуществиться безъ значительнаго ослабленія или даже разрушенія связей, соединяющихъ общество, онъ, наоборотъ, приходитъ къ слѣдующему убѣжденію: люди, привыкшіе заниматься непосредственнымъ или косвеннымъ уничтоженіемъ слабыхъ, несчастныхъ и излишнихъ, оправдывающіе такое поведеніе тѣмъ соображеніемъ, что оно освящено природою и что это единственное средство для обезпеченія усовершенствованія расы; также тѣ, которые, будучи послѣдовательными, должны считать медицину дурнымъ искусствомъ, а врача—роковымъ спасителемъ негодныхъ; тѣ, которые въ своихъ брачныхъ союзахъ руководствуются соображеніями, достойными управляющаго конюшнею; наконецъ, тѣ, которые посвящаютъ всю свою жизнь развитію въ себѣ благороднаго искусства подавленія естественныхъ симпатій и сочувствія—всѣ эти люди вовсе не будутъ обладать особенно большимъ и излишнимъ запасомъ этихъ благъ.

Борьба за существованіе въ обществѣ есть борьба не за средства къ существованію, а за *средства къ наслажденію*. Въ этой борьбѣ обуславливаютъ побѣду слѣдующія свойства: энергія, прилежаніе, умственные способности, стойкое преслѣдованіе своей цѣли и, по меньшей мѣрѣ, настолько сочувствія, сколько необходимо, чтобы понимать чувства сотоварищей. Если бы не было тѣхъ искусственныхъ учрежденій, благодаря которымъ глупый и мошенникъ оказываются на высшей ступени общественной лѣстницы, вмѣсто того, чтобы спуститься къ болѣе соотвѣтствующему имъ мѣсту у подножія сооруженія, то эта борьба за средства къ наслажденію представила бы постоянный круговоротъ человѣческихъ единицъ даннаго соціальнаго цѣлага отъ вершины къ основанію и отъ основанія къ вершинѣ. Выжившими въ борьбѣ, продолжая представлять большую часть общества, были бы не тѣ „наиболѣе приспособленные“, которые достигли самой вершины, а громадное число умѣренно „приспособленныхъ“; ихъ многочисленность и большая сила размноженія всегда даютъ имъ возможность одолѣть это исключительно одаренное меньшинство.

Каждому однако же ясно, что идетъ ли рѣчь о внѣшнихъ или о внутреннихъ интересахъ общества, было бы желательно,

чтобы они находились въ рукахъ тѣхъ, которые съ одной стороны въ наибольшей степени одарены энергіей, силой, прилежаніемъ, умственными способностями, настойчивостью въ преслѣдованіи своей цѣли, а съ другой стороны не лишены и сочувствія къ людямъ. И поскольку борьба за средства къ наслажденію имѣетъ тенденцію доставлять богатство и вліяніе такимъ людямъ, она представляетъ собою явленіе, которое ведетъ ко благу общества. *Но это явленіе, какъ мы видѣли, совершенно не похоже на то, какъ живыя существа вообще приспособляются къ существующимъ условіямъ въ природномъ состояніи и всего менѣе похоже на искусственный подборъ, производимый садовникомъ.*

И во второй своей статьѣ объ „этикѣ и развитіи“ Гексли выразилъ сходныя мысли по поводу примѣненія теоріи подбора къ человѣческому обществу. Онъ возражаетъ противъ того мнѣнія, что, такъ какъ растенія и животныя достигли болѣе совершенной организаціи, благодаря борьбѣ за существованіе и „переживанію наиболѣе приспособленныхъ“, то и люди, хотя и члены соціального союза, люди, какъ существа нравственныя, должны примѣнить тѣ же самыя средства къ совершенствованію. Этотъ ложный выводъ является, вѣроятно, результатомъ того обстоятельства, что, выраженіе „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“ имѣетъ, къ несчастью, двоякій смыслъ. „Наиболѣе приспособленный“ напоминаетъ о „лучшемъ“, а понятіе лучшаго окружено извѣстнымъ ореоломъ нравственности. Во внѣшней же природѣ совершенно зависитъ отъ внѣшнихъ условій, что въ томъ или другомъ случаѣ окажется наиболѣе приспособленнымъ.

Человѣкъ, какъ членъ общества, безъ сомнѣнія, подчиненъ и законамъ природы. Какъ и у другихъ живыхъ существъ, размноженіе человѣка безконечно и вызываетъ жестокую борьбу за средства къ существованію. Борьба эта имѣетъ тенденцію исключать тѣхъ, кто менѣе способенъ приспособиться къ условіямъ своего существованія.

Наиболѣе сильные, наиболѣе обезпеченные имѣютъ тенденцію оставлять слабыхъ далеко позади. Вліяніе законовъ природы на развитіе общества тѣмъ сильнѣе, чѣмъ на болѣе низкой ступени нравственного развитія находится общество. *Соціальный прогрессъ выражается въ ослабленіи вліянія законовъ природы и въ замѣнѣ его тѣмъ, что можно назвать нрав-*

ственными законами, а въ этомъ случаѣ конечнымъ результатомъ является не переживаніе тѣхъ, которые оказались наиболѣе приспособленными къ даннымъ условіямъ существованія, *но наилучшихъ въ нравственномъ отношеніи.*

Практическое примѣненіе нравственно хорошаго, которое мы называемъ справедливостью или добродѣтелью, приводитъ къ такому поведенію въ жизни, *которое представляетъ собой полную противоположность тому, что въ борьбѣ за существованіе въ природѣ приводитъ къ побѣдѣ.* вмѣсто безжалостнаго эгоизма оно требуетъ самообладанія, вмѣсто одолѣнія или подавленія всѣхъ соперниковъ, требуетъ отъ каждого не только вниманія къ ближнимъ, но даже и помощи имъ. Примѣненіе нравственно хорошаго направлено не столько на переживаніе наиболѣе приспособленныхъ, сколько на то, чтобы сдѣлать возможно большее число людей способными къ переживанію. Добродѣтель отвергаетъ гладиаторское пониманіе жизни. Она требуетъ, чтобы каждый, кто принимаетъ участіе въ выгодахъ общества, всегда помнилъ, чѣмъ онъ обязанъ тѣмъ, которые его съ трудомъ основали, и что ни одинъ поступокъ его не долженъ потрясать то зданіе, въ которомъ дано ему жить. Законы и нравственныя правила имѣютъ въ виду поставить границы господству законовъ природы и каждому напомнить его обязанности по отношенію къ обществу, защитѣ и вліянію котораго онъ обязанъ, если не самымъ существованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, жизнью на болѣе высокой ступени, чѣмъ жизнь кровожаднаго дикаря.

Только потому, что фанатическіе индивидуалисты нашего времени не обратили вниманія на такія простыя соображенія, они попытались примѣнить къ обществу изслѣдованія, сдѣланныя относительно господства законовъ природы. Это лишь новое злоупотребленіе предписаніемъ стоиковъ слѣдовать природѣ. Борьба за существованіе, которая при господствѣ однихъ законовъ природы доставила столь великіе результаты, повидимому и въ нравственной жизни также должна оказаться благотворной. Но если вѣрно то, что было сказано раньше, *т. е., если господство законовъ природы не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности,* и если подражаніе ему со стороны людей совершенно не согласуется съ первоначальными основными законами всякой нравственности, то что остается отъ этой поразительной теоріи? Мы

должны считать разъ навсегда признаннымъ положеніе, что нравственный прогрессъ общества зависить не отъ подражанія господству законовъ природы и, тѣмъ менѣе, отъ страха передъ нимъ, *но отъ борьбы противъ этого господства.*

Гексли вполне правильно указываетъ на то, какимъ образомъ нравственныя представленія и чувства все болѣе и болѣе ограничиваютъ и стараются совершенно уничтожить господство законовъ природы въ человѣческомъ обществѣ. Однако, ходъ его мыслей не лишенъ противорѣчій. Въдѣ именно нравственный законъ и добивается того естественнаго равенства людей, противъ котораго возражаетъ Гексли. Въдѣ идея о естественномъ равенствѣ не есть естественно-научное открытіе, а практическая нравственная идея, развившаяся въ продолженіе соціальной исторіи. Въ своемъ сочиненіи: „Естественныя и политическія права“ Гексли объясняетъ, что въ природѣ дѣйствительность и ея оправданіе, другими словами,—сила и право совпадаютъ. „Существовать и имѣть естественное право на существованіе, обладать какою-нибудь способностью и имѣть естественное право примѣнить ее—это совершенно одно и то же“. Дальше Гексли, однако, утверждаетъ, что соціальный прогрессъ заключается въ ослабленіи дѣйствія законовъ природы. Гексли оставилъ безъ вниманія также генетическій вопросъ, какимъ образомъ возможно, чтобы съ развитіемъ человѣка изъ животнаго міра господство нравственныхъ началъ могло подняться надъ господствомъ природы. Но является ли господство нравственныхъ началъ чѣмъ то новымъ въ мірѣ, или въ животномъ царствѣ имѣется какая-нибудь предварительная ступень? Мы находимъ, такимъ образомъ, у Гексли тотъ же дуализмъ природы и духа, который уже видѣли у Уоллеса. Было указано, что и при господствѣ законовъ природы, т. е. при естественномъ подборѣ помощью борьбы за существованіе, въ органическомъ мірѣ дѣйствуютъ нравственныя начала или аналогичныя имъ силы и стремленія. Въ органическомъ мірѣ дѣло ничуть не происходитъ такимъ образомъ, какъ при „господствѣ законовъ природы“ буржуазнаго общества. Гексли самъ называетъ борьбу за существованіе въ обществѣ борьбой за средства къ наслажденію и указываетъ на то, что эта борьба имѣетъ очень мало общаго съ естественнымъ подборомъ. Но тогда все сравненіе

приобрѣтаетъ сомнительный характеръ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что наши нравственныя представленія нисколько не противорѣчатъ естественнымъ законамъ развитія. Наоборотъ, мы можемъ здѣсь найти значительную генетическую и принципиальную связь, и ни одинъ человѣкъ, знакомый съ успѣхами новѣйшей науки, не станетъ отрицать, что наши представленія объ обязанностяхъ гуманности и чело-вѣколюбія получили, благодаря дарвинизму, въ нѣкоторыхъ пунктахъ значительныя измѣненія, не нарушивъ этимъ, впрочемъ, общихъ нравственныхъ истинъ.

Съ другой стороны, Гексли правильно указываетъ на то, что совсѣмъ не легко отвѣтить на вопросъ, имѣетъ ли значеніе подбора борьба за существованіе, существующая въ тѣхъ обществахъ, которыя по отношенію къ современному обществу находятся въ естественномъ состояніи. При столкновеніи этихъ обществъ съ другими трудно даже сказать, въ какомъ направленіи вообще совершается эта борьба. „Вопросъ о вліяніи военной и промышленной борьбы на тѣхъ, которые ее предпринимаютъ, очень сложенъ“.

Гексли не находитъ, что въ экономической конкуренціи господствуетъ естественный подборъ. Сущность новѣйшаго социализма ему совершенно незнакома; онъ видитъ въ немъ только всемогущество государства, опеку, уравниваніе всѣхъ, и, несмотря на все это, его собственныя этическія представленія приближаются къ тому, въ чемъ социализмъ видитъ свою цѣль.

Связь между социализмомъ и теоріей Дарвина, какъ она изображена Грантъ-Алленомъ, Каутскимъ и Куновымъ, нашла противника въ лицѣ Отто Гауппа, автора книги, проникнутой взглядами Спенсера и озаглавленной „Дарвинизмъ противъ социализма“. Здѣсь доказывается, что социализмъ тотчасъ увидѣлъ въ дарвинизмѣ антихристіанскій элементъ, но при этомъ совсѣмъ не замѣтилъ элемента антисоциалистическаго. Отто Гауппъ называетъ дарвинизмъ „научнымъ обоснованіемъ неравенства“ и упрекаетъ Бебеля за то, что тотъ раздѣляетъ основное заблужденіе социализма, закрывающаго глаза на внутреннее неравенство, весь источникъ котораго социалисты усматриваютъ во внѣшнихъ учрежденіяхъ. Далѣе Гауппъ развиваетъ свои мысли слѣдующимъ образомъ:

Самый существенный вопросъ, на который долженъ былъ

отвѣтить Каутскій, состоитъ въ томъ, не противорѣчатъ ли вообще социалистическія ученія законамъ развитія и, въ частности, могутъ ли они согласоваться съ ученіемъ о борьбѣ за существованіе, приводящей къ *сохраненію вида*. Великій и единственный принципъ, благодаря которому съ правильностью происходитъ постоянное приспособленіе къ условіямъ жизни всякаго вида, состоитъ единственно въ процессѣ *самоочищенія*, при которомъ менѣе годные къ жизни гибнутъ, а наиболѣе одаренные живутъ и размножаются. Необходимое слѣдствіе этого принципа заключается въ томъ, что средняя сила расы понижается, если болѣе и слабые поддерживаютъ свою жизнь и размножаются обыкновенно на средства здоровыхъ и сильныхъ. Не погрѣшилъ ли противъ этого высшаго біологическаго закона социализмъ со своимъ проектомъ уничтоженія конкуренціи и со своимъ всеобщимъ уравниваніемъ, которое должно обеспечивать слабымъ такія же надежныя условія жизни, какъ и сильнымъ? Какъ избѣгнуть социализмъ необходимыхъ послѣдствій этой погрѣшности, заключающихся въ ухудшеніи и пониженіи жизнеспособности нашей расы — вотъ та дѣйствительная проблема, выясненіе которой Каутскій просто-на-просто обходитъ.

По мнѣнію Гауппа, утвержденіе, что борьба за существованіе (какъ факторъ, не *образующій* виды, но ихъ *сохраняющій*) не имѣетъ никакого значенія для высшихъ животныхъ — совершенно ложно. И у животныхъ, живущихъ стадами, болѣе сильные лишали питанія болѣе слабыхъ и мѣшали имъ размножаться; и у нихъ голодъ, холодъ, вражда другихъ видовъ находили свои жертвы преимущественно въ рядахъ болѣе слабыхъ и менѣе способныхъ къ жизни. Что же, какъ не это, называется борьбой за существованіе? Жизнь сообща, вся эта стадность, вліянію которой Куновъ приписываетъ такое большое значеніе, помогала однимъ видамъ въ борьбѣ съ другими и до извѣстной степени въ борьбѣ со стихіями, но она никоимъ образомъ не вела къ исключенію индивидуальной борьбы за существованіе, т. е. къ заботѣ сильныхъ о слабыхъ, какъ это обѣщаетъ социализмъ. То же самое мы видимъ и въ человѣческихъ расахъ. Идиллическое описаніе первобытныхъ человѣческихъ ордъ, въ которыхъ не было мѣста гнету и рабству, не нуждается въ критикѣ: это наивность

въ духѣ Руссо. Гдѣ болѣе, чѣмъ у нихъ, господствовало немолимое право сильнаго! Гдѣ были бы мы теперь, если бы это не было такъ? Кунову также совсѣмъ не удалось доказать, что борьба за существованіе была моментомъ не существеннымъ для развитія челоѣчества. Зачѣмъ, спрашиваетъ Гауппъ, опъ не указать, какимъ образомъ, во-первыхъ, уничтожить индивидуальную борьбу за существованіе съ помощью искусственнаго регулированія роста населенія и принудительнаго приспособленія потребленія къ производству, какъ, во-вторыхъ, задержать неизбежное вырожденіе челоѣческой расы, помѣшать ея возвращенію къ первобытному состоянію дикой орды и, наконецъ, обезпечить то, что составляетъ высшую цѣль всякой культуры—богатство и разнообразіе индивидуальных типовъ?

На самомъ дѣлѣ, говоритъ далѣе Гауппъ, знаменитая рѣчь Грантъ-Аллена представляетъ прекрасное доказательство того, до какихъ утопій можетъ дойти научно-образованный челоѣкъ, какъ только онъ запутывается въ сѣти социализма. Грантъ-Алленъ насъ увѣряетъ, что тѣ несовершенства, которыя въ настоящее время устраняетъ борьба за существованіе, будутъ исправлены, „но, безъ сомнѣнія, не такимъ жестокимъ и мучительнымъ способомъ, какъ теперь“. Есть, будто бы, болѣе простое и гуманное средство, открытіе котораго показываетъ, какъ хорошо Алленъ знаетъ людей. Слушайте и удивляйтесь! „Постепенное, болѣе гуманнымъ путемъ совершающееся, вымирание хуже одаренныхъ семей займетъ, можетъ быть, современемъ мѣсто жестокаго уничтоженія болѣе слабыхъ индивидуумовъ. Калѣки, преступники, идіоты должны сами отказаться отъ того, чтобы производить на свѣтъ себѣ подобныхъ“. Что касается возраженія Аллена, что дѣйствіе естественнаго подбора на каждой высшей ступени развитія все болѣе и болѣе ограничивается, и что цивилизація низводитъ борьбу за существованіе къ минимуму, то Гауппъ признаетъ, что развитіе цивилизаціи заключается въ постепенномъ осуществленіи *закона равной свободы для всехъ*. Этотъ законъ челоѣчество, по мѣрѣ своего развитія, все болѣе и болѣе познаетъ, какъ необходимое условіе всякой социальной жизни, и противъ этого не станетъ возражать самый ревностный сторонникъ борьбы за существованіе, такъ какъ законъ этотъ ничуть не исключаетъ борьбы съ ея благодѣтель-

ными послѣдствіями, между тѣмъ какъ социализмъ стремится уничтожить и эти послѣдствія. Социализмъ не желаетъ равной свободы для всѣхъ; онъ требуетъ ограниченія свободы сильныхъ въ пользу слабыхъ. Гауппъ вынужденъ также признать до извѣстной степени вѣрнымъ указаніе Аллена, что при нашей общественной организаціи законъ „переживанія наиболѣе способныхъ“ самымъ рѣзкимъ образомъ нарушается. „Ни одинъ человѣкъ не станетъ утверждать, что нашъ общественный порядокъ совершененъ, но должно признать, что именно при немъ болѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ общественномъ порядкѣ, рѣшающее значеніе для сущестія и несчастья каждаго отдельнаго индивидуума имѣютъ его собственныя силы и способности, а въ этомъ все дѣло“.

Теоретически можно и даже должно безусловно признать ученіе о самоочищеніи расы социальнo-политическимъ идеаломъ. Гауппъ, однако, не привелъ доказательства въ пользу того, что этотъ идеальный расовой процессъ осуществляется въ современномъ обществѣ, и что социализмъ по необходимости долженъ привести къ ухудшенію нашей расы. Причина этой голословности заключается въ томъ, что Гауппъ совершенно не знакомъ съ принципами социализма, а его заключенія односторонни вслѣдствіе ограниченнаго буржуазнаго кругозора, стѣсняющаго пониманіе біологическихъ законовъ. Вѣдь прямо смѣшно его утвержденіе, что социализмъ не хочетъ равной свободы для всѣхъ. Наоборотъ, и социализмъ исходитъ изъ того основнаго принципа, что сила и способность каждаго должны опредѣлять его счастье и несчастье; Спенсеръ и Гауппъ не замѣтили того, что въ социальномъ состязаніи индивидуальныя силы и способности борются не непосредственно, но что необходима опредѣленная, разумная социальнo-экономическая организація, въ которой могла бы плодотворно разрѣшаться такая борьба.

Бенджаменъ Киддъ выступаетъ противникомъ социализма, хотя онъ стоитъ гораздо ближе къ опровергаемымъ идеямъ, чѣмъ это подозрѣваетъ онъ самъ и его заступникъ, извѣстный біологъ Августъ Вейсманнъ. Въ своемъ предисловіи къ нѣмецкому переводу „Социальной эволюціи“ Кидда Вейсманнъ замѣчаетъ, что въ этой книгѣ сдѣлана попытка свести развитіе человѣческаго общества къ тѣмъ же принципамъ, которые, согласно ученію современной біологіи, напра-

вляли развитіе всѣхъ живыхъ формъ. Вейсманнъ, однако, ошибается, когда думаетъ, что это до сихъ поръ еще не сдѣлано съ должной послѣдовательностью и широтою взгляда. Силы, побуждающія къ соціальному развитію, Киддъ находитъ въ томъ состояніи, которое извѣстно въ біологiи со времени Дарвина подъ именемъ борьбы за существованіе, и которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“, или, выражаясь опредѣленнѣе, онъ видитъ здѣсь „переживаніе лучшихъ“. Киддъ становится на новѣйшую точку зрѣнія біологiи, понимая подборъ не только въ Дарвиновомъ смыслѣ, какъ принципъ, обуславливающий прогрессъ, но и какъ единственный принципъ, дающій возможность усмотрѣть, какой высоты достигло развитіе.

Подобно тому, какъ глазъ живущихъ въ темнотѣ животныхъ погибаетъ вслѣдствіе того, что онъ потерялъ всякое значеніе для даннаго вида животныхъ и, поэтому, посредствомъ подбора не поддерживается болѣе на своей высотѣ, такъ точно и человѣческое общество должно спуститься съ достигнутой имъ высоты, коль скоро постоянная борьба въ немъ остановится. *Выводъ этотъ не благоприятенъ для социалистовъ*, если они дѣйствительно надѣются, что уничтожатъ эту борьбу, сумѣютъ искусственно регулировать размноженіе, а также смогутъ указать каждому его положеніе въ обществѣ.

Киддъ полагаетъ, что политическая экономія и исторія должны быть вновь обоснованы на почвѣ изученія принциповъ біологiи и тѣхъ законовъ, которые регулируютъ всякое вообще развитіе до развитія общественной жизни включительно. Конкуренція, подборъ, выключеніе обуславливаютъ прогрессъ всякой жизни. Киддъ упрекаетъ социализмъ въ томъ, что онъ всегда имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль, къ которой прямо или косвенно должны привести всѣ его предложенія. Цѣль эта заключается въ *прекращеніи той личной борьбы за существованіе*, которая существовала не только съ момента возникновенія общества, но въ той или другой формѣ, со времени появленія жизни вообще. На это можно отвѣтить, что социализмъ ничуть не хочетъ, да и не можетъ, прекратить личную борьбу за существованіе. Борьба, т. е., примѣнительно къ человѣческой исторiи, *трудъ и соревнованіе въ работѣ*, всегда существовали и будутъ существовать, но дѣло идетъ только о томъ общественномъ базисѣ, на ко-

торомъ осуществляется жизненная конкуренція. II относительно этой задачи Киддъ выставляетъ требованіе, *чтобы всѣ люди, наконецъ, вступили въ жизненное соперничество не только при условіи политическаго равенства, но и при равно-благопріятныхъ социальныхъ условіяхъ*. Природа и тенденція всего предыдущаго развитія существенно и глубоко, будто бы, отличаются отъ той цѣли, къ которой, по мнѣнію Маркса, стремится наша цивилизація! „Марксъ, говоритъ Киддъ, полагаетъ, что западная цивилизація достигнетъ высшаго своего развитія при такомъ состояніи общества, которое трудно или невозможно представить себѣ тому, кто признаетъ единство и непрерывность дѣйствующихъ въ обществѣ силъ, ведущихъ къ развитію, а именно, *состояніи, при которомъ законы, вліявшіе непрерывно съ самаго начала всякой жизни, внезапно прерываются и перестаютъ дѣйствовать*“. Кто ближе знакомъ съ теоріей Маркса, тотъ знаетъ, что ни Марксъ, ни Энгельсъ не выражали тѣхъ мнѣній, которыя имъ здѣсь приписываются; ясно, что вопросъ идетъ о требованіи равенства социальныхъ условій, и что равенство въ грубомъ смыслѣ подведенія всѣхъ подъ одинъ шаблонъ и механическаго уравниванія работы и вознагражденія есть утопія противниковъ марксизма. Мы, конечно, въ противоположность Кидду, убѣждены, что равенство социальныхъ условій осуществимо только въ сознательно организованномъ обществѣ *).

Вполнѣ въ кругу идей Гэккеля вращается сочиненіе Александра Тилле: „Отъ Дарвина до Ницше“ (**), въ которомъ съ точки зрѣнія этики, основанной на теоріи эволюціи и подбора, опровергаются основные принципы демократіи, социализма и гуманности. Тилле не нравятся и современный порядокъ, т. е. система конкуренціи. Онъ мечтаетъ о социаль-аристократіи, о такомъ общественномъ порядкѣ, въ ко-

*) Книга Кидда была расхвалена въ „Kölnische Zeitung“, какъ анти-социалистическая. Въ рецензій, озаглавленной „Дарвинизмъ и социализмъ“ (1895 № 350, Morgen-Ausgabe) указывается на то, что окончательный выводъ научныхъ изслѣдованій англійскихъ дарвинистовъ направленъ во всей силѣ противъ конечной цѣли социализма. Не только „буржуазные классы“, но еще болѣе тѣ, которые по причинѣ болѣе или менѣе наивнаго незнакомства съ сущностью социализма скрыто или явно потакаютъ социалистическимъ стремленіямъ, должны, по мнѣнію рецензента, внимательно прочесть эту книгу.—Habeat sibi!

**) A. Tille, Von Darwin bis Nietzsche, Leipzig. 1895.

торомъ господствуетъ только законъ естественнаго подбора. Изъ ученія о томъ, что всѣ люди—дѣти одного Бога и передъ нимъ всѣ равны, выросъ (по его словамъ) въ концѣ концовъ идеаль гуманности и социализма, тотъ идеаль, при которомъ всѣ люди имѣютъ равное право на существованіе, и существованіе ихъ имѣетъ равную цѣнность; этотъ идеаль вліялъ на наше поведеніе въ послѣднія два столѣтія. Но онъ несовмѣстимъ съ ученіемъ о развитіи, и послѣднее должно отказаться отъ него, если только желаетъ слѣдовать своимъ непосредственнымъ выводамъ. Это ученіе знаетъ только способныхъ и неспособныхъ, здоровыхъ и больныхъ, гениевъ и атактистовъ. вмѣсто благоденствія всѣхъ людей, живущихъ теперь на землѣ, въ этомъ ученіи выступаетъ блестящее будущее расы, достигшей высшей степени развитія. Тилле возражаетъ, какъ и нѣкоторые другіе его единомышленники, противъ своихъ собственныхъ поверхностныхъ и неглубокихъ представленій и, вслѣдствіе этого, приходитъ къ эксцентричной идеѣ социаль-аристократіи. Въ политическихъ правахъ людей онъ видитъ ограниченія природнаго неравенства. Въ природѣ—сила есть право. Сильный самъ беретъ тѣ преимущества, которыя ему принадлежатъ. „Если хотятъ поднять работоспособность какого нибудь народа на высшую ступень, то необходимо прежде всего подумать о подходящемъ средствѣ (съ помощью котораго осуществляется прогрессъ въ природѣ), о социальномъ подборѣ и исключеніи, благодаря которымъ самые способные работники выживали бы и оставляли бы многочисленное потомство, между тѣмъ какъ самые неспособные гибли бы еще до брака“. Тилле называетъ это высшимъ закономъ мудрости въ вопросахъ народнаго хозяйства *).

Тилле при всей своей мудрости въ вопросахъ народнаго хозяйства совершенно упускаетъ изъ виду техническій вопросъ о социальной и экономической организаціи, на основаніи которой можетъ осуществиться идеаль эволюціонной этики—сила, соединенная съ красотою. Онъ видитъ въ социализмѣ только великаго уравнивателя и даже не подозрѣ-

*) Введеніе къ Соціальнымъ очеркамъ Гексли, нѣм. переводъ. Weimar 1897.

ваетъ той вѣчной этической цѣнности, которая лежитъ въ ученіи Христа *).

Отто Аммонъ **) силится показать, что теорія Дарвина не заключаетъ въ себѣ никакой разрушительной тенденціи и, наоборотъ, содержитъ въ себѣ самое рѣзкое возраженіе противъ стремленій социаль-демократіи. Аммонъ представляетъ собой наилучшаго научно-образованнаго „охранителя основъ буржуазнаго общества, какого только можно пожелать“. „Чѣмъ болѣе углубляются (пишетъ онъ) въ изученіе борьбы за существованіе и естественнаго подбора, тѣмъ болѣе убѣждаются въ томъ, что эти ученія ничуть не враждебны религіи, но что между ними и социаль-демократіей существуетъ непримиримое противорѣчіе“. Соціальная борьба за существованіе и естественный подборъ у людей приводятъ къ повышенію на общественной лѣстницѣ. Соціальное расчлененіе на сословія и классы есть результатъ естественнаго подбора. Въ общемъ, сословія совпадаютъ съ раздѣленіемъ способностей: социальное расчлененіе есть естественное расчлененіе, покоящееся на принципѣ Дарвина, т. е. на „естественномъ подборѣ“ и „борьбѣ за существованіе“. Но, несмотря на это, Аммонъ имѣетъ сердце сострадательное къ слабымъ и худшимъ и не хочетъ, чтобы мѣсто искусственнаго подбора занялъ естественный, какъ это предлагаютъ нѣкоторые дарвинисты. „Природа можетъ убивать слабыхъ дѣтей, но мы не должны этого дѣлать; природа можетъ приводить къ гибели неодаренныхъ и плохо приспособленныхъ индивидуумовъ, но мы были бы низкими преступниками, если бы захотѣли ей въ этомъ помочь“. Кто же собственно эта „природа“, которая должна взять на себя всю вину? Всякій знаетъ, что „при-

*) Сходныя мысли можно найти въ книгѣ Тилле, появившейся анонимно за подписью: „Социаль-аристократъ“ и озаглавленной „Служба народу“ (Berlin 1893). Въ одной изъ послѣдующихъ главъ о борьбѣ за существованіе и свободной хозяйственной конкуренціи я покажу, что экономическій подборъ при конкуренціи, который Тилле смѣшиваетъ съ принципомъ Дарвина, совсѣмъ не приводитъ къ подбору лучшихъ и болѣе организованныхъ людей. Требованіе Тилле объ усиленіи этой борьбы должно, съ точки зрѣнія социаль-экономической критики, быть отвергнуто, какъ абсурдъ, потому что оно привело бы скорѣе къ ухудшенію, чѣмъ къ улучшенію расы.

**) Otto Ammon. Der Darwinismus gegen die Sozialdemokratie. Anthropologische Plaudereien. Hamburg. 1891.

рода“, о которой здѣсь идетъ рѣчь, это буржуазное общество, которое создано самими людьми. Не „природа“, но общество совершаетъ преступленіе. Аммонъ представляетъ собой поучительнѣйшій примѣръ буржуазнаго дарвиниста. „Болѣе образованные и имущіе классы, восклицаетъ онъ, должны опять придти къ сознанію, что они составляютъ аристократію, происшедшую вълѣдствіе соціальнаго естественнаго подбора, и что они имѣютъ полное право защищать такимъ образомъ созданный общественный порядокъ противъ теоретическихъ и, въ случаѣ надобности, также противъ насильственныхъ попытокъ разрушенія его“. Такимъ образомъ Дарвинъ объявляется святымъ заступникомъ лучшей части буржуазіи.

Все это, однако, лишь „антропологическая болтовня“ какъ назвалъ свое сочиненіе самъ Аммонъ. „Строго научное изложеніе“ Аммонъ представилъ въ своихъ двухъ книгахъ „Естественный подборъ у людей *), а также „Общественный порядокъ и его естественное расчлененіе“ (Jena 1895) **). Эти книги написаны въ томъ же поверхностномъ мѣщанскомъ духѣ, съ которымъ мы познакомились раньше, но онѣ „строго научно“ изукрашены математически-статистическими вычислениями, на основаніи которыхъ, несмотря на ихъ временный и узко-мѣстный характеръ, дѣлаются весьма обширныя соціально-политическія заключенія. Точно также тѣ антропологическія представленія, которыми Аммонъ аргументируетъ какъ точными и твердо установленными положеніями, совершенно гипотетичны, причемъ тенденціозное пользованіе ими еще болѣе вредитъ объективному сужденію.

Съ большимъ восторгомъ встрѣтила пресса книгу Циглера, озаглавленную: „Естествознаніе и социаль-демократическая теорія“. Эта книга „совершенно опровергла“ социалистическую доктрину съ точки зрѣнія естествознанія. Если и можно было извинить совершенное невѣжество по отношенію къ разбираемымъ ученіямъ, обнаруженное представителями естествознанія двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ какъ политическое положеніе многое объясняетъ и оправдываетъ, то въ настоящее время оно непростительно, въ особенности, если выступаютъ такъ самодовольно и съ такими претензіями на научность, какъ Циглеръ. Многіе критики упрекали

*) Die natürliche Auslese beim Menschen. Jena 1893.

**) Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Gliederung. Jena 1895.

уже этого автора въ томъ, что онъ увидѣлъ въ мнѣніяхъ Бебеля все содержаніе социаль-демократической теоріи, что совершенно не подобаетъ точному изслѣдователю. Кто хотя немного знакомъ съ духовной и литературной жизнью социаль-демократической партіи, тотъ знаетъ, что Бебель по многимъ своимъ воззрѣніямъ стоитъ изолированно и опровергается многими, и что онъ самъ не претендуетъ на званіе теоретика. Впрочемъ Бебель понималъ „дарвинизмъ“ въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его Дарвинъ. Чтобы охарактеризовать способъ доказательства Циглера, привожу слѣдующее его замѣчаніе, столь важное для всего его изслѣдованія: „При выборѣ цитатъ, которыя я долженъ былъ извлечь изъ всего текста, я честно старался представить дѣйствительное мнѣніе Дарвина, но я избѣгалъ такихъ цитатъ, которыя, по моему мнѣнію, утратили свое значеніе, вслѣдствіе ли новыхъ наблюденій или вслѣдствіе переменъ теоретическихъ воззрѣній; особенно я избѣгалъ цитатъ, въ которыхъ идетъ рѣчь объ унаслѣдованіи результатовъ упражненія и неупражненія органовъ и о происхожденіи инстинктовъ изъ привычекъ“. Но Бебель какъ разъ держится послѣдней точки зрѣнія. и Циглеръ, подобно Аммону, опровергаетъ его, исходя изъ основаній новѣйшей теоріи Вейсмана. Циглеръ долженъ былъ бы, слѣдовательно, иначе озаглавить свою книгу, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ опровергаетъ *Дарвина* на основаніи ученія Вейсмана. Циглеръ видитъ также во взглядахъ Бебеля безусловно всѣмъ принимаемое изложеніе социаль-демократической теоріи, что можетъ только вызвать улыбку; кромѣ того, онъ доходитъ и до такой глупости, что старается самъ формулировать социаль-демократическую теорію и затѣмъ опровергаетъ свои собственныя измышленія.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что приводитъ Циглеръ съ точки зрѣнія „естествознанія“ противъ изложенія первобытной исторіи семьи Моргана и Энгельса, такъ какъ обо всемъ этомъ будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ; здѣсь должно обратить вниманіе только на то, какъ Циглеръ примѣняетъ къ человѣческому обществу естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе и какъ онъ пользуется этимъ. Невѣрно утвержденіе Циглера, что социаль-демократическая теорія стремится прекратить борьбу за существованіе во всѣхъ ея формахъ. Этого она не хочетъ, да

и прямо не можетъ, такъ какъ всеобщая борьба за существованіе есть неизбѣжный фактъ природы. Конечно, относительно формы и смягченія этой борьбы можно спорить. Циглеръ поясняетъ, что принципъ борьбы за существованіе, господствующій во всей природѣ, долженъ проявить свое дѣйствіе и у людей, и что онъ проявляется, во-первыхъ, въ войнахъ народовъ и государствъ, во-вторыхъ, въ экономической конкуренціи производствъ и, наконецъ, въ-третьихъ, въ конкуренціи труда единичныхъ личностей. Противъ этого можно возразить, что едва ли благодаря этому „совершается подборъ наилучше приспособленныхъ и совершенныхъ организаций“. Циглеръ напрасно старается доказать, что благодаря борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ родѣ „имѣетъ мѣсто подборъ, т. е. благопріятствованіе лучшимъ и наиболѣе совершеннымъ“. Въ высшей степени смѣшно и неизлѣчимо оптимистично слѣдующее пониманіе системы конкуренціи Циглеромъ: трудъ имѣетъ тенденцію губить болѣе слабыхъ, глупыхъ, лѣнивыхъ или легкомысленныхъ, однимъ словомъ, низшихъ въ физическомъ, умственномъ или нравственномъ отношеніи и возвышать болѣе сильныхъ и способныхъ“. Чистое ребячество выставить социаль-демократическое ученіе въ видѣ положенія, что люди первоначально были всѣ равны, и что ихъ необходимо опять сдѣлать равными. Если Циглеръ, присоединяясь къ Оскару Шмидту, толкуетъ положеніе Л. Якоби, что „познаніе природы заставляетъ насъ разсматривать cadaго человѣка какъ существо вначалѣ въ равной мѣрѣ способное къ развитію“ *), и если подъ этимъ подразумѣвается матеріальное равенство природныхъ способностей, то Циглеръ грубо заблуждается; если бы онъ самъ разсмотрѣлъ немного внимательнѣе сочиненіе Якоби, онъ судилъ бы болѣе осторожно. Да! мы такъ не научны и такъ неестественны, что усматриваемъ въ каждомъ человѣкѣ существо вначалѣ въ равной мѣрѣ способное къ развитію, потому что наша естественно-научная проницательность не настолько остра, чтобы мы могли прочесть на лбу новорожденнаго, къ чему и насколько каждый спо-

*) Во второмъ изданіи сочиненія Якоби цитата эта выражена иначе: „Въ каждомъ дѣльномъ человѣкѣ на землѣ *соціальная идея* видитъ существо въ равной мѣрѣ способное къ развитію“. Мнѣ неизвѣстно, содержитъ ли первое изданіе вышеприведенную цитату.

собенъ. Точно также никакихъ несомнѣнныхъ гарантій относительно характера дѣтей не даетъ намъ характеръ родителей. Вслѣдствіе этого мы убѣжденно требуемъ, чтобы всѣмъ людямъ безъ исключенія съ самаго начала были обеспечены равныя внѣшнія условія развитія, чтобы ни одинъ талантъ, ни одинъ способный человѣкъ не погибалъ вслѣдствіе недостатка въ средствахъ развитія. Затѣмъ, мы также убѣждены въ томъ—до этого, впрочемъ, естествознанію и его представителямъ нѣтъ дѣла — что при другой экономической организациі общества результатъ развитія каждаго человѣка также могъ бы быть въ значительной степени равномѣрнымъ, и что современное великое различіе въ духовномъ отношеніи и громадная разниа въ социальномъ и имущественномъ отношеніяхъ не могутъ быть оправданы и санкціонированы никакими естественно-научными принципами, такъ какъ эта проблема принадлежитъ совсѣмъ другой части книги о человѣческой жизни.

Циглеръ утверждаетъ въ своей книгѣ, что социаль-демократія требуетъ равнаго вознагражденія для всѣхъ рабочихъ. Это глупое и наглое измышленіе самого автора, какъ и нѣкоторыя другія утвержденія, которыя онъ формулируетъ подъ названіемъ социаль-демократическаго ученія. Въ скобкахъ онъ приводитъ украшенное кавычками утвержденіе, что социаль-демократія хочетъ „обеспечить всѣмъ равное участіе въ продуктахъ труда“ (стр. 152). Этого нѣтъ ни въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса, ни въ программѣ социаль-демократической партіи, а если кто нибудь и выразилъ когда либо подобнаго рода положеніе, то подъ этимъ, безъ сомнѣнія, не подразумѣвалось равное вознагражденіе, какъ это, однако, утверждаетъ Циглеръ *).

*) Я напрасно искалъ это предложеніе. Откуда взята эта цитата и почему авторъ не указываетъ мѣста, между тѣмъ какъ при всѣхъ цитатахъ онъ точно указываетъ страницу? Я нашелъ противоположное мѣсто, напримѣръ: „каждый можетъ посѣщать чужія страны и части свѣта, присоединяться ко всякаго рода экспедиціямъ и колонизаціямъ, *когда скоро онъ за это совершаетъ соответствующую работу для общества*“ (стр. 330). „Онъ получаетъ то, что онъ, *какъ здоровый членъ общества, вырабатываетъ, не больше и не меньше* и не эксплуатируется никѣмъ“ (стр. 285). Читатель, можетъ быть, вспомнить, что анонимный авторъ статьи приводитъ положеніе, что „каждый человѣкъ есть продуктъ природы и имѣетъ равныя права на природу“, и что, по замѣчанію Либкнехта, социализмъ требуетъ

Книга Циглера представляет характерный примѣръ образа мыслей буржуазнаго дарвиниста, въ чемъ его персеголялъ съ своей диллетантской манерой только „антропологъ“ Аммонъ. Заблужденіе обонхъ заключается въ томъ, что они не только приписываютъ природѣ человѣческія свойства, но и подсовываютъ фальсифицированную предразсудками природу, этотъ подкидышъ подъ современный порядокъ вещей, и даютъ капиталистической конкуренціи санкцію вѣчнаго закона природы. Такимъ образомъ они приходятъ къ ошибочному ученію о социальномъ подборѣ, столь богатому буржуазно-ограниченными и ложными заключеніями.

уравненія всѣхъ людей, равной части для всѣхъ въ приобрѣтеніяхъ культуры. Это общее социальное этическое требованіе не имѣетъ ничего общаго съ „равнымъ вознагражденіемъ“, и для cadaго само собой понятно, что подъ этимъ подразумѣваются равныя социальныя условія развитія. Надо всегда подчеркивать, что Марксъ и Энгельсъ объявили абсурдомъ всякое требованіе равенства, выходящее за предѣлы уничтоженія классовъ. Если же говорить вообще о „социаль-демократической теоріи“, то только Марксъ и Энгельсъ могутъ служить наиболѣе авторитетными ея представителями.

ГЛАВА IV.

Посредствующіе взгляды.

Писатели, которыхъ мы цитировали въ предыдущихъ двухъ главахъ, безусловные приверженцы или противники социализма; теперь мы назовемъ цѣлый рядъ авторовъ, которые, представляя собою по взглядамъ на данный вопросъ нѣчто среднее между тѣми и другими, толкуютъ, однако, зависимость между дарвинизмомъ и социализмомъ въ смыслѣ, весьма выгодномъ для социальнаго развитія.

Одинъ изъ нихъ, Ф. А. Ланге, уже въ 1871 г. въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ“ *) осторожно попытался разсмотрѣть современное общественное движеніе съ точки зрѣнія борьбы за существованіе; его попытка была не лишена значенія. Ланге считаетъ борьбу за существованіе всеобщимъ біологическимъ закономъ, который одинаково господствуетъ надъ міромъ животнымъ и человѣческимъ, но въ человѣческомъ обществѣ, благодаря безконечному разнообразію общественныхъ положеній индивидуумовъ, принимаетъ своеобразный видъ. Явленія, которыя въ животномъ мірѣ мы находимъ лишь въ одиночныхъ, рѣзко выраженныхъ формахъ каково, напр., раздѣленіе труда у муравьевъ и пчелъ, рабство у многихъ видовъ первыхъ и появленіе царицы-матки у вторыхъ, въ общественной жизни человѣка даютъ такое разнообразіе условій и учрежденій, что въ нихъ едва можно узнать первоначальные простые признаки борьбы за существованіе. А все-таки признаки эти проглядываютъ всюду! Династии и

*) F. A. Lange. Die Arbeiterfrage. 4 Aufl. Winterthur 1879.

дворянскіе роды, борясь съ стремленіемъ буржуазіи къ свободѣ, борются за *свое* существованіе; капиталистъ, противостоя рабочему, борется за *свое* существованіе въ томъ видѣ, какъ оно сложилось исторически; рабочій же, наоборотъ, борется, чтобы хоть нѣсколько облегчить себѣ борьбу за существованіе, которая для него происходитъ и теперь еще въ самомъ прямомъ значеніи этого слова. Ланге смотритъ на борьбу за существованіе въ человѣческомъ обществѣ, какъ на *борьбу за лучшее положеніе*. Основной законъ борьбы за существованіе въ мірѣ физической природы—перепроизводство зародышей жизни, которые массами обречены на гибель. Въ общественной жизни человѣка мы находимъ совершенно аналогичный законъ относительно качествъ, дающихъ личности возможность добиться лучшаго положенія и обезпечить его за собою. Задатки способностей и склонности къ руководящему положенію разсѣяны въ массахъ, причемъ значительное большинство заранее обречено на прозябаніе. Ланге изслѣдуетъ вопросъ о томъ, можетъ ли вообще когда нибудь дифференцирующее вліяніе буржуазныхъ учрежденій безъ насильственнаго переворота перейти въ умѣренно уравнивающее, не вліяетъ ли законъ природы, вынуждающій насъ къ борьбѣ за существованіе и въ томъ направленіи, что господствующіе классы получаютъ постоянно возрастающій перевѣсъ, пока, наконецъ, не наступитъ полное раздѣленіе на высшую и низшую расы, какъ конечный результатъ дифференцировки. Аналогичность явленій всего органическаго міра какъ будто говоритъ за послѣднее предположеніе. Тутъ мы касаемся интереснаго вопроса о томъ, *можетъ ли и насколько можетъ сопутствующая развитію культуры классовая борьба, этотъ главный пунктъ пониманія исторіи, вообще быть понята съ точки зрѣнія естественнаго подбора*. Примыкая къ ученію о наслѣдственности приобрѣтенныхъ свойствъ, Ланге полагаетъ, что человѣчество, вслѣдствіе раздѣленія труда и соціального дифференцированія, пройдя черезъ кастовый старой, могло бы, подъ вліяніемъ естественнаго подбора, постепенно подраздѣлиться на высшіе и низшіе виды, причемъ вторые образовались бы изъ рабочаго, а первые изъ привилегированнаго класса. Но этому противодѣйствуетъ стремленіе къ уравниванію. „Вмѣсто этого мы видимъ, какъ раньше или позже гибнутъ всѣ попытки образованія высшей расы людей. Аристократическіе роды либо

уничтожаются при какой нибудь внезапной катастрофѣ, либо постепенно исчезаютъ въ массѣ, или, наконецъ, исторія устраняетъ весь тотъ народъ, который подраздѣлился такимъ образомъ“. При этомъ въ принципиальномъ отношеніи надо замѣтить, что естественное образованіе расъ и социальное дѣленіе на классы до извѣстной только степени подчинено общимъ біологическимъ законамъ, но происхожденіе тѣхъ и другихъ имѣетъ различныя причины и даетъ различные результаты; это, по крайней мѣрѣ, не одинъ и тотъ же процессъ въ исторіи развитія.

Ланге вѣритъ въ то, что борьба за существованіе постепенно смягчается и ограничивается. Въ то время, какъ растеніе и животное подчиняются этому закону природы—первое безсознательно, второе безропотно подъ вліяніемъ инстинкта—въ человѣкѣ появляется, какъ высшая ступень естественнаго процесса совершенствованія, способность возвыситься надъ жестокимъ и бездушнымъ механизмомъ этого процесса посредствомъ разсчитанной постановки цѣлей, освободиться отъ слѣпо дѣйствующей цѣлесообразности и, оберегая себя въ значительной степени отъ страданій и мученій смерти, добиться прогресса, совершающагося быстрѣе, вѣрнѣе и съ меньшимъ количествомъ пробѣловъ, чѣмъ тотъ, который вызывается слѣподѣйствующими законами природы посредствомъ борьбы за существованіе. Надо, однако, признать, что человѣкъ, при всемъ своемъ умѣ и доброй волѣ, никогда не освободится отъ вліянія естественныхъ законовъ.

Мы видимъ, что мысли и чувства Ланге, какъ и его міровоззрѣніе вообще, колеблются между оптимизмомъ и пессимизмомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ значительно содѣйствовалъ научному выясненію вопроса о сущности социального подбора, указавъ на борьбу за существованіе въ человѣческомъ обществѣ, какъ на борьбу за *привилегированное положеніе* и установивъ, такимъ образомъ, существенное различіе между органическимъ и социальнымъ подборомъ.

А. Шеффле одно время былъ близокъ къ социализму. Его отношеніе къ послѣднему тѣмъ интереснѣе, что онъ представитель естественно-научнаго ученія объ обществѣ, послѣдовательно и умѣло примѣняющій понятіе объ организмѣ и принципъ естественной совершенствующей борьбы за существованіе къ исторіи. Исходя изъ признанія господства

известныхъ общихъ основныхъ законовъ въ развитіи органическаго и соціальнаго міра, мы должны принципиально соглашаться съ „органической соціологіей“, но тѣмъ не менѣе не можемъ не улыбнуться, читая тѣ прямо забавныя аналогіи, которыя приводитъ Шеффле въ своемъ „Строеніи и жизни общественнаго организма“, хотя онъ самъ и объявляетъ себя противникомъ непосредственнаго перенесенія зоологической теоріи развитія на соціологію. И мы должны признать, что онъ примѣняетъ къ обществу зоологическое ученіе о подборѣ съ нѣкоторыми ограниченіями. По его мнѣнію, законъ соціальнаго развитія въ сущности одинаковъ съ тѣмъ, который, съ точки зрѣнія теоріи подбора, лежитъ въ основаніи прогресса всей природы. Поэтому Шеффле въ своемъ изслѣдованіи не можетъ, разумѣется, прийти къ заключенію, что соціальная жизнь подчинена какимъ нибудь законамъ, совершенно отличнымъ отъ тѣхъ, которыми, по мнѣнію естествоиспытателей — дарвинистовъ, подчинена органическая природа. Но осторожно взвѣсивъ свособразныя условія и побудительныя силы новой—гражданской фазы развитія, онъ даетъ новую, истинно соціологическую, а не одну лишь зоологическую, формулировку закона совершенствующаго подбора и старается сообразоваться съ особенностями обуславливающихъ соціальныи подборъ явленій измѣнчивости, наслѣдственности, приспособленія и борьбы *).

Эту мудрую осторожность Шеффле сумѣлъ соблюсти въ отношеніи теоріи подбора, но въ понятіе соціальнаго организма онъ просто перенесъ зоологическое ученіе на общество и даже ударился въ пустую игру органическими аналогіями. И здѣсь надо было сообразить, что общество не животный организмъ, но что оба—особыя формы проявленія общаго основнаго закона развитія. Только въ такомъ общемъ смыслѣ можно говорить объ „общественномъ организмѣ“ или „общественной организаціи“.

Шеффле указываетъ на то, что *соціальный подборъ на различныхъ ступеняхъ развитія различенъ* и принимаетъ совершенно иной видъ, чѣмъ въ органическомъ мірѣ. Этотъ процессъ собственно означаетъ не причину прогресса или регресса, а необходимый и неизбѣжный порядокъ явленій развитія. На

*) „Bau und Leben des sozialen Körpers“. Tübingen, 1878. Ч. II, стр. 2.

самомъ же дѣлѣ, развитіе общества обусловливается и вызывается болѣе и болѣе частымъ появленіемъ и проникновеніемъ *идей и практически-техническихъ знаній*. „Механизмъ соціального подбора“ способствуетъ этому появленію и проникновенію. *Двигателемъ прогресса является не только соціальный подборъ*. Скорѣе можно сказать, что *духъ* приводитъ въ движеніе вѣка и народы *). Это орудіе развитія соціального подбора само подвержено прогрессу и регрессу. Оно имѣетъ своеобразную форму для каждаго періода. Шеффле проводитъ параллель между борьбой за существованіе у животныхъ и у человѣка и формами соціальной борьбы на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія.

То живое существо, которое Аристотель называетъ „болѣе общественнымъ, нежели любое стадное животное“, т. е. человѣкъ, ведетъ соціальную борьбу за существованіе, не только примѣняя *личныя духовныя и физическія силы, но и вооружившись и снабдивъ себя матеріальными благами, имуществомъ*. Индивидуальныя силы, выступающія въ этой борьбѣ уже во времена образованія народностей, по крайней мѣрѣ духовныя, безусловно крѣпче силъ, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи представители животныхъ, живущихъ стадами, а не народами. На каждой высшей ступени развитія сумма этихъ индивидуальных силъ все увеличивается и достигаетъ, наконецъ, размѣровъ, которые далеко оставляютъ за собой то, чѣмъ всегда вооружено животное въ борьбѣ за существованіе. Членъ низшаго класса обладаетъ въ настоящее время въ борьбѣ силой, несравнимой съ тою, которой обладаетъ даже членъ первобытной человѣческой орды, не то что животнаго стада: къ высшей одаренности индивидуума присоединяется еще и владѣніе матеріальными благами, имуществомъ.

Въ области борьбы единичныхъ животныхъ и цѣлыхъ стадъ едва замѣтны слѣды этого усиленія, получаемого извнѣ и, въ свою очередь, реагирующаго на внѣшній міръ. То, что человѣкъ уже во времена образованія народностей выигрываетъ, благодаря оружію, орудіямъ, одеждѣ, постройкамъ, домашнимъ животнымъ и, наконецъ, обработаннымъ полямъ, представляетъ мощное внѣшнее выраженіе этой борьбы. А

*) Deutsche Kern und Zeitfragen. Berlin 1894. Kernfragen der Entwicklungsweise oder Socialauslese unseres Zeitalters, стр. 6.

какое необыкновенное развитіе претерпѣло это вооруженіе, пока оно не доросло до многомиллиарднаго общественнаго и частнаго имуществва нашего времени! Со временъ феодализма и до нашей капиталистической эпохи, сочетаніе имущественной силы и личнаго превосходства причиняетъ расчлененіе общества на господствующие и подчиненные классы, при постоянно растущемъ напряженіи сословныхъ и классовыхъ противорѣчій. Какъ возвыситься надъ этимъ расчлененіемъ—вотъ ядро „соціального вопроса“ и, по мнѣнію многихъ, главнѣйшій вопросъ нашего времени“.

Интересно и рѣзко критикуетъ Шеффле капиталистическую эпоху съ точки зрѣнія естествознанія *). Капитализмъ исторически и относительно оправдывается; но, несмотря на великій экономическій прогрессъ, имъ представляемый, въ немъ много внутреннихъ недостатковъ и недочетовъ. Вотъ сущность критики Шеффле:

„Въ грозной борьбѣ за матеріальное существованіе и обладаніе имуществомъ, при все болѣе и болѣе повышающемся уровнѣ способныхъ къ конкуренціи капиталистовъ, *въ концѣ концовъ всякое средство, лишь бы оно не вело за собой тюремное заключеніе, является желаннымъ*, и ослабленіе строя, ограничивающаго эти злоупотребленія до морали и политики, формулируемой принципомъ *laissez faire, laissez passer*, есть именно потребность капитализма“.

„Послѣднему присуща тенденція побѣды съ помощью дурного оружія: фальсификаціи, ухудшенія качества товаровъ, уменьшенія вѣса и замѣны качества внѣшнимъ блескомъ; этотъ соблазнъ въ настоящее время, кажется, начинаетъ искушать даже солидныхъ англичанъ“.

Извѣстнаго рода ухудшеніе нравственности имущихъ классовъ имманентно, какъ и ростъ ихъ роскоши и чувственности, такъ что даже съ точки зрѣнія капитала нельзя говорить о прогрессѣ помощью совершенствующаго подбора. Вѣдь по словицѣ: отецъ повышается, сынъ держится, внукъ падаетъ. Имманентно матеріальное, физическое, нравственное и духовное ослабленіе народа, паденіе средняго класса, пролетаризація и, вмѣстѣ съ этимъ, потрясеніе военнаго могущества и міра націй. Поэтому, свободная конкуренція не должна ссы-

*) Bau und Leben des sozialen Körpers, III Bd. Erste Auflage 1878 S. 409.

латься на свое совершенствующее дѣйствіе; ссылая на Дарвина доказываетъ слишкомъ многое, такъ какъ капиталистическое состояніе не единственная и, еще менѣе того, наилучшая форма социальной борьбы“.

Теорію подбора Шеффле не считаетъ аргументомъ противъ нѣсколько исправленнаго социализма. „На высшей ступени цивилизаціи, пишетъ онъ, въ дѣйствительности все чаще и чаще возникаютъ общественно-правовыя учрежденія, дающія возможность примѣнять личную даровитость помимо частной собственности. Быстрый ростъ общественного имущества эманципируетъ индивидуальную даровитость отъ случайностей всемогущества частной собственности“. Съ такимъ взглядомъ легко согласиться.

Государственный социалистъ и экономистъ, А. Вагнеръ такимъ же образомъ, какъ Ланге и Шеффле, сравниваетъ современную экономическую конкуренцію съ теоріей подбора. При этомъ онъ приходитъ къ выводамъ, неблагоприятнымъ для естественно-научнаго оправданія системы свободной конкуренціи. По его мнѣнію утвержденіе о естественности системы свободной конкуренціи и свободного проявленія экономического своекорыстія и часто встрѣчающіяся предположенія о сообразности такого состоянія народно-хозяйственнаго правового порядка съ природой—это софизмы самого худшаго сорта. Какъ мы знаемъ, современная система свободной конкуренціи—продуктъ новѣйшей исторіи. Последнее Вагнеръ подчеркиваетъ какъ по отношенію къ теоріямъ радикальнаго либерализма, такъ и по отношенію къ социальному селекціонизму *). Въ своихъ „Основахъ народнаго хозяйства“ ***) А. Вагнеръ изучаетъ недочеты въ моральныхъ условіяхъ современной частно-капиталистической системы конкуренціи. Даже тѣ лица, которымъ покровительствуетъ эта система и которыя въ экономическомъ отношеніи поднимаются, въ нравственномъ легко портятся. Собственно, только разъ побѣждаютъ въ борьбѣ способные къ ней и къ современному способу веденія ея, но затѣмъ нерѣдко и менѣе совѣстливые изъ частныхъ собственниковъ торже-

*) Отъ слова селекція (Selection), обозначающаго подборъ.

**) A. Wagner. Grundlegung der Volkswirtschaft. Leipzig 1892—93. S. 813.

ствують надъ болѣе мелкими и слабыми. — Спрашивается, должны ли вообще въ области народнаго хозяйства побѣждать „болѣе способные“? Кто въ этой борьбѣ болѣе способный, болѣе достойный побѣды? развѣ это, дѣйствительно, тѣ классы, круги, лица и семьи, побѣда которыхъ въ интересахъ науки и культуры, даже если разсматривать народъ во времени, далеко за предѣлами отдѣльных поколѣній? Наконецъ, какими средствами достается побѣда этимъ способнѣйшимъ? Безпристрастный отвѣтъ на эти связанные другъ съ другомъ вопросы вызываетъ серьезное раздумье надъ побѣдой „способнѣйшихъ“. Указывая на *Дарвиновъ законъ борьбы за существованіе*, считали побѣду болѣе способныхъ неизбѣжною необходимостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выгодной для всего общества, по крайней мѣрѣ, если разсматривать явленіе въ общей мировой связи; но это была ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, даже отвлекаясь отъ весьма вліятельнаго на результаты борьбы моральнаго фактора совѣстливости, мы замѣтимъ, что взгляды этотъ заключаетъ въ себѣ часто встрѣчающееся невѣрное представленіе объ экономическихъ явленіяхъ и дѣйствіяхъ, какъ о *фактахъ природы*. Но это ложно даже по отношенію къ физической сторонѣ человѣка (наслѣдственные болѣзни), тѣмъ болѣе по отношенію къ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ, знанію характера и частной собственности (право наслѣдства)! Однако, эти возраженія, выставленныя естествоиспытателями-дарвинистами противъ социалистовъ, насколько, по крайней мѣрѣ, вопросъ *касается критики системы свободной конкуренціи*, не опровергають мнѣній ни Ланге, ни Шеффле, ни социалистовъ. Люди нашей культурной эпохи не должны вести борьбу за существованіе по грубому и безпощадному принципу конкуренціи. Во всякомъ случаѣ, люди уже отъ природы не равны по способностямъ, и личное или индивидуальное неравенство, какъ у всѣхъ организмовъ одного вида или рода, такъ и у „вышей формы матеріи“ (слова Кэрри), т. е. человѣка, является закономъ природы. Изъ этого можно сдѣлать общій выводъ о необходимости и желательности побѣды индивидуумовъ, лучше одаренныхъ отъ природы, но только не для человѣка. У человѣка, по крайней мѣрѣ отчасти, природное неравенство можетъ сгладиться, благодаря воспитанію, культурѣ и тому покровительству, которое общество

можетъ и должно оказывать слабѣйшимъ индивидуумамъ, судя по сознанію, господствующему въ нашу культурную эпоху съ ея міросозерцаніемъ, составляющимъ отчасти продуктъ христіанства. Естественное неравенство индивидуумовъ приводитъ къ требованію, чтобы не всѣ съ одинаковой безпощадностью подвергались конкуренціи и чтобы, такимъ образомъ, не приносились въ жертву слабѣйшіе. Отсюда вытекаетъ необходимость дальнѣйшаго ограниченія свободной конкуренціи, въ послѣднее время все чаще и чаще принимаемаго на дѣлѣ (охрана рабочихъ, учрежденія въ пользу дѣтей и стариковъ и т. п.). Система свободной конкуренціи усиливаетъ природное неравенство даже съ физической стороны, растягивая его на цѣлыя поколѣнія (англійскія наблюденія надъ фабричными дѣтьми), а слѣдовательно, оно является чѣмъ то не „исключительно природнымъ“, а продуктомъ хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній, особенно правового строя и законодательства, сюда относящагося. Далѣе къ природному неравенству присоединяется основанное на *измѣнчивости человѣческихъ учреждений* неравенство знаній, образованія, характера и собственности, благодаря которому усиливается или ослабляется врожденное физическое, умственное и нравственное неравенство индивидуумовъ. Поскольку „борьба за существованіе“, „борьба за лучшее положеніе и сохраненіе его“ и „естественный подборъ“ проявляются среди людей и спеціально въ экономическихъ отношеніяхъ ихъ, мы, при всѣхъ обстоятельствахъ, сравнивая *разумно-духовную* природу человѣка даже съ наиболѣе высоко-организованнымъ животнымъ, увидимъ огромное различіе между ними. Наиболѣе способные къ успѣшной экономической борьбѣ элементы населенія это тѣ, которые обладаютъ задатками, склонностью и выучкою, что даетъ имъ возможность приспособлять свои хозяйственныя дѣйствія къ условіямъ этой борьбы. — А развѣ эти элементы, достигшіе вершины или, по крайней мѣрѣ, высшихъ сферъ современнаго общественнаго производства, дѣйствительно наиболѣе способные, и развѣ побѣда ихъ—въ интересахъ народа, понимаемаго въ смыслѣ нравственной и культурной единицы? Развѣ это тотъ матеріалъ, изъ котораго можетъ создаться новая хорошая аристократія? или тотъ, который составитъ силу націи, дастъ ей вожаковъ въ области политики, эконо-

номіки, паукъ и искусствъ? Даже если этотъ элементъ, возвысившись надъ остальнымъ народомъ и усвоивъ всѣ формальныя стороны образованія своей эпохи, потомъ помощью прибрѣтенныхъ въ успѣшной борьбѣ крупныхъ частей народнаго имуществъ и дать лучшую умственную подготовку своимъ дѣтямъ, то этимъ онъ дастъ имъ только большую возможность подняться на слѣдующія ступени въ области высшихъ родовъ профессіи и промышленности.

Отвѣтъ не можетъ вызвать сомнѣній. Развитіе *еврейства*, со времени его эмансипаціи, есть не единственное, но вѣское доказательство слѣдствій побѣды „наиболѣе способныхъ“ въ указанномъ смыслѣ элементовъ. — При системѣ конкуренціи и благодаря ей, несомнѣнно возвышаются и „способные“ въ лучшемъ смыслѣ слова элементы, дѣльные, усердные, таланты и гении, способные улучшить технику и хозяйство, обладающіе большою и плодотворною предпримчивостью, истинные піонеры технического и экономическаго прогресса—и изъ нихъ, безъ сомнѣнія, многіе изъ „семитической“, не только „арійской“ расы -- мы должны это признать—*но заслужили* могли бы занимать высшія, руководящія положенія въ народной жизни, т. е. побѣда ихъ была бы въ интересахъ націи. Но частно-капиталистическая система конкуренціи ужъ очень способствуетъ возвышенію *нечистыхъ* элементовъ и даже, благодаря условіямъ, при которыхъ достигается въ ней экономическій успѣхъ, дѣлаетъ это явленіе неизбѣжнымъ. Это не та „побѣда одаренныхъ“, на которую можно было бы указать для оправданія данной системы. Слѣдовательно, въ свободной конкуренціи побѣждаютъ не только наиболѣе дѣльные, но довольно часто и *наименѣе соответствыи* элементы, которые, не соображаясь ни съ чѣмъ, эксплуатируютъ благопріятныя экономическія условія (вырожденіе личнаго интереса въ своекорыстіе). Уложеніе о наказаніяхъ — ихъ единственный кодексъ морали. Такимъ образомъ, почти неизбѣжно ухудшается весь масштаб общественной нравственности.

Такъ рѣзко опровергнувъ теоретиковъ подбора съ точки зрѣнія требованій морали, Вагнеръ, однако, настолько ограничить и въ достаточной мѣрѣ невѣжественъ, что рекомендуетъ „прекрасное сочиненіе“ зоолога Циглера, „которое доказываетъ научное шарлатанство социалистическихъ авто-

ровъ, разпывая и обосновывая несостоятельность ихъ выводовъ и положеній“. Вагнеръ, хотя и призываетъ здѣсь на помощь противъ социализма зоологію, но въ ректорской своей рѣчи говоритъ: „И въ моей спеціальности, и въ ближайшихъ родственныхъ областяхъ науки отражаются перемѣны въ великихъ основныхъ взглядахъ науки и связанные съ ними болѣе глубокіе вопросы научнаго изслѣдованія. Господствующія теоріи и гипотезы нашего времени, напр., *ученіе Дарвина, ученіе о насльдетственности и приспособленіи, теорія эволюціи*, въ области нашихъ наукъ послужили такимъ же ферментомъ, какъ и въ естественныхъ наукахъ, для которыхъ онѣ собственно созданы. Онѣ, конечно, и у насъ, какъ и тамъ, грозятъ повести за собой новый періодъ дикаго умозрѣнія и грубаго догматизма, чему достаточнымъ доказательствомъ служить новѣйшій, такъ называемый научный, социализмъ“ — дарвинистическая социологія гг. Циглера и К^о, долженъ былъ бы сказать Вагнеръ, такъ какъ его увлеченіе памфлетомъ Циглера „достаточно серьезное доказательство“ того, что академическіе экономисты не всегда имѣютъ точное понятіе о трактуемыхъ ими вопросахъ *).

Товарищъ Вагнера по спеціальности, профессоръ Берлинскаго университета, *Густавъ Шмоллеръ* тоже увлекся естественно-научными претензіями Циглера и на этомъ основаніи возвѣстилъ союзъ между социальными и естественными науками. Въ одномъ мѣстѣ, обсуждая книгу Циглера, онъ говоритъ: „Циглеръ постоянно приводитъ рядомъ слова Бебеля и Дарвина и блистательно показываетъ, какъ основательно первый не понималъ второго, какъ несправедливо ссылается Бебель на Дарвина, утверждая первоначальное и будущее равенство между мужчиной и женщиной и всѣми людьми“. Если бы Шмоллеръ присмотрѣлся поближе, онъ увидѣлъ бы, что Циглеръ не передалъ вѣрно воззрѣній ни Бебеля, ни Дарвина, что онъ самъ формулируетъ социаль-демократическую и естественно-научную теоріи и затѣмъ „блистательно“ опровергаетъ первую. И Шмоллеръ итаетъ непобѣдимое отвращеніе къ равенству людей, которое, однако, социалисты никогда не понимали такъ, какъ угодно истолковывать этотъ

*) A. Wagner. Die akademische Nationalökonomie und der Socialismus. 1895 S. 5.

принципъ противникамъ. „При этомъ, говоритъ Шмоллеръ для доказательства привлекается цѣлый рядъ новѣйшихъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Во многихъ главахъ, особенно тамъ, гдѣ говорится о новѣйшихъ событіяхъ, авторъ (т. е. Циглеръ) ведетъ доказательство такимъ способомъ, что большинство представителей социальныхъ наукъ вполне или въ главныхъ чертахъ согласятся съ его критикой; онъ тутъ приводитъ для доказательства и социологическій матеріалъ и естественно-научный, и каждый, кто мало занимался такого рода чтеніемъ, съ пользою прочтетъ эти разсужденія. Прежде всего у всякаго безпристрастнаго человѣка съ необыкновенною ясностью запечатлѣется та истина, что *теорія подбора находится въ непримиримомъ противорѣчій съ идеалами равенства*, съ надеждой на исчезновеніе всѣхъ социальныхъ различій и классовыхъ противоположностей“ *). Шмоллеръ, разумѣется много лѣтъ тому назадъ, въ смѣломъ спорѣ съ благороднымъ г-мъ фонъ Трейчке придерживался иныхъ взглядовъ. Конечно, нельзя нападать на него за то, что онъ пошелъ назадъ въ своемъ развитіи, мы только констатируемъ фактъ. Въ одной своей полемической статьѣ Шмоллеръ писалъ: Кажется, цѣль историческаго развитія заключается во все большемъ и большемъ устраненіи классового господства и эксплуатации и призваніи всѣхъ людей къ высшимъ благамъ культуры. „Этотъ призывъ, послѣ всего сказаннаго, не больше, какъ требованіе трудиться для достиженія извѣстной ступени умственнаго и нравственнаго совершенства. Такую цѣль я, въ противоположность ихъ взглядамъ, считаю безусловно достойной, но трудно достижимой по причинѣ значительнаго имущественнаго неравенства“. Далѣе онъ говоритъ о томъ, что считаетъ неравенство индивидуумовъ такимъ же самымъ продуктомъ вліяній природы и культуры, какъ и различныя степени, а то и противоположности въ физическихъ и духовныхъ качествахъ социальныхъ классовъ одной и той же страны; и тѣ и другія могутъ быть сведены къ какимъ нибудь явленіямъ культуры. Не одинъ, впрочемъ, Шмоллеръ полагаетъ, что неравенство есть не неизмѣнный фактъ при-природы, а продуктъ главнымъ образомъ историческихъ

*) Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. 19 Bd. 1895 S. 347.

причинъ, которыя подлежатъ воздѣйствію человѣка. Уже Адамъ Смитъ сводитъ неравенство къ раздѣленію труда; образованіе каждаго человѣка, говоритъ онъ, зависитъ отъ того, чѣмъ онъ занимается. Въ противоположность аристократическимъ претензіямъ Трейчке, у котораго, въ интересахъ соціальной гармоніи и порядка, для самыхъ униженныхъ, грязныхъ и низменныхъ функций всегда наготовѣ избыточная масса, Шмоллеръ утверждаетъ, что въ силу нравственнаго закона необходимо какъ можно больше умѣрить и вознаградить эту безусловно необходимую для прогресса жертву. „Кто отрицаетъ это, тотъ отрицаетъ, что культура и нравственность призваны господствовать надъ природой; тотъ признаетъ различія по расѣ, крови, которыя по однимъ только законамъ природы идутъ все дальше и должны привести къ конечному господству людей съ благородной кровью надъ менѣ привилегированными подобно тому, что имѣетъ мѣсто у человѣка по отношенію къ животнымъ. Это *законъ борьбы за существованіе*, который можно было бы примѣнить къ человѣку, если разсматривать его только какъ произведеніе природы, *какъ звѣря*; но аналогія съ послѣднимъ возможна только до тѣхъ поръ, пока элементъ природы въ человѣкѣ не побуждаетъ еще нравственной культурой“. Государство косвенно должно вліять въ направленіи иного распредѣленія имущества. „Прежде всего и вѣрнѣе всего это можно сдѣлать помощью новой, снабженной иными, чѣмъ теперь, средствами *системы воспитанія*, которая *распредѣляла бы иначе силы въ борьбѣ и постепенно уничтожила бы тотъ фактъ*, что умный, образованный, привычный къ мышленію часто противостоитъ въ борьбѣ глупому, необразованному, лѣнивому въ мышленіи“. Точно также несостоятельно положеніе, что богачи должны править, или что хорошее правленіе возможно только при неравномѣрномъ распредѣленіи имущества. И точно также нѣтъ никакой необходимости, чтобы ученые изслѣдователи и художники были непременно богатыми людьми или происходили только изъ имущихъ классовъ: по крайней мѣрѣ для Германіи это вовсе не доказано.

Позже эти для профессора радикальныя воззрѣнія, ко-

*) Schmoller. Ueber einige Grundfragen des Rechts etc. Jena 1875.

торыя могли бы принадлежать умѣренному социалисту и которыя во многихъ пунктахъ близко соприкасаются съ социализмомъ, отступаютъ у Шмоллера на задній планъ. Вотъ примѣръ: „Кто знаетъ, какъ смотритъ хорошая кухарка на судомойку, лакей изъ графскаго дома на лакея изъ буржуазнаго дома, опытный каменщикъ и плотникъ на обыкновеннаго поденщика, кто знаетъ, какъ *ужорекнулись подобная понятія о рингахъ во взглядахъ всѣхъ причастныхъ лицъ, несмотря на весь фанатизмъ равенства, тотъ пойметъ, что іерархія положенія и состоянія есть психологическая необходимость всѣхъ временъ*“ *). Непріятно, когда во времена реакціи вамъ напоминаютъ о глупомъ радикализмѣ юности.

Густавъ Конъ (Cohn) въ своихъ „Основныхъ чертахъ національной экономіи“ **) посвящаетъ системѣ свободной конкуренціи такого рода изслѣдованіе съ этической и естественно-научной точекъ зрѣнія:

Идея свободной конкуренціи заключается въ представленіи о томъ, что простой механизмъ можетъ установить гармонію между экономическими дѣйствіями единичныхъ личностей и потребностями всѣхъ остальныхъ; причемъ, отчасти, всѣ однородные интересы многихъ личностей принуждаютъ отдѣльную личность дать соразмѣрное, а, отчасти, зоркій глазъ конкурента вызываетъ эту соразмѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, такую гармонію можно найти въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Нельзя отрицать, что, дѣйствительно, масса негодныхъ силъ погибаетъ въ экономической конкуренціи, что великія открытія, значительный прогрессъ въ технику, болѣе дешевое и лучшее снабженіе необходимыми вещами и предметами роскоши суть слѣдствія спекулятивнаго своекорыстія; именно въ XIX вѣкѣ невозможно не признавать всего этого. Однако, въ этомъ объясненіи остаются большіе пробѣлы. Прежде всего своекорыстіе не всегда соотвѣтствуетъ даже собственнымъ интересамъ индивидуума. Затѣмъ является вопросъ нравственнаго характера, изъ чего состоитъ сила, откуда происходитъ ея слабость и крѣпость. Великій природный первообразъ, съ которымъ связывается представленіе о свободной конкуренціи, борьба

*) Jahrbuch für Gesetzgebung u. s. w. 1890. „Das Wesen der Arbeitsteilung und der socialen Klassenbildung“ S. 79.

**) G. Cohn, Grundzüge der Nationalök. Stuttg. 1885. Стр. 399 и слѣд.

за существованіе, не рѣшаетъ, а только рѣше выдвигаетъ вопросъ. Именно природная борьба за существованіе, которую мы наблюдаемъ внѣ насъ, и есть противоположность тому, чего мы хотимъ для себя.

То, въ чемъ проявляется природная борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ, и нужно устранить, а гипотеза свободной конкуренціи обманываетъ насъ насчетъ жестокостей борьбы. Если, по аналогіи съ борьбой за существованіе, цѣлесообразность въ природѣ состоитъ въ томъ, что бѣлая сила побѣждаетъ, а меньшая погибаетъ, то мы знаемъ, что *нравственная цѣлесообразность заключается не въ побѣду какой нибудь силы вообще, а въ побѣду именно нравственной силы*. Природа до такой степени стремится къ неравенству людей, что, предоставленная самой себѣ, она ставитъ условіемъ существованія одного человѣка несуществованіе другого. Собственно естественныя условія прироста населенія заключаются въ гибели безчисленнаго количества человѣческихъ зародышей съ тѣмъ, чтобы дать мѣсто другимъ, и гибели большей части жизнеспособности подъ давленіемъ созрѣвшей жизнеспособности другихъ человѣческихъ существъ. Это законъ природы. Но наше *нравственное убѣжденіе* возмущается противъ того, что этотъ законъ, въ началѣ нашей исторіи столь же могучій, какъ и въ безсознательномъ мірѣ, продолжаетъ свирѣпствовать съ беспощадной силой. Если природа аристократична и бездушно разрушаетъ жизненное счастье безчисленнаго множества существъ, то цѣлесообразный разумъ противостоитъ ей, принимая подъ свою защиту всякое живое существо и требуя его развитія. Если вообще можно говорить объ идеѣ равенства, то вотъ ея смыслъ: одинаковое развитіе всѣхъ человѣческихъ существъ въ противоположность неравенству въ развитіи, являющемуся слѣдствіемъ свободного дѣйствія силъ природы. Между тѣмъ разумъ, борясь съ природой, требуетъ строя, который помогать бы человѣку въ развитіи его способностей; степень достижимости такого строя зависитъ отъ познанія трудностей, исходящихъ изъ природныхъ условій развитія идей. Поскольку будетъ истинно—а это еще долго останется истиной—что природная привязанность къ жизни и природная страсть къ размноженію болѣе сильныя инстинкты и имѣютъ больше вліянія на поведеніе, чѣмъ какое бы то ни было нравствен-

ное требованіе, до тѣхъ поръ развитіе одной лишь части общества, какъ бы высоко оно ни стояло, не сможетъ устранить различія между природой и культурой; наоборотъ, чѣмъ выше будетъ это требованіе, тѣмъ больше будетъ зіять эта пропасть.

В. Нейратъ въ своихъ „Экономическихъ и социальнополитическихъ очеркахъ“ *) въ томъ смыслѣ опредѣлилъ отношеніе дарвинизма къ политической экономіи, что дарвинизмъ не больше какъ перенесеніе экономического ученія Смита, Рикардо и Мальтуса въ естествознаніе. Нейратъ не сторонникъ ни социализма, ни господства капитала. Онъ считаетъ экономическую конкуренцію и органическую борьбу за существованіе равнозначущими, но по его же мнѣнію исторія управляется не только борьбой за хлѣбъ и болѣе привилегированное положеніе.

Подобное стремленіе къ жизни, подобная борьба за существованіе и за блага его, говоритъ онъ, двоякимъ образомъ вызываютъ социальную организацію и прогрессъ общества. Во-первыхъ, отдѣльная личность только въ такомъ положеніи можетъ поддерживать себя и своихъ, въ которомъ она можетъ увеличить средства къ жизни и для другихъ и для всего социального цѣлаго. Состязаніе дѣлаетъ человѣка изобрѣтательнымъ и ловкимъ. Благодаря ему возникаютъ новыя отрасли промышленности, техники, торговли, науки, искусства и даже поэзіи. Борьба, такимъ образомъ, вводитъ въ социальное цѣлое новыя органы, общество поднимается на высшую ступень развитія, такъ какъ различные промыслы и специальности — своего рода органы социального тѣла. Вотъ одно положительное организаторски цѣлительное вліяніе борьбы за средства существованія и благоденствія. Есть еще и другой, непосредственно отрицательный, но по послѣдствіямъ своимъ не менѣе положительный результатъ. Въ борьбѣ, которая тянется изъ поколѣнія въ поколѣніе, всасываются негодные побѣги и остается больше простору для развитія годныхъ. Общество освобождается отъ негодныхъ элементовъ, и средній уровень его повышается.

Подобная борьба за существованіе происходитъ не только между индивидуумами одной и той же народности, но и

*) Neurath, Essays. Wien 1880. Darwinismus und Socialökonomie 1. 165.

между все́ми пародностями, націями, расами земнаго шара. Они́ борются за красивѣйшія и плодотворивѣйшія страны, за рынки сбыта, за большее участіе въ торговомъ господствѣ надъ частями свѣта или всею землею. И въ этой борьбѣ всегда настаютъ дни, приносящіе государственную, національную или физическую гибель менѣе сильнымъ народамъ. Менѣе способныя части челоуѣчества погибають, а болѣе способныя націи и расы въ большемъ и большемъ размѣрѣ заселяють землю. Неймать проводить паралель между природнымъ и государственнымъ хозяйствомъ. Подборъ, предпринимасмый скотоводомъ или садоводомъ, производитъ то же въ стадѣ овецъ, или вообще скота, въ грядкѣ капусты или цвѣтовъ и т. д., что причиняетъ въ обществѣ сознательная потребность въ пищѣ подъ давленіемъ конкуренціи: приспособленіе къ опредѣленнымъ цѣлямъ, обобществленіе призваній и разнаго рода усовершенствованія. Подборъ посредствомъ борьбы за существованіе и развитіе того, что пригодно сущности экономіи природы—это двѣ идеи, которыми оперируетъ современный популярный дарвинизмъ. Но конкуренція и полезность были основными идеями того политико-экономическаго ученія, которое, въ примѣненіи къ природѣ, привело къ дарвинизму. *А теперь призываютъ на помощь ученіе Дарвина, чтобы поддержать эту жестокую и суровую социальную теорію.* Она прежде всего была примѣнена затѣмъ, чтобы представить бѣдствія массъ неизбежными, а положеніе богачей справедливымъ и сообразнымъ съ природою. Неимущіе взялись за ту же палку, но съ другого конца. *Изъ этихъ же ужасныхъ принциповъ они вывели гибельныя для культуры ученія въ видѣ социаль-демократической теоріи политической экономіи.* Чрезмѣрное размноженіе людей, учили экономисты, дѣлаетъ необходимой нищету большинства, свободная конкуренція обезпечиваетъ мѣста только способнѣйшимъ, и только они могутъ достигъ привилегированныхъ положеній. Защищать бѣдную массу значитъ работать для всеобщей нищеты и уравниванія годныхъ съ негодными. Подъ годностью здѣсь подразумѣвается *годность въ состязательной борьбѣ.* Религіозность, благородство духа, возвышенная наблюдательность ума, избытокъ любви, преданность идеалу красоты и т. п. идеальныя качества тутъ не имѣлись въ виду, такъ какъ они не придаютъ силы въ борьбѣ за богатство,

которая наполняет жизнь рынка. Поэтому борьба, борьба за богатство, стала лозунгом и пепмущей массы. „Жизнь покровительствует болѣе сильнымъ. Будемъ же сильнѣйшими! Мы большинство, и намъ недостаетъ только единенія и мужества. Какъ скоро мы объединимся, сила будетъ на нашей сторонѣ“. Такимъ образомъ, противостоять другъ другу только классы богачей и бѣдняковъ. Политическая экономія и знать не хотѣла объ идеалѣ, она твердила только о „конкуренціи“. Дарвинисты же опять восклицаютъ „борьба за существованіе и за лучшія условія его!“ Объ идеальныхъ факторахъ судятъ только по ихъ полезности. Не спрашиваютъ истинна ли религія, а полезна ли она въ борьбѣ. Но убѣжденность въ полезности, хотя бы въ ней и не сомнѣвались—не въ состояніи наполнить нашу душу благородной теплотой, кроткимъ, полнымъ любви, терпѣніемъ по отношенію къ неотвратимымъ несчастіямъ, энтузіазмомъ къ идеаламъ. А дарвинизмъ теперь начинается дѣлаться философіей религіи и философскою религіей для образованныхъ и жаждущихъ переворота массъ. Теорія Дарвина — одностороннее ученіе. Прогрессъ въ умственной жизни, напр., въ музыкѣ, не обуславливается борьбой за хлѣбъ и лучшее положеніе. Всякая способность, которою обладаемъ мы люди, сама по себѣ имѣетъ стремленіе къ дѣятельности. Настоящимъ источникомъ социальнаго и общечеловѣческаго прогресса являются не тѣ инстинкты, которые требуютъ пищи и ведутъ къ увеличенію населенія, уже и безъ того переросшаго средства существованія. Намъ кажется, что борьба за хлѣбъ и лучшее положеніе является не главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ совершенствованія человѣка. Внутренняя жизнь души озаряется свѣтомъ сознанія, и возбуждающія раздраженія, идущія извнѣ, а также тѣ, помощью которыхъ одна душа оказываетъ вліяніе на другую, являются важнѣйшими факторами парожденія новыхъ высшихъ душъ и улучшенія социальной жизни. Но борьба есть скорѣе результатъ стремленія нашего земнаго міра къ высшему, чѣмъ источникъ перехода къ высшимъ формамъ жизни. Нѣкоторую помощь оказываетъ и борьба, такъ какъ она ускоряетъ уничтоженіе низшихъ формъ, которымъ нѣтъ больше мѣста въ экономіи природы, а уничтоженныя низшія формы дѣлаются матеріаломъ для высшей жизни. Состоя-

заніе и борьба иногда также заставляют проявлять нѣкоторые задатки, побуждая къ энергичной дѣятельности. У борьбы за то вовсе нѣтъ творческой силы. Нужда дѣлаетъ находчивымъ только тогда, когда духъ изобрѣтательности на извѣстной ступени уже готовъ къ проявленію. Но сама нужда не есть источникъ изобрѣтеній.

Настоящій источникъ прогресса—жизнь, которая дремлетъ въ живыхъ существахъ и возбуждается подъ вліяніемъ внѣшней среды. Это вліяніе живыхъ существъ другъ на друга не *борьбы* и не *конкуренція*, а *любовь*. Любовь—связующій элементъ всѣхъ частей нашей души, любовь—самая могущественная и распространенная связь между душами, составляющими общество. А какъ называемъ мы это стремленіе души къ развитію и раскрытію таящихся въ ней силъ, чувствъ, мыслей и фантастическихъ образовъ? Мы зовемъ и это стремленіе любовью, но любовью къ идеалу, любовью къ духовной свободѣ.

Людвигъ Бюхнеръ *), радикальный мыслитель только тамъ, гдѣ надо бороться съ теологами, въ соціально-политическихъ вопросахъ по отношенію къ властителямъ и капиталистамъ кротокъ и остороженъ. Онъ считаетъ, что борьба за существованіе господствуетъ во всемъ органическомъ мірѣ и въ мірѣ человѣка. Цивилизованный человѣкъ во всякомъ случаѣ далеко оставилъ за собою первоначальную, грубую форму состязанія или естественную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, благодаря упорядоченнымъ государственнымъ и общественнымъ условіямъ и создалъ массу учреждений, предназначенныхъ для защиты единичныхъ личностей отъ губительнѣйшихъ слѣдствій борьбы, слабого отъ сильнаго и отъ неблагоприятныхъ условій природы. Борьба за существованіе ведетъ ко многимъ страданіямъ и несправедливостямъ, такъ какъ ведется весьма неравными силами и средствами. *Въ животномъ мірѣ рѣшаетъ сила или способность индивидуума.* Иначе обстоитъ дѣло у человѣка, который, являясь на свѣтъ, находитъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, всѣ лучшія мѣста на пиру жизни занятыми; *если рожденіе, богатство или положеніе* и т. п. не приходятъ ему на помощь, то онъ заранѣе осуж-

*) Büchner. Fremdes und Eigenes aus dem geistigen Leben der Gegenwart. Leipzig 1890. Abschnitt: die Naturwissenschaft und moderne Gesellschaft. S. 260.

денъ на то, чтобы отдать свою жизнь и силу для благополучія и выгоды другихъ. Гораздо лучше, чтобы соединенными силами и взаимно поддерживая другъ друга, мы стремились къ одной цѣли, т. е. къ освобожденію отъ узъ, налагаемыхъ на насъ силами природы, чѣмъ чтобы лучшія силы, терзая и эксплуатируя другъ друга, сами себя уничтожали. При этомъ, само по себѣ благотворное состязаніе можетъ и должно остаться; но изъ старой, грубой формы войны и взаимнаго уничтоженія въ борьбѣ за существованіе оно должно перейти въ облагороженную, чисто человѣчную форму соревнованія ради всеобщаго блага. Бюхнеръ считаетъ настоящей задачей гуманизма или прогресса, въ противоположность первобытному состоянію, необходимость бороться съ грубой формой борьбы за существованіе, стремиться замѣнить силу природы силой разума и *по возможности уравнивать средства и условія, при которыхъ и съ которыми каждый индивидуумъ долженъ вести свою борьбу за существованіе или за полноту жизни.* Къ политическому возгласу: „равныя права и равныя обязанности!“ надо присоединить социальный—„равныя условія“ или „равныя средства“. Собственная сила или дѣятельность, собственный талантъ, собственное прилежаніе должны давать тонъ, а никакъ не благопріятныя или неблагопріятныя обстоятельства, случайности рожденія и т. п. Судя по этому требованію можно было бы думать, что Бюхнеръ социалистъ или стоитъ очень близко къ социализму. Но онъ объявляетъ себя противникомъ коммунизма и уничтоженія частной собственности. Онъ требуетъ уничтоженія земельной ренты и частнаго наслѣдованія, а также домогается введенія общественнаго владѣнія землей. Но, съ другой стороны, Бюхнеръ заявляетъ, что нѣтъ другого средства уничтожить это неравенство (богатство и бѣдность) и удовлетворить чувству справедливости, а также и потребности народнаго хозяйства, какъ *возвратить капиталъ, народное богатство, богатство человечества* туда, куда они естественно и по праву относятся: *во владѣніе всѣхъ, во владѣніе человечества.* Когда эти богатства такимъ образомъ станутъ доступными каждому, поскольку они ему нужны будутъ для развитія и полезнаго примѣненія своихъ силъ и поскольку онъ частнымъ образомъ еще не раздобылъ себѣ этого всего, тогда они сдѣлаютъ человѣка болѣе или менѣе независимымъ отъ господства частнаго капитала и

дадутъ ему возможность своею дѣятельностью приносить пользу какъ себѣ, такъ и человѣчеству, безъ потери силъ на службу у другихъ. Такого же рода идеи находимъ мы и въ книгѣ Бюхнера „Дарвинизмъ и социализмъ или борьба за существованіе и новѣйшее общество *), гдѣ онъ называетъ превращеніе капиталистическаго частнаго обладанія средствами производства въ общественную собственность и товарнаго производства въ социалистическое—неопредѣленной гуманной цѣлью. Это мнѣніе противорѣчитъ раньше высказанному требованію „равныхъ средствъ и условій“ для всѣхъ, такъ какъ отъ проникательнаго читателя не укроется, что этотъ принципъ можетъ быть осуществленъ только на основаніи обобществленія средствъ производства.

Свободомыслящій политикъ Е. Гарменингъ **) борется съ ученіемъ о свободномъ состязаніи силъ и защищаетъ ученіе объ охранѣ слабыхъ съ точки зрѣнія этической культуры. Онъ оспариваетъ слѣдующее положеніе Л. Бамбергера: „теорія, въ силу которой для защиты слабыхъ надо связать и побороть въ извѣстныхъ отношеніяхъ стремленіе впередъ и силу отвѣтственности, такая теорія когда-нибудь будетъ признана *прегрѣшеніемъ противъ основного закона жизни*“. Гарменингъ различаетъ въ человѣкѣ нѣсколько видовъ борьбы: *борьбу съ силами природы*, конечная цѣль которой познать ихъ, поработить себѣ и эксплуатировать для благополучія людей, *борьбу за существованіе*, которую ежечасно или ежесекундно ведутъ другъ съ другомъ или другъ противъ друга милліоны и милліарды существъ, и чѣмъ дальше подвигался человѣкъ въ своей побѣдѣ надъ природой, чѣмъ совершеннѣе становилась техника, чѣмъ большіе размѣры принимало производство предметовъ потребленія и роскоши, тѣмъ очевиднѣе становилась другого рода борьба человѣка съ человѣкомъ не за одно только существованіе, но и за *благоденствіе*. Отъ борьбы за существованіе, которая ведется всюду въ природѣ, онъ отличаетъ „стремленіе къ совершенствованію“ въ томъ видѣ, въ какомъ оно осуществляется людьми, т. е. живыми существами, одаренными разумомъ. По его мнѣнію, этика за-

*) L. Büchner. Darwinismus und Socialismus etc. Leipz. 1894 стр. 63, 71.

**) E. Harmening. Verrohung oder Veredelung des Kampfes um die Wohlfahrt. Berlin 1893.

прещаетъ намъ въ настоящее время говорить о „свободномъ состязаніи силъ“, какъ о двигателѣ прогресса, и нравственный человѣкъ вообще долженъ объявить лозунгъ: „свободная конкуренція“ неправдой. Ортодоксальная наука исходитъ изъ того, что въ свободномъ состязаніи побѣждаютъ наиболѣе пригодные. Нѣтъ ничего ошибочнѣе поступковъ тѣхъ, говоритъ эта теорія, кто изъ неправильно примѣненной жалости старается спасти то, что осуждено природой на гибель. Это называется препятствовать прогрессу. Поэтому: „Дорогу сильнымъ, такъ какъ сила—право“. Гарменингъ отвѣчаетъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе именно этой точки зрѣнія. Прежде всего эта теорія упускаетъ изъ виду огромную разницу между слѣпой природой и разумно дѣйствующимъ *человѣкомъ*. *Прогрессъ* это такое изобрѣтеніе, надъ которымъ человѣкъ постоянно мыслить и къ которому онъ стремится сознательно. Кромѣ того невѣрно, что борьба за существованіе устраняетъ всегда слабыхъ и менѣе совершенныхъ, сохраняя лишь лучшихъ. Условія борьбы часто способствуютъ менѣе цѣннымъ и худшимъ на счетъ болѣе цѣнныхъ и лучшихъ. Господствующая теорія забываетъ, что, поскольку рѣчь идетъ о человѣческомъ обществѣ, въ немъ никогда не имѣла мѣста свободная конкуренція, такъ какъ въ обществѣ направленіе опредѣлялось и теперь опредѣляется не законами природы, а положеніями, установленными людьми, т. е. произвольными нормами, желательными большинству или власти. Именно вѣковое соблюденіе произвольныхъ законовъ и дало, какъ мы видимъ по нынѣшнимъ условіямъ, оружіе въ руки бесполезнѣйшимъ членамъ общества и не только гарантируетъ имъ существованіе—хотя въ интересахъ лучшаго подбора они должны были бы исчезнуть—но и перевѣсъ надъ болѣе пригоднымъ къ совершенствованію и прогрессу, предвѣщая гибель этимъ послѣднимъ. *Иными словами, современныя условія съ такимъ же успѣхомъ доказываютъ нѣчто совершенно обратное положенію о свободномъ состязаніи силъ, какъ двигатель прогресса.* Состязаніе силъ не происходитъ свободно. И если бы рабочимъ дали такъ называемую свободу союзовъ въ самомъ совершенномъ видѣ, то и этимъ не уничтожилась бы лживость фразы о свободномъ состязаніи силъ. „Любовь къ правдѣ и справедливости, человѣчность и уваженіе, которое мы должны питать къ душѣ ближняго, обязываютъ насъ протестовать

противъ положенія о свободномъ состязаніи силъ, ложнаго, если разсматривать его въ томъ смыслѣ, что рабочій, которому печѣмъ жить, кромѣ платы за свой трудъ, можетъ будто бы „свободно“ сноситься съ нанимающимъ его капиталистомъ, т. е. съ полною свободой принимать или отклонять предложенія“. Только капиталистъ съ капиталистомъ можетъ свободно конкурировать, но уже во всякомъ случаѣ не рабочій. По отношенію къ нему капиталистъ—*привилегированный*, но не конкурентъ. Гарменингъ обрисовываетъ различныя стороны современной соціальной борьбы и приходитъ къ заключенію, что только примѣненіемъ основныхъ положеній этики можно облагородить борьбу за благоденствіе.

Такимъ же духомъ гуманности и нравственности проникнута рѣчь, произнесенная въ 1893 г. въ Эйзенахѣ В. Ферстеромъ о „Естествознаніи и этикѣ“ *). По мнѣнію Ферстера нельзя больше отклонять вопросъ о томъ, не зашли ли мы постепенно черезчуръ далеко въ допущеніи существованія индивидуальнаго состязанія, которое давно стало неудобнымъ въ борьбѣ противъ прежнихъ соціальныхъ узъ, и достаточно ли мы обдумали, что условія этихъ прежнихъ стѣсненій основнымъ образомъ измѣнились. Огромныя движенія и силы, развившіяся въ человѣческомъ мірѣ только въ связи съ пріобрѣтеніями науки, не могутъ надолго неограниченно господствовать, не представляя опасности для культуры. Теперь очевидно пришелъ моментъ, когда экономическое развитіе человѣчества, которое нѣкоторое время можно было предоставлять такъ называемымъ законамъ природы и ихъ разумному уравниванію, должно быть руководимо планомѣрною и сознательной соціальною организациею, но никакъ не новыми соціальными узами (какъ пытаются это сдѣлать близорукіе сторонники обновленныхъ цеховъ и т. п.), организациею въ видѣ появленія всеобщей солидарности всего мірового хозяйства. Если присмотрѣться ближе, то, вѣдь, свободная конкуренція существуетъ только для экономически сильныхъ; для большинства же дѣловыя и экономическія условія съ ихъ свободной конкуренціею роковымъ образомъ напоминаютъ состязаніе скаковыхъ лошадей. Если еще ближе присмот-

*) W. Förster, Naturwissenschaft und Ethik. Включено въ *Ethische Ausblicke und Hoffnungen*. Berlin 1895.

рѣться, то можно узнать, что прославленная плодотворность свободной конкуренціи большею частью своихъ успѣховъ обязана нравственной силѣ дѣйствующихъ социальныхъ организацій или, по крайней мѣрѣ, социальному духу, который сохраняетъ свое вліяніе и въ индивидуальной системѣ хозяйства. Нравственное, а потому и экономическое паденіе, какъ слѣдствіе свободной конкуренціи, обнаружилось бы гораздо яснѣе, если бы социальные силы, именно самоотверженная преданность и исполненіе обязанностей, вѣрность и идеализмъ, не сохранили большей части своей силы среди грубо-эгоистическаго хозяйственнаго строя. Точно также и большая часть той научной работы, которая придала техническому и экономическому развитію такой неожиданный ростъ и ви́дшій блескъ, произошла не изъ индивидуалистическихъ побужденій конкуренціи, а изъ высшей интенсивности социального духа, т. е. изъ воодушевленной преданности цѣлому, иными словами, изъ восторженнаго идеализма, который „ищетъ истины ради истины“. Въ борьбѣ за существованіе, какъ понимаетъ ее естественно-научная теорія развитія, приобрѣтаетъ значеніе не такъ называемый „сверхчеловѣкъ“, а самая человѣколюбивая душа, которая больше всего признаетъ законы и цѣли общества и сможетъ честнѣе и мудрѣе всего оцѣнить и осуществить блага социальной организаціи. Вся борьба за существованіе въ человѣческомъ мірѣ *превращается этимъ въ одно солидарное дѣйствіе противъ извѣстныхъ препятствующихъ стихійныхъ вліяній* и противъ злыхъ и несовершенствъ общества.

Какъ глубоко проникъ въ наше сознаніе интересъ къ естественно-научному объясненію социальныхъ вопросовъ, показываетъ рѣчь Фуррера, произнесенная имъ на 6-мъ социально-евангелическомъ конгрессѣ о „Современномъ естествознаніи и социальномъ движеніи нашего времени“ *). Въ тонко и умѣло построенной рѣчи Фурреръ изложилъ теологамъ теорію Дарвина. Въ основаніе его рѣчи легли шесть главныхъ положеній, въ которыхъ выражается мысль, что существуютъ непреложные законы жизни, охватывающіе и общественную жизнь людей, что формы проявленія этихъ

*) Bericht über die Verhandlungen des sechsten evangelisch-socialen Kongresses, abgehalten zu Erfurt. Berlin 1895.

законовъ видопзмѣняются въ различныхъ областяхъ жизни, что поэтому явленія, касающіяся низшихъ областей жизни не обязательны, во что бы то ни стало, для высшихъ. Развитіе человѣческаго общества совершается при содѣйствіи идеальныхъ факторовъ, которые относятся къ спеціальнымъ особенностямъ человѣческаго существа. Сильнѣйшій идеальный факторъ—религія, которая, какъ учитъ опытъ, оказала огромное вліяніе на образованіе общества. Если бы дѣйствіе законовъ жизни не видопзмѣнялось идеальными факторами, вся работа человѣчества приносила бы пользу лишь *немногимъ*. Только практически проведенная въ жизнь христіанская религія, признающая *абсолютную цѣнность личности*, гарантируетъ слабымъ и беззащитнымъ достойное человѣка существованіе. На основаніи этихъ главныхъ положеній Фурреръ даетъ очеркъ ученія о естественномъ развитіи и, въ концѣ концовъ, расчленяетъ современную конкуренцію на части. Военная конкуренція большей частью перешла въ „мирную“ въ видѣ торговли и промышленности. Конкурентъ не знаетъ жалости. Въ конкуренціи не спрашиваютъ о томъ, сколько человѣческаго счастья погибло въ борьбѣ за возможно большее богатство и возможно большую собственность. Великое соціальное движеніе нашего времени идетъ противъ этого. Если человѣкъ подчиненъ животнымъ и растительнымъ законамъ низшихъ существъ, то онъ все же не только существо природное. Онъ связанъ и высшимъ закономъ, который пробуждаетъ въ немъ чувство обязанности и внутреннее стремленіе къ свободѣ. Это доставляетъ христіанство, которое ограничиваетъ грубую власть борьбы за существованіе и спасительною любовью поддерживаетъ и охраняетъ слабыхъ и беззащитныхъ.

Въ диспутѣ, послѣдовавшемъ за этой рѣчью, припали участіе многіе теологи и экономисты. Штекеръ (Stöcker) указалъ на то, что уже очень стали злоупотреблять понятіями о подборѣ, приспособленіи и наслѣдственности. Есть будто бы люди, которые во всѣхъ частяхъ свѣта умѣютъ чудеснымъ образомъ приспособиться. Онъ подразумѣваетъ не только извѣстный всѣмъ народъ, обладающій особымъ даромъ приспособленія. Но если бы способность къ приспособленію въ соціальной борьбѣ вела къ тому, что сильные, какъ избранные, остались бы сверху, то архимилліонеръ Ротшильдъ былъ бы, и по за-

кону наслѣдственности остался бы, наилучшимъ. Профессоръ Шульце-Гевеверницъ взялся защищать естествознаніе отъ различныхъ нападокъ, говоря, что оно вовсе не относится такъ враждебно къ религіи, какъ это казалось бы, судя по различнымъ соціалъ-демократическимъ статьямъ. *Необходимо, чтобы во всякое время, во всякомъ обществѣ на днѣ имѣлся бы осадокъ, который былъ бы результатомъ естественнаго подбора.* Состояніе, при которомъ нѣтъ такого подбора, естествознаніе называетъ *панмиксией* *) и считаетъ, что оно ведетъ къ регрессу въ природѣ. Въ примѣненіи къ человѣческому обществу это значитъ: нѣтъ такого состоянія въ этомъ мірѣ, когда не было бы нужды, не было бы бѣдности. „Современное естествознаніе“ г-на Шульца то же, что и наука профессора Циглера, зоолога, полнаго буржуазныхъ предразсудковъ. Изъ этихъ разглагольствованій ясно лишь одно, а именно, что бѣдные и несчастные въ горестномъ своемъ положеніи могутъ не заботиться о насмѣшкахъ и презрѣніи. Объ этомъ заботится за нихъ „современное естествознаніе“ и находящаяся съ нимъ въ союзѣ „теологія“.

Д. Г. Ритчи (Ritchie) хотя и не совсѣмъ сторонникъ соціализма, но въ важнѣйшихъ пунктахъ соціальныхъ вопросовъ очень близокъ къ нему. Въ своей книгѣ „Дарвинизмъ и политика“ **) онъ хочетъ доказать, что теорія подбора въ той формѣ, въ какой она примѣнима къ человѣческому обществу, не даетъ поддержки политическому принципу *laissez faire*. Кто основывается на естественномъ подборѣ въ его первоначальной формѣ, когда онъ дѣйствуетъ посредствомъ истребленія неприспособленныхъ, долженъ быть готовъ къ тому, чтобы оставить съ трудомъ приобрѣтенные результаты цивилизаціи и возвратиться сначала къ варварству, затѣмъ къ всеобщему побойску за плоды первобытныхъ лѣсовъ, а естественный подборъ, въ своихъ постепенно повышающихся формахъ, образовалъ бы изъ этого состоянія когда-нибудь сызнова цивилизованное общество. „Свободное состязаніе могло бы дать цѣнные результаты, если бы всѣ участвующие начинали одновременно (при одинаковыхъ условіяхъ), если бы каждый проходилъ данное разстояніе пѣшкомъ и

*) Терминъ А. Вейсмanna, отъ греческихъ словъ, обозначающихъ *все и стышеніе*.

**) Darwinism and Politics. Lond. 1895.

одинаково нагруженный; но свободное состязаніе между однимъ, у котораго ноги въ мѣшкѣ, а спина нагружена большою тяжестью, другимъ, сидящимъ на хорошемъ конѣ, и третьимъ, мчащимся въ курьерскомъ поѣздѣ—комедія и довольно жестокая, если призомъ въ борьбѣ является сама жизнь. И все-таки наши эволюціонисты-политики предлагаютъ именно это и при томъ воображаютъ, что дѣйствуютъ „научно“. Прежде чѣмъ вводить естественный подборъ въ область политики, надо понимать подъ нимъ нѣчто другое.— Терминъ „выживание наиболѣе приспособленныхъ“ можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ предполагаетъ наиболѣе приспособленнаго или лучшаго въ высшемъ смыслѣ слова, а между тѣмъ, какъ показалъ Гексли, означаетъ наиболѣе подходящаго къ окружающей средѣ, т. е. пригоднаго собственно къ тому, чтобы выжить или размножиться. Въ соціальной области наиболѣе приспособленный въ одномъ отношеніи можетъ быть не наиболѣе приспособленнымъ въ другомъ. Въ естественномъ развитіи на ряду съ прогрессомъ существуетъ и вырожденіе. Теорія эволюціи не даетъ никакихъ аргументовъ въ пользу наследственной аристократической касты. Люди не связаны съ борьбой за существованіе, но они *познаютъ*, что связаны съ ней, они способны разсматривать свои дѣйствія, размышлять, сравнивать результаты, одно одобрять, другое порицать, одного желать, другого избѣгать. Очень важно открыть законы природы, дѣйствующіе въ обществѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны имъ безусловно подчиняться. Они „законы“ только какъ обобщенія свѣдѣній и гипотезъ, дающія возможность понимать факты, и только по двусмысленности языка создается выраженіе, что такъ называемый „экономическій законъ“ претендуетъ на наше *почтеніе*. Такой законъ можетъ сказать намъ, подходитъ или не подходитъ что-нибудь, но самъ по себѣ, какъ и природа, не имѣетъ моральнаго значенія. Относительно крайняго индивидуализма Спенсера Ритчи замѣчаетъ, что экономическая борьба только фаза старѣйшей формы борьбы за существованіе, борьбы между индивидуумами за пищу, что она есть низшая ступень сравнительно съ борьбой между организованными обществами, гдѣ строгая организація смягчаетъ внутреннюю борьбу. Если Спенсеръ и его послѣдователи изъ этой борьбы выводятъ

свою непоколебимую вѣру въ благодѣтельные результаты, то они одержимы нелѣпнымъ пережиткомъ стараго теологическаго оптимизма или метафизической идеи природы. Человѣческія общества не растутъ, но сознательно измѣняются человѣческимъ трудомъ, такъ что не всякое зло надо считать неизбѣжнымъ. Высшая форма общества соединить все цѣнное въ индивидуализмѣ съ устойчивостью социальныхъ отношеній, которыя разрушилъ индивидуализмъ. Эта новая ступень лучше всего можетъ быть выражена словомъ *соціализмъ*. Затѣмъ Ритчи говоритъ объ организаціи труда и о вмѣшательствѣ государства въ условія его; онъ требуетъ социальнаго и политическаго равноправія женщины. Отъ этого онъ ждетъ разрѣшенія проблемы Мальтуса. Женщина должна нести тягости материнства и должна заботиться о молодомъ поколѣніи. Поскольку женщина воспитывается въ увѣренности, что ея единственная и главная задача — рожать дѣтей, и поскольку она будетъ считать недостаткомъ или несчастьемъ остаться незамужней и бездѣтной, нечего удивляться тому, что населеніе безконечно и беззаботно увеличивается. Когда у женщины будутъ другіе интересы, тогда дѣло не будетъ идти слѣпо, какъ теперь. Раса при этомъ не должна необходимо страдать; наоборотъ, дѣтей будутъ меньше рождаться, но и меньше умирать и меньше болѣть. За рожденными будутъ лучше и заботливѣе ухаживать. Двое здоровыхъ, хорошо воспитанныхъ дѣтей цѣннѣе для общества, чѣмъ цѣлая дюжина распущенныхъ уличныхъ мальчишекъ. Такъ мы посредствомъ разумнаго вмѣшательства будемъ подражать тенденціи къ усовершенствованію, которая господствуетъ въ экономіи размноженія. Рациональный подборъ займетъ мѣсто жестокаго процесса естественнаго подбора.

Г. Геркнеръ въ своемъ „Рабочемъ вопросѣ“ *) обращаетъ вниманіе на слѣд.: сомнѣнія относительно дарвинистическаго обсужденія социальныхъ вопросовъ значительно усиливаются тѣмъ обстоятельствомъ, что еще не достигнуто соглашеніе насчетъ основныхъ ученій дарвинизма. Въ виду этого положенія дѣла, нечего упрекать социаль-политиковъ за то, что они пытались отсоединить дарвинистамъ заниматься „социально-политическими экскурсіями въ чуждой области“ раньше, чѣмъ тѣ окончательно выяснятъ себѣ самую теорію

*) Arbeiterfrage 2 Auflage 1897. Есть русскій переводъ.

дарвинизма. У дарвинистического социаль-политика возникает рѣшительный вопросъ: могутъ ли въ состязаніи, происходящемъ между учрежденіями современнаго социального строя, появляться всегда умственно и нравственно достойнѣйшіе люди? Они ли побѣдители въ борьбѣ за существованіе, за привилегированное положеніе? Умѣющіе лучше всего приспособляться къ существующимъ условіямъ развѣ всегда въ то же время носители свойствъ, отъ распространенія которыхъ зависитъ умственное, нравственное и физическое облагораженіе человѣчества? Геркнеръ въ слѣдующемъ разсужденіи отвѣчаетъ на эти вопросы:

Противоположность между взглядами дарвинистовъ и демократическихъ социаль-реформаторовъ возникла изъ-за того, что нѣкоторые дарвинисты, мало знакомые съ явленіями и дѣйствіями экономической и социальной жизни, были настолько наивны, что разсматривали состязаніе въ рамкахъ капиталистическаго индивидуализма, какъ естественную борьбу за существованіе, въ которой лучшіе всегда являются побѣдителями. Не менѣе ложно было представленіе, которое они составили себѣ о требованіяхъ равенства социалистовъ и социаль-реформаторовъ. Вѣрили въ механическое внѣшнее уравниваніе, которое, можетъ быть, и можно было найти въ сочиненіяхъ третьестепенныхъ социаль-демократическихъ писателей, но врядъ ли имѣли понятіе о словахъ социаль-демократа Фр. Энгельса, что всякое требованіе равенства, выходящее за предѣлы уничтоженія классовъ, есть абсурдъ. Требованіе равенства, которое вездѣ чудится несклоннымъ къ социальнымъ реформамъ дарвинистамъ, исходитъ изъ міра буржуазныхъ представленій XVIII столѣтія; оно, какъ говоритъ Энгельсъ, есть все, что угодно, только не вѣчная истина, а Марксъ называлъ его *народнымъ предрасудкомъ*.

Только внутри равнаго социального класса, равной промышленной или общественной группы, внутри круга, который на самомъ дѣлѣ предоставляетъ своимъ членамъ равныя социальныя условія, произойдетъ своего рода естественный подборъ, и привилегированное положеніе будетъ слѣдствіемъ личной даровитости. Однако, надо помнить, что число привилегированныхъ положеній въ этой группѣ не должно совпадать съ числомъ наилучше одаренныхъ. Это все зависитъ отъ процессовъ, на которые единичный человѣкъ не

имѣть никакого или имѣть очень малое вліяніе. Въ отдѣльныхъ областяхъ промышленности число предпріятій, быть можетъ, сильно уменьшается, тогда какъ объемъ ихъ сильно увеличивается. Это означаетъ, слѣдовательно, уменьшеніе числа привилегированныхъ предпринимательскихъ положеній. Съ быстрымъ ростомъ какого-нибудь города или измѣненіемъ въ тарифной политикѣ могутъ возникнуть очень хорошія „конъюнктуры“, сочетанія выгодныхъ условій для отдѣльныхъ промысловъ. Благодаря этому значительно увеличивается возможность основанія привилегированныхъ положеній. Меньшія дарованія достигаютъ благопріятныхъ положеній, между тѣмъ какъ болѣе одаренные часто должны довольствоваться худшимъ положеніемъ. Но и по другой причинѣ трудно бываетъ судить объ отдѣльномъ человѣкѣ, даже внутри его класса, только по внѣшнему успѣху. Можно только сказать, что онъ приспособился наилучшимъ образомъ къ даннымъ условіямъ. *Приспособляемость можетъ быть безразлична въ нравственномъ отношеніи и даже безнравственна.* Въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ нѣкоторые предприниматели потому особенно преуспѣли, что меньше совѣстились въ употребленіи малоцѣнной поддѣльной шерсти, чѣмъ ихъ конкуренты. Не болѣе похвальнымъ преимуществомъ можно считать приспособляемость въ другихъ областяхъ: искусствахъ, войнѣ, политической и научной карьерѣ. Иначе „карьеристъ“ былъ бы идеальнымъ типомъ человѣчества. Въ социальной реформѣ рѣчь идетъ не объ устройствѣ свободнаго состязанія, какъ думали естествоиспытатели. *Состязаніе должно остаться, но внѣшнія условія и формы, въ которыхъ оно теперь проявляется, должны быть преобразованы такъ, чтобы для всѣхъ были одинаковыя социальныя условія, и чтобы вообще побѣдителями въ борьбѣ были тѣ, въ которыхъ совершеннѣйшимъ образомъ воплощены самыя цѣнныя, по нашимъ нравственнымъ представленіямъ, качества.* Состязаніе, благодаря этому, скорѣе обострится, чѣмъ смягчится. Существованіе классовъ теперь является узамъ для состязанія. Нѣкоторые социальные слои имѣютъ въ распоряженіи больше привилегированныхъ положеній, чѣмъ есть въ ихъ средѣ наилучше одаренныхъ. Таланты этихъ круговъ должны будутъ проявить совершенно иную дѣятельность, какъ скоро они должны будутъ начать настоящую борьбу

съ такими же талантами другихъ слоевъ, не будутъ больше „въ своемъ кругу“ и перестанутъ отдыхать на мягкомъ ложѣ крупной собственности, политическихъ и социальныхъ преимуществъ. И въ низшихъ слояхъ талантъ будетъ больше трудиться, разъ онъ знаетъ, что его ходу не мѣшаютъ неподвижныя внѣшнія рамки и непобѣдимые высокоомѣрные предразсудки. Поэтому эпохи аристократической замкнутости, закостенѣлаго кастового строя, классового и расового высокоомѣрія не отличались крупными успѣхами и великими людьми, а выдавались именно тѣ времена, когда сильно потрясались цѣпи традиціоннаго классового строя. Сколько французовъ, блиставшихъ послѣ революціи въ качествѣ солдатъ, чиновниковъ, художниковъ, ученыхъ и дѣльцовъ, безъ этого разгрома узкаго и мрачнаго зданія привилегій едва развились бы въ мѣстныя знаменитости!

Людвигъ Штейнъ *) хочетъ озарить социальный вопросъ свѣтомъ философіи и также изслѣдуетъ, по этому случаю, отношеніе теорій развитія и подбора къ социальнымъ вопросамъ. Штейнъ занимаетъ посредствующее положеніе между двумя противниками. Въ такомъ вопросѣ, думаетъ онъ, какой представляетъ отношеніе теоріи подбора и наслѣдственности къ социальнымъ задачамъ, партійныя страсти никогда не приведутъ къ рѣшенію. Ни Вейсманнъ, ни Гэккель не могутъ окончательно отвѣтить на него; еще меньше, разумѣется, можетъ декретировать рѣшеніе на этотъ счетъ Бебель; только ареопагъ изслѣдователей и мыслителей изъ всѣхъ областей знанія, которые занялись бы этимъ жгучимъ для нашего общества вопросомъ сообща, всесторонне освѣщая его и внимательно относясь къ дѣлу, дать бы ту сумму ума и знанія, которая необходима для рѣшенія жизненныхъ общественныхъ вопросовъ. Не прибѣгая къ авторитетному голосованію подобнаго ареопага, который представляетъ собой пока только нѣчто желанное для социальной философіи, авторъ полагаетъ, что современное состояніе біологіи и социальной психологіи говоритъ въ пользу *соціального подбора*. Дѣйствительно, никимъ образомъ не рѣшено, что социологія будущаго *выскажется* въ пользу стремленій современной

*) Die sociale Frage im Lichte der Philosophie. Stuttgart 1897, S. 712. Есть русскій переводъ.

соціалъ-демократіи, направленныхъ къ уравниванію и обезличенію всѣхъ. *Соціальная этика и соціальный подборъ* должны имѣть въ виду фізіологическое совершенствованіе типа человѣка. Впрочемъ, даже въ соціалъ-демократическомъ государствѣ таланты и гении будутъ занимать иныя мѣста, чѣмъ кретины и люди, стоящіе ниже средняго уровня. Итакъ, будетъ ли социалистическое государство соціалъ-демократическимъ или соціалъ-аристократическимъ, въ особенности, приметъ ли оно одинаковый видъ во всѣхъ культурныхъ странахъ и будетъ ли связано съ господствующими монархическими или республиканскими традиціями, рѣшать все это сейчасъ значило бы черезъ-чуръ рано приниматься за соціальную догматику. Жестокость нынѣшней формы соціальной борьбы лежитъ въ *неравномъ распредѣленіи оружія*. Кому судьба оказала незаслуженную милость, положивъ его въ золотую колыбель или давъ ему, наконецъ, нѣсколько капель будто бы благородной крови, тотъ совсѣмъ иначе вооруженъ въ борьбѣ, чѣмъ бѣднякъ, съ которымъ судьба сыграла шутку, такъ что онъ или законно родился въ хижинѣ нищаго или же незаконно явился на свѣтъ Божій. Въ политическихъ войнахъ уже давно считается само собою понятнымъ, что противники должны быть одинаково вооружены. И даже въ позорнѣйшемъ пережиткѣ воинственнаго духа человѣка, въ дуэли, строжайшимъ образомъ наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы оружіе сражающихся было совершенно одинаково. Только въ соціальной области *борьба, ведущая къ взаимному уничтоженію, ведется съ совершенно неравнымъ оружіемъ*, при чемъ до сихъ поръ никому на умъ не приходила мысль объ этомъ неравенствѣ оружія. Въ этомъ то и кроется мирная задача будущаго. При надлежащемъ освѣщеніи она распадается на двоякаго рода задачу. Во-первыхъ, здоровая цѣлесообразная соціальная политика должна имѣть въ виду—вооружить cadaго въ соціальной борьбѣ за существованіе посредствомъ достаточнаго экономическаго существованія, чтобы пробудить дремлющія силы духа по всей линіи человѣческихъ дарованій и возбудить ихъ къ безпрепятственному развитію. Въ нашемъ интеллектѣ — сила будущаго. Растущая и ежедневно усиливающаяся соціальная этика въ ближайшемъ столѣтіи несомнѣнно добьется *экономическихъ измѣненій въ пользу равномернаго вооруженія въ борьбѣ за существованіе*, которую сможетъ перенести сильно

индивидуализирующійся культурный человѣкъ; она добьется этого, какъ въ XVIII столѣтіи добились *политической свободы личности*, а въ XIX—*равенства всѣхъ передъ закономъ*. Мѣра измѣненія, имѣющаго цѣлью бѣольшую экономическую однородность, зависитъ отъ того, въ какой степени подобное уравниваніе способствуетъ или препятствуетъ прогрессу. Если борьба въ формѣ войны когда-нибудь совершенно потеряетъ значеніе или совсѣмъ исчезнетъ, то совершенное прекращеніе соціальной борьбы не представляется ни желательнымъ, ни достижимымъ. Религія, мораль, наука и искусство, языкъ и традиція, темпераментъ и обычаи, торговля и промыслы всегда дадутъ матеріалъ доброму состязанію, безостановочно побуждающему къ высшему индивидуальному развитію силъ. Если въ *политическихъ* отношеніяхъ народовъ звучитъ пароль: „Вѣчный миръ“, то лозунгъ соціальной борьбы *индивидуумовъ*: „Вѣчная борьба, но съ честнымъ оружіемъ!“

ГЛАВА V.

Естественно-историческія основанія соціологiи.

1. Біологическій синтезъ дарвинизма и марксизма.

Читая тотъ литературно-историческій обзоръ ученій и взглядовъ на отношеніе между дарвинизмомъ и социализмомъ, который представленъ нами въ предыдущихъ главахъ, мы поражаемся весьма пестрой картиной самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній, которыя можно объяснить только неопредѣленностью и ненадежностью новой принципиальной точки зрѣнія. Къ этому еще присоединяются унаслѣдованные классовые предразсудки и весьма прискорбное незнакомство съ сущностью социализма, со стороны даже наиболѣе ученыхъ и даровитыхъ представителей естествознанія и политической экономіи. Чтобы найти ту логическую нить, которая выведетъ насъ изъ бездны противорѣчивыхъ ученій на ясный и истинный путь, мы, прежде всего, должны указать существенную задачу естественно-исторической соціологiи. Во-первыхъ, необходимо разсмотрѣть естественное ученіе о развитіи безъ „соціологическихъ предубѣжденій“, не внося сюда произвольныхъ специфически-человѣческихъ или даже буржуазныхъ тенденцій, затемняющихъ дѣйствительную сущность борьбы за существованіе, происходящей въ природѣ. Во-вторыхъ, необходимо твердо установить принципиальное различіе между органической и соціальной жизнью и разсмотрѣть вопросъ о томъ, насколько возможно теоретически объяснить соціальную исторію человѣческаго рода съ точки зрѣнія естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Въ-третьихъ, наконецъ, на основаніи этого долженъ быть разрѣшенъ практическій вопросъ о томъ, насколько позна-

ніе естесвеннаго развитія общества можетъ дать новыя идеи, необходимыя для соціальныхъ требованій въ области политики и этики вообще. Въ особенности важно знать, какъ относится ученіе Дарвина къ доктринѣ социализма.

Итакъ, все дѣло въ томъ, чтобы представить естесвенно-научныя основанія соціологін и, такимъ образомъ, подготовить ту почву, на основаніи которой споръ можетъ быть разрѣшенъ въ безпристрастномъ и плодотворномъ изслѣдованіи.

Что касается происхожденія социализма, онъ ни логически, ни исторически не вытекаетъ изъ ученія Дарвина. Новѣйшій социализмъ обосновалъ въ литературѣ свои теоретическія положенія до обнародованія ученія Дарвина. Несмотря на это, съ точки зрѣнія системы наукъ, можно усмотрѣть между этими двумя ученіями методологическую связь, на которую Марксъ и Энгельсъ указали только принципиально, не разработавъ этого вопроса въ подробностяхъ. Такъ какъ человекъ—существо органическаго міра и остался такимъ, несмотря на свое культурное развитіе, то не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстные основные законы этого міра должны были вліять въ его соціальной исторіи прошлаго времени и будутъ вліять въ будущемъ его развитіи. И органическая и соціальная жизнь одинаково подчинены всеобщимъ законамъ жизни. Общая біологія представляетъ собою основу теоріи развитія какъ органическаго, такъ и соціального, и все дѣло въ томъ, чтобы указать тѣ спеціальныя различія, которыя обнаружила исторія развитія организмовъ и обществъ. Біологическій синтезъ дарвинизма и марксизма обусловливается не только зоологической и фізіологической точкой зрѣнія, но также и точкой зрѣнія соціально-экономической. Литературно-историческій обзоръ постановки вопроса показалъ намъ, что дарвинистическіе противники социализма совершенно не обратили вниманія на экономическую сторону вопроса. Они совершенно не затронули сущности ученія, но, большею частью, возражали противъ извѣстныхъ соціально-политическихъ представленій, которыя когда-то имѣли значеніе некритическихъ боевыхъ паролей и, вслѣдствіе этого, были искажены буржуазными предубѣжденіями господствующихъ классовъ. Они, какъ говорятъ слышали звонъ, да не знали, откуда онъ. Ни одинъ изъ

этихъ противниковъ не изучилъ серьезно произведеній Маркса, не упомянулъ о вполне естественно-научной теоріи экономического матеріализма, не говоря уже о томъ, чтобы почитаться съ нею.

Предыдущія главы могутъ научить насъ еще кое-чему. Несмотря на весь ростъ знанія, человѣкъ не можетъ освободиться отъ наклонности очеловѣчивать природу, т. е. понимать и объяснять всѣ явленія окружающаго его міра съ точки зрѣнія своего собственного житейскаго опыта и своихъ собственныхъ поступковъ. Въ своемъ собственномъ произведеніи человѣкъ создаетъ себѣ зеркало, гдѣ должна отразиться окружающая природа для того, чтобы человѣкъ могъ понять ее. Но насколько это зеркало представляетъ собою путь къ истинѣ, настолько же часто оно представляетъ путь къ заблужденіямъ и самообману въ томъ случаѣ, когда человѣкъ по шаблону, безъ всякой критики, приписываетъ природѣ свойства человѣческихъ отношеній. Существуетъ только *формальное* сходство между природой и духомъ, на которомъ основывается *аналогія*, составляющая неизбежное правило нашего мышленія. Средствомъ же научнаго прогресса является только критическая и индуктивная аналогія, основывающаяся на наблюденіи и опытѣ.

Буржуазные дарвинисты „обуржуазили“, если можно такъ выразиться, природу. Они приписали органической жизни ту буржуазную конкуренцію, которая существуетъ при частно-капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ и, такимъ образомъ, исказили истинное понятіе о природѣ. Но что еще хуже, перенеся эту столь фальсифицированную ими природу подъ громкимъ именемъ признанной теоріи въ социологію, они исказили и эту науку и выдали буржуазной конкуренціи дипломъ природнаго благородства на основаніи ученія о выживаніи *примитивъ*.

Какъ бы мы ни были убѣждены въ томъ, что всеобщіе біологическіе законы имѣютъ въ равной степени значеніе для социальнаго и культурнаго развитія человѣчества, мы должны, однако, отвергнуть тотъ родъ аналогій, который до сихъ поръ почти всегда примѣнялся. Если мы сопоставимъ разобранныя нами выше воззрѣнія, то убѣдимся, что многія спеціальныя естественно-научныя теоріи представляютъ собою еще въ значительной степени гипотетичныя и

субъективныя мнѣнія, что эти теоріи пока еще не пользуются всеобщимъ, общепризнаннымъ значеніемъ. При такомъ состояніи науки мы должны, слѣдовательно, быть осторожны и на естественно-научную теорію общества должны смотрѣть только какъ на попытку. Эта же осторожность еще болѣе обязываетъ насъ воздерживаться отъ того, чтобы выставлять независимыя практическія требованія въ области соціальной политики и этики на основаніи такихъ субъективныхъ и шаткихъ мнѣній.

Естественно-историческое воззрѣніе на исторію развитія людей имѣетъ дѣло, въ сущности, съ понятіями *числа*, *причины* и *цѣли*. На этихъ понятіяхъ зиждется математическо-статистическое, причинное и генетическое объясненіе соціальнаго процесса.

Математическое изслѣдованіе есть необходимое средство соціальнаго познанія, но лишь толкованіе статистическихъ данныхъ съ точки зрѣнія причины и цѣли придаетъ этому изслѣдованію научную цѣнность. Поэтому, какъ бы высоко мы ни цѣнили соціальную и историческую математику Кетлэ и Бокля, однако, въ естественной исторіи человѣческаго общества мы должны принять во вниманіе, главнымъ образомъ, содержаніе и объемъ задачи о причинной и генетической связи.

Чтобы понять запутанную и многостороннюю зависимость соціальной и культурной жизни съ точки зрѣнія причинной связи, стараются, прежде всего, воспользоваться понятіемъ организма со всѣми его частями и функціями, какъ его намъ представила физиологія. Утверждаютъ, что общество есть организмъ или что его слѣдуетъ разсматривать по аналогіи съ организмомъ. Полагаютъ, что въ человѣческомъ обществѣ, въ болѣе или менѣе усложненной формѣ, можно усмотрѣть органическіе законы раздѣленія труда, взаимодействія органовъ, различной степени подчиненія частей, законы роста и питанія.

Нѣкоторые представители органической соціологіи, среди которыхъ самыми выдающимися являются, Спенсеръ, Шефле, Лилиенфельдъ, Ренэ, Вормсъ, довели эту аналогію до мелочей, такъ что она часто доходитъ до смѣшного. Даже Шефле, изслѣдователь, много сдѣлавшій для соціологіи, доходитъ въ этомъ случаѣ до изумительныхъ поло-

женій. Такъ, онъ видитъ социальную „соединительную ткань“ въ родствѣ, въ общности племенъ, народовъ и расъ; социальную мускульную ткань—въ соединеніи лицъ и богатствъ для практическаго выполненія какой-нибудь цѣли, для творчества; социальную нервную ткань — въ учрежденіяхъ для умственнаго труда; послѣднія онъ называлъ также психо-физической тканью. Въ высшей степени удивительна слѣдующая аналогія: „Органическія, въ особенности животныя, тѣла богаты защитными тканями самыхъ различныхъ родовъ: наружныя поверхности покрыты волосами, когтями и другими роговыми веществами, эпидермальной тканью верхней кожи; точно такъ же и внутреннія поверхности тѣла въ органахъ пищева-ренія, дыханія, въ мочевыхъ и кровеносныхъ каналахъ покрыты многими слизистыми оболочками, многослойнымъ, плоскимъ и инымъ эпителиемъ. Перепонки, оболочки, сумки и тому подобные покровы окружаютъ и закрываютъ различные органы и ихъ части. Въ социальномъ тѣлѣ мы встрѣчаемъ аналогичныя ткани въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, конечно, иначе образованныя. Почти каждая отдѣльная составная часть богатства имѣетъ свои собственныя средства защиты: кровлю, прикрытіе, упаковку, укупорку, чехоль, навѣсъ, лакъ, переплетъ, дагѣе магазины, посуду, бочки, ящики, охранительные заборы и зданія, футляры, портфели, рамы“.

Какая легкомысленная игра образами! Подобными поверхностными аналогіями доходятъ до того, что усматриваютъ въ правительствѣ или въ господствующихъ классахъ *мозгъ* социальнаго тѣла; основываясь на такого рода аналогіяхъ, объясняютъ социальное и индивидуальное раздѣленіе труда внутри общества, социальное установленіе классовъ, господство и подчиненіе, и не только объясняютъ, но подъ покровомъ понятій, санкціонированныхъ естествознаніемъ, стараются оправдать передъ разумомъ и совѣстью самую вопіющую социальную несправедливость, какъ явленіе необходимое и естественное.

Въ принципѣ, однако, можно признать органическую теорію общества, пренебрегая, при этомъ, рискованными аналогіями. Общество представляетъ собой нѣчто *большее*, чѣмъ организмъ. Оно—организмъ, поскольку люди, какъ органическія существа, находятся въ отношеніяхъ обмѣна и взаимодѣй-

ствія. Общество, рассматриваемое генетически, есть созданіе организма, и это относится не только къ обществамъ людей, но и животныхъ. Соціальный организмъ представляетъ собой дальнѣйшее развитіе организма индивидуального къ высшей ступени и связи органической жизни. Безъ сомнѣнія, необходимо твердо установить соединяющія промежуточные звенья, благодаря которымъ достигается такое высшее развитіе. Эти посредствующія звенья, по своему существу, факторы техническіе и психическіе, впервые возвышаютъ органическое сообщество въ тѣсномъ смыслѣ слова въ соціальное сообщество, превращаютъ организмъ въ общество. Только болѣе глубокое изслѣдованіе связи между фізіологіей съ одной стороны, технологіей и психологіей съ другой, только примѣненіе аналогичныхъ умозаключеній въ смыслѣ *индуктивныхъ и генетическихъ аналогій* можетъ уяснить намъ всеобщій жизненный процессъ соціального развитія.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ понятію естественнаго развитія, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, должно было послужить и для того, чтобы опровергнуть теорію Маркса. А между тѣмъ, именно въ этомъ пунктѣ, господствуетъ совершенное согласіе между ученіями Дарвина и Маркса. Теорія Маркса объ исторіи человѣческаго общества оперируетъ надъ тѣми же понятіями дифференціаціи, приспособленія, борьбы за существованіе и усовершенствованія, какъ и теорія Дарвина о происхожденіи видовъ. Конечно, Марксъ не примѣняетъ къ членамъ человѣческаго общества теоріи подбора, ученія о естественномъ подборѣ въ борьбѣ за существованіе. Нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что Марксъ избираетъ предметомъ своего изслѣдованія только такъ называемую писанную исторію, и онъ имѣетъ право въ этой писанной исторіи — исторіи цивилизаціи — игнорировать ученіе о подборѣ въ узкомъ смыслѣ, т. е. теорію выживанія наилучшихъ, такъ какъ изъ анализа экономическихъ отношеній Марксъ убѣдился, что въ экономической и соціальной борьбѣ классовъ получаютъ не соціальныи подборъ и дальнѣйшее развитіе наиболѣе способныхъ для образованія высшаго типа людей, а совершенно иные результаты.

Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ принципъ естественнаго подбора? Мы видѣли, какъ осторожно Дарвинъ примѣняетъ

этотъ принципъ къ исторіи цивилизаціи, съ какою неопредѣленностью и сомнѣніемъ онъ выражается. Мы видѣли, что Гексли указываетъ на чрезвычайную сложность и запутанность вопроса о томъ, какъ установить дѣйствіе подбора въ военной и промышленной борьбѣ на тѣхъ, которые ее принимаютъ. Наконецъ, мы видѣли и то, что еще ни одинъ сторонникъ теоріи Дарвина въ исторіи не доказалъ значенія аристократическаго принципа подбора для исторіи цивилизаціи. Многіе утверждали, но мало доказали. Физиологическій процессъ проявляется въ совершенно различныхъ и болѣе многочисленныхъ формахъ въ социальной исторіи цивилизаціи, чѣмъ въ природномъ состояніи животныхъ и низшихъ народовъ. Вслѣдствіе ряда причинъ экономическаго и духовнаго свойства, этотъ процессъ уклонился и какъ бы освободился отъ формъ чисто органическаго подбора. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ развитіи цивилизованнаго общества имѣетъ мѣсто органическій подборъ народовъ и индивидуумовъ, ихъ возвышеніе и паденіе, но историческая смѣна народовъ, какъ и подборъ классовъ и сословій внутри общества, ихъ возстановленіе и усиленіе не могутъ быть поняты съ помощью одного закона естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе, закона, который почти сдѣлался политическимъ паролемъ.

Еще менѣе справедливы утвержденія и аргументы антисоціалистическихъ дарвинистовъ, когда они примѣняютъ аристократическій принципъ подбора къ современному порядку для объясненія и оправданія капиталистической системы хозяйства. Именно здѣсь у всѣхъ предъ глазами противоположныя доказательства. Здѣсь только ничѣмъ не оправдываемое невѣжество въ вопросахъ экономической исторіи выводитъ ихъ перомъ самыя неразумныя положенія. Здѣсь они выказываютъ себя буржуазными дарвинистами, какъ ихъ называлъ Бернштейнъ, научными представителями классовой политики, жертвами которой они являются не столько вслѣдствіе злой воли, сколько вслѣдствіе унаслѣдованныхъ предрасудковъ и ложныхъ представленій о сущности анализируемаго ими ученія.

Чтобы сдѣлать возможнымъ біологическій синтезъ эволюціонизма и социализма, необходимо освободить въ представленіяхъ противниковъ ученіе о развитіи съ помощью

подбора отъ буржуазныхъ предразсудковъ, а также изслѣдовать содержаніе социализма спеціально относительно этой задачи. Отношеніе къ вопросамъ дарвинизма со стороны Маркса, Энгельса и ихъ учениковъ, а также отзывы нѣкоторыхъ другихъ естествоиспытателей и экономистовъ, какъ Ланге, Шефле, Уоллеса и т. д., дали намъ ясныя указанія, какимъ образомъ можно создать указанный синтезъ. Слѣдуетъ также признать и то, что социалисты могутъ кое-чему научиться у своихъ противниковъ дарвинистовъ. И на меня повліяли въ различныхъ вопросахъ ихъ аргументы. Критическія замѣчанія, которыми сопровождалось литературно-историческое изложеніе, указали уже то направленіе, въ которомъ необходимо болѣе подробно расчленивъ естественно-историческія основанія социологій.

2. Строеніе организмовъ и общества.

Когда человѣческое общество называютъ организмомъ, то это сравненіе относятъ въ тѣсномъ смыслѣ къ организму животнаго. Высшій животный организмъ представляетъ собой весьма сложное строеніе, состоящее изъ элементарныхъ организмовъ, которые открывшіе ихъ ученые называли клѣтками. Эти клѣтки не одинаковы, но различаются между собой по величинѣ, формѣ, составу и функціи. Согласно закону раздѣленія труда, создается дифференціація, которая опредѣляется функціей, выполняемою отдѣльными видами клѣтокъ, такъ что получаются мускульныя, нервныя, костныя клѣтки и т. д. Всѣ одинаковымъ образомъ дифференцированныя клѣтки образуютъ ткани, а эти, связанныя въ отдѣльныя образованія, составляютъ органы, такъ что все тѣло образуетъ систему органовъ, т. е. организмъ.

На самой низшей ступени, которую мы знаемъ, эти элементарные организмы живутъ самостоятельно. Это—простѣйшія животныя (Protozoa). Они размножаются посредствомъ дѣленія. На болѣе высокихъ степеняхъ жизни находятся тѣ клѣтки, которыя, хотя и происходятъ изъ одной клѣтки путемъ дѣленія, однако остаются связанными съ ней. Вначалѣ эти клѣтки, несмотря на пространственную связность, остаются однородными, но затѣмъ наступаетъ фізіологическое

раздѣленіе труда, такъ что различныя жизненныя отправленія, какъ питаніе, ростъ, движеніе, ощущеніе и т. д. выполняются суммой однородно измѣненныхъ клѣтокъ, послѣдствіемъ чего и бываетъ появленіе органовъ и переходъ къ сложному организму. Собственно и внутри отдѣльной клѣтки уже произошла дифференціація живого вещества, раздѣленіе его на ядро, протоплазму, оболочку и т. д., а эти части, въ свою очередь, обнаруживаютъ значительныя различія въ своемъ составѣ и функціяхъ. Ядро представляетъ собой матеріальнаго носителя наслѣдственности, оболочка—защитника отъ внѣшнихъ вліяній. Итакъ, законъ дифференціаціи господствуетъ во всей органической жизни. Сложный организмъ назвали клѣточнымъ государствомъ потому, что работы и отправленія раздѣлены въ немъ, какъ въ государствѣ. Такая картина можетъ показаться удовлетворительною только на первый взглядъ, но болѣе глубокое проникновеніе въ сущность организма должно показать, что это сравненіе не достаточно. Человѣкъ переходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, перенося обозначенія и представленія объ извѣстномъ на сходное съ нимъ неизвѣстное. Но сравненіе это—только начало научнаго познанія, и дѣло критики выяснить, насколько должны быть измѣнены образныя сравненія, чтобы вполне выразить внутреннюю связь явленій.

Подобно тому какъ болѣе высоко организованное животное состоитъ изъ элементарныхъ клѣтокъ, такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и человѣческое государство состоитъ изъ социальныхъ клѣтокъ—индивидуумовъ. Это сравненіе справедливо лишь въ томъ, что личность есть органическій элементъ общества, но оно не вѣрно въ томъ смыслѣ, что личность со всѣми своими свойствами и функціями не можетъ быть вполне приравнена къ органической элементарной клѣткѣ. Отношеніе индивидуума къ обществу въ подробностяхъ совершенно не похоже на отношеніе клѣтки къ цѣлому организму. Сравненіе можетъ быть допущено только въ общихъ чертахъ. Общество, пожалуй, и организмъ, но оно и нѣчто большее и нѣчто иное, чѣмъ организмъ. Индивидуумъ, пожалуй, и социальная клѣтка, но онъ нѣчто большее и нѣчто другое, чѣмъ клѣтка. Индивидуумъ и общество не представляютъ собой лишь чисто количественное органическое повышеніе клѣтки и организма, но здѣсь еще

присоединяются такая дифференціація и такое развитіе, которыя уже находятся выше сферы органической жизни въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Спенсеръ разсматриваетъ отношеніе индивидуальнаго и соціальнаго организма какъ „фундаментальное родство“. „Такъ какъ мы можемъ убѣдиться въ томъ, что существуютъ извѣстные необходимыя условія, опредѣляющія развитіе индивидуальнаго и соціальнаго организма, то становится неоспоримымъ, что можно провести дѣйствительную аналогію между тѣмъ и другимъ“ *). Липпенфельдъ замѣчаетъ, что общество, подобно природному организму, есть реальное существо и продолженіе природы; оно является только болѣе высокимъ выраженіемъ тѣхъ же силъ, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ явленій природы **). Шефле видитъ въ общественномъ тѣлѣ связь, осуществленную не физиологически, а духовно, — связь высшаго, самостоятельнаго порядка, возвышающуюся надъ органическимъ и неорганическимъ бытіемъ. „Итакъ, дѣйствительно существуетъ неопровержимая аналогія между органическими и социальными клѣтками, тканями и органами, но нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ опредѣленное и даже огромное различіе между ними, основанное на принципѣ всеобщей интеграціи и высшаго духовнаго развитія. Отсюда возникаютъ въ области соціальной жизни явленія совсѣмъ иного рода, вовсе не имѣющія мѣста въ органической природѣ“ ***).

Съ точки зрѣнія теоріи естественнаго развитія можно и должно признать положеніе, что извѣстные общіе законы опредѣляютъ жизнь какъ организма, такъ и общества, но въ обществѣ существуютъ структуры и отношенія иного рода, выдѣляющія его изъ органическаго міра. Это признаніе, однако, не помѣшало многимъ сторонникамъ органической соціологіи играть поверхностными аналогіями. Величайшій недостатокъ органической соціологіи, съ точки зрѣнія теоріи познанія, состоитъ въ томъ, что сторонники ея недостаточно ясно представляютъ себѣ логическое значеніе аналогіи. Такъ, напримѣръ, нельзя согласиться съ Шефле,

*) Изученіе соціологіи. (Есть русск. перев.).

**) Gedanken über die Sozialwissenschaft der Zukunft. Mitau 1873, I Teil. Vorwort. (Есть также русское изданіе).

***) Bau und Leben des Sozialen Körpers. II Aufl. I Bd. S. 19.

когда онъ хочетъ примѣнить біологическую аналогію только какъ *средство для нагляднаго представленія* своей мысли. Единственно научной аналогіей, которая можетъ быть примѣнена здѣсь, является аналогія генетическая, которая съ точки зрѣнія историческаго развитія указываетъ на предварительныя и промежуточныя ступени между организмомъ и обществомъ. Организмъ и общество имѣютъ общее естественное начало; они представляютъ два различныхъ вида совместной жизни, подчиненные однимъ и тѣмъ же всеобщимъ біологическимъ законамъ. Мы не должны прибѣгать къ прямому сравненію человѣческаго общества съ фізіологическимъ организмомъ, но должны только указать на тѣ промежуточныя соціальныя ступени животной жизни, въ которыхъ создаются дочеловѣческія сообщества.

Природа идетъ для достиженія одной и той же цѣли различными путями. Она дѣлаетъ попытки, и цѣлесообразнымъ является то, что получается въ результатѣ подбора различныхъ попытокъ. Организмы могутъ, собственно, соединяться различнымъ образомъ: или прямо и органически, — тогда получается реальный организмъ высшаго порядка, каковы цѣпи особей и животныя колоніи, или же не прямо, съ помощью техническихъ явленій, при чемъ пространственное и тѣлесное родство не представляется въ видѣ непрерывной связи, а осуществляется съ помощью инстинктовъ и представленій.

Именно такимъ образомъ создается тотъ видъ животныхъ сообществъ, которые называютъ роями, стаями, стадами и т. д. Здѣсь, правда, сохранена еще органическая связь размноженія, но общность питанія, движенія и ощущенія уничтожена.

Но общежитіе, осуществленное съ помощью психическихъ связей, не есть еще общество въ тѣсномъ человѣческомъ смыслѣ этого слова. *Человѣческое общество* появляется только тогда, когда къ органической и психической связи присоединяется еще третья среда, которая и дѣлаетъ возможнымъ достиженіе высшей ступени жизни. Мы говоримъ о *технической* дѣятельности человѣка, которая превращаетъ органическій факторъ въ *экономическую* функцію, а психическій — въ *логическую*.

Только дифференціація и повышеніе организма въ эко-

номическій механизмъ и въ духовное сообщество создаютъ человѣческое общество. *Объективная* форма размышленія и чувствованія, созданная логической и технической дѣятельностью, точно такъ же, какъ и *объективная* форма дѣйствія и творчества, составляютъ существенный признакъ человѣческаго союза—т. е. общества. Въ нѣдрахъ послѣдняго вырастаютъ нравственность, наука, искусство и религія, высшая духовная форма жизни; хотя появленіе и развитіе ея и не противорѣчатъ общимъ біологическимъ законамъ, но въ нее, однако, эти законы не могутъ быть перенесены въ той специфической формѣ, въ какой они проявляютъ свое дѣйствіе въ органическомъ тѣлѣ.

Чтобы вполне выяснитъ ту разницу, которая существуетъ между вульгарной органической социологіей и намѣченной теоріей историческаго развитія, я указываю на слѣдующій примѣръ. Расчлененіе на сословія и образованіе классовъ внутри цивилизованнаго общества совершенно не то, что расчлененіе организма на его различные органы; социальное и органическое расчлененіе должны быть сведены къ общему закону біологическаго раздѣленія труда, который вызвалъ въ томъ и другомъ случаѣ характерную форму. Если бы социальное образованіе классовъ было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ органическаго расчлененія физическаго тѣла, то изъ этого слѣдовало бы, что раздѣленіе общества на классы должно было существовать во всѣ прошедшія времена и будетъ существовать всегда въ будущемъ. Но, вѣдь, и то и другое не вѣрно. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что расчлененіе на сословія и классы произошло не только въ силу закона раздѣленія труда, но также и вслѣдствіе другихъ причинъ, напримѣръ, вслѣдствіе физическаго, экономическаго и духовнаго превосходства, а также насплія.

Затѣмъ, индивидуумъ дѣйствительно есть органическая клѣтка общества, но ничуть не въ томъ смыслѣ, въ какомъ элементарныя клѣтки составляютъ физическій организмъ. Индивидуумы—это люди и продолжаютъ ими оставаться, т. е. они—элементы самостоятельные. Они сами питаются, движутся, чувствуютъ и размножаются, между тѣмъ какъ органическія клѣтки исполняютъ только одну какую-нибудь функцію: функцію питанія, движенія, ощущенія или размно-

женія. Если иногда и случается, что нѣкоторые люди, въслѣдствіе слишкомъ значительнаго раздѣленія труда и отъ вырожденія подъ вліяніемъ бѣдственныхъ соціальныхъ отношеній, становятся односторонними и почти теряютъ свой человѣческій типъ, то врядъ ли можно это болѣзненное явленіе сравнивать съ фізіологическимъ раздѣленіемъ труда между клѣтками. А если бы техническое и соціальное раздѣленіе труда такъ увеличилось, что могло бы сдѣлаться опаснымъ для культуры, то наша соціальная совѣсть и соціальная политика должны стремиться устранить эту опасность излишней дифференціаціи.

Для читателя, желающаго имѣть понятіе о современномъ состояніи соціальной науки, представляютъ интересъ пренія объ органической теоріи общества, происшедшія на третьемъ сѣздѣ соціологовъ въ Парижѣ. „Главные аргументы сторонниковъ органической теоріи“, пишетъ X. Раппопортъ *), можно коротко привести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Существуютъ реальные аналогіи между органическимъ тѣломъ и обществомъ. Последнее не есть только совокупность индивидуумовъ, но существо самостоятельное, живое, цѣлое, развивающее новыя, ему одному свойственныя, силы. Определенная форма взаимной зависимости общественныхъ элементовъ—подчиненіе ихъ, раздѣленіе труда между ними—сообщаютъ обществу органическій характеръ. Различныя соціальныя функціи находятъ своихъ „аналоговъ“ въ функціяхъ организма (такъ, напримѣръ, сторонники органической теоріи сравниваютъ пути сообщенія общества съ нервами и сосудами тѣла). 2) Только примѣненіемъ естественно-научныхъ, въ особенности біологическихъ, принциповъ къ соціологіи можно обосновать „соціальныя законы“. Только органическая теорія вноситъ порядокъ и правильность въ хаосъ историческихъ и соціальныхъ явленій. Все, кромѣ біологическаго обоснованія соціальной жизни, есть спиритуализмъ или метафизика. На это противники отвѣчаютъ: 1) Проведеніе полной аналогіи между организмомъ и обществомъ невозможно. Гдѣ, напримѣръ, мѣстопробываніе общественнаго сознанія? Процессы питанія и воспроизведенія не имѣютъ мѣста, какъ цѣлое, въ обществѣ; это долженъ былъ признать и

*) Die Zeit 1897 № 151.

Эспинасъ. Последовательное проведеніе органическихъ аналогій приводитъ къ удивительнымъ абсурдамъ. 2) Органическая теорія общества неплодотворна. Она ничуть не выясняетъ реальныхъ отношеній дѣйствительнаго историческаго процесса; она представляетъ собою простую метафизическую картину, которая во многихъ случаяхъ совпадаетъ, а еще чаще не совпадаетъ съ дѣйствительностью. 3) Нѣтъ „соціальныхъ законовъ“ въ естественно-научномъ смыслѣ. Соціологія знаетъ только вѣроятныя заключенія, относительную, но не абсолютную необходимость. 4) Общество гораздо болѣе сложно, чѣмъ организмъ. Индивидуумъ, который, согласно органической теоріи, представляетъ собою клѣтку, какъ существо, дѣйствующее подъ вліяніемъ разума и совѣсти, ведетъ совсѣмъ другую жизнь, чѣмъ органическая клѣтка. 5) Самыя различныя, даже прямо противоположныя заключенія можно одинаково легко вывести изъ органической теоріи: анархію и абсолютизмъ, фронтредерство и протекціонизмъ, олигархію и демократію. 6) Органическая теорія логически невѣрна, такъ какъ она исходитъ изъ произвольнаго понятія объ организмѣ. Если принять это понятіе лишь согласно его самому общему смыслу, то можно и всю вселенную назвать организмомъ“

Всѣ приведенныя положенія и возраженія на нихъ нашли уже оцѣнку въ моемъ изложеніи. Мое воззрѣніе представляетъ нѣчто среднее. Такъ какъ историческій матеріализмъ указать на связь между духовной и экономической жизнью, то вопросъ объ органическомъ мѣстопробываніи общественнаго сознанія вполне выясненъ. Конечно, прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, долженъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще реальное самостоятельное общественное сознаніе. Кто признаетъ такое сверхъиндивидуальное родовое сознаніе, тотъ долженъ усмотрѣть органическую основу послѣдняго *въ объединенной совместной дѣятельности и вѣсть индивидуальныхъ мозговъ*. Невозможно, однако, провести непосредственную аналогію между организаціей этого *соціального мозга* и мозгомъ индивидуальнымъ; первый представляетъ собою высшее развитіе второго съ новыми, ему только свойственными, дифференціаціями и связями. Между тѣмъ какъ нервныя клѣтки, составляющія индивидуальный мозгъ, органически связаны между собою, отдѣльные индивидуальные

мозги всей суммой технических и экономических орудий и учреждений связаны въ социальный мозгъ, который и осуществляетъ духовную связь между отдѣльными людьми.

Этотъ примѣръ показываетъ, въ какой мѣрѣ правильна органическая теорія социологій. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что при перенесеніи какого-нибудь понятія изъ одной области въ другую само понятіе претерпѣваетъ необходимое измѣненіе. На это слишкомъ часто не обращаютъ вниманія какъ сторонники, такъ и противники органической социологій. Вслѣдствіе этого, споръ между ними слишкомъ часто является только словеснымъ споромъ относительно того, можно ли расширить то или другое понятіе, или нѣтъ. Подобно тому какъ въ психологій употребляются выраженія и образы изъ чувственного міра для того, чтобы выяснитъ и назвать душевныя явленія, такъ мы должны примѣнить органическія понятія къ социальной жизни: это—необходимый и всегда примѣняемый путь научнаго прогресса.

Примѣръ этотъ показываетъ также, что мы употребляемъ аналогію не просто въ смыслъ аналогіи *реальной* и еще менѣе аналогіи *метифорической* для одного только нагляднаго представленія явленій: только одна *инетическая* аналогія, научающая насъ познать въ органической, социальной и духовной жизни различныя ступени развитія одной и той же дѣйствительности — природы, имѣетъ научную цѣнность. Общественная жизнь имѣетъ органическое начало; она осталась организмомъ, но въ то же время сдѣлалась чѣмъ-то большимъ, чѣмъ организмъ, и стала таковой именно благодаря духовнымъ и экономическимъ учрежденіямъ, которыя переросли вліяніе физической жизни.

Чтобы дальше провести аналогію между образованіемъ организма и общества, слѣдуетъ здѣсь напомнитъ тотъ біогенетическій основной законъ, который, примѣнительно къ ученію Дарвина о развитіи и послѣдовательномъ появленіи животныхъ видовъ, былъ сформулированъ Ф. Мюллеромъ и Э. Геккелемъ. Можно показать, что то отношеніе между индивидуумомъ и родомъ, на которое указали эти изслѣдователи съ исторической точки зрѣнія, т. е. по отношенію къ причинности во времени, существуетъ также и съ точки зрѣнія общественной, т. е. пространственной причинности, и что послѣд-

нее отношеніе и есть основная мысль органической теоріи общества. Органическія аналогіи послѣдней и историческія аналогіи біогенетическаго основного закона соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ дополненія. Ф. Мюллеръ впервые формулировалъ свой основной біогенетическій законъ при изслѣдованіи исторіи развитія ракообразныхъ. Онъ показалъ, что исторія развитія потомковъ, до извѣстной степени, совпадаетъ съ исторіей развитія предковъ, и что историческое развитие вида отражается въ исторіи развитія потомства *). Гэккель во многихъ своихъ сочиненіяхъ выразилъ этотъ параллелизмъ между исторіей индивидуума и рода. „Исторія зародыша есть извлеченіе изъ исторіи племени, или, другими словами, онтогенія есть краткое повтореніе филогеніи“. Можно этотъ законъ выразить еще слѣдующимъ образомъ: развитіе индивидуума есть краткое, быстрое и обусловленное законами наслѣдственности и приспособленія повтореніе развитія соотвѣтствующаго племени, т. е. предковъ, которые для даннаго индивидуума образуютъ цѣпь прародителей. Гэккель далѣе показываетъ, какъ причины индивидуальнаго развитія лежатъ въ тѣхъ силахъ, которыя накопила исторія племени, и которыя продолжаютъ проявлять свое дѣйствіе въ развитіи индивидуума. Этотъ параллелизмъ между индивидуальнымъ организмомъ и исторіей вида представляетъ въ социальномъ смыслѣ то же соотношеніе, которое органическая теорія общества усматриваетъ между организмомъ и обществомъ. Подобно тому какъ исторія вида есть распространенная и видоизмѣненная исторія индивидуума, такъ человѣческое общество есть распространенное и видоизмѣненное повтореніе человѣческаго организма. Соціальныя силы имѣютъ также начало въ силахъ индивидуума. Это признавалъ уже Платонъ, когда выводилъ сущность политическаго строя изъ сущности человѣческой души, изъ психическаго проявленія организма, „потому что никакимъ другимъ путемъ сущность эта не могла явиться“. Представители органической теоріи общества впадаютъ, однако, въ ту же ошибку, въ какую впалъ Платонъ при параллелизмѣ между государствомъ и душой: и первые и послѣдній примѣнили аналогію слишкомъ схематически и безусловно.

*) F. Müller, Für Darwin. Leipzig 1864.

3. Идея развитія.

Организмы и общества, какъ бы они ни различались своими особенностями, подчинены однимъ и тѣмъ же всеобщимъ біологическимъ законамъ. Существенный законъ жизни есть *законъ развитія*, приводящей въ тѣснѣйшую связь исторію природы и общества и дѣлающей возможной теорію естественной исторіи человѣческаго общества. Принципъ развитія—понятіе не простое, но крайне сложное. Развитіе есть результатъ цѣлаго ряда отдѣльных процессовъ, которые, обнаруживая причинную связь явленій, сочетаются, однако, различнымъ образомъ, чтобы образовать высшіе процессы дифференцированія, приспособленія и усовершенствованія.

Мысль, что вещи развиваются, такъ же стара, какъ понятіе причины. Когда люди начали размышлять о причинѣ явленій, они должны были создать себѣ надъ извѣстнымъ имъ міромъ—міръ взаимно связанныхъ между собой причинъ и слѣдствій, который, въ своей мифической и религіозной формѣ, удовлетворялъ ихъ потребности познанія. Такъ, въ мифахъ дикихъ народовъ, въ древнихъ космогоніяхъ и теогоніяхъ Востока мы находимъ отвѣтъ на тѣ же вопросы о происхожденіи и цѣли вещей и человѣка, отвѣтъ, хотя и не удовлетворяющій современной научной потребности, но скрывающій въ себѣ историческіе зародыши новѣйшаго точнаго познанія природы. Задача осталась той же, которую еще греческіе философы, именно Эмпедоклъ и Гераклитъ, сдѣлали центромъ своихъ размышленій и изслѣдованій. Эта же задача есть побудительный мотивъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій объ организмѣ и обществѣ. Постѣдовательное и реальное усвоеніе принципа развитія есть заслуга движенія мысли лишь нашего столѣтія.

Эта идея развитія—чрезвычайно плодотворная и благотворная мысль, не только дающая ключъ къ пониманію естественныхъ явленій и къ болѣе глубокому взгляду на прошедшее, но и представляющая идеаль человѣческой жизни, радость надежды и одобренія. Грекамъ не была извѣстна идея прогресса и усовершенствованія человѣческаго рода. Для современныхъ людей научное познаніе, какъ и живая дѣятельность человѣческихъ силъ, направленная къ дости-

женію высшей цѣли, освѣщены новымъ неожиданнымъ свѣтомъ идеи усовершенствованія. Неподвижныя, схематически установленныя противоположности исчезаютъ; границы между физическими, органическими, социальными и духовными явленіями, которыя были строго обозначены и которыя, казалось, невозможно было переступить, совершенно разрушаются; все вступаетъ въ родственную связь; одно не существуетъ безъ другого; какъ единое, такъ и множественное, существуютъ только въ отношеніи къ цѣлому и всеобщему. *Идея развитія есть ключъ къ общему пониманію природы.*

Исторію общаго происхожденія и развитія видовъ растеній, животныхъ и человѣческихъ расъ открылъ нашему пониманію *Чарльзъ Дарвинъ* помощью точныхъ индуктивныхъ изслѣдованій. Онъ доказалъ постепенное происхожденіе измѣненія органическихъ формъ посредствомъ выживанія въ борьбѣ за существованіе видовъ, находящихся въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ. Онъ представилъ, коротко говоря, естественную исторію развитія организмовъ. Но прежде чѣмъ мы ближе изслѣдуемъ, каково значеніе теоріи Дарвина для исторіи развитія обществъ, необходимо хотъ вкратцѣ рассмотреть всеобщій принципъ развитія и связанныя съ нимъ понятія дифференцированія, приспособленія и усовершенствованія.

Принципъ дифференцированія заключается въ томъ, что изъ одного первоначальнаго однороднаго состоянія получаются состоянія неоднородныя, отличныя другъ отъ друга. Причины этого дифференцированія, этого расчлененія одного общаго начала на многія единичныя формы, въ послѣднемъ счетѣ, неизвѣстны. Почему вообще вещь измѣняется—это вопросъ, отвѣтъ на который лежитъ внѣ естественно-научнаго изученія. Для изслѣдователя природы расхожденіе признаковъ является несомнѣннымъ основнымъ положеніемъ; онъ можетъ также *подробно* указать тѣ условія, при которыхъ наступаютъ эти измѣненія, и обосновать общіе и спеціальныя законы ихъ. Дифференцированіе господствуетъ надъ всей жизнью, какъ органической, такъ и экономической и интеллектуальной. Благодаря ей и является неисчерпаемое разнообразіе явленій и ежеминутно мѣняющаяся картина жизни, природы и человѣчества.

Самымъ интереснымъ и поучительнымъ примѣромъ,

уясняющимъ сущность дифференцированія, является ростъ человѣческаго тѣла. Когда анализируютъ вполне развитое тѣло, то раздѣляютъ его на различныя системы органовъ, выполняющія разнообразныя жизненныя функціи. Эти системы органовъ состоящія изъ нервовъ, мускуловъ, костей и т. д., могутъ быть разложены и дальше, пока мы не дойдемъ до микроскопически малыхъ образований—клѣтокъ, изъ которыхъ и состоитъ весь организмъ. Эти клѣтки, эти органическіе элементы значительно отличаются другъ отъ друга величиной, формой, цвѣтомъ и внутреннимъ строеніемъ. Влѣдствіе этого, только болѣе глубокое сравнительное изслѣдованіе можетъ указать первоначальное, одинаковое и равноцѣнное состояніе клѣтокъ. Соответственно тѣмъ отправленіямъ, которыя выполняютъ органы, составленные изъ нихъ, клѣтки различаются между собою своей формой. Здѣсь господствуетъ органическое дифференцированіе, которое, согласно его функціональному значенію, и назвали физиологическимъ раздѣленіемъ труда.

Организація тѣла становится лишь тогда вполне понятою, когда прослѣжена исторія его развитія во всѣхъ его послѣдовательныхъ стадіяхъ. Всякое развившееся тѣло было первоначально одной клѣткой или скорѣе двумя клѣтками: отцовской—сѣмянной и материнской—яйцовой клѣткой, которыя въ актѣ совокупленія соединились для того, чтобы образовать одну оплодотворенную и способную къ развитію клѣтку. Эта клѣтка и является нѣкоторое время общимъ носителемъ всѣхъ жизненныхъ функцій, а именно: движенія, питанія, ощущенія и т. д. Начало роста вновь создающагося тѣла выражается дѣленіемъ оплодотворенной клѣтки на большее число дочернихъ клѣтокъ, которыя и располагаются опредѣленнымъ образомъ и въ опредѣленномъ порядкѣ. Это дѣленіе вначалѣ является лишь однимъ пространственнымъ раздѣленіемъ, но вскорѣ наступаютъ измѣненія въ физико-химическомъ составѣ вещества, въ формѣ и функціяхъ клѣтокъ, измѣненія, зависящія отъ преобразования протоплазмы клѣтокъ и ея отправленій. Между тѣмъ какъ первоначальная клѣтка должна была сама выполнять всѣ функціи, теперь наступаетъ раздѣленіе труда такого рода, что отдѣльные комплексы клѣтокъ, органы, принимаютъ на себя отдѣльныя функціи. Но съ этимъ раздѣленіемъ труда

связано *улучшеніе въ выполненіи работы*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мышечные органы выполняютъ только функцію движенія, половые органы—только функцію размноженія, нервные органы—функцію ощущенія и сознанія, тогда получается возможность значительнаго повышенія способности этихъ органовъ отправлять эти единственные для нихъ функціи. Такимъ образомъ, ростъ развивающагося тѣла выражается не только въ увеличеніи вещества и объема, но и заключаетъ въ себѣ повышенную способность къ отправленіямъ, основанную на количественномъ дифференцированіи органовъ.

Принципъ дифференцированія господствуетъ не только въ физическомъ мірѣ, но и въ мірѣ техническомъ и духовномъ. Кремень есть первоначальное простѣйшее орудіе, съ помощью котораго первобытный человѣкъ долженъ былъ выполнять всѣ техническія работы, а именно: рѣзать, ударять, пилить, копать, скоблить, метать и т. д. Изъ этого-то простаго, но практическаго орудія развились постепеннымъ и одновременнымъ измѣненіемъ матеріала и формы различныя простыя машины, ножи, молотки, буравы, лопаты и т. д. Изъ этихъ же инструментовъ, благодаря многостороннему дифференцированію и приспособленію силъ природы, и развились самыя сложныя машины нашего времени.

Исторія развитія психическихъ способностей показываетъ, что различныя чувственные ощущенія, по всей вѣроятности, развились изъ одной первоначальной формы ощущенія, которую можно уподобить осязательному ощущенію. Даже наши чувства и представленія подчинены закону раздѣленія и расчлененія. Исторія науки показываетъ намъ, какъ изъ древнѣйшей формы, которая обнимала собой все мышленіе человѣка, т. е. изъ мифологіи, въ теченіе времени развились всѣ области знанія. Такъ, каждую вѣтвь духовной культуры можно изслѣдовать до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ, что законъ дифференцированія имѣлъ для нея весьма важное значеніе. Наконецъ, въ настоящее время раздѣленіе труда въ интеллектуальной жизни сдѣлалось такъ велико, что отдѣльный человѣкъ едва можетъ обнять своимъ умственнымъ взоромъ различныя области, а тѣмъ менѣе изучить ихъ вполнѣ.

Второй существенный факторъ развитія есть приспособленіе. Подъ приспособленіемъ подразумѣваютъ вообще способность организмовъ стать въ такія отношенія къ даннымъ

условіямъ жизни, чтобы поддержать, а порою и улучшить свое существованіе. Гэккель считаетъ приспособленіе и наслѣдственность явленіями равноцѣнными, приписывая приспособленіе функціи питанія, а наслѣдственность функціи размноженія. Въ противоположность этому мнѣнію, необходимо указать на то, что приспособленіе есть болѣе общее понятіе, наслѣдственность есть опредѣленная форма приспособленія. Подобно тому какъ размноженіе есть не что иное, какъ пространственно выдѣленный изъ своего индивидуальнаго существованія ростъ организма, такъ и связанная съ размноженіемъ наслѣдственность есть выдѣленное изъ индивидуальнаго существованія приспособленіе, соединяющее между собой рядъ поколѣній животныхъ. Самъ Гэккель называетъ размноженіе „ростомъ индивидуума сверхъ его индивидуальной мѣры“. Ростъ же неразрывно связанъ съ питаніемъ.

{ Приспособленіе обнимаетъ въ равной мѣрѣ какъ питаніе, такъ и размноженіе и ощущеніе организмовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оно представляетъ собой результатъ данныхъ свойствъ организму силъ и вліяній внѣшней среды. Конечно, собственныя силы организма указываютъ на предыдущія приспособленія, полученные имъ благодаря наслѣдственности.

Что касается приспособленія съ помощью питанія, то оно заключаетъ въ себѣ функціи обмѣна веществъ роста и внѣшняго оформленія. Оно зависитъ отъ окружающей организмъ среды, состоящей изъ физическихъ и органическихъ силъ природы. Климатъ, погода, воздухъ, вода, почва, температура, растительный и животный міръ диктуютъ свои законы формъ и образу жизни организма. Зоологи различаютъ различныя формы приспособленія. Такъ, О. Шмидтъ перечисляетъ слѣдующія формы: *прямое* приспособленіе, обусловленное индивидуальной способностью сопротивленія; *непрямое* приспособленіе, обусловленное участіемъ способностей; *расходящееся* приспособленіе (полиморфизмъ, расчлененіе животныхъ обществъ у термитовъ, пчелъ и т. д.); *индивидуальное* приспособленіе, состоящее въ томъ, что, несмотря на ближайшее родство, индивидуумы различаются между собой, благодаря многимъ уклоненіямъ; *накопляющееся* приспособленіе, обусловленное естественнымъ подборомъ *).

*) Descendenzlehre und Darwinismus. Leipzig 1875. S. 162.

Приспособленіе при помощи размноженія представляет собой одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ органическаго прогресса. Оно не только представляетъ собой „непрямое приспособленіе посредствомъ унаслѣдованія задатковъ“. Половой актъ, оплодотвореніе и связанная съ ними наслѣдственность суть источники новыхъ условій приспособленія для каждаго организма. Вопросъ о наслѣдственности употребленія и неупотребленія органовъ, значительно выясненный теоріями Гальтона, Вейсмана и Уоллеса, имѣетъ весьма важное значеніе для доказательства обусловленнаго половымъ актомъ приспособленія индивидуумовъ. Въ противоположность теоріямъ, видѣвшимъ въ наслѣдственности консервативный моментъ развитія, Вейсманнъ доказалъ, что вліяніе зародышевыхъ клѣтокъ при оплодотвореніи составляетъ причину вновь являющихся измѣненій и соотвѣстныхъ приспособленій. Такимъ образомъ, размноженіе, какъ и питаніе, есть средство органическаго приспособленія. Зоологи большей частью не замѣчали того, что приспособленіе господствуетъ и въ психическихъ функціяхъ животныхъ, и что психическое приспособленіе часто играетъ важную роль въ жизненныхъ явленіяхъ. Внутренняя психическая способность организмовъ реагировать чувствомъ удовольствія и неудовольствія, острота и степень дифференцированія чувственныхъ ощущеній, могущество инстинктовъ, хитрость и вниманіе—все это существенные факторы приспособленія животныхъ существъ. Еще болѣе, чѣмъ для животныхъ, эта психическая способность реагирования существенна для людей, душевную дѣятельность которыхъ съ біологической точки зрѣнія можно разсматривать, какъ приспособленіе человѣческаго рода къ его естественнымъ условіямъ существованія.

Подобно тому какъ буржуазные политико-экономы, апологеты свободной конкуренціи, ошибочно смѣшивали социальное приспособленіе съ *усовершенствованіемъ*, усматривая въ соперничествѣ гармонію экономическихъ интересовъ, такъ многіе біологи считали дифференцированіе усовершенствованіемъ, смѣшивая высшую работоспособность, вызванную фізіологическимъ раздѣленіемъ труда, съ большей степенью совершенства. Чтобы вполне выяснитъ понятіе усовершенствованія и сходное съ нимъ понятіе прогресса и облагораживанія, необходимо

различать усовершенствованіе относительное отъ абсолютнаго. Нэгели указалъ уже на различіе между „автономнымъ измѣненіемъ“, или усовершенствованіемъ, и „приспособительными измѣненіями“, вызванными внѣшними раздраженіями *). Относительное усовершенствованіе не можетъ быть понято ни какъ высшая степень приспособленія, ни какъ высшая степень дифференцированія. До чего не тождественны явленія приспособленія и усовершенствованія, показываетъ фактъ регресса въ природѣ, когда высоко организованные виды, вслѣдствіе упрощенія въ строеніи ихъ тѣла, „вырождаются“ для того, чтобы приспособиться къ новымъ измѣнившимся условіямъ существованія. Такое регрессивное приспособленіе при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ способствовать сохраненію вида, хотя и измѣненнаго, между тѣмъ какъ болѣе высоко организованные представители его вымираютъ. При такихъ условіяхъ, относительное усовершенствованіе въ смыслѣ приспособленія одерживаетъ верхъ надъ абсолютнымъ усовершенствованіемъ.

Понятіе дифференцированія также не равнозначуще съ понятіемъ усовершенствованія. Если, напримѣръ, между членами какой-нибудь животной колоніи наступаетъ такое раздѣленіе труда, что одни животныя выполняютъ только функцію питанія, другія — функцію движенія, третьи — функцію размноженія и т. д., то это представляетъ собою усовершенствованіе для всей колоніи, но регрессъ и несовершенство для отдѣльной особи, такъ какъ, лишенная органической связи съ другими животными, она съ трудомъ или вовсе не сможетъ существовать. Мозговая клѣтка человѣка, въ которой, можетъ-быть, создается высшее представленіе о человѣческомъ идеалѣ, и которая, такимъ образомъ, является совершеннѣйшимъ органическимъ продуктомъ, какой мы только можемъ себѣ представить, такая клѣтка, взятая отдѣльно, такъ беспомощна и неспособна, что она сама не можетъ ни кормить себя, ни двигаться, ни размножаться. Она даже теряетъ элементарную способность чувственнаго воспріятія боли, а между тѣмъ ей, можетъ-быть, были доступны величайшія *душевныя* страданія.

*) Nägeli. Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre. München und Leipzig. 1884. S. 541 ff.

Усовершенствованіе, въ абсолютномъ и прогрессивномъ значеніи этого слова, основывается на соединеніи дифференцированія съ приспособленіемъ. Усовершенствованіе въ этомъ смыслѣ означаетъ *повышенную степень приспособленія индивидуальнаго организма съ помощью повышенной дифференціаціи*. Только при-мѣняя такой масштабъ, мы можемъ судить о поколѣніяхъ живыхъ существъ по степени ихъ совершенства и говорить о возрастающемъ развитіи организмовъ. Если О. Шмидтъ утверждаетъ, что усовершенствованіе при всѣхъ условіяхъ является результатомъ приспособленія и подбора, то мы доказали, что при условіяхъ одного только подбора или приспособленія можетъ получиться регрессъ вида, вырожденіе его. Не мало содѣйствовалъ путаницѣ и Спенсеръ, когда онъ не вполне ясно отдѣлялъ принципъ „выживанія наиболѣе приспособленныхъ“ отъ принципа „выживанія наилучшихъ“. Наиболѣе ясное и общее опредѣленіе понятія совершенства далъ Спиноза: „чѣмъ предметъ болѣе совершененъ, тѣмъ болѣе онъ дѣятеленъ и тѣмъ менѣе онъ страдаетъ, и, наоборотъ, чѣмъ предметъ болѣе дѣятеленъ, тѣмъ онъ совершеннѣе“ *). Похоже на это опредѣленіе объясненіе Лейбница: „совершенство есть количество существенности и дѣйствительности“. Но дѣятельность и степень вліянія организма находятъ себѣ выраженіе въ возросшемъ, вслѣдствіе многосторонняго дифференцированія, приспособленіи къ окружающему его міру. Въ этомъ смыслѣ можно смѣло утверждать, что человѣческій организмъ представляетъ собой высшую ступень органическаго развитія. Это, однако, не значитъ, что и каждый органъ человѣческаго тѣла есть верхъ совершенства. Гегенбауръ, съ точки зрѣнія сравнительно-анатомической, дѣлаетъ по тому же поводу слѣдующее въ высшей степени интересное замѣчаніе, дающее возможность оріентироваться по этому вопросу: „такъ, напримѣръ, нога человѣка далеко не такъ обильно снабжена разнообразными функціями и соотвѣтственно этому организована, какъ у четверорукихъ. Органы чувствъ не такъ остры, какъ у многихъ животныхъ. Многіе свойственные этимъ послѣд-

*) Чѣмъ больше совершенства имѣетъ каждая вещь, тѣмъ больше она дѣйствуетъ и меньше страдаетъ, и, наоборотъ, чѣмъ больше она дѣйствуетъ, тѣмъ бываетъ совершеннѣе“. Этика Б. Спинозы. V часть 40 положеніе. Пер. подъ редакц. проф. В. И. Модестова. Изд. второе.

нимъ органы вовсе не достигаютъ у него развитія. Вездѣ мы встрѣчаемъ регрессивныя, выродившіяся части. На длинномъ пути філогеніи было приобрѣтено много такого, что организму постепенно переставало быть пригоднымъ. Менѣе важное оставлено ради развитія высшихъ, болѣе драгоцѣнныхъ органовъ. Несмотря на это, мы ставимъ человѣческой организмъ на вершинѣ органическаго развитія. Источникъ этого превосходства лежитъ въ системѣ органовъ, которая, благодаря своимъ функціямъ, и есть паввысшая. Мы говоримъ о нервной системѣ, а въ ней—о мозгѣ, которому остальные ея части подчиняются. Связанное съ мозгомъ богатое развитіе психическихъ функцій даетъ намъ возможность понять, какъ, подъ вліяніемъ ихъ, весь организмъ можетъ испытать преобразованія, и какъ, благодаря этому, пропадаютъ органы, лишающіеся своихъ функцій потому, что ихъ мѣсто занимаютъ другіе лучшіе. Выродившееся или даже пропадающее ничуть, слѣдовательно, не приводитъ къ абсолютному недостатку; оно вовсе не низводитъ ту часть, которой коснется это вырожденіе, на низшую ступень функціональнаго значенія, такъ какъ вмѣсто выродившихся частей не только являются компенсаціи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но онѣ открываютъ различные пути для новыхъ и для организма болѣе цѣнныхъ строеній. Такимъ образомъ и благодаря этому, создаются условія для усовершенствованія организма *). Изъ этого сдѣланнаго специалистомъ изложенія ничего нельзя исключить; но необходимо кое-что еще прибавить. Можно, я думаю, показать, что совершенное устройство человѣческаго организма многимъ обязано не только вліянію одного органа на другой и воздѣйствію психической функціи, но также вліянію органическихъ и психическихъ условій общества и его техническихъ и экономическихъ учрежденій. Человѣческое тѣло измѣняется психикой человека не прямо, а черезъ посредство его технической дѣятельности. Органы могутъ вырождаться или даже совершенно исчезать потому, что ихъ мѣсто заступаютъ изобрѣтенныя разумнымъ мышленіемъ *орудія*, и такимъ образомъ первоначальная функція органовъ выполняется лучше.

Такъ какъ законъ дифференцірованія, приспособленія и

*) Gegenbaur. Lehrbuch der Anatomie des Menschen. Leipzig, 1890, S. 34.

усовершенствованія имѣть въ равной степени значеніе для организмовъ, для органическихъ и для человѣческихъ обществъ, то мы и можемъ сказать, что человѣческое общество есть высшая форма соціальной жизни, подобно тому, какъ человѣческое тѣло занимаетъ высшую ступень въ ряду организмовъ. Съ этой же сравнительной и эволюціонной точки зрѣнія мы можемъ даже сказать, что цивилизованное общество, а именно общество европейскихъ народовъ, достигло высшей ступени культурнаго развитія. Этимъ, однако, вовсе не одобряются и не оправдываются всѣ существующія въ немъ учрежденія, отношенія и отправленія. Какъ и во всѣхъ обществахъ, и въ человѣческомъ обществѣ существуетъ опасность, чтобы соціальное и техническое дифференцированіе не привело къ гибели или регрессу личнаго совершенства индивидуума. Либеральные представители экономической гармоніи интересовъ изъ-за совершенства приспособленія, а естественно-научные соціальные теоретики, изъ-за совершенства дифференцированія, забыли о цѣлостномъ развитіи личности. Капиталь, говоритъ Марксъ, раздробилъ людей, а Гэккель выражаетъ свое естественно-научное благословеніе этому раздробленію, указывая на то, что новыя формы труда и орудія, появившіяся благодаря безконечно развившемуся въ наше время раздѣленію труда, повліяли не только на продукты современнаго труда, но и на характеръ рабочихъ и ремесленниковъ *). Гэккель, конечно, имѣетъ въ виду совершенствующее вліяніе, какъ это и было показано выше въ главѣ о дарвинистическихъ противникахъ социализма.

Изъ-за соціального и техническаго раздѣленія труда мы не должны забывать *человѣка*, ради котораго существуетъ общество. Многостороннее дифференцированіе его способностей не должно разрушать его органическую и психическую гармонію. Въ этомъ и заключается вся трудность искусства личнаго развитія, трудность, которая становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше идетъ раздѣленіе труда и чѣмъ болѣе люди превращаются въ односторонне развитый вьючный скотъ. Мы, однако, не должны, благодаря этому, впасть

*) Häckel. Über Arbeitstheorie in Natur- und Menschenleben. Ges. pop. Vorträge aus dem Gebiet der Entwicklungslehre 1878. Heft. 1. S. 101.

въ пессимизмъ и не признавать, съ научной и практической точки зрѣнія, преимуществъ культурнаго развитія. Мы познали причины усиливающейся дисгармоніи. Естественный законъ соціальнаго дифференцірованія совсѣмъ не представляетъ собой чего-то рокового, неизбежнаго. Мы нашли средства, съ помощью которыхъ можно ограничить зло и вредъ этого процесса.

4. *Естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе.*

Хотя принципы дифференцірованія, приспособленія и усовершенствованія и образуютъ общія основанія біологическаго развитія, однако ими еще не выясняется вопросъ о томъ, какъ появляется и развивается каждый органическій видъ животныхъ и растений. Единственной естественно-научной теоріей, которая лучше всего выясняетъ этотъ вопросъ, является ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ съ помощью естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе.

Дарвинъ, однако, не былъ первымъ естествоиспытателемъ, выяснившимъ развитіе видовъ. Но если заслуга великаго мыслителя, создающаго цѣлую эпоху, заключается въ томъ, чтобы изъ узкихъ тропинокъ предшественниковъ создать широкую дорогу науки и поставить во главѣ проблемы плодотворный интеллектуальный принципъ такъ, чтобы онъ господствовалъ надъ всѣми отдѣльными и единичными соображеніями, тогда ученіе о естественномъ развитіи видовъ съ полнымъ правомъ носить имя *дарвинизма*. Наиболѣе выдающимся предшественникомъ Дарвина былъ Ламаркъ, который въ своей „Philosophie Zoologique“ впервые далъ исторію естественнаго развитія организмовъ. Ламаркъ старался показать, что природа въ своихъ созданіяхъ образовала не постоянные классы, порядки, семейства и виды, а отдѣльные существа, слѣдующія другъ за другомъ и похожія на тѣхъ, которыя дали имъ жизнь. Эти единичныя существа принадлежатъ къ чрезвычайно различнымъ расамъ, которыя представляютъ всевозможные отбѣнки по формѣ и по степени развитія организаци и остаются безъ измѣненія до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь причина не вызоветъ въ нихъ измѣненія.

Виды, слѣдовательно, постоянны лишь постольку, поскольку

постоянны условія вѣшняго міра. Въ каждомъ животномъ еще не достигшемъ границъ своего развитія, болѣе частое и искусное употребленіе какого-либо органа ведетъ все къ большому усиленію этого органа, развиваетъ его, увеличиваетъ и даетъ ему силу, соотвѣтствующую продолжительности упражненія, между тѣмъ какъ постоянное неупражненіе органа незамѣтно ослабляетъ его, ухудшаетъ, все болѣе и болѣе уменьшаетъ его способность функционировать и, наконецъ, приводитъ къ его исчезновенію. Съ помощью употребленія и неупотребленія органовъ происходитъ вообще приспособленіе организма къ окружающимъ его условіямъ существованія, а такъ какъ результаты приспособленія наслѣдственны, то и могутъ возникать новые виды.

Подъ вліяніемъ Ламарка находился также и Гербертъ Спенсеръ, который еще до обнародованія „Происхожденія видовъ“ въ 1851-мъ году въ своей „Соціальной Статикѣ“ обрисовалъ состязаніе, происходящее въ природѣ и человеческой жизни, и выставилъ принципъ очистительнаго процесса расы съ помощью выживанія наиболѣе приспособленныхъ въ борьбѣ за существованіе—принципъ, который впоследствии былъ признанъ и принятъ Дарвиномъ. Необходимо, однако, указать и на то, что еще нѣсколько раньше, въ 1838-мъ году, Дарвинъ самостоятельно дошелъ до теоріи естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе.

Дарвинъ не только призналъ идеи Ламарка, но и углубилъ ихъ съ помощью своей теоріи „естественнаго подбора“. Ученіе Мальтуса о народонаселеніи привело его къ этой теоріи. Вообще можно сказать, что воззрѣнія Мальтуса относительно *перенаселенія* только вдохновили Дарвина; но въ книгѣ Мальтуса мы можемъ встрѣтить даже нѣкоторыя мысли, въ которыхъ, хотя темне и несовершенно, заключается и понятіе подбора. То обстоятельство, что Дарвинъ подвергся вліянію Мальтуса, имѣло весьма важное значеніе для его собственнаго научнаго развитія. Но, къ сожалѣнію, онъ воспринялъ отъ Мальтуса нѣкоторые предразсудки по вопросу о перенаселеніи у людей, которые и дали ложное направленіе его воззрѣніямъ относительно дѣйствія естественнаго подбора у человѣка. Мальтусъ пишетъ: „Такъ какъ родителямъ нерѣдко случается испытывать такую нужду, что они не въ силахъ прокормить своихъ дѣтей, то они

оставляютъ ихъ на произволъ судьбы. Покидаютъ, обыкновенно, уродливыхъ дѣтей, а нѣкоторыя южно-американскія племена подвергаютъ такой же участи и дѣтей, стонвшихъ матери большихъ страданій во время ея беременности и родовъ, изъ боязни, чтобы они не наслѣдовали слабости матери.

Вотъ причина замѣчательнаго отсутствія уродовъ между американскими дикарями. Но если бы и нашлась между ними мать, которая захотѣла бы воспитать безразлично всѣхъ своихъ дѣтей, то смерть похищаетъ такое огромное число послѣднихъ вслѣдствіе дурнаго обращенія съ ними, что невозможно предположить, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя одарены нѣжнымъ сложеніемъ, могли достигъ зрѣлаго возраста.

Въ испанскихъ колоніяхъ, гдѣ жизнь туземцевъ менѣе тягостна и гдѣ имъ не позволяютъ губить дѣтей, встрѣчается множество людей безобразныхъ, малорослыхъ, калѣкъ, слѣпыхъ и глухихъ“ *). Далѣе Мальтусъ указываетъ на тотъ фактъ, что за сильной эпидеміей слѣдуетъ періодъ здоровья, и объясняетъ это тѣмъ, что эпидемія уноситъ слабѣйшихъ. Онъ не считаетъ невозможнымъ, чтобы, благодаря подбору, и у людей имѣло мѣсто усовершенствованіе, подобное усовершенствованію животныхъ. Но такъ какъ человѣчeskій родъ не можетъ быть усовершенствованъ, если не осудить всѣхъ плохихъ представителей его на безбрачіе, то мало вѣроятія на то, чтобы когда-нибудь наступить дѣйствительный подборъ.

Отсюда видно, что Мальтусъ имѣлъ понятіе о естественномъ подборѣ, какъ онъ происходитъ при низкомъ уровнѣ культуры, и о подборѣ, который осуществляется въ молодыхъ поколѣніяхъ, благодаря условіямъ существованія и дѣйствіямъ самихъ родителей. Такого рода указанія нашли въ умѣ Дарвина плодотворную почву.

Самъ Дарвинъ имѣлъ очень много случаевъ изучить средства и результаты искусственнаго подбора, научный анализъ которыхъ онъ и представилъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „Измѣненіе животныхъ и растеній въ до-

*) Мальтусъ. Опытъ о законѣ народонаселенія, русск. переводъ. Библикова. 1868 стр. 124.

машнемъ состояніи“. Исходнымъ пунктомъ естественнаго подбора является *индивидуальная измѣнчивость*, тотъ существующій въ природѣ фактъ, что всѣ особи даннаго вида не абсолютно одинаковы, а болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга своими особенностями. Такъ, напримѣръ, человѣкъ при разведеніи растеній можетъ подобрать разновидности, посѣять сѣмена ихъ и затѣмъ вновь подобрать появившіяся разновидности. Накопляя, такимъ образомъ, мало-по-малу новые признаки, онъ съ помощью подбора и выключенія можетъ получить новыя искусственныя разновидности. Дарвинъ въ своемъ сочиненіи даетъ множество примѣровъ измѣненія животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи, т. е. въ состояніи искусственнаго, раціонально произведеннаго человѣкомъ подбора. Въ частности, Дарвинъ подробно изслѣдуетъ измѣненія домашней собаки, кошки, лошади, осла, свиньи и т. д., а также измѣненія хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, плодовъ и цвѣтовъ.

Исходнымъ пунктомъ всякаго подбора является, какъ уже сказано, индивидуальная измѣнчивость. „Безъ измѣнчивости ничего нельзя было бы достигъ, но достаточно и незамѣтныхъ индивидуальныхъ различій, которыя, вѣроятно, были единственно важными факторами при появленіи новаго вида“. Причиной измѣненія являются измѣнившіяся условія существованія, среди которыхъ самыми важными Дарвинъ считаетъ климатъ, питаніе, скрещиваніе, употребленіе органовъ и соотношеніе роста.

Органическія измѣненія, безъ сомнѣнія, имѣютъ мѣсто въ природѣ; но какъ въ природѣ изъ измѣненій образуются разновидности и новые виды? Кто тотъ всемогущій и мудрейшій дѣятель, который руководитъ естественнымъ подборомъ, подобно тому какъ человѣкъ руководитъ искусственнымъ подборомъ? Должны ли мы обратиться къ теологической гипотезѣ о сверхъестественномъ дѣятелѣ, который, благодаря своей силѣ и разуму, производитъ искусственный подборъ въ природѣ? Нѣтъ, этимъ ничто не объяснилось бы, и наука должна отказаться отъ всѣхъ подобныхъ мнѣстескихъ представленій. Великая же заслуга Дарвина и интеллектуальное благо всего человѣческаго рода и заключается въ томъ, что онъ эту творческую силу нашель въ борьбѣ за существованіе. Стремленіе къ самосохраненію осо-

бей и борьба ихъ за свое самосохраненіе составляютъ ту естественную имманентную силу, которая играетъ роль руководителя подбора. *Особѣ являются создателями своего собственнаго вида.* Стремленіе къ самосохраненію *конкурирующихъ между собой* живыхъ существъ создаетъ новые виды, такъ какъ всѣ во множествѣ вступающіе въ жизнь организмы помогаютъ имѣющимся на лицо средствъ существованія. Самосохраненіе и размноженіе—вотъ тѣ двѣ противоположныя фізіологическія силы, которыми осуществляется конкуренція. „Благодаря этой борьбѣ, измѣненія, какъ бы они ни были незначительны и отъ какой бы причины ни зависѣли, если только они полезны для особей даннаго вида, въ ихъ безконечно сложныхъ отношеніяхъ къ другимъ существамъ и къ физическимъ условіямъ жизни, будутъ способствовать сохраненію этихъ особей и унаслѣдуются ихъ ближайшимъ потомствомъ“ *).

Естествоиспытатели приняли въ соображеніе неимовѣрную способность къ размноженію отдѣльныхъ растительныхъ и животныхъ видовъ и опредѣлили ту огромную сумму яйцевыхъ клѣтокъ и сѣмянныхъ тѣлецъ, которыя воспроизводятся ежегодно, и изъ которыхъ выживаетъ сравнительно незначительная часть для того, чтобы сохранить видъ, а порою его и усовершенствовать. Изъ огромнаго числа различающихся между собой зародышей развиваются дальше только тѣ, которые въ состязательной борьбѣ развиваютъ наиболѣе благопріятные признаки. Дарвинъ опредѣлилъ принципъ естественнаго подбора, какъ выживаніе раст. находящихся въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, хотя самъ призналъ болѣе удачнымъ выраженіе „выживаніе наиболѣе приспособленныхъ“, предложенное Спенсеромъ. Дарвинъ показываетъ, что удерживаются и дальше развиваются только тѣ измѣненія, которыя полезны, доставляя преимущество въ борьбѣ за существованіе. Полезность же какого-нибудь признака есть понятіе *относительное* и зависитъ не только отъ силъ организма, но и отъ внѣшнихъ условій существованія. Точно такъ же принципъ „выживанія наиболѣе приспособленныхъ“ имѣетъ весьма относительное значеніе, такъ

*) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе видовъ. (Есть три русскихъ перевода: Рачинскаго, Тимирязева и Филиппова).

какъ онъ намъ ничего не говоритъ относительно усовершенствованія въ абсолютномъ смыслѣ. Если читатель припомнитъ литературно-историческій обзоръ первой главы, онъ вспомнитъ также, какое смѣшеніе понятій существуетъ относительно этого вопроса,—какъ принципъ „выживанія наиболѣе приспособленныхъ“ замѣнили принципомъ „выживанія лучшихъ“, превративъ, такимъ образомъ, эволюціонную теорію подбора въ аристократическую теорію. Совершенство вслѣдствіе приспособленія еще далеко не прогрессивное совершенство, и наиболѣе приспособленный можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, быть наихудшимъ и приводить къ регрессу. *Выживаніе болѣе совершенныхъ*, если совершенство выражается въ лучшемъ приспособленіи организма вслѣдствіе дифференцированія, *есть частный случай выживанія наиболѣе приспособленныхъ*. Все въ природѣ „приспособляется“, это вполнѣ справедливо; но вовсе не необходимо, чтобы приспособленіе и подборъ имѣли прогрессивное направленіе. Только въ смыслѣ приспособленности можно назвать полезное и дающее преимущество лучшимъ и болѣе совершеннымъ, и только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно разсматривать естественную исторію развитія, какъ постепенное усовершенствованіе организмовъ.

Здѣсь слѣдуетъ, однако, коснуться еще одного весьма важнаго пункта. Не разъ уже ставился вопросъ о томъ, можно ли объяснять явленія органическаго развитія однѣми механическими причинами, или для пониманія предшествующихъ стадій развитія безусловно необходимо прибѣгнуть къ телеологическому ученію, т. е. возрѣнію, вводящему въ изученіе понятіе цѣлесообразности? Я того мнѣнія, что утверждать, будто Дарвинъ замѣнилъ телеологическій методъ механическимъ, значить хватать черезъ край. Тѣ писатели, которые стараются совершенно исключить понятіе цѣли изъ естествознанія, кажется, слишкомъ мало размышляли о средствахъ и путяхъ разумнаго познанія. Уже одна аналогія между естественнымъ и искусственнымъ подборомъ должна была бы предостеречь ихъ отъ этого. Но такъ какъ они создали ложное представленіе о цѣлесообразной дѣятельности человека, то, когда они слышатъ о цѣляхъ въ природѣ, у нихъ сейчасъ же возникаетъ представленіе о вліяніи какого-то личнаго существа на природу. Конечно, всякое примѣненіе лож-

наго теологическаго представленія должно быть избѣгаемо, но необходимо, по меньшей мѣрѣ, подумать о слѣдующемъ: если человѣкъ, какъ наиболѣе развитое существо въ природѣ, дѣйствуетъ цѣлесообразно, и если въ идеѣ *цѣли* лежитъ центръ всѣхъ культурныхъ приобрѣтеній, то, вѣдь, и въ природѣ должна дѣйствовать подобная сила, тѣмъ болѣе, что стремятся доказать, что и человѣкъ есть существо природы и имѣетъ животное происхожденіе. Развѣ признаніемъ цѣлесообразной дѣятельности человѣка мы вводимъ въ природу нѣчто новое?

Но стремленіе человѣка къ цѣли вовсе не такъ плано-мѣрно и не находится такимъ готовымъ въ его умѣ, какъ это обыкновенно думаютъ. Наоборотъ, необходимо распространить принципъ естественнаго подбора и на цѣлесообразные мысли и поступки человѣка. Весьма проникательно слѣдующее замѣчаніе Дарвина: „естественный подборъ дѣйствуетъ только путемъ попытокъ“. Но и человѣкъ, вѣдь, дѣйствуетъ не иначе. Искусственный подборъ, съ такой очевидностью, повидимому, доказывающій плано-мѣрную и цѣлесообразную дѣятельность человѣка, дѣйствуетъ также только путемъ попытокъ. И человѣкъ долженъ—выражаясь фигурально—засѣять тысячу сѣмянъ, чтобы получить изъ своихъ дѣйствій цѣлесообразный результатъ. Онъ долженъ сдѣлать тысячи попытокъ, передумать тысячи мыслей, произвести тысячи открытій и изобрѣтеній для того, чтобы изъ нихъ, посредствомъ подбора и выживанія наиболѣе приспособленныхъ формъ, достигнуть преслѣдуемой цѣли. Цѣль не есть представленіе, абсолютно предшествующее поступкамъ и являющееся *a priori* ихъ причиною. Искусственный подборъ, произведенный человѣческими руками и его разумомъ, есть только частный случай всеобщаго естественнаго подбора, видоизмѣненный сообразно со спеціальными цѣлями человѣческой культуры. Въ этомъ отношеніи, нѣтъ никакого кореннаго различія между природой и духомъ. Біологическій законъ подбора осуществляется также и въ области мышленія. Съ другой стороны, принципъ *развитія* заключаетъ въ себѣ понятіе цѣли, а принципъ усовершенствованія невозможно мыслить безъ цѣли. Причинный механизмъ означаетъ, что въ явленіяхъ природы одно состояніе необходимо слѣдуетъ за другимъ. Но понятіе развитія го-

раздо обширнѣе. Оно означаетъ опредѣленное совокупное дѣйствіе механическихъ причинъ; а это невозможно безъ предположенія цѣли. Телеологія, понимаемая имманентно и генетически, т. е. какъ эволюціонно-историческій принципъ, внутренне-присущій естественнымъ явленіямъ, не можетъ быть, поэтому, исключена изъ методовъ научнаго познанія.

5. *Измѣненіе и наслѣдственность.*

Историческое происхожденіе и развитіе видовъ можетъ лишь въ томъ случаѣ осуществиться съ помощью естественнаго подбора, если благоприятныя, дающія преимущество въ борьбѣ за существованіе особенности не только ведутъ къ выживанію индивидуумовъ, но и переходятъ къ ихъ потомкамъ. Къ индивидуальному приспособленію должно еще присоединиться генеративное (родовое), т. е. приспособленіе развивающагося вида, для того, чтобы эти выживающія благоприятныя особенности получили силу, образующую виды. Это родовое приспособленіе и есть *наслѣдственность*. Ученіе о наслѣдственности занимаетъ центральнѣйшій пунктъ въ органической теоріи развитія съ тѣхъ поръ, какъ принципы Дарвина, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, поставили отдѣльныя фізіологическія проблемы. Споръ относительно ученія о происхожденіи видовъ почти превратился въ споръ о наслѣдственности. Ближе изучить причины и законы наслѣдственности необходимо не только для выясненія явленій общей біологіи, но также и для выясненія вопроса о развитіи человѣчества и для примѣненія положеній Дарвина къ практической соціальной политикѣ.

Причина дифференцированія, свойство измѣнчивости органическаго существа есть, въ концѣ концовъ, первопричина, изъ которой проистекаетъ всякое развитіе. Уклоненія отъ родительскаго организма и перенесеніе возникающихъ измѣненій на потомковъ, однимъ словомъ, измѣненіе и наслѣдственность составляютъ основныя проблемы, выясненіе которыхъ необходимо для полнаго пониманія естественной исторіи развитія.

Общепризнанъ тотъ фактъ, что особенности расы и семейства, т. е. общій характеръ и индивидуальныя особенности родителей, переходятъ къ дѣтямъ. Между тѣмъ

какъ особенности породы вполне твердо установлены, такъ что собака, напримѣръ, всегда происходитъ отъ собаки, рыба—отъ рыбы, дѣтенышъ можетъ, все-таки, не походить на своихъ родителей, если не считать общихъ расовыхъ особенностей. Индивидуальная наслѣдственность не такъ постоянна, какъ родовая, и на основаніи многочисленныхъ наблюденій можно даже утверждать, что дѣти такъ же часто не походятъ на родителей, какъ и походятъ.

Былъ выставленъ цѣлый рядъ законовъ наслѣдственности, впрочемъ, представляющихъ собою скорѣе точки зрѣнія, съ которыхъ сгруппированы извѣстные явленія, чѣмъ объясненія причинъ. Гэккель *) выводитъ не мало такихъ законовъ, какъ напримѣръ, законъ одновременной или гомохронной наслѣдственности, который Дарвинъ называетъ закономъ „наслѣдственности въ соотвѣтствующіе періоды жизни“, и законъ „одномѣстной“ или гомотопной наслѣдственности, который можно также называть закономъ „наслѣдственности въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ тѣла“. Затѣмъ, къ наслѣдственности причисляется передача потомству тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней—патологическая наслѣдственность, передача увѣчий и результатовъ воздѣйствія окружающихъ условій. А между тѣмъ эти виды наслѣдственности настолько еще гипотетичны, что ихъ нельзя выразить въ точно формулированныхъ законахъ.

Ламаркъ утверждаетъ, что все, что животныя приобрѣтаютъ или теряютъ подъ вліяніемъ условій, въ которыя они поставлены, въ продолженіе долгаго времени и, слѣдовательно, вслѣдствіе постояннаго употребленія или неупотребленія какого-нибудь органа,—все это помощью размноженія наслѣдуется потомками, если только унаслѣдованныя измѣненія свойственны обоимъ поламъ или тѣмъ особямъ, отъ которыхъ произошли потомки. Дарвинъ сводитъ причины измѣнчивости, какъ уже сказано было, къ измѣнившимся условіямъ существованія: къ климату, питанію, скрещиванію, употребленію органовъ и соотношенію роста. Но для того, чтобы понять причину перенесенія этихъ измѣненій на потомковъ, т. е. причину наслѣдственности, слѣдуетъ, прежде всего, поставить вопросъ, *какая причинная связь существуетъ*

*) Haeckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte. Berlin 1898 S. 196.

между измѣненіями въ органахъ, (происшедшими въ слѣдствіе вышеказанныхъ причинъ, и именно въ слѣдствіе употребленія или неупотребленія органовъ), и особенностями тѣхъ половыхъ клѣтокъ, отъ которыхъ и происходитъ при совокупленіи и оплодотвореніи новое поколѣніе. Такъ, Дарвинъ поставилъ слѣдующій вопросъ: „Какими путями упражненіе или неупражненіе конечностей или мозга можетъ повліять на небольшое скопленіе половыхъ клѣточекъ, помѣщенныхъ въ отдаленной части тѣла и при томъ такимъ образомъ, что развивающееся изъ нихъ существо наслѣдуетъ свойства одного или обоихъ родителей? Даже неполный отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдовало бы горячо привѣтствовать *)“. Дарвинъ самъ также далъ несовершенный отвѣтъ въ своей предварительной гипотезѣ пангенезиса **), существенной частью которой является предположеніе, что всѣ отдѣльныя части тѣла выдѣляютъ мельчайшіе зародыши, которые распространяются по всему тѣлу. Затѣмъ слѣдуетъ еще принять, что эти зародыши растутъ, принимаютъ различныя формы и соединяются въ почки и въ половые элементы. Дарвинъ, слѣдовательно, изображаетъ причинную и матеріальную связь между органическимъ измѣненіемъ и органической наслѣдственностью въ такомъ видѣ, что половыя клѣтки, изъ которыхъ развиваются новыя существа, создаются образовательными элементами развитаго и измѣняющагося организма. Это единственно раціональная гипотеза, если допускаютъ *прямую* наслѣдственность результатовъ употребленія и неупотребленія органовъ. Трудно только анатомически показать развитіе половыхъ элементовъ изъ мельчайшихъ зародышей тѣлесныхъ клѣтокъ. Ученіе Ламарка и Дарвина о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ имѣетъ и въ настоящее время въ числѣ своихъ послѣдователей многихъ крупныхъ ученыхъ, каковы, напримѣръ, Спенсеръ, Геккель, Гаакъ и т. д., съ воззрѣніями которыхъ мы далѣе познакомимся ближе.

Такъ какъ Дарвинова гипотеза пангенезиса развита недостаточно и лишь въ общихъ чертахъ, то все-таки остается открытымъ вопросъ: существуетъ ли наслѣдственность

*) Измѣненіе животныхъ и растений въ домашнемъ состояніи. (Есть два русск. перевода. Перев. изданный Поповымъ озаглавленъ: Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія).

**) Въ изд. Филиппова эта часть соч. Дарвина появилась отдѣльно.

приобрѣтенныхъ свойствъ, и какимъ образомъ она осуществляется? Изъ совсѣмъ другой, даже противоположной, точки зрѣнія исходитъ Августъ Вейсманнъ, который, основываясь на новыхъ изслѣдованіяхъ эмбриологич., т. е. ученія объ органической исторіи развитія особи, создалъ новую теорію наслѣдственности, не только единственно допустимую съ точки зрѣнія исторіи развитія, но и вполне обоснованную фیزیологически *). Это одобреніе относится, однако, только къ принципиальнымъ основнымъ мыслямъ ученія Вейсманна, такъ какъ относительно частныхъ я не вездѣ съ нимъ солидаренъ. Кто хочетъ правильно усвоить новое ученіе о наслѣдственности, тотъ долженъ имѣть въ виду основной пунктъ этого ученія, заключающійся въ томъ, что Вейсманнъ не исходитъ, подобно Дарвину, изъ вполне развитаго организма и не объясняетъ происхожденія половыхъ клѣтокъ изъ почечекъ, выдѣляемыхъ развитыми органами, но считаетъ зависимость обратную и *исходитъ изъ половыхъ клѣтокъ*, изъ которыхъ и образовывается при индивидуальномъ ростѣ развивающійся впоследствии организмъ. Такъ какъ Вейсманнъ основывается на эмбриологическихъ изслѣдованіяхъ, то и необходимо изложенію его теоріи предпослать общій очеркъ этой науки. Каждый высшій организмъ вначалѣ представляетъ одну только клѣтку, фیزیологическій элементарный организмъ, половую или зародышевую клѣтку. Изъ этой элементарной клѣтки и развивается высшій организмъ, проходя, благодаря процессамъ созрѣнія, оплодотворенія и дробленія яйца, различныя степени. Эти процессы у однихъ животныхъ, напримѣръ у млекопитающихъ, происходятъ въ тѣлѣ матери, у другихъ, напримѣръ, у птицъ — въ особой оболочкѣ, у третьихъ, напримѣръ, у рыбъ — свободно въ водѣ. Вслѣдствіе количественнаго и качественного раздѣленія труда, т. е. когда яйцевая клѣтка путемъ дробленія превращается въ многочисленныя дочернія клѣтки, и эти клѣтки начинаютъ выполнять различныя функціи, то появляются отдѣльныя системы органовъ: мускулы, нервы, кости и т. д. Къ этимъ системамъ

*) Впрочемъ, полемика Спенсера съ Вейсманномъ рѣшила вопросъ далеко не въ пользу послѣдняго. Ср. дальнѣйшій анализъ этого вопроса. (Статьи Спенсера появились въ русск. переводѣ въ Научномъ Обзорѣнн 1894 г.).

органовъ относятся также, какъ самостоятельные продукты развитія, половыя железы: сѣмянные железы у особей мужскаго пола и яичники у особей женскаго пола. Весьма вѣроятно—а отчасти и доказано—что половыя клѣтки названныхъ железъ являются *такими же прямыми потомками первоначально отодотворенной яйцовой клѣтки*, какъ и клѣтки всѣхъ другихъ органовъ.

Такимъ образомъ, онѣ не равномерно выкристаллизовываются, какъ это предполагалъ Дарвинъ, въ готовомъ организмѣ изъ отдѣльныхъ органовъ. Такъ какъ клѣтки отдѣльныхъ органовъ, вслѣдствіе качественного раздѣленія труда, начинаютъ выполнять одну только функцію, которая преусуществовала, хотя и въ слабой формѣ, въ яйцовой клѣткѣ, то единственной задачей клѣтокъ половыхъ железъ становится размноженіе, такъ что онѣ могутъ образовывать новый организмъ, какъ только соединяются двѣ половыя клѣтки, принадлежащія двумъ различнымъ поламъ. Такъ какъ наслѣдственность неразрывно связана съ размноженіемъ, то, очевидно, матеріальные носители наслѣдственности должны быть заключены въ половыхъ клѣткахъ. По всей вѣроятности имъ являются такъ называемыя хромосомы клѣточного ядра, которымъ на основаніи специальныхъ изслѣдованій и принуждены приписать особенную способность къ унаслѣдованію. Итакъ, отношеніе половыхъ клѣтокъ организма заключается въ *историческомъ родствѣ*, въ общемъ происхожденіи изъ одной клѣтки. Съ этими эмбриологическими фактами связаны воззрѣнія Вейсманны на наслѣдственность, которыя онъ съ теченіемъ времени все болѣе развивалъ и затѣмъ собралъ въ своихъ „Статяхъ о наслѣдственности и связанныхъ съ ней біологическихъ вопросахъ“ *).

Вейсманнъ полагаетъ, что въ ходѣ развитія органической жизни вообще не бываетъ приобрѣтенныхъ измѣненій въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, а всѣ измѣненія происходятъ изъ первоначальныхъ измѣненій зародышевыхъ клѣтокъ (стр. 87). У каждаго вида животныхъ первоначально является молекулярное измѣненіе зародышевыхъ клѣ-

*) Weismann. Aufsätze über Vererbung etc. Jena 1892. (Еще болѣе важно, какъ выраженіе позднѣйшихъ взглядовъ Вейсманны, его сочиненіе о зародышевой плазмѣ: Keimplasma etc.):

токъ; это измѣненіе усиливается вслѣдствіе подбора и дѣлается постояннымъ, если его результаты, т. е. измѣненія тѣхъ или другихъ клѣтокъ тѣла, полезны данному виду (стр. 89). Наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ до сихъ поръ еще совсѣмъ не доказана ни путемъ простаго наблюденія, ни экспериментальнымъ путемъ (стр. 91). Всякое усиленіе какого-нибудь органа вслѣдствіе упражненія имѣетъ извѣстное значеніе для жизни индивидуума, но какъ только это имѣетъ мѣсто, естественный подборъ имъ пользуется и подбираетъ только тѣхъ индивидуумовъ, которые обладаютъ органомъ съ наилучшей функціей. *Эта наилучшая функція не зависитъ, однако, никоимъ образомъ отъ степени упражненія, которыми былъ занятъ органъ во время жизни индивидуума, а зависитъ существеннымъ образомъ отъ задатковъ, которыми былъ одаренъ органъ еще въ состояніи зародыши.* Усиленіе, на которое способенъ органъ, имѣетъ предѣлъ и всего болѣе зависитъ отъ первоначальныхъ задатковъ. Итакъ, усиленіе органа въ теченіе многихъ поколѣній не есть, по Вейсманну, результатъ суммированія слѣдствій упражненія органовъ, но результатъ соединенія благопріятныхъ задатковъ, зародышевыхъ клѣтокъ (стр. 95). Мѣра этихъ силъ, принимая во вниманіе измѣненіе условій, зависитъ также отъ задатковъ, свойственныхъ зародышевымъ клѣткамъ, и когда происходитъ подборъ, то онъ только кажущимся образомъ происходитъ у развитыхъ организмовъ, на самомъ же дѣлѣ происходитъ между болѣе и менѣе сильными зародышевыми задатками. Естественный подборъ только *видимо* имѣетъ дѣло съ свойствами готовыхъ организмовъ, на самомъ же дѣлѣ онъ примѣняется къ скрытымъ въ зародышевыхъ клѣткахъ задаткамъ этихъ свойствъ (стр. 119). Если свести все продолжительныя, отъ поколѣнія къ поколѣнію передаваемыя, измѣненія къ количественнымъ измѣненіямъ зародышевыхъ клѣтокъ, то является вопросъ, откуда же происходятъ сами эти измѣненія? Вейсманнъ полагаетъ, что они, въ концѣ концовъ, должны быть сведены къ тѣмъ различнаго рода вліяніямъ, которымъ подверглись зародышевыя клѣтки съ самаго начала своего эмбриональнаго развитія. Этими признается и за зрѣлымъ организмомъ зависящее отъ него воздѣйствіе на филогенетическое развитіе ряда его потомковъ, такъ какъ зародышевыя клѣтки заключены вѣдь въ

немъ, и внѣшнія воздѣйствія, которымъ онѣ могутъ подвергнуться, существенно обусловлены состояніями организма, въ которомъ онѣ заключены. Если организмъ развитъ хорошо, то и его зародышевыя клѣтки будутъ хорошо развиты, и, наоборотъ, если онъ слабъ и болѣзненъ, то и его зародышевыя клѣтки будутъ расти кое-какъ. Должно предполагать, что эти воздѣйствія даже еще болѣе специализированы, т. е. проявляются только на тѣхъ или другихъ частяхъ зародышевыхъ клѣтокъ. Но это нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ предположеніе, что организмъ можетъ передавать всѣ измѣненія, происшедшія въ немъ вслѣдствіе внѣшнихъ воздѣйствій на зародышевыя клѣтки, такимъ образомъ, что они въ новомъ поколѣніи развиваются въ то же самое время и на томъ же мѣстѣ организма, какъ это произошло съ родительскимъ организмомъ (стр. 119). Ничто не можетъ возникнуть въ организмѣ, чего въ немъ не было въ видѣ склонности, потому что каждая приобрѣтенная способность есть не что иное, какъ *реакція организма на определенное возбужденіе* (стр. 203). Лучшее или худшее питаніе, результаты упражненія, употребленіе или неупотребленіе отдѣльных частей—все это можетъ и не привести къ наслѣдственнымъ различіямъ, можетъ и не быть перенесено на слѣдующее поколѣніе, такъ какъ это, такъ сказать, мимолетные признаки. Вейсманнъ видитъ главную причину измѣненій въ *половомъ соединеніи двухъ индивидуумовъ*, въ половомъ размноженіи, а въ этомъ измѣненіи—причину наслѣдственныхъ индивидуальныхъ характеровъ. Оно даетъ основаніе индивидуальнымъ различіямъ, съ помощью которыхъ подборъ создаетъ новые виды (стр. 330). Оплодотвореніе есть смѣшеніе наслѣдственныхъ тенденцій двухъ индивидуумовъ, оно же есть источникъ индивидуальнаго измѣненія. Существуютъ только первоначальныя измѣненія зародышевыхъ клѣтокъ, среди которыхъ всемогущій естественный подборъ совершаетъ выборъ способностей.

Развивая далѣе свои идеи, Вейсманнъ убѣдился, что первоначальныхъ измѣненій зародышевыхъ клѣтокъ и естественнаго подбора, какъ такового, недостаточно для объясненія происхожденія видовъ. „Такъ какъ факты со всѣхъ сторонъ заставляютъ насъ допустить, что полезныя измѣненія, дѣлающія возможнымъ подборъ, всегда и появляются,

то, очевидно, должна существовать болѣе глубокая связь между полезностью измѣненія и его действительнымъ наступленіемъ, или, другими словами, направленіе измѣненій какой-нибудь части должно быть опредѣлено полезностью его“ *). Благодаря продолжительному подбору въ опредѣленномъ направленіи, получается опредѣленно направленное *прогрессивное* измѣненіе даннаго органа. *Однаго подбора особей* недостаточно для объясненія явленій,—нужно еще прибавить подборъ зародышей **).

Вотъ въ существенныхъ чертахъ мысли Вейсмання, насколько ихъ можно было, безъ противорѣчій, выбрать изъ его сочиненій. Онѣ были, по возможности, приведены даже его собственными словами. Противорѣчій въ сочиненіяхъ Вейсмання достаточно, и ими болѣею частью занимаются его противники, теряя, вслѣдствіе этого, способность безпристрастно отнестись къ тому весьма глубокому объясненію, которое Вейсманнъ далъ вопросамъ наслѣдственности. Онъ не обнародовалъ своего ученія сразу, но развивалъ его печатно въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ что легко могло явиться несогласованіе въ частностяхъ. Несмотря на это, несомнѣнная заслуга Вейсмання состоитъ въ томъ, что онъ съ своей теоріей наслѣдственности сдѣлалъ первый принципиальный и значительный шагъ впередъ въ теоріи развитія съ того времени, какъ были обнародованы сочиненія Дарвина. Его противники, конечно, не признаютъ этой заслуги.

Прежде чѣмъ анализировать ученіе Вейсмання, приведу аргументы его противниковъ. Гэккель замѣчаетъ: „Кто вмѣстѣ съ Вейсманномъ и Гальтономъ отрицаетъ наслѣдственность приобрѣтенныхъ свойствъ, тотъ тѣмъ самымъ исключаетъ вообще преобразовательное воздѣйствіе внѣшняго міра на органическія формы. Въ самомъ дѣлѣ, если приспособленіе, т. е. преобразование, опредѣленное условіями существованія, не наслѣдуется потомками, то оно вообще не имѣетъ никакого значенія съ филогенетической точки зрѣнія“ ***).

В. Гааке пишетъ: „Организмъ дѣлаетъ таковымъ то обсто-

*) Weismann. Ueber Germinalselektion, eine Quelle bestimmt gerichteter Variationen, Jena 1896 S. 26.

**) Ibid S. 62.

***) Haeckel. Antropogenie, Leipzig 1891, Vorwort XXIII.

ятельство, что онъ обладаетъ пріобрѣтенными свойствами“ *). Онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что только возвращеніе къ основнымъ положеніямъ Ламарковой теоріи происхожденія видовъ будетъ полезно для біологіи, и что наша наука, во избѣжаніе застоя, должна отказаться отъ значительной части воззрѣній Дарвина. Какъ только проложить себѣ дорогу убѣжденіе, что лишь принятіе принципа наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ можетъ удовлетворительнымъ образомъ объяснить исторію происхожденія организмовъ, біологія выйдетъ изъ той стадіи развитія, въ которой она находится уже столько лѣтъ, и, если всѣ признаки не обманчивы, то довольно скоро наступитъ перемѣна въ основныхъ воззрѣніяхъ біологіи. Органы животнаго тѣла обязаны своимъ происхожденіемъ унаслѣдованнымъ послѣдствіямъ употребленія и неупотребленія органовъ; наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ есть естественная необходимость **).

Гербертъ Спенсеръ старается доказать „недостаточность естественнаго подбора“, указывая на то, что различіе въ чувствительности осязанія явилось слѣдствіемъ не естественнаго подбора и не выживанія наиболѣе одаренныхъ, а только результатомъ наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ ***). „Естественный подборъ, или переживаніе приспособленнѣйшихъ, дѣйствуетъ почти исключительно въ растительномъ мірѣ и въ низшемъ животномъ мірѣ, характеризуемомъ относительной пассивностью. Но по мѣрѣ восхожденія къ высшимъ типамъ животныхъ, его вліянія въ возрастающей степени усложняются тѣми вліяніями, которыя производятся наслѣдственностью пріобрѣтенныхъ признаковъ; и, наконецъ, у животныхъ съ сложнымъ строеніемъ, наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ становится важной, если не главной, причиною эволюціи. Мы видѣли, что естественный подборъ не можетъ произвести никакихъ измѣненій въ организмахъ, исключая такихъ, которыя приводятъ въ значительной степени, прямо или косвенно, къ размноженію потомства и,

*) Haacke. Gestaltung und Vererbung 1893.

**) Biologisches Centralblatt 1893 S. 719. См. слѣд. прим.

***) Ibid S. 696. На русскомъ языкѣ: „Недостаточность естественнаго подбора, приложение къ журналу „Научное Обозрѣніе“ 1894 г. Изданіе второе.

слѣдовательно, онъ не вызываетъ тѣхъ различнаго рода измѣненій, которыя ему приписали“ *).

В. Вилькенсъ взялся опровергнуть теорію Вейсманна съ точки зрѣнія зоотехники, т. е. искусственного подбора. Онъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: „Каждый скотоводъ приучаетъ своихъ домашнихъ животныхъ къ опредѣленнымъ механическимъ и духовнымъ работамъ и увѣренъ, что тѣ свойства и способности, которыя онъ развилъ въ своихъ животныхъ, или которыя они приобрѣли въ своемъ общеніи съ людьми, будутъ унаслѣдованы ихъ потомками. Эта увѣренность скотоводовъ основывается на тысячелѣтнихъ опытахъ. Если бы свойства и способности, приобретенныя искусственнымъ подборомъ, т. е. привитыя животнымъ людьми, не были наслѣдственны, то никакой прогрессъ не былъ бы возможенъ въ области подбора, и всякій скотоводъ долженъ былъ бы съ самаго начала начинать прирученіе и дрессировку своихъ домашнихъ животныхъ примѣнительно къ своимъ хозяйственнымъ цѣлямъ **).

Чтобы изъ этихъ противорѣчивыхъ воззрѣній извлечь дѣйствительно плодотворную точку зрѣнія, необходимо, прежде всего, выяснить, что такое наслѣдственность какого-нибудь свойства и появленіе измѣненія. Именно относительно вопроса о причинѣ измѣненій зародыша, Вейсманнъ находится въ противорѣчій съ самимъ собой, приписывая ее то условіямъ существованія, питанію и окружающей средѣ, то просто амфимиксін (половому соединенію), то опять указывая на то, что амфимиксія, хотя она и представляетъ собой не-необходимое условіе для созданія высшихъ, т. е. болѣе сложныхъ, организмовъ и для дальнѣйшаго развитія вида, *не можетъ, однако, быть послѣдней коренной причиной наслѣдственного измѣненія*. Благодаря амфимиксін, измѣненія, находящіеся въ какомъ-нибудь видѣ, могутъ только *сочетаться не такъ, какъ всегда, но сами амфимиксія не можетъ создать новыхъ измѣненій*, хотя иногда и кажется, что она ихъ создаетъ ***). Раньше же онъ, наоборотъ, утверждалъ, что амфимиксія создаетъ матеріалъ для индивидуальныхъ различій, и что съ помощью ея подборъ создаетъ новые виды.

*) Спенсеръ. „Недостаточность естественнаго подбора“, стр. 42.

**) Biologisches Centralblatt, 1893 S. 421.

***) Das Keimplasma, Jena, 1892 S. 542.

Весьма важно указать на то, что сторонники ученія о наслѣдственности приобрѣтенныхъ свойствъ никогда не сдѣлали серьезной попытки выяснить органическія основы этой наслѣдственности, т. е. указать причинную и матеріальную связь между организмомъ и зародышемъ. Каково вліяніе организма и среды, гдѣ живетъ организмъ, на половыя клѣтки, находящіяся въ половыхъ железахъ организма? Какъ вліяютъ измѣненія организма на образованіе зародыша? Эти вліянія въ общемъ сводятся къ механическимъ и термическимъ воздѣйствіямъ, питанію и нервному раздраженію. Унаслѣдованіе инфекціонныхъ болѣзней въ значительной мѣрѣ исключено, такъ какъ ихъ матеріальная передача черезъ бактеріи доказана или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть допущена. Что касается туберкулезныхъ особей, то наслѣдственность ихъ болѣзни объясняется наслѣдованіемъ организаціи, а именно, характернаго строенія грудной клѣтки. Что касается внѣшнихъ поврежденій, то относительно наслѣдственной передачи ихъ до сихъ поръ не было приведено ни одного точно доказаннаго примѣра *). Вейсманнъ правъ, когда утверждаетъ, что внѣшнія измѣненія должны вызвать въ зародышѣ соотвѣтственные перемѣны, если этимъ онъ хочетъ доказать наслѣдственность приобрѣтенныхъ свойствъ. Наоборотъ, нѣтъ сомнѣній, что существуютъ *постоянныя причины, заключающіяся въ питаніи и нервномъ раздраженіи*, которыя вліяютъ на зародышъ и вызываютъ въ немъ измѣненія. Этого не отрицалъ и Вейсманнъ. Строеніе организма существенно зависитъ отъ внѣшнихъ условій существованія, и вполне естественно и необходимо искать первыя причины измѣненій организма въ условіяхъ его питанія и нервныхъ раздраженіяхъ и только на второмъ планѣ въ амфимикси, во время которой сталкиваются два различныхъ измѣненія, при чемъ своимъ соединеніемъ могутъ вызвать новую комбинацію свойствъ. Если въ общемъ признають несомнѣнное вліяніе всего организма на зародышевыя клѣтки, то и при специаль-

*) (Обыкновенныя увѣчья дѣйствительно не наслѣдуются. Но болѣе глубокія поврежденія, первичнымъ источникомъ которыхъ является внѣшнее поврежденіе, какъ показали опыты Броунъ Секара (цитированные уже Дарвиномъ), влекутъ за собою наслѣдственные измѣненія).

номъ изслѣдованіи необходимо признать справедливымъ замѣчаніе Вейсмання: дѣйствительно, его противники не могутъ указать тѣхъ матеріальныхъ основъ, по которымъ пріобрѣтенныя измѣненія той или другой части тѣла вызываютъ въ зародышѣ параллельныя и соотвѣтственныя измѣненія такого рода, что въ развившемся изъ него организмѣ появляются тѣ же измѣненія и въ той же формѣ. Съ другой стороны, и Вейсманну необходимо указать на то, что *пріобрѣтенныя измѣненія все-таки играли весьма важную роль въ естественной исторіи развитія организмовъ*, и что его противники правы, приводя каждый разъ этотъ доводъ. Мнѣ, однако, кажется что всѣ эти разногласія большей частью зависятъ отъ недоразумѣнія, а также и того обстоятельства, что обѣ стороны въ своихъ разсужденіяхъ исходятъ изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Вейсманнъ размышлялъ только надъ вопросами *наслѣдственности* и почти совершенно упустилъ изъ виду общій вопросъ о *происхожденіи видовъ*. Его же противники имѣютъ въ виду почти исключительно послѣдній, когда считаютъ абсолютно необходимой наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ и совершенно упускаютъ изъ виду спеціальныи вопросъ о физиологическомъ процессѣ наслѣдственности, въ объясненіи котораго Вейсманнъ является наиболѣе прогрессивнымъ изъ всѣхъ изслѣдователей-біологовъ. Мнѣ кажется, что оба воззрѣнія *легко* можно объединить, какъ это я постараюсь показать ниже.

Употребленіе и неупотребленіе органовъ, имѣющихъ сколько-нибудь важное значеніе для существованія организма, должно имѣть и созидающее значеніе для поддержанія и усовершенствованія вида. Несмотря на это, съ точки зрѣнія наслѣдственности, употребленіе и неупотребленіе органовъ стоитъ лишь во *вторичной* связи съ наслѣдственной передачей пріобрѣтенныхъ свойствъ. Первоначальной причиной наслѣдственности является измѣненіе зародыша, какимъ бы образомъ оно ни произошло. Всякое развитіе и всякое употребленіе органа, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, зависитъ отъ первоначальныхъ задатковъ зародыша. Не только для сохраненія индивида, но и для его размноженія, т. е. для поддержанія вида, совершенно необходимо употребленіе и упражненіе всѣхъ органовъ, такъ какъ, только благодаря употребленію и упражненію, органъ

развивается, между тѣмъ какъ неупотребленіе органа ведетъ къ его гибели.

*Но вполне развитый органъ есть необходимое средство въ борьбѣ за существованіе и, при возрастающемъ естественномъ подборѣ, для выживанія наиболѣе приспособленныхъ или наиболѣе годныхъ. Этотъ фактъ Вейсманнъ, кажется, по временамъ совершенно забываетъ, потому что иначе онъ не долженъ былъ бы такъ возражать противъ значенія для естественнаго подбора употребленія и неупотребленія органовъ, какъ это онъ, впрочемъ, и долженъ дѣлать съ точки зрѣнія своей теоріи наслѣдственности. Но въ этой теоріи, основанной на непрерывности зародышевой плазмы, Вейсманнъ собственно возражаетъ противъ поверхностнаго и недостаточнаго представленія о процессѣ наслѣдственности. Съ точки зрѣнія наслѣдственности, употребленіе и неупотребленіе органовъ, фізіологическое состояніе организма, вліяетъ только вторично и непрямо на измѣненіе и усовершенствованіе вида, и слѣдуетъ признать, что усиленное упражненіе, укрѣпляющее органъ и дѣлающее его искуснымъ, приводитъ, вслѣдствіе естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе, къ выживанію и развитію аналогичныхъ ему задатковъ, заключающихся въ половыхъ клѣткахъ соответствующаго индивидуума. Вслѣдствіе этого и получается кажущаяся наслѣдственность функціональных измѣненій тѣла *). Упражненіе и искусство органа есть необходимое вспомогательное средство въ процессѣ подбора индивидуума и рода. Хотя результатъ употребленія органа и не наслѣдуется прямо, однако употребленіе и неупотребленіе органовъ есть неотъемлемый моментъ для естественнаго подбора видовъ.*

Происхожденіе видовъ посредствомъ измѣненій, а также наслѣдственности и подбора, *предполагаетъ, что измѣненія, появляющіяся при развитіи какого-нибудь индивидуума, располагаютъ въ половыхъ органахъ постыдно зародышевыми клѣтками, способными къ соответственнымъ измѣненіямъ. А это предполагаетъ, что зародышевыя клѣтки, изъ которыхъ произошелъ развитый организмъ*

*) (При такой поправкѣ ученія Вейсманна, споръ о томъ, получается ли „кажущаяся“ или „дѣйствительная“ наслѣдственность, представляется намъ несущественнымъ. Ни одинъ нео-ламаркистъ, конечно, не допускаетъ, чтобы свойства зрѣлой особи передавались потомству въ *готовомъ* видѣ, безъ посредства свойствъ половыхъ клѣтокъ).

находятся въ такого рода родственной связи съ зародышевыми клѣтками того же организма, что обѣ онѣ являются потомками одной и той же материнской клѣтки, отъ которой онѣ и унаслѣдовали одинаковыя свойства вслѣдствіе прямой органической связи съ ней. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этой первоначальной наслѣдственности и безъ этихъ прирожденныхъ, т. е. обязанныхъ общему клѣточному происхожденію, первичныхъ аналогій между свойствами организма и его половыми клѣтками, измѣненіе и его выживание въ борьбѣ за существованіе не имѣло бы никакого значенія въ смыслѣ подбора. Этой первоначальной общности параллельныхъ свойствъ Вейсманнъ далъ, какъ было показано, анатомическое и физиологическое основаніе въ своемъ ученіи о *непрерывности зародышевой плазмы*.

Итакъ, нельзя согласиться съ *ламаркистами*, т. е. сторонниками ученія о прямой наслѣдственности *приобрѣтенныхъ* свойствъ, когда они утверждаютъ, что всякое поврежденіе или изуродованіе, всякое употребленіе или неупотребленіе органовъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ *приобрѣтенныя* свойства, которыя не находятся ни въ какой связи съ внутренней, *филетически* *приобрѣтенной* экономіей организма, могутъ быть унаслѣдованы потомками.

Съ *селекціонистами* же, т. е. сторонниками Вейсмана, нельзя согласиться, когда они отрицаютъ воздѣйствіе на зародышъ общихъ условій, въ которыхъ находится тѣло: условій обмѣна веществъ, питанія, нервныхъ возбужденій, климата; нельзя также вмѣстѣ съ ними отвергать всякую наслѣдственность результатовъ этого воздѣйствія. Впрочемъ, и здѣсь наслѣдственность является часто мнимой, такъ какъ организмъ и зародышъ находятся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же причинъ, которыя и могутъ вызвать въ обоихъ аналогичныя измѣненія. Селекціонисты ошибаются, если думаютъ, что употребленіе и неупотребленіе органовъ не играютъ въ происхожденіи видовъ съ помощью естественнаго подбора никакой роли. Далѣе, они должны еще доставить доказательства, что измѣненія зародышевой плазмы, которыя появляются у какого-нибудь индивидуума, необходимо должны появиться во всѣхъ зародышевыхъ клѣткахъ его половыхъ железъ, а потому и у его потомковъ. Мнѣ кажется, что неудача и регрессъ при искусственномъ подборѣ противорѣчатъ допу-

щенію *абсолютнаго* соотвѣтствія между свойствами зародыша и организма. Это соотвѣтствіе только *относительное*, такъ что измѣненіе зародыша наслѣдственно лишь при опредѣленныхъ условіяхъ. Таковымъ же должно быть положеніе и при естественномъ подборѣ. Но когда ламаркисты утверждаютъ, что результатъ упражненія органа наслѣдуется, то подобное утвержденіе необходимо ограничить. Подобный результатъ наслѣдуется лишь тогда, когда развивающійся зародышъ носитъ въ себѣ способность измѣниться аналогичнымъ образомъ. *Итакъ, собственно измѣненіе наслѣдуется—и въ этомъ правъ Вейсманнъ—но лишь черезъ посредство органовъ, развившихся вслѣдствіе упражненія или употребленія—и въ этомъ правъ Ламаркъ.* Съ этой точки зрѣнія необходимо, слѣдовательно, сказать, что результатъ упражненія органа дѣйствительно наслѣдуется, но не прямо и не черезъ особъ, а косвенно и черезъ посредство вида, т. е. черезъ посредство общихъ зародышевыхъ зачатковъ.

Такимъ образомъ, становится понятнымъ упорство, съ которымъ ламаркисты отвергали ученіе Вейсмана, и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать вѣрнымъ замѣчаніе Гэккеля, что, если нѣтъ наслѣдственности приобрѣтенныхъ свойствъ, то наслѣдственность не имѣетъ никакого *филетическаго* значенія.

Зародышевые зачатки и измѣненія составляютъ причину годности органа и способности его къ упражненію, но употребленіе и упражненіе органа есть причина естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Когда Вейсманнъ говоритъ, что мы не можемъ распознать, какое значеніе имѣетъ для подбора то или другое измѣненіе, или, какъ онъ выражается, какова „подборная цѣнность“ даннаго уклоненія, ему можно указать на то, что эта цѣнность становится намъ очевидной въ развитомъ органѣ. Въ употребленіи органа скотоводъ узнаетъ подборную цѣнность индивидуума, на это же употребленіе органа опирается замѣститель скотовода въ природѣ—борьба за существованіе, чтобы выполнить подборъ измѣненій. Безъ развитія зачатковъ съ помощью упражненія и употребленія они не наслѣдуются, но органъ только въ такомъ случаѣ наслѣдуется, если новый оплодотворенный зародышъ обладалъ *ab origine* (съ самаго начала) даннымъ зачаткомъ. Вообще слѣдуетъ принять, что животное съ крѣп-

кими органами скорѣе способно имѣть такіе же сильныя зачатки ихъ въ своихъ половыхъ клѣткахъ, чѣмъ животное болѣе слабое, и что первое имѣетъ болѣе шансовъ выжить въ борьбѣ за существованіе и размножиться, чѣмъ второе. При всемъ томъ этотъ параллелизмъ между организмомъ и зародышемъ имѣетъ, все-таки, только относительное значеніе.

Я убѣжденъ, что и ученіе Вейсмання о *зародышевомъ подборѣ* можетъ подобнымъ же образомъ быть сближено съ ламаркизмомъ. Зародышевый подборъ, т. е. подборъ половыхъ зародышей, можетъ осуществиться только съ помощью *индивидуальнаго подбора*, т. е. подбора готовыхъ и зрѣлыхъ организмовъ. Вейсмання указываетъ также на то, что съ помощью продолжительнаго подбора въ опредѣленномъ направленіи создается опредѣленно направленное *прогрессивное измѣненіе* соотвѣтствующей части тѣла, и что это направленіе измѣненія опредѣляется его полезностью. Болѣе глубокая связь, существующая, по мнѣнію Вейсмання, между полезностью измѣненія и его дѣйствительнымъ появленіемъ, заключается въ изложенной мной зависимости между измѣненіемъ зародыша и подборомъ много упражняемыхъ, сильныхъ органовъ. Прогрессивное же измѣненіе состоитъ въ томъ, что съ помощью продолжительнаго подбора развитыхъ органовъ достигается усиленіе и увеличеніе соотвѣтствующихъ измѣненій зародыша, такъ что выживаніе наиболѣе приспособленныхъ организмовъ всегда дѣлаетъ все болѣе и болѣе возможнымъ выживаніе наиболѣе приспособленныхъ зародышей. На этомъ основаніи можно понять, какъ подвергаются подбору хорошее племя и талантливое семейство, какъ съ помощью строгаго физическаго и полового подбора можетъ быть развитъ сильный рядъ поколѣній безъ расположенія къ регрессу, а съ тенденціей прогрессивнаго измѣненія. Но также понятно и то, что отсутствіе и недостатокъ подбора расшатываютъ этотъ *генетическій* параллелизмъ между организмомъ и зародышемъ и даютъ полный просторъ регрессу. На этомъ основывается ученіе Вейсмання о панмиксіи.

6. Ученіе о панмиксіи.

Если признать доказаннымъ положеніе, что упражненіе и неупражненіе органа наслѣдуются потомкамъ не *прямо*, а лишь черезъ посредство аналогичныхъ измѣненій зачат-

ковъ половыхъ зародышей, то только съ помощью этой теоріи можетъ быть объясненъ столь частый фактъ, что измѣненія родительскаго организма не наслѣдуются потомкамъ. Ученіе Дарвина о томъ, что половыя клѣтки, такъ сказать, выкристаллизовываются изъ всѣхъ органовъ тѣла, мы признали ошибочнымъ, но если, съ другой стороны, въ тѣлѣ нѣтъ такого фізіологическаго механизма причинъ и слѣдствій, чтобы всякое измѣненіе въ органахъ развитого тѣла вызывало однородныя измѣненія въ зародышѣ, то частый фактъ *ослабленія органовъ*: глазъ, крыльевъ, двигательныхъ органовъ и т. д. также не можетъ быть приписанъ прямои наслѣдственности отъ неупражнения. Хорошо обоснованное объясненіе этому явленію Вейсманнъ далъ въ своей теоріи панмиксіи. Эту теорію необходимо изложить хотя бы коротко, какъ ради систематической полноты при выясненіи естественно-историческихъ основъ соціологіи, такъ и въ виду того, что нѣкоторые дарвинистическіе соціологи примѣнили эту теорію, или скорѣе злоупотребили ею, въ своихъ толкованіяхъ соціальныхъ явленій у людей.

Какъ только органъ становится ненужнымъ, говоритъ Вейсманнъ, то непрерывный подборъ индивидуумовъ, обладающихъ лучшими органами, прекращается, и наступаетъ панмиксія. Теперь уже размножаются не только подобранные индивидуумы, обладающіе лучшими органами, но также и тѣ, у которыхъ эти органы не такъ хороши. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является смѣшеніе всѣхъ вообще встречающихся степеней доброкачественности органа, а, благодаря этому, съ теченіемъ времени получается въ среднемъ ухудшеніе соотвѣтствующаго органа. Такъ, на примѣръ, видъ, живущій въ темныхъ пещерахъ, необходимо долженъ получить все худшіе и худшіе глаза, такъ какъ всякій недостатокъ въ строеніи этого органа, являющійся слѣдствіемъ индивидуальныхъ измѣненій, не исправляется, но все далѣе наслѣдуется и укрѣпляется.

Весь *регрессъ въ природѣ*, всякое прекращеніе, или даже ослабленіе функціи органа основывается на панмиксіи, т. е. на прекращеніи естественнаго подбора. Такимъ образомъ, Вейсманнъ опредѣляетъ панмиксію, какъ прекращеніе контроля естественнаго подбора у частей, ставшихъ бесполезными—у сдѣлавшихся *излишними органами*.

Итакъ, употребленіе^а и упражненіе органа причиняетъ положительнымъ образомъ его „подборную цѣнность“ по той причинѣ, что подвергаетъ лишь вполне развитый органъ дѣйствию естественнаго подбора, при чемъ не прямымъ путемъ подвергается подбору и аналогичный зародышевый зачатокъ, если только онъ имѣется въ наличности; совершенно такимъ же образомъ, неупотребленіе органа, приводящее къ вырожденію, причиняетъ противоположное дѣйствіе въ силу того, что здѣсь исключается естественный подборъ.

Панмиксія, т. е. отсутствіе физическаго подбора, играетъ весьма важную роль въ цивилизованномъ обществѣ и оказываетъ весьма сильное вліяніе на физиологическое строеніе тѣла цивилизованнаго человѣка. Несмотря на это, весьма различны мнѣнія относительно размѣровъ и причинъ „угрожающаго намъ физическаго вырожденія культурнаго человечества“. Многіе выражались относительно этого весьма пессимистически.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ большинствѣ случаевъ къ такому физическому вырожденію приводитъ недостатокъ личной и общественной гигіены. Это доказали изслѣдованія вліянія фабричнаго труда на цѣлыя группы населенія. Но не менѣе важной причиной этого у человѣка является панмиксія, т. е. отсутствіе физическаго подбора. Вырожденіе нѣкоторыхъ органовъ, которые, вслѣдствіе измѣнившихся социальныхъ и техническихъ отношеній, перестали быть безусловно необходимыми для выживанія въ борьбѣ за существованіе и для размноженія, слѣдуетъ приписать именно этой причинѣ. Однако, необходимо отвергнуть то социально-политическое злоупотребленіе ученіемъ о панмиксiи, въ которомъ повиненъ „соціаль-антропологъ“ Аммонъ, усматривающій въ смѣшеніи сословій *соціальную панмиксію*, т. е. пониженіе и ухудшеніе расы. Для соціальной панмиксiи отсутствуетъ здѣсь необходимая предпосылка, а именно, что сословія и классы дѣйствительно представляютъ результатъ строгаго и прогрессивнаго естественнаго подбора, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ, или, по крайней мѣрѣ, что встрѣчается лишь очень рѣдко.

ГЛАВА VI.

Первобытная исторія человѣческаго общества.

1. Животное происхождение человека.

Естественно - научныя основы соціологін указали намъ путь, слѣдуя которому, мы сможемъ придти къ правильному рѣшенію поставленной задачи. Задача эта двоякая: во-первыхъ, *теоретическая*, такъ какъ необходимо изслѣдовать, насколько исторія возникновенія и дальнѣйшаго развитія человѣческаго общества можетъ быть понята, если къ ней примѣнить принципъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе, и во-вторыхъ, *практическая*, такъ какъ необходимо твердо установить, какія общественно - политическія и общественно-этическія требованія можно выставить на основаніи этого изученія.

Что касается естественной исторіи общества, мы уже выше говорили, что недостаточно указать на связь между организмомъ и обществомъ съ помощью такъ называемыхъ *реальныхъ* аналогій. Въ такихъ „реальныхъ“ аналогіяхъ часто скрывается абстрактно-логическое или, скорѣе, идеологическое воззрѣніе, которое имѣетъ какое угодно значеніе, но только не естественно - научное. Особенно ясно обнаруживается идеологическій характеръ воззрѣнія, когда представители органической соціологін исходятъ изъ ученія о *животномъ* происхожденіи человѣка. Только тогда реальная аналогія можетъ имѣть вполнѣ научное значеніе, когда она становится *генетической* аналогіей. Историческій параллелизмъ между органической и общественной жизнью основывается не на равенствѣ отношеній столь несравнимыхъ вещей, но заключается въ указаніи *органическаго* начала общественной жизни въ послѣдовательной смѣнѣ общихъ явленій жизни на-

шей планеты. Поэтому, естественно-научное учение объ обществѣ должно необходимо исходить изъ органическаго начала и животнаго происхожденія человѣческаго рода: только съ этой точки зрѣнія мыслима въ методологическомъ отношеніи естественная исторія развитія соціальной жизни.

Дарвинъ не первый высказалъ мысль о развитіи видовъ; раньше него была высказана и мысль о животномъ происхожденіи человѣка. Заслуга Дарвина заключается собственно въ томъ, что онъ ускорилъ научное разрѣшеніе этого вопроса и тѣмъ крайне плодотворно повліялъ на всѣ такъ называемыя науки о духѣ. Особенно глубоко было его вліяніе на соціальную философію и философію исторіи.

Въ теоріи естественнаго развитія происхожденіе человѣческаго рода разсматривается, какъ частный случай общаго происхожденія органическихъ видовъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ не представляетъ никакого исключенія и не имѣетъ права исключить себя изъ ряда естественныхъ явленій, а тѣмъ менѣе претендовать на дѣйствіе „сверхъестественныхъ силъ“. Скорѣе цѣлью всякой науки о человѣкѣ должно быть обоснованіе всей его сущности на тѣхъ же законахъ природы, которымъ подчинены всѣ явленія. Физическая организація человѣка подчинена тѣмъ же законамъ, какъ и строеніе тѣла всѣхъ другихъ существъ. Сравнительная морфологія и эмбриологія показываютъ намъ существенное сходство формъ и состава человѣческаго тѣла и тѣлъ другихъ животныхъ. Человѣкъ происходитъ отъ животнаго и остается животнымъ, поскольку вопросъ касается его свойствъ, какъ организма.

Но человѣкъ сталъ чѣмъ-то большимъ, нежели животное, и великая задача общей теоріи развитія состоитъ именно въ томъ, чтобы изслѣдовать происхожденіе специфически человѣческихъ свойствъ съ той же біологической точки зрѣнія, съ которой разсматриваются всѣ прочія разнообразныя явленія жизни. Общая теорія развитія должна объяснить вполнѣ естественными причинами это „чудо новаго творенія“, какъ говоритъ Гердеръ о переходѣ отъ животнаго къ человѣку. При этомъ, она не должна—какъ это дѣлаетъ Уоллесъ—прибѣгать къ тому, „чего человѣкъ не получилъ отъ своихъ животныхъ предковъ, и что мы (по словамъ Уоллеса) лучше всего, быть-можетъ, обозначимъ, какъ

духовное существо, которое при благоприятных условіяхъ могло развиться дальше“. Здѣсь вопросъ идетъ объ источникѣ *душевной* природы человѣка, о происхожденіи его интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ. Дарвинъ сравниваетъ душевныя способности человѣка съ таковыми у высшихъ животныхъ и находитъ между ними, хотя и огромную, но ничуть не принципиальную разницу. „Если бы ни одно изъ организованныхъ существъ, за исключеніемъ человѣка, не обладало умственными способностями или, если бы способности человѣка были совершенно иного рода, чѣмъ у прочихъ животныхъ, то мы не имѣли бы возможности убѣдиться въ томъ, что нашъ умъ достигъ столь высокаго развитія лишь постепенно. Но можно показать, что основной разницы въ общемъ характерѣ умственнаго склада между человѣкомъ и животными не существуетъ“ *). Итакъ, Дарвинъ не признаетъ никакой принципиальной противоположности между душевной природой человѣка и другихъ организованныхъ существъ, какъ не видитъ ея между физическимъ строеніемъ человѣческаго тѣла и строеніемъ тѣла остальныхъ млекопитающихъ животныхъ. Доказательства Дарвина въ пользу этого взгляда изложены въ третьей и четвертой главахъ „Происхожденія человѣка“ и заключаются въ слѣдующемъ:

Такъ какъ человѣкъ и низшія животныя обладаютъ одними и тѣми же чувствами, то основныя представленія должны быть у нихъ одинаковы. Человѣкъ имѣетъ нѣкоторыя, хотя и немногочисленные, инстинкты, свойственные животнымъ; таковы, на примѣръ, инстинктъ самосохраненія, половая любовь, любовь матери къ новорожденному, стремленіе младенца сосать и т. д. Низшія животныя, очевидно, ощущаютъ, какъ и человѣкъ, радость, горе, счастье и несчастье. Они, слѣдовательно, могутъ испытывать такія же душевныя волненія, какъ и человѣкъ. У всѣхъ животныхъ бываетъ чувство удивленія и любопытства; всѣ они проявляютъ интеллектуальныя способности, которыя даютъ начало развитію высшихъ духовныхъ силъ. Далѣе, Дарвинъ сюда же причисляетъ подражаніе и вниманіе, которыя наиболѣе развиты у обезьянъ. Многія животныя имѣютъ прекрасную память на

*) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка и половой подборъ.

лица и мѣста. „Изъ всѣхъ человѣческихъ способностей *разумъ*, конечно, ставится всѣми на первое мѣсто. Но весьма немногіе отвергаютъ въ настоящее время, что и животныя обладаютъ нѣкоторой степенью разсуждающей способности. Постоянно можно видѣть, какъ они останавливаются, обдумываютъ и принимаютъ рѣшенія. Весьма замѣчательно, что чѣмъ лучше какой-нибудь наблюдатель изучилъ нравы даннаго животнаго, тѣмъ большее число поступковъ приписываетъ онъ разуму и тѣмъ меньшее—незаученнымъ инстинктамъ“ *).

Кромѣ того, Дарвинъ признаетъ, что изъ всѣхъ различій между человѣкомъ и низшими животными самое важное — это *нравственное чувство, или совѣсть*. Но съ естественно-исторической точки зрѣнія онъ старается указать на то, что *совѣсть произошла изъ общественныхъ инстинктовъ животныхъ посредствомъ высшаго развитія интеллекта и рѣчи*. Вслѣдствіе этого, человѣкъ сдѣлался нравственнымъ существомъ, „которое можетъ сравнивать между собою свои прошлыя и будущія дѣйствія и побужденія, одобрять ихъ или осуждать“ **). Дарвинъ принимаетъ, что въ первобытныя эпохи существованія человѣческаго рода интеллектуальныя и моральныя свойства постепенно совершенствовались естественнымъ подборомъ. Онъ, однако, не заходитъ такъ далеко, чтобы приписывать происхожденіе моральныхъ свойствъ—соціальнымъ инстинктамъ и естественному подбору ихъ въ борьбѣ за существованіе. Дарвинъ замѣчаетъ: „Платить за зло добромъ и любить врага — правила столь высокой морали, что можно сомнѣваться, привело ли бы насъ къ нимъ развитіе соціального инстинкта, предоставленное своему естественному теченію. Необходимо, чтобы инстинктъ этотъ, вмѣстѣ съ чувствомъ симпатіи, подвергся сильному воздѣйствію со стороны разума, образованія, любви и благоговѣнія, прежде чѣмъ человѣкъ созналъ такое драгоцѣнное правило и стать ему слѣдовать“ ***).

Взгляды Дарвина на постепенное развитіе душевныхъ способностей человѣка изъ силъ подобныхъ тѣмъ, которыя можно найтти и у животныхъ, но только въ меньшей степени.

*) Ibid.

**) Ibid.

***) Ibid.

оспариваются, какъ уже сказано было выше, Уоллесомъ, вмѣстѣ съ Дарвиномъ основавшимъ современную теорію развитія. Уоллесъ ссылается на то, что указаніе на продолжительное прогрессивное развитіе интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей, восходя отъ животныхъ къ человѣку, не тождественно съ доказательствомъ эволюціи этихъ способностей, благодаря естественному подбору. То обстоятельство, что тѣлесныя свойства человѣка развились изъ животныхъ формъ, благодаря естественному подбору, не даетъ еще права дѣлать выводъ, что и духовная его природа, даже если она развивалась въ соотвѣтствіи съ тѣломъ, также достигла своего развитія безусловно и исключительно вслѣдствіе тѣхъ же причинъ. Нѣкоторыя духовныя и моральныя способности человѣка не могли появиться лишь вслѣдствіе измѣненій и естественнаго подбора. Необходимо, поэтому, указать на *другое вліяніе, на другой законъ или факторъ*, бывшій причиной ихъ возникновенія. Если такое указаніе можетъ быть сдѣлано хотя бы для одной изъ этихъ особенныхъ свойствъ человѣка, то мы въ правѣ допустить, что *та же неизвестная причина или сила* оказала еще болѣе сильное вліяніе и могла опредѣлить весь ходъ развитія человѣчества.

Такъ, напримѣръ, невозможно привести въ связь математическія или хотя бы музыкальныя способности съ выживаніемъ въ борьбѣ за существованіе. Эти способности являются результатомъ, а не причиной, духовнаго и интеллектуальнаго развитія. Развитіе художественныхъ способностей, выразились ли онѣ въ ваяніи, живописи или архитектурѣ, представляетъ, очевидно, продуктъ интеллектуальной дѣятельности человѣка, которая не имѣла никакого непосредственнаго вліянія ни на выживаніе индивидуума или племени, ни на исходъ борьбы различныхъ народовъ за господство или за существованіе. Уоллесъ приводитъ рядъ высшихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ, какъ любовь къ правдѣ, восхищеніе прекраснымъ, безотчетное чувство справедливости и то выраженіе восхищенія, съ которымъ мы встрѣчаемъ каждый смѣлый подвигъ самопожертвованія,—свойствъ, представляющихъ собою отправленія высшей силы, источникъ которой не заключается въ борьбѣ за матеріальное существованіе.

Такъ какъ Уоллесъ не можетъ объяснить съ естественно-

исторической точки зрѣнія духовную исторію человѣческаго рода, то онъ строитъ гипотезу о невидимомъ мірѣ, мірѣ духа, которому вполне подчиненъ матеріальный міръ. Стѣдуетъ, однако, помнить, что Уоллесъ совсѣмъ не отрицаетъ продолжительнаго развитія видовъ и формъ, а также животнаго происхожденія человѣка; онъ только не можетъ признать въ специфически дарвиновомъ принципѣ естественнаго подбора и борьбы за существованіе ту силу, которая вызвала появленіе и развитіе духовныхъ и моральныхъ свойствъ человѣка.

Самъ Дарвинъ объяснялъ развитіе соціальныхъ инстинктовъ вліяніемъ естественнаго подбора; онъ пытался, кромѣ того, показать, какъ у низшихъ расъ, вслѣдствіе естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе, все усиливается взаимныя симпатіи членовъ общины и родовая мораль. Однако, по вопросу о роли естественнаго подбора въ исторіи и въ цивилизованномъ обществѣ, онъ высказывался крайне осторожно и скептически; въ концѣ концовъ онъ полагалъ, что высшія моральныя свойства стѣдуетъ приписать не соціальнымъ инстинктамъ и не естественному подбору, а скорѣе вліянію привычки, разума, воспитанія и религіи.

Однако, послѣдовательный естественно-научный взглядъ на человѣка долженъ подчинить развитіе разума, религіи и высшихъ моральныхъ свойствъ тѣмъ же общимъ біологическимъ силамъ и законамъ, которымъ подчинено развитіе органическихъ и низшихъ психическихъ свойствъ. Безъ этой послѣдовательности Дарвинъ вводитъ *дуализмъ* въ свой взглядъ на духовную исторію человѣчества, а Уоллесъ пытается провести его дальше и приходитъ къ *спиритуализму* и *мистицизму*. Еще сто лѣтъ тому назадъ Гердеръ въ своихъ „Идеяхъ о философіи исторіи человѣчества“ высказался за подобное дѣленіе природы, между тѣмъ какъ Кантъ въ своихъ статьяхъ о „Вѣроятномъ началѣ человѣческой исторіи“ и въ своихъ „Идеяхъ общей исторіи въ космополитическомъ направленіи“ значительно приблизился къ монистическому взгляду на исторію развитія моральнаго сознанія.

Мы, наконецъ, дошли до того мѣста, когда необходимо поставить самый существенный, съ точки зрѣнія теоріи познанія, вопросъ о принципахъ исторіи и соціологіи. Если

органическая, социальная и духовная жизнь представляют три ступени одного и того же биологического развития, то необходимо прослѣдить тѣ *особенныя причины*, которыя подняли органическую жизнь до социальной, а послѣднюю до духовной. Существует такой факторъ, который, какъ Дарвинъ, такъ и Уоллесъ, Спенсеръ и всѣ послѣдователи ихъ теоріи развитія оставили безъ вниманія. Этотъ факторъ развитія былъ вполне ясно выдвинутъ не естествоиспытателями, а *теоретическими основателями новѣйшаго социализма*. Теорія *экономическаго матеріализма* есть необходимое звено, которое преодолеваетъ дуализмъ Дарвина и разбиваетъ мистицизмъ Уоллеса. Почти полное незнакомство Дарвина съ экономическими теоріями и съ историческимъ развитіемъ хозяйства, недостатокъ, на который онъ самъ указываетъ въ письмѣ къ Марксу, является причиной, что въ примѣненіи своей теоріи подбора къ исторіи цивилизаціи Дарвинъ пришелъ къ нѣкоторымъ ошибочнымъ выводамъ и заключеніямъ. То же отсутствіе политико-экономическихъ знаній и полнѣйшее игнорированіе экономической и технической точекъ зрѣнія въ естественно-историческомъ воззрѣніи на развитіе человѣчества привели, какъ это было показано въ одной изъ предыдущихъ главъ, многихъ эволюціонистовъ-естествоиспытателей къ тому, что они впали въ поразительныя ошибки при примѣненіи теоріи Дарвина къ человѣческому обществу и къ социалистическимъ теоріямъ.

Экономическій матеріализмъ, приписывающій самое важное значеніе техническому и экономическому состоянію данной ступени общественнаго развитія, есть необходимое дополненіе того *физическаго матеріализма*, который Дарвинъ такъ послѣдовательно провелъ для объясненія развитія всего органическаго міра. Животное происхожденіе человѣка можетъ быть понято лишь въ связи съ технической точкой зрѣнія. Самъ Марксъ, какъ было доказано, проводилъ историческую аналогію между животными органами и человѣческими орудіями и видѣлъ въ technikѣ человѣка *активное* отношеніе его къ природѣ. Энгельсъ въ интересной статьѣ: „Участіе труда въ происхожденіи человѣка“ указалъ на важное значеніе труда вообще и труда *внутри общества* въ особенности: благодаря такой работѣ, человѣческое общество возвысилось надъ стадомъ обезьянъ. „Господство идеалистическаго міро-

воззрѣнія еще настолько велико, что материалистическіе естествоиспытатели школы Дарвина не могли вполне уразумѣть процессъ происхожденія человѣка: вслѣдствіе своего идеалистическаго міровоззрѣнія они не поняли той роли, которую игралъ трудъ въ этомъ процессѣ.—Животныя видоизмѣняютъ своей дѣятельностью внѣшнюю природу такъ же, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ и человѣкъ; эти измѣненія внѣшней среды, въ свою очередь, дѣйствуютъ измѣняющимъ образомъ на виновниковъ измѣненій.—Чѣмъ болѣе удаляются люди отъ животныхъ, тѣмъ болѣе ихъ воздѣйствіе на природу принимаетъ характеръ обдуманной, планомерной и направленной къ опредѣленной и заранее извѣстной цѣли дѣятельности.—Рука обезьяны можетъ, пожалуй, схватить дубину для защиты отъ врага или бросать въ него плоды и камни, но ни одна обезьяна еще не приготовила самого грубаго каменнаго ножа“.

„Трудъ, говоритъ Энгельсъ, создалъ самого человека. Трудъ начинается съ приготовленія орудій“.

Эти мысли приводятъ къ весьма важнымъ выводамъ относительно первобытной исторіи человѣческаго духа. Человѣкъ, ставшій таковымъ, благодаря труду, есть существо духовное, которое, вслѣдствіе специфическихъ функцій своего разума и совѣсти, возвысилось надъ высшими животными и ихъ душевными свойствами. Эту мысль можно провести дальше и сказать, что *благодаря труду и при помощи орудій* человѣкъ приобрѣлъ свои высшія духовныя функціи. Благодаря орудіямъ *индивидуальная борьба* превратилась въ *трудъ*, а общественная борьба въ *общественный трудъ*. Съ помощью орудій и труда создается матеріальный базисъ, на которомъ можетъ развиваться духовное существо человѣка. При этомъ, *техническая дѣятельность* и *логическое сознаніе* соотновляются другъ другу, и въ логикѣ и техникѣ лежатъ основы всего развитія органической и соціальной жизни, которую обозначаютъ однимъ именемъ культуры. Если отсюда еще не возникаетъ основное различіе между животнымъ и человѣкомъ, то, во всякомъ случаѣ, съ этой относительной точки зрѣнія можно установить качественное различіе, которое, съ болѣе высокой и болѣе общей точки зрѣнія постепеннаго развитія, должно быть, конечно, рассматриваемо, какъ различіе количественное. На этомъ различіи основы-

вается то положеніе, что біологическіе законы дифференцірованія, приспособленія, усовершенствованія и подбора въ борьбѣ за существованіе могутъ имѣть значеніе законовъ для всей исторіи развитія человѣческаго рода только въ своей общей формѣ, а не въ той особенной, въ которой проявляется дѣйствіе ихъ въ мірѣ животныхъ и растеній.

Дѣйствіе біологическихъ законовъ ихъ въ человѣческомъ мірѣ имѣетъ свою особенную форму; эта форма столь же отличается отъ формы проявленія ихъ дѣйствія въ животномъ мірѣ, какъ эта послѣдняя отличается отъ формы проявленія ихъ дѣйствія въ мірѣ растеній. Естественный подборъ осуществляется въ мірѣ людей другимъ образомъ, другими средствами и съ другими результатами. Если, несмотря на это, включаютъ всю исторію духовной культуры безъ остатка въ рамки общихъ біологическихъ законовъ, то это возможно сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если при этомъ принять во вниманіе особыя духовныя и экономическія условія существованія и развитія человѣческаго рода.

Только при этихъ условіяхъ намъ удастся изгнать изъ исторіи и изъ цѣлей человѣческаго рода всякій дуализмъ и мистицизмъ и твердо установить громадное различіе между органическимъ и социальнымъ, вѣрнѣе — между животнымъ и человѣческимъ подборомъ.

2. Органическія основы техники.

Извѣстно, что Аристотель называлъ человѣка *политическимъ животнымъ*. Часто неправильно переводятъ слова *ζῷον πολιτικόν* словами: *соціальное животное*. Вѣдь и животныя имѣютъ свойства общежитія. Поэтому, слѣдуетъ принять, что Аристотель подъ *ζῷον πολιτικόν* подразумѣвалъ политически организованный, т. е. опредѣленными законами регулируемый союзъ людей — государство. Кантъ называлъ человѣка *разумнымъ животнымъ*, Лихтенбергъ — *причиннымъ*, а Франклинъ — *животнымъ*, дѣлающимъ орудія. Другіе писатели приписывали человѣку другія характерныя свойства. Такъ, его называли *говорящимъ, двуногимъ и зажигающимъ огонь животнымъ*, или же *домовитымъ*, создающимъ запасы и, наконецъ, *животнымъ съ особо развитымъ мозгомъ*, такъ сказать „мозго-

вымъ“ животнымъ (Gehirnthier). Всѣ эти свойства можно раздѣлить на три группы, изъ которыхъ одна обнимаетъ психическія особенности человѣка, другая—органическія, а третья—его техническія способности. Столь характерныя для человѣка свойства или совсѣмъ не встрѣчаются у животныхъ или, если и встрѣчаются, то лишь въ слабой степени.

На этихъ троякаго рода свойствахъ основывается та совокупность жизненныхъ явленій, которая называется исторіей культуры, и весьма интересно и поучительно изслѣдовать происхождение и сущность человѣческой культуры, взявъ въ основаніе изслѣдованія элементарныя свойства человѣка. Для этого необходимо болѣе близко изслѣдовать вопросъ о томъ, какъ фізіологическое строеніе человѣка, его прямоходячая походка, мозгъ, рука, гортань, его органы чувствъ связаны съ его техническими и психическими отправлениями. Разрѣшеніе этого вопроса первобытной исторіи имѣетъ весьма важное значеніе для естественной исторіи развитія человѣческаго рода.

Неоспоримая заслуга Эрнста Каппа, автора основъ философіи техники *), рассматривающей съ новой точки зрѣнія исторію происхожденія культуры, заключается именно въ томъ, что онъ разрѣшилъ или, по крайней мѣрѣ, положилъ начало для разрѣшенія этого вопроса. Каппъ старается доказать, что „появленіе и усовершенствованіе созданныхъ человѣкомъ произведеній искусства было первымъ условіемъ того, чтобы человѣкъ развился до существа, одареннаго *сознаніемъ*“. Въ производствѣ орудій Каппъ видитъ основы всей культуры человѣка. Онъ старается выяснитъ связь между технической дѣятельностью человѣка и его сознаніемъ, указывая на то, что „создаваемый технической дѣятельностью человѣка внѣшній міръ долженъ быть рассматриваемъ, какъ реальное продолженіе организма и какъ вынесеніе наружу внутренняго міра представленій“. Это продолженіе организма за предѣлы его объема Каппъ называетъ „проекціей органа“. Рука, утверждаетъ онъ, есть естественное орудіе, изъ дѣятельности котораго и развиваются искусственные инструменты. Во всевозможныхъ видахъ своего положенія и дви-

*) Kapp. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig. 1877.

женія рука представляет тѣ органическія первоначальныя формы, которымъ человѣкъ *безсознательно* подражалъ, создавая необходимыя для себя орудія. Вслѣдствіе того, что человѣкъ прежде всего сталъ пользоваться предметами, находившимися непосредственно „подъ рукою“, первыя орудія явились продолженіемъ, усиленіемъ и улучшеніемъ органовъ тѣла. Если, слѣдовательно, предплечье со сжатымъ кулакомъ или кистью руки, усиленной увѣсистой камнемъ, представляет естественный молотъ, то камень съ деревянной рукояткой составляет самое элементарное искусственное подражаніе предплечью, такъ какъ рукоятка соотвѣтствуетъ самому предплечью, а камень замѣняетъ кулакъ. Камень и древесный сукъ въ рукѣ первобытнаго человѣка это первый зачатокъ орудія, первичная клѣтка всѣхъ культурныхъ приспособленій отдаленнѣйшаго будущаго.

„Камень и сукъ это зародыши орудія“.

Таковы основныя мысли „философіи техники“ Каппа, на которыхъ онъ строитъ свое дальнѣйшее изложеніе вопроса о развитіи орудій и ихъ значеніи для науки и общественной жизни. Какъ это обыкновенно можно доказать для всѣхъ идей, пролагающихъ новый путь, и Каппъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Онъ самъ часто ссылается на Л. Гейгера. Слѣдуетъ также назвать и М. Лацаруса. Оба послѣдніе принадлежатъ къ тому направленію философіи языковѣдѣнія, которому придаютъ названіе психологій народовъ.

Ученіе Каппа близко соприкасается съ областью теорій, извѣстной подъ именемъ *историческаго материализма*, хотя Каппъ едва ли имѣлъ о ней даже самое слабое представленіе. Но кто внимательно вдумается въ то матеріалистическое воззрѣніе на исторію, которое было очерчено выше, тотъ признастъ полное совпаденіе обѣихъ теорій, а въ философскомъ выясненіи значенія техники, предложенномъ Каппомъ, сможетъ привѣтствовать драгоцѣнное и плодотворное дополненіе къ ученію Маркса. Къ сожалѣнію, Каппъ разсматриваетъ эволюціонную теорію Дарвина не съ той же матеріалистической точки зрѣнія, съ какою онъ представляет себѣ развитіе человѣческой культуры. Онъ, правда, исходитъ изъ положенія объ органическомъ развитіи, но трудно опредѣлить, признаетъ или не признаетъ онъ превращеніе видовъ, животное происхожденіе человѣка и естественный подборъ

въ борьбѣ за существованіе. Скорѣе, онъ довольствуется тѣмъ, что ставится на „болѣе нейтральную почву“ біогенетическаго основнаго закона и, такимъ образомъ, приводитъ человѣка только сравнительнымъ и отвлеченнымъ методомъ въ связь съ органическимъ развитіемъ. „Подобно тому, какъ въ зародышевой клѣткѣ существуетъ уже взрослый человѣкъ въ зачаточномъ состояніи, такъ *идея* о человѣкѣ есть зародышъ, или первичный зачатокъ всего организованнаго міра“. „Итакъ, человѣкъ находится точно въ такой же связи съ животнымъ міромъ, какъ и съ эмбриональной стадіей своего существованія, и для всего человѣчества животное царство есть такая же предшествующая стадія жизни, какъ для индивидуума—его зародышъ“.

Въ главѣ о естественно-историческихъ основахъ социологии я уже указалъ на дѣйствіе біологическихъ законовъ въ ихъ общемъ значеніи, какъ въ органическомъ, такъ и въ социальномъ и духовномъ мірѣ. Появленіе орудій, какъ проекціи органа, можетъ быть объяснено болѣе реалистически, чѣмъ это дѣлаетъ Каппъ. Чисто сравнительная точка зрѣнія сама по себѣ недостаточна. Возникновеніе и дальнѣйшее развитіе орудій нужно объяснить общими положеніями біологіи, *дѣятельность же при помощи орудій должна быть рассматриваема исторически, какъ частный случай общей дѣятельности органовъ*. Необходимо попытаться отвѣтить на вопросъ, вслѣдствіе чего на извѣстной ступени развитія *техническія* причины вторгаются въ естественный процессъ развитія организмовъ и вызываютъ великое превращеніе жизни въ новую форму, общественную и духовную. Для этого недостаточна біогенетическая точка зрѣнія. Скорѣе необходимо пересмотрѣть при помощи сравнительнаго и генетическаго метода исторію животныхъ органовъ для того, чтобы вставить всю техническую исторію людей въ рамки естественнаго развитія. Необходимо генетически связать *органику* и *технику*. Сравнительный обзоръ внѣшнихъ животныхъ органовъ, съ помощью которыхъ животныя приспосабливаются къ даннымъ условіямъ существованія, подготовить насъ къ *генетическому* пониманію проекціи органовъ и обратнаго дѣйствія орудій на физическую форму и строеніе человѣческаго тѣла. Въ слѣдующей главѣ будетъ затѣмъ подробно изслѣдована вторая сторона вопроса—генетическая связь между *психическимъ* и *техническимъ* развитіемъ.

Изслѣдованіе различныхъ формъ животныхъ органовъ и установленіе сходствъ и различій между ними есть дѣло сравнительной анатоміи. Ихъ происхожденіе и приобрѣтеніе выяснила теорія Дарвина.

Пржде всего слѣдуетъ разсмотрѣть внѣшніе органы, которые генетически аналогичны человѣческимъ орудіямъ. Ихъ можно назвать органическими орудіями, такъ какъ они служатъ цѣлямъ присвоенія и подчиненія предметовъ внѣшняго міра.

Существуетъ, однако, коренное различіе между веществомъ органовъ и орудій. Конечно, тѣ и другія состоятъ порою изъ одинаковыхъ химическихъ элементовъ, но органъ есть продуктъ фізіологическаго обмѣна веществъ, происходящаго внутри организма; на почвѣ этого обмѣна органъ вырастаетъ, между тѣмъ какъ орудіе состоитъ изъ вещества внѣшняго міра и получаетъ форму, сообщаемую ему организмомъ. Орудіе, словомъ, есть только функціонально, но не вещественно продуктъ организма.

Проекція органа есть лишь вынесеніе наружу какой-нибудь функціи и формы.

Людвигъ Нуаре *), исходя изъ соображеній Гейгера и Каппа, ближе изслѣдовалъ значеніе орудій для исторіи развитія человѣчества; онъ дѣлитъ внѣшніе органы животныхъ на органы движенія, или перемѣщенія, органы чувствъ и органы прямого измѣненія внѣшняго міра. Послѣдніе онъ называетъ также техническими *органами* (Werkorgane). Именно объ этихъ органахъ здѣсь прежде всего идетъ рѣчь.

Техническіе органы, т. е. тѣ, которые служатъ техническимъ цѣлямъ, представляютъ различныя ступени развитія: нѣкоторыя изъ нихъ приближаются къ дѣйствительнымъ орудіямъ людей. Таковы внѣшніе придатки, какъ рога, когти, шипы, копыта, зубы. Несмотря на ихъ органическое происхожденіе и непосредственную связь съ организмомъ, ихъ функція все-таки механическая и техническая. Технические органы можно найти почти у всѣхъ классовъ животныхъ **). Хотя и органическаго происхожденія, но отдѣльною отъ тѣла,

*) Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Mainz 1880.

**) Vitus Graber. Die äusseren mechanischen Werkzeuge der Wirbeltiere. Leipzig und Prag. 1886.

является ткань пауковъ, сдѣланная съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и столь необходимая этимъ животнымъ для добыванія пищи. Матеріалъ для этой ткани доставляютъ паутинные бугорки, т. е. железы, выдѣляющія клейкое вещество, которое на воздухѣ отвердѣваетъ въ нить и перерабатывается въ пряжу помощью прядильныхъ коготковъ заднихъ ногъ.

Нѣкоторые виды пауковъ ткуть сѣти, которыми ловятъ добычу; другіе ткуть мѣшки, куда прячутся на ночь и гдѣ, въспосѣдствіи, хранятся ихъ яйцевые мѣшечки; третьи, водяные пауки, готовятъ колоколообразное, не пропускающее воду, сооруженіе, которое они наполняютъ воздухомъ подобно водолазному колоколу, и прикрѣпляютъ къ водянымъ растеніямъ *).

Болѣе высокое мѣсто занимаетъ *устройство нѣздъ* птицами. Здѣсь матеріалъ берется изъ внѣшней среды, но обработка его есть дѣло организма, при чемъ птицы или склеиваютъ своей слюной чуждое имъ вещество или дѣлаютъ искусныя сплетенія изъ мха, шерсти, волосъ, соломы и травы.

Ближайшая ступень, предшествующая человѣческимъ орудіямъ, это *сѣть* и *камень*, которыми случайно пользуются человѣкообразныя обезьяны **). Шимпанзе въ природномъ состояніи разбиваетъ камнемъ дикіе плоды, величиной въ грецкій орѣхъ. Дарвинъ приводитъ много примѣровъ того, какъ животныя пользуются орудіями и оружіемъ ***). Онъ, однако, не видитъ въ этомъ дѣятельности, подобной работѣ человѣка съ помощью орудій. „Нѣтъ сомнѣнія, что это раз-

*) C. Claus. Kleines Lehrbuch der Zoologie. Marburg 1800. S. 503 ff. (Прим. автора). Сравни трудъ Влад. Вагнера L'industrie des Aranéina (Индустрія пауковъ), изд. Академіей Наукъ. Спб. 1894.

**) Американская оса песколюбка (Ammophila) пользуется камешками, утаптывая ими песокъ вокругъ своей норы. (См. Научн. Обзоръ. 1900 г. № 3).

***) „Происхожденіе человѣка“. Для вдумчиваго зоолога было бы очень интересной работой систематически описать, съ точки зрѣнія сравнительной и исторически-развивающейся *технологіи* формы и ступени животныхъ органовъ дѣйствія и, исходя изъ принциповъ Дарвина, изслѣдовать ихъ біологическое значеніе для добыванія пищи, защиты и воспитанія дѣтенышей. Изслѣдователь человѣческаго рода долженъ видѣть въ подобной работѣ необходимую подготовку для естественной исторіи человѣчества.

личіе очень важно, но я нахожу вполне справедливымъ замѣчаніе Леббока, что когда первобытнѣйшій человѣкъ употреблялъ кремни для какихъ-либо цѣлей, они порою разбивались, и человѣкъ пользовался тогда острыми осколками кремня. Отсюда уже не великъ шагъ къ произвольному раскалыванію кремней и, затѣмъ, къ грубой обработкѣ ихъ. Последнее усовершенствованіе потребовало, впрочемъ, многихъ вѣковъ, если судить по громадному промежутку до того времени, когда человѣкъ неолитическаго періода сталъ обтачивать и полировать свои каменные орудія*).

Грубый камень, ставшій *постоянной* собственностью первобытнаго человѣка, вывелъ его изъ среды обезьянъ, которыя только *случайно* пользуются камнями и палками. Когда орудіе стало необходимымъ условіемъ существованія, тогда начался новый періодъ жизни --- человѣческій бытъ и человѣческая культура. Эта отдѣлившаяся отъ органовъ дѣятельность, съ помощью руки воздѣйствующая на внѣшніе предметы, была новымъ факторомъ развитія. Ни одна рука обезьяны, справедливо замѣчаетъ Энгельсъ, не создала самаго грубаго каменнаго ножа.

Было бы, однако, ошибкой предполагать, что человѣкъ создалъ орудія *изъ стремленія поприжать* плп, что онъ *изобрѣлъ* ихъ по обдуманному плану. Скорѣе, здѣсь дѣйствовалъ біологическій законъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе точно такъ, какъ и при возникновеніи новыхъ органовъ. Въ жизни обезьянъ мы находимъ все, что могло съ помощью дифференцированія и усиленія привести къ образованію новаго вида, именуемаго „человѣкомъ“. Общительность, ловкая рука, высокая степень психической возбудимости, проявляющаяся въ любопытствѣ и вниманіи, таковы психофизическія основанія развитія человѣка. Измѣнчивость, естественный подборъ и унаслѣдованіе уклоненій въ состязаніи и борьбѣ съ родственными видами должны были, путемъ постепенной эволюціи, все болѣе и болѣе распространять новое техническое свойство и, наконецъ, сдѣлать его всеобщимъ признакомъ рода.

Дѣятельность съ помощью орудій не могла не повліять на органическое строеніе развивающагося человѣка. Продолжав-

*) Ibid. стр. 56.

шаяся долго прямостоячая походка, поднятіе головы и высшихъ органовъ чувствъ надъ землею, свободное движеніе всѣхъ другихъ частей тѣла—всѣ эти специфически человѣческія свойства строенія тѣла могли только появиться при дѣятельности съ помощью орудій. Въ этомъ заключаются матеріальныя причины образованія человѣка, которыя возвысили до совершеннаго организма человѣка предварительныя физическія ступени обезьянъ.

Карусъ Штерне замѣчаетъ, что не человѣкъ, а обезьяна усвоила прямостоячую походку, которая очевидно является непосредственнымъ результатомъ борьбы за существованіе. „Нѣтъ сомнѣнія, что обезьяна вслѣдствіе строенія ея зубовъ и отсутствія когтей была въ очень невыгодномъ положеніи при встрѣчѣ съ животными равнинъ. Ловкость ея рукъ не приносила ей никакой пользы, если она не могла ими дѣйствовать свободно. Поэтому, человекообразныя обезьяны, хотя онѣ привыкли употреблять при ходьбѣ руки въ помощь ногамъ, научились, однако, въ борьбѣ подыматься вверхъ, подобно медвѣдямъ, и ходить прямо на противниковъ. Само собою понятно, что упражненіе въ такого рода борьбѣ и привычка къ прямостоячей походкѣ должны были доставить имъ значительныя преимущества. Такимъ образомъ, легко объясняется то, что такая походка постепенно стала постоянной привычкой“ *). Съ такимъ вполне дарвинистическимъ объясненіемъ можно согласиться относительно человекообразныхъ обезьянъ. Что же касается продолжительнаго прямостоячаго положенія, то оно можетъ быть разсматриваемо, только какъ *непосредственный* результатъ борьбы за существованіе, достигнутый благодаря каменному орудію, такъ какъ только вооруженная кремнемъ рука развивающагося первобытнаго человѣка могла осуществить подборъ вертикальнаго положенія, какъ продолжительное и дѣйствительно существенное преимущество въ борьбѣ. Можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ наиболѣе дѣйствительной и вліятельной причиной было то, что первобытный человѣкъ употреблялъ простой камень, какъ метательное, т. е. дѣйствующее на разстояніи, орудіе. При этомъ тѣло должно было принять вертикальное положеніе, и голова должна была быть при-

*) Carus Sterne. Werden und Vergehen. 3 Auflage, Berlin 1886 S. 575

поднята для того, чтобы глазъ и руки могли одинаково усилить способность къ борьбѣ *). Еще болѣе должны были усилить это преимущество вѣтви и палки, все равно, были ли онѣ употребляемы во время дракъ или, какъ подпора, при ходьбѣ. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что наклоненная и изогнутая спина обезьяны приподнялась благодаря орудіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась дѣятельность мозга и высшихъ органовъ чувствъ. Съ поднятіемъ груди могло начаться развитіе рѣчи, такъ какъ дыхательное горло обезьяны было значительно усилено хрящами и мускулами, а легкія могли свободно и равномерно регулировать теченіе воздуха во рту и глоткѣ. Воздѣйствіе орудій на организмъ вызвало въ первобытномъ человѣкѣ весьма важное *психическое* измѣненіе, при чемъ душа животного развилась въ человѣческій духъ, и техническая работа призвала къ жизни высшее преимущество человѣка, — *логическое сознаніе, или разумъ*.

Это генетическое воззрѣніе на происхожденіе орудія приводитъ послѣднее подъ общіе законы развитія. Оно не вводитъ ничего абсолютно новаго въ естественный ходъ явленій, но съ нимъ начинается новая организація жизни, высокое значеніе которой всего лучше можетъ быть понято при сравненіи, когда, напримѣръ, говорятъ, что человѣческій міръ настолько же выше міра животного, насколько этотъ послѣдній выше міра растеній. Законы дифференцированія, приспособленія, подбора и усовершенствованія одинаковымъ образомъ дѣйствуютъ при развитіи орудій въ различныя формы, приборовъ, оружія, машинъ и инструментовъ, какъ и при развитіи органовъ. *Но законъ естественнаго подбора органическихъ индивидуумовъ измѣняется какъ въ своихъ средствахъ, такъ и результатахъ*. Главная же причина этого измѣненія заключается въ томъ, что орудіе, съ помощью котораго осуществляется борьба, находится только въ функциональной, но не органически-тѣлесной связи съ борющимся индивидуумомъ. Къ *личнымъ* силамъ присоединяются и *не личные*, не находящіяся ни въ какой естественно-необходимой связи съ органическимъ индивидуумомъ. Это техническое и основанное на немъ экономическое различіе имѣетъ пермодѣрное

*) Сравни Josef Müller. Ueber Ursprung und Heimat des Urmenschen. Stuttgart 1894.

значение для специальных законовъ животнаго и человѣческаго подбора. Другая сторона различія основана на *психическихъ* и *логическихъ* силахъ, которыя находятся въ необходимой связи съ техническимъ развитіемъ.

3. Технические условія логическаго сознанія.

Дарвинъ пытался доказать, что духовныя способности человѣка и животныхъ различаются между собою только въ количественномъ отношеніи. Онъ считаетъ возможнымъ объяснить образованіе человѣческаго разсудка (*Verstand*) изъ чувственной способности созерцанія и психическихъ способностей памяти, любопытства и вниманія, принимая при этомъ, что внутри общества происходилъ постепенный подборъ высшихъ умственныхъ способностей посредствомъ все той же борьбы за существованіе. Дарвинъ приписываетъ и животнымъ извѣстную степень разсудка, при чемъ необходимо обратить вниманіе на то, что онъ разсматриваетъ сущность разсудка въ смыслѣ англійской *ассоціативной психологіи*, которая признаетъ въ разсудочной дѣятельности лишь чувственную ассоціацію идей *).

Изъ новѣйшихъ философовъ наиболѣе глубоко изслѣдовали сущность человѣческаго разума Юмъ и Кантъ, первый въ своемъ „Изслѣдованіи о человѣческомъ разсудкѣ (*Verstand*)“, а второй въ „Критикѣ чистаго разума (*Vernunft*)“. Юмъ, очевидно, имѣвшій весьма большое вліяніе на психологическія воззрѣнія Дарвина, видитъ въ разсудкѣ одну только ассоціативную дѣятельность, которая связываетъ представленія по ихъ сходству и контрасту, по ихъ пространственной и временной смежности и, наконецъ, по ихъ причинной связи между собою. Всѣ наши идеи, т. е. представленія, суть болѣе слабыя подражанія и копии нашихъ чувственныхъ впечатлѣній. Невозможно думать о чемъ-либо, чего мы раньше не усвоили съ помощью нашихъ внѣшнихъ или внутреннихъ чувствъ. Необходимость, которую мы приписываемъ нашимъ выводамъ, есть необходимость субъективная, зависящая отъ нашихъ чувственныхъ впечатлѣній. Она представляетъ собою имманентное самостоятельное свойство сущности разсудка;

*) Англійскіе психологи подразумеваютъ подъ идеями—представленія, а никакъ не идеи въ смыслѣ высшихъ понятій.

она не есть априорный всеобщий и необходимый законъ. „Этотъ ходъ мысли отъ причины къ слѣдствію не происходитъ *изъ разсудка*. Его происхожденіе вполне опредѣляется привычкой и опытомъ“. Познаніе, слѣдовательно, основывается на привычной связи, на инстинктивной и механической тенденціи душевной жизни. „Въ этомъ, слѣдовательно, заключается родъ предустановленной гармоніи между естественнымъ ходомъ вещей и послѣдовательностью нашихъ идей, и, хотя намъ совершенно неизвѣстны тѣ силы, которыми первый регулируется, мы, однако, находимъ, что наши мысли и представленія всегда шли въ одномъ направленіи съ другими явленіями природы. Привычка есть тотъ принципъ, который обусловилъ это совпаденіе, необходимое *для существованія нашего рода* и для регулированія нашихъ поступковъ въ каждомъ положеніи и случаѣ человеческой жизни“. На этомъ принципѣ опыта, основаннаго на привычкѣ, Юмъ останавливается. Что касается обоснованія нашихъ выводовъ изъ опыта, то это, по его мнѣнію, составляетъ новый вопросъ, выясненіе и разрѣшеніе котораго будетъ еще труднѣе.

Если мы сравнимъ между собой воззрѣнія Юма и Дарвина, то скоро увидимъ принципиальное единомысліе. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что Юмъ приписываетъ такого рода разсудокъ и животнымъ. „Только привычка побуждаетъ животныхъ изъ каждаго явленія, поражающаго ихъ чувства, заключать о другихъ, которыя его обыкновенно сопровождаютъ, и доводитъ ихъ силу воображенія до того, что при одномъ явленіи они представляютъ себѣ и другія такимъ именно образомъ, которое мы называемъ сужденіемъ. Никакое другое объясненіе не можетъ быть дано этому отпавленію у всѣхъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ классовъ ощущающихъ существъ, которыя подлежатъ нашему наблюденію и изученію. Итакъ, Юмъ видитъ въ человѣческомъ разсудкѣ *психическое вооруженіе и приспособленіе его къ условіямъ существованія*, воззрѣніе, получившее болѣе глубокое обоснованіе въ ученіи о естественномъ развитіи. По мнѣнію Юма, разсудокъ относителенъ и зависитъ отъ органовъ чувствъ; такимъ образомъ, Юмъ отрицаетъ предметное (объективное) познаніе и относится скептически къ общезначительнымъ истинамъ. Этимъ онъ вступаетъ въ противорѣчіе съ ученіемъ *раціонализма*, которое отъ Платона до на-

шего времени старается доказать абсолютное и объективное значеніе мышленія.

И для Канта не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что всякая истина заключается въ опытѣ; но все сводится къ тому, чтобы съ теоретически-познавательной точки зрѣнія прочно установить, что такое опытъ, т. е. обосновать *понятіе объ опытѣ*. Затѣмъ, для Канта не подлежит также сомнѣнію, что всякій опытъ начинается чувственнымъ воспріятіемъ, но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что все познаніе происходитъ изъ воспріятія. Сущность разсудка (Verstand) основывается на опредѣленныхъ, всеобщихъ и необходимыхъ понятіяхъ *чиселъ, причины, сущности, возможности и т. д.*, которыя *априорны*, т. е. въ своемъ значеніи не зависятъ отъ какого бы то ни было чувственного воспріятія. Эта *априорность* обуславливаетъ также *самопроизвольность*, которая означаетъ слѣдующее: всякое познаніе развивается въ необходимой связи съ раздраженіями, испытываемыми отъ чувственныхъ впечатлѣній, но въ понятіяхъ и основныхъ положеніяхъ *чистаго разсудка* *) выражается та *закономерность*, съ которой душевная дѣятельность *реагируетъ* на чувственные раздраженія. То, что человѣкъ считаетъ и измѣряетъ вещи согласно извѣстнымъ правиламъ, что онъ связываетъ ихъ причинно—это все функціи, въ которыхъ *активно выражается логическое сознаніе* человѣка. На этомъ самоопредѣленіи разума основываются математическія и физическія науки, которыя каждому доступны не постольку, поскольку онъ человѣкъ, но постольку онъ мыслить разумно и научно. Въ немъ находятъ свое основаніе логически-духовное единство человѣческаго рода, выражающееся въ томъ, что всѣ мыслятъ одинаковымъ образомъ, при чемъ безразлично, идетъ ли дѣло о жалкомъ дикарѣ, умѣющимъ считать только до 2-хъ или до 3-хъ, или о Кеплерѣ и Ньютонѣ, вычисляющихъ орбиты міровыхъ тѣлъ.

Такой разсудокъ (Verstand) въ смыслѣ логическаго сознанія не можетъ быть приписанъ животнымъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы эти послѣднія имѣли какую-

*) Кантъ допускаетъ не только чистый разумъ (Vernunft), но и чистый, свободный отъ всякой чувственности, разсудокъ (Verstand), т. е. логическое сознаніе.

нибудь науку. Если человекообразныя обезьяны и прирученныя человекомъ высшія млекопитающія и выполняютъ нѣкоторыя мыслительныя операціи, похожія на человѣческія, если они болѣе или менѣе и отличаются отъ животныхъ въ дикомъ состояніи и даже въ зародышѣ обладаютъ способностью счета, то все-таки эти операціи не идутъ дальше кантовскихъ *суждений воспріятія* (*Wahrnehmungsurtheile*) и напоминаютъ воззрѣніе Юма на сущность разсудка. Сужденія воспріятія, въ противоположность *опытнымъ*, основываются только на послѣдовательности чувственныхъ впечатлѣній во времени, причинная же послѣдовательность послѣднихъ, въ смыслѣ всеобщности и необходимости ихъ, совершенно недоступна разсудку животныхъ.

Джонъ Лёббокъ поднималъ вопросъ о томъ, умѣютъ ли животныя считать. Онъ указываетъ на крайне ограниченныя способности дикаря и полагаетъ, что нечего изумляться, если, въ концѣ концовъ, и животныя въ отношеніи счета сдѣлали лишь незначительный шагъ впередъ. „Я часто слышу, напримѣръ, что собака умна и духовно одарена, но когда я ставлю вопросъ, можетъ ли собака сосчитать, что дважды два четыре, т. е. способна ли она на самое элементарное математическое вычисленіе, я большею частью встрѣчаю сомнѣніе“. Опыты самого Лёббока надъ собаками дали также отрицательные результаты *). Итакъ, мы должны приписать высшимъ животнымъ способность соображать, память, способность дѣлать извѣстныя заключенія, какъ это указали

*) J. Lubbock. Чувства и умъ животныхъ. Есть нѣмецкій переводъ 1889 г. Взгляды Гэккеля, конечно, противоположны взглядамъ Лёббока: „Очень многіе народы могутъ считать только до десяти или до двадцати, между тѣмъ какъ нѣкоторыхъ весьма способныхъ собакъ можно довести до того, чтобы онѣ считали до сорока или даже до шестидесяти“. *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. (Естественная исторія творенія). Berlin 1898. S. 805. Въ циркахъ специально для того дрессированныя собаки часто мнимо выполняютъ различныя арифметическія вычисленія, которыя на самомъ дѣлѣ составляютъ только ловкіе фокусы дрессировщиковъ. Собака вслѣдствіе постоянного обученія и общенія съ человекомъ значительно развила каузальное (причинное) пониманіе; но мы должны остерегаться смѣшивать психическія отправления, проявившіяся благодаря искусству и соображенію человека, съ психическими отправлениями животнаго, предоставленнаго самому себѣ въ дикомъ состояніи.

Юмъ и Дарвинъ, но разумъ животныхъ былъ и остается *чувственно-связаннымъ и не логичнымъ*. Поступки дѣтей и многихъ взрослыхъ людей могутъ иногда быть таковы, какими ихъ представляютъ сторонники сенсуалистической теоріи познания, по *научно-развитый* человѣкъ логиченъ, чего нельзя сказать о самомъ умномъ животномъ.

Указаніе на это различіе можетъ возбудить подозрѣніе, что съ нимъ вводится, хотя и въ другой формѣ, дуализмъ А. Р. Уоллеса. Но это невѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, параллельно съ физическимъ развитіемъ человѣка должно было идти и его психическое развитие. Но, какъ было уже показано, одна физиологическая точка зрѣнія не можетъ объяснить физическаго развитія человѣка; необходимо матеріальной причиной послѣдняго должно считать и техническую дѣятельность съ помощью орудій, а потому ближайшее изслѣдованіе связи между технологіей и психологіей покажетъ, что ставшіи выше всѣхъ прочихъ живыхъ существъ человѣкъ могъ сдѣлаться „разумнымъ животнымъ“ или „причинно-мыслящимъ животнымъ“, только благодаря техническому вооруженію его руки. Чтобы объяснить духовное развитіе человѣка, недостаточна *психологія мышленія*, недостаточна одна только психо-физическая теорія развитія, но необходимо еще къ этому присоединить такого рода научное изслѣдованіе, которое можно было бы назвать *психотехникой логическаго сознанія*. Оно представляетъ собой расширеніе *теоріи экономическаго матеріализма Маркса*, которая доказываетъ, что экономическій строй общества необходимо связанъ съ его духовной жизнью. Но такъ какъ техника есть основа экономической, а логика—фундаментъ духовной жизни, то изслѣдованіе связи между логической и технической дѣятельностью можетъ указать основанія, на которыхъ строится вся исторія духовной и матеріальной культуры. Конечно, дальнѣйшей задачей будетъ показать, что какъ техника разсматривается, какъ частный случай общей органической дѣятельности, такъ и логическая духовная жизнь человѣка съ общей точки зрѣнія есть не что иное, какъ специальная форма проявленія общихъ психическихъ явленій природы.

Существенную услугу въ разрѣшеніи этого вопроса оказалъ Л. Гейгеръ въ своей книгѣ: „Происхожденіе и разви-

тіе человѣческой рѣчи и разума“ *). „Вездѣ, замѣчаетъ онъ, гдѣ появляется человѣкъ, самой положительной и общей особенностью его является разумъ.—Сдѣланы ли утварь и орудія изъ камня или желѣза и даже съ такимъ искусствомъ, какое мы только можемъ себѣ представить, *мы ихъ признаемъ человѣческими* только потому, что они носятъ на себѣ слѣды духовной дѣятельности человека. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что куда только проникаетъ наше наблюденіе, мы находимъ, что человѣкъ разуменъ. И однако не всегда такъ было: разумъ не существовалъ вѣчно, такъ какъ и органическая жизнь и сама наша планета не существовали вѣчно. Разумъ, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ начало во времени. Но онъ, какъ и виды животныхъ, не явился вдругъ, вполне готовымъ во всемъ своемъ совершенствѣ, вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы, а развился мало-по-малу“. Гейгеръ придаетъ въ развитіи разума, наиболѣе важное значеніе развитію *рѣчи и чувства зрѣнія*. „Безъ чувства зрѣнія невозможно никакое воспріятіе причинной связи, такъ какъ только благодаря этому чувству какой-нибудь предметъ, подвергающійся воздѣйствію, можетъ быть мною воспринятъ, не будучи мною самимъ. Объективный внѣшній міръ обоняемаго не мыслится самъ по себѣ: хотя чутье, какъ и видъ движенья животнаго, ведетъ къ предметамъ внѣшняго міра, но причинная связь между предметами, воспринятыми только посредствомъ обонянія, невозможна. *Если бы мы сами не дѣйствовали, а только подвергались бы воздѣйствію*, мы не имѣли бы понятія о причинной связи, но намъ казалось бы, что все происходитъ только одно за другимъ, а не одно, какъ слѣдствіе другого. То же, что происходитъ между нами и внѣшнимъ предметомъ, не пригодно для того, чтобы представляться, какъ причинное явленіе; для сознанія причины необходимо, *чтобы въ насъ было два предмета, оба равно подверженные споконному наблюденію*, при чемъ ихъ взаимодействіе понимается нами не непосредственно, а, такъ сказать, по сочувствованію (Mitempfindung). Такимъ образомъ, это сочувственное созерцаніе видимаго нами движенья—*вотъ зародыши всего нашего причиннаго пониманія міра*“.

*) L. Geiger. Ursprung und Entwicklung der menschl. Sprache und Vernunft. Stuttgart 1868.

Рѣчь, какъ и чувство зрѣнія, представляетъ собою источникъ разума. Филологическія изслѣдованія Гейтгера привели его къ признанію того, что хотя орудіе и называлось по своему дѣйствію, но лишь постольку, поскольку это дѣйствіе выполнялось до этого орудія и безъ его помощи, откуда очевидно, что *совершаемыя посредствомъ орудій дѣйствія людей составляютъ только развитіе непосредственныхъ дѣятельностей*, т. е. орудіе первоначально не было выдуманно, а только случайно было открыто въ какомъ-нибудь предметѣ, понадобившемся для посредственнаго примѣненія. Никогда не было мгновенной замѣны одного дѣйствія другимъ, на примѣръ, срыванія—рѣзаніемъ, но лишь замѣна постепенная, во время которой помогающій инструментъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе самостоятельности, какъ это происходитъ еще въ настоящее время, когда орудіе, все болѣе и болѣе отдѣляясь отъ руки человѣка, работаетъ уже само, какъ машина. Столь же постепенный, сколько полный обратный переходъ отъ человѣческой работы, поддерживаемой неодушевленными вспомогательными средствами, къ дѣйствіямъ животныхъ, неоспоримо доказывается многими примѣрами изъ филологіи: это общій законъ, что всѣ слова, которыя означаютъ дѣйствія, выполненныя орудіями, или означающія сами орудія, развились изъ созерцанія дѣйствій и поступковъ разныхъ животныхъ.

Примыкая къ филологическимъ изслѣдованіямъ Гейтгера, Л. Нуаре *) подробно разобралъ, на основаніи принадлежащей Каппу плодотворной теоріи проекціи органа, этотъ психотехническій процессъ и показалъ, какъ, благодаря дѣятельности съ помощью орудій, развивается понятіе о причинной связи между предметами. Онъ доказываетъ, что проекція органа есть источникъ объективации, а орудіе выступаетъ, какъ посредствующій членъ между волей и предполагаемымъ дѣйствіемъ. Животное въ своихъ дѣйствіяхъ ограничено своими естественными органами, тогда какъ человѣкъ съ помощью разума дошелъ до орудій, и его дѣятельность стала косвенной или, какъ говорятъ философы, „опосредствованной“.

*) L. Noirce. Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Mainz 1880.

Особенность и чрезвычайная важность орудія заключается въ томъ, что оно, оставаясь объектомъ, составляетъ однако часть субъекта. Благодаря орудію, дѣятельность органовъ попадаетъ въ поле зрѣнія глаза, этого наиболѣе совершеннаго для воспріятія пространственныхъ и временныхъ отношеній органа чувствъ. Путемъ весьма остроумнаго анализа, Нуаре разобралъ этотъ, въ одно и то же время психофизически и психотехнически осуществляющійся, процессъ и показалъ, какъ въ технической дѣятельности развивается самосознаніе. Здѣсь движеніе „воспринимается именно какъ движеніе“. — „Объективность (предметность) и понятность (разсудочность) для человѣческаго познанія одно и то же“.

Я самъ въ своей „Системѣ моральнаго сознанія“ въ главѣ о первоначальной исторіи моральнаго сознанія попытался, исходя изъ теоріи познанія Канта, изслѣдовать болѣе глубоко процессъ развитія мышленія и показать, какъ логическая и техническая дѣятельность необходимымъ образомъ соотвѣтствуютъ другъ другу, и какъ образуется *объективное понятіе причины*, когда чувственно-органически воспринимаемое и совершаемое дѣйствіе, благодаря посредству самостоятельнаго орудія, становится видимымъ и технически совершаемымъ причиненіемъ. Глазъ видитъ, что одинъ предметъ дѣйствуетъ на другой. Этимъ создано основаніе для научнаго познанія и всѣхъ высшихъ духовныхъ отправленій нравственности, искусства и религіи. На этомъ пунктѣ выступаетъ логически сознанное раздѣленіе между „я“ и міромъ, это „чудо новаго творенія“ Гердера или „невидимый міръ“ Уоллеса. Но здѣсь также начинаются умозрѣнія идеалистическихъ философовъ о „я“ и „не я“, о теоретическомъ и практическомъ „я“ и объ ихъ отношеніяхъ между собою. Здѣсь же, въ извѣстной мѣрѣ, получаетъ оправданіе ихъ методъ, выводящій всю дѣйствительность изъ сознанія нашего „я“ и на основаніи этого же сознанія умозаключающій о всеобщей тождественности всѣхъ вещей. Итакъ, прогрессъ въ духовной жизни не есть простое количественное увеличеніе животныхъ способностей, но самоудвоеніе съ помощью техники, которое было уже подготовлено въ ощущеніи животныхъ *).

*) Въ подобномъ же смыслѣ Tito Vignoli разсматриваетъ происхожденіе логическаго сознанія, какъ самоудвоеніе. „Разумъ есть не что иное,

Лейбницъ училъ, что каждая монада, т. е. каждая индивидуальная духовная единица міра, есть *живое зеркало*, или одарена внутренней дѣятельностью, которая представляетъ себѣ всю вселенную съ своей точки зрѣнія и такъ же регулируется, какъ эта вселенная. Мы прибавляемъ къ этому, что и человѣческій духъ есть зеркало вселенной; но это зеркало въ то же время есть созданіе человѣка, въ которомъ онъ и познаетъ себя и вселенную *). Въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ и научная тенденція экономическаго матеріализма, этого послѣдняго отпрыска умозрительной философіи, такъ какъ способность человѣка чувствовать разсматривается здѣсь не только какъ *созерцаніе*, но и какъ чувственная дѣятельность, т. е. съ ея *практической* стороны.

„Вопросъ о томъ, замѣчаетъ Марксъ, свойственна ли человѣческому мышленію объективная истина, не теоретическій вопросъ, а практический“ **).

Еще Фихте пришелъ къ слѣдующей дедукціи:

„Это такъ *естъ*, потому что я это *такимъ образомъ*“.

Будетъ нелишнимъ въ этомъ мѣстѣ присоединить нѣкоторые философскіе выводы, имѣющіе весьма важное значеніе для выясненія связи между природой и духомъ. Спиноза училъ, что порядокъ и зависимость идей между собою тѣ же, что порядокъ и зависимость вещей. Это вызвало сильное порицаніе: говорили, что Спиноза напрасно будто бы смѣшалъ ratio (разумное основаніе) съ causa (вещное основаніе). Юмъ свелъ гармонію между послѣдовательностью природы и послѣдовательностью мысли къ привычкѣ. Съ точки

какъ душа животныхъ, развитая до высшей силы съ помощью *самодублированія*, а не развитія ея. *Неизмѣнно следуя своей сущности*, она должна превращать всѣ относящіяся къ ней акты въ новую принятую ею форму. (Ueber Fundamentalgesetz der Intelligenz im Tierreich. Leipzig 1879. 185).

*) Rückert говоритъ:

Sich im Spiegel zu beschau'n.

Kann den Affen nur erbau'n.

Wirke! Nur in seinen Werken

Kann der Mensch sich selbst bemerken.

Только обезьяну можетъ забавлять смотрѣться въ зеркало.

Дѣйствуй! Только въ своихъ твореніяхъ можетъ человѣкъ себя самого замѣтить.]

**) Fr. Engels. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie, Stuttgart 1888. S. 70.

зрѣнія естественной психотехнической исторіи развитія этотъ вопросъ представляется слѣдующимъ образомъ. Когда Кантъ называетъ логическій интеллектъ человѣка *нечувственнымъ* (unsinnlich), а Шопенгауэръ—*мысленнымъ интересомъ*, то это вѣрно только относительно. И логическое сознаніе связано съ интересомъ посредствомъ опредѣленныхъ цѣнностей, опредѣляемыхъ чувствованіемъ (Gefühlswerte). И оно имѣетъ сферу чувственныхъ воспріятій, которая, конечно, дѣйствуетъ не прямо на органы чувствъ, а косвенно черезъ посредство чувственной дѣятельности съ помощью техническихъ орудій, отъ необдѣланнаго кремня до самаго сложнаго аппарата и до самыхъ возвышенныхъ словъ и образовъ мыслителя и художника. Технический образъ, какъ *символъ*, есть неизбѣжная чувственная оборотная сторона отвлеченнаго мышленія *). Итакъ, существуетъ полнѣйшій параллелизмъ между логикой и техникой. Разумныя основанія суть также и реальныя основанія, какъ справедливо указывалъ Спиноза, но это реальныя основанія, осуществленныя съ помощью техники. *Логическій порядокъ по основаніямъ и слѣдствіямъ есть особый родъ психофизическаго порядка причины и слѣдствія.* Причинное пониманіе есть особая форма всеобщаго причиннаго дѣйствованія.

4. Ступени общественной жизни.

Хотя, такимъ образомъ, твердо установлена непрерывность, т. е. общая связь въ развитіи физическихъ, техническихъ

*) Рѣчь часто есть вѣрное чувственное изображеніе процесса развитія души. Всѣ наши слова и образы возникаютъ изъ чувственныхъ воспріятій, въ особенности изъ *чувства зрѣнія и дѣятельности руки*. Слово „идея“ происходитъ отъ греческаго слова *idéiv*—видѣть. „λόγος“ значить и рѣчь и разумъ. Нѣмецкія слова „Begriff“ и „Auffassung“ связаны съ движеніемъ руки во время хватанія (greifen) и схватыванія, какъ латинскія слова „perceptio“ и „apperceptio“ (сравни русское: понятіе, пониманіе и поймать, поимка). Слово Vernunft происходитъ отъ словъ „vernehmen“ и „nehmen“. Мы говоримъ о свѣтѣ истины и о духовныхъ очахъ. И новѣйшая психологія образуетъ слова такимъ же путемъ: она говоритъ объ узости поля и о точкѣ зрѣнія сознанія. Да, форма мыслительнаго процесса осуществляется въ формѣ зрительнаго процесса. Мы не имѣемъ никакого другого чувственно-техническаго средства, какъ образъ зеркала, орудіе зрѣнія и мысли, въ которомъ мы воспринимаемъ высшую идею міропониманія.

и духовныхъ функцій индивидуума, но этимъ, однако, еще не выясненъ процессъ образованія науки, нравственныхъ понятій, искусства и религіи, такъ какъ эти высшія духовныя отправленія обосновываютъ понятіе о человѣческомъ обществѣ, какъ о *духовномъ сообществѣ*.

Мы, правда, говоримъ, какъ ученые люди, о естественной исторіи животныхъ, но здѣсь рѣчь идетъ объ указаніи, какъ поднявшіеся надъ животнымъ міромъ люди сами пришли къ сознанію своей исторіи и общества.

Исслѣдованіе связи между организмизмомъ и обществомъ ясно показало, что нельзя механически переносить органическія аналогіи въ соціальную и духовную жизнь, и что только сравнительное и въ то же время генетическое воззрѣніе можетъ вскрыть органическое начало человѣческаго общества. Это исслѣдованіе показало намъ также, что человѣческое общество есть только особенная форма объединенія жизни вообще, и что исторія человѣческаго рода есть лишь отрывокъ всеобщей біологической исторіи развитія.

На извѣстной намъ низкой ступени жизни мы находимъ отдѣльные организмы съ болѣе или менѣе дифференцированнымъ внутреннимъ строеніемъ; эти организмы называютъ первичными или простѣйшими животными (Protozoa). Они или живутъ отдѣльно или объединяются, что можно разсматривать, какъ первую стадію образованія общества. Нѣкоторыя жгутиковые инфузоріи (Flagellata) образуютъ маленькія цѣпи особей; иногда многія животныя сидятъ на одномъ стеблѣ. Подобныя объединенія элементарныхъ клѣтокъ встрѣчаются у нѣкоторыхъ инфузорій, именно у Volvocineae, которыя образуютъ полые шары и колоніи клѣтокъ такимъ образомъ, что при многократномъ дѣленіи новыя клѣтки не отдѣляются другъ отъ друга, а остаются вмѣстѣ. Когда въ этихъ „ордахъ клѣтокъ“, какъ ихъ назвалъ Гэккель, наступаетъ дифференціація и начинается раздѣленіе труда между отдѣльными клѣтками, то появляются высшіе организмы полиповъ, губокъ и т. д. Сифонофоры образуютъ колоніи, состоящія изъ такихъ отдѣльныхъ животныхъ, среди которыхъ раздѣленіе труда получило значительное развитіе. На общемъ стволѣ сидятъ плавательные колокола, полипы-пожиратели, хватательныя нити, щупальцы и половыя особи, такъ что у нѣкоторыхъ видовъ отдѣльныя животныя почти совершенно утратили свой перво-

начальный характеръ, и колоніи животныхъ производятъ впечатлѣніе одного организма. Въ слѣдующихъ классахъ животнаго міра—у червей, моллюсковъ и т. д. мы находимъ мало примѣровъ обобществленія, между тѣмъ какъ у членистоногихъ видимъ богато развитую жизнь обществамъ. Здѣсь, однако, нѣтъ уже *прямого органическаго* соединенія,—общества основываются на *психическихъ* отношеніяхъ. У пчелъ, осъ, муравьевъ и т. д. общественная жизнь высоко развита; въ основаніи ея, надо полагать, лежатъ инстинкты, а также въ известной степени чувственно связанный интеллектъ; здѣсь мы можемъ наблюдать разнообразное расчлененіе и раздѣленіе труда. У рыбъ, какъ и у птицъ, мы находимъ ватаги или стаи. Тутъ начинается тотъ психическій моментъ, который мы называемъ симпатіей, и который играетъ такую важную роль у млекопитающихъ. Брэмъ, Эспинасъ и Дарвинъ дали интересныя описанія общественной жизни высшихъ млекопитающихъ. Дарвинъ считаетъ социальную симпатію источникомъ *моральныхъ* представленій, которыя скрѣпляютъ духовную жизнь людей. У высшихъ млекопитающихъ также наблюдается расчлененіе и раздѣленіе труда: здѣсь есть вожаки и ведомые, предупреждающіе объ опасности, защита и нападеніе сообщества, защита слабыхъ и беспомощныхъ. Въ общественной жизни высшихъ животныхъ встрѣчается такъ много аналогіи съ жизнью человѣка, что Эспинасъ не можетъ не говорить о *нравственности животныхъ* и не видѣть въ животныхъ, у которыхъ общественная жизнь достигла значительнаго развитія, самыхъ интеллигентныхъ животныхъ. Дарвинъ сводитъ происхожденіе симпатіи къ вліянію естественнаго подбора, „потому что общества, имѣвшія наибольшее число сочувствующихъ другъ другу членовъ, должны были больше процвѣтать и оставлять послѣ себя болѣе многочисленное потомство“ *).

Считая самымъ интереснымъ вопросъ о происхожденіи высоко развитой общественной жизни людей, Дарвинъ считаетъ возможнымъ объяснять развитіе естественныхъ способностей животныхъ въ высшую духовно-общественную

*) Происхожденіе человѣка. См. русск. пер. въ изд. Подовой или же М. Филиппова.

жизнь людей съ помощью естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Но было уже показано, что одиѣхъ чисто *органическихъ* причинъ недостаточно, и что необходимы техническія средства для того, чтобы создать культуру, какъ высшую ступень жизни. Конечно, этотъ техническій процессъ возможенъ только въ обществѣ, и социальный инстинктъ симпатіи есть необходимое естественное основаніе, на которомъ могли развиваться интеллектуальные процессы. Благодаря дѣятельности съ помощью орудій, появляется въ социальномъ процессѣ понятіе о причинѣ въ предметномъ (объективномъ) значеніи этого слова. Въ то же время борьба за существованіе получаетъ форму *труда*. вмѣстѣ съ трудомъ, изъ субъективныхъ звуковъ, издаваемыхъ животными, развивается объективная рѣчь, слово, какъ это показали Гейгеръ и Нуаре. Слово—это самое искусное и тонкое техническое средство, съ которымъ необходимо связана мысль. Самая высокая идея имѣетъ свою чувственную оборотную сторону—слово. Но слово есть одна изъ формъ орудія. Мышленіе и рѣчь не раздѣлимы.

Трудъ съ помощью орудій и рѣчь должны были усилить естественную симпатію и создать для первобытныхъ человѣческихъ ордъ огромный перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе съ другими видами животныхъ, такъ какъ понятіе о причинѣ возвысило основанную на влеченіяхъ инстинктивную жизнь души животныхъ въ моральное *сознаніе долга*. Человѣкъ призналъ въ членахъ своей орды причину своихъ поступковъ—волевой импульсъ сознательныхъ отношеній. Появилось *общее объективное представленіе* о внутреннихъ и вѣшнихъ отношеніяхъ, цѣлесообразное и приспособленное къ тому, чтобы поддержать и усилить орду. Здѣсь впервые блеснула заря совѣсти, свѣтъ которой и разбудилъ въ душѣ человѣка представленіе о долѣ и о виновности. Конечно, въ началѣ эта совѣсть была ограничена маленькой сферой интересовъ этого общества, а содержаніе ея опредѣлялось естественными условіями существованія, но она дала начало морали орды, центру того круга круговъ, который долженъ былъ постепеннымъ социальнымъ и историческимъ процессомъ ввести весь родъ человѣческій въ рамки законовъ гуманной нравственности.

Эта ступень не внесла ничего абсолютно новаго. Природ-

ныя побужденія и чувственно связанныя представленія превратились въ другую среду, въ другой міръ представленій, такъ что инстинктивное чувство соціальной связи отражалось въ самодѣльномъ зеркалѣ, какъ сознанныя основа долга. Природа стала духомъ, какъ говорятъ умозрительные философы.

Въ первобытной ордѣ развилось то высшее существованіе, которое мы называемъ общественной и духовной жизнью въ тѣсномъ смыслѣ. Благодаря технической и логической дѣятельности въ *представленіи* постепенно развивающагося человѣка явился новый міръ естественныхъ явленій, въ которомъ миѣ, эта первоначальная форма всякой духовной жизни, господствовалъ надъ всей областью душевныхъ явленій. И все это основывалось на томъ простомъ, но важномъ фактѣ, что одинъ особенно способный къ этому родъ животныхъ сталъ родомъ, дѣлающимъ орудія и сознающимъ причинную связь. Какъ показываетъ намъ обзоръ ступеней общественной жизни, органическій, соціальный и духовный міръ представляютъ только различныя ступени одной и той же естественно развивающейся дѣйствительности. Самыя простыя явленія жизни, какъ и высшія усложненныя побужденія, связи и отправления человѣческаго общества—всѣ безъ исключенія охватываются общей законностью, господствующей въ біологіи. И въ соціальной области законъ непрерывности жизненныхъ формъ имѣетъ основное значеніе. Но болѣе совершенное развитіе человѣческаго общества состоитъ въ томъ, что его составные элементы связаны какъ съ помощью органическихъ, такъ и посредствомъ инстинктивныхъ и логическихъ отношеній.

5. *Первобытная исторія семьи.*

Только въ обществѣ могъ осуществиться переходъ отъ животнаго къ человѣку. Ни одной изъ извѣстныхъ намъ человекоподобныхъ обезьянъ нельзя приписать сильно развитой общественности или особой общительности. Однако, и онѣ при случаѣ соединяются временно въ группы и орды. Предки человѣческаго рода должны были съ помощью естественнаго подбора развить у себя большую общежительность. Но общественныя связи, повидному, впервые были

тѣснѣ скрѣплены лишь необходимостью совмѣстной технической работы. Вопросъ о внутренней организаціи первобытнаго человѣческаго общества только отчасти выясненъ и представляетъ собой одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ наиболѣе спорной науки—соціологін. Хотя мы и старались показать въ предыдущихъ главахъ, какъ естественнымъ путемъ, съ помощью техники, человѣкъ могъ развиваться физически и психически, однако остается еще открытымъ вопросъ, въ какой формѣ выразились половыя сношенія первобытнаго человѣка, какимъ образомъ удовлетворялись жизненные потребности, какъ образовались порядокъ и расчлененіе однимъ словомъ, матеріальная организація общества.

Марксова теорія историческаго матеріализма видитъ причину расчлененія и упорядоченія общества въ способѣ воспроизведенія жизненныхъ средствъ и людей, т. е. въ трудѣ, съ одной стороны, и въ семьѣ, съ другой.

„Чѣмъ менѣе развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество предметовъ, производимыхъ имъ, а слѣдовательно и богатство общества, тѣмъ болѣе общество оказывается подчиненнымъ половымъ связямъ“. Итакъ, соціальныи порядокъ зависитъ или отъ фізіологическихъ или же отъ экономическихъ причинъ. Чѣмъ ниже ступень общественнаго развитія, тѣмъ болѣе опредѣляютъ всякое расчлененіе генеалогическія отношенія. Этимъ обусловливается то обстоятельство, что вопросъ о сущности первобытнаго общества является, главнымъ образомъ, вопросомъ о формѣ половыхъ сношеній и размноженія племени въ бракѣ и семьѣ.

Внесеніе свѣта въ соціальную исторію первобытнаго общества составляетъ неоспоримую заслугу Л. Морганъ и Г. Р. Мукке. Морганъ *) соглашается со многими изслѣдователями относительно того, что половыя сношенія въ первобытномъ обществѣ имѣли характеръ свободнаго сожительства половъ. Энгельсъ систематически развитъ и углубилъ изслѣдованія Морганъ. Онъ опредѣляетъ это свободное сожительство, какъ „такое состояніе, гдѣ внутри племени происходили неограниченныя сношенія половъ, такъ что каждая женщина принадлежала одинаково каждому мужчинѣ

*) Morgan. Первобытное общество (на англ.). Есть нѣм. перев. 1891. Недавно вышелъ также русскій переводъ. Спб. 1900.

племени, а каждый мужчина—каждой женщиной“ *). Но это свободное половое общеніе не значитъ, что не было никакого порядка въ половых сношеніяхъ. „Свободное въ томъ смыслѣ, говоритъ Энгельсъ, что еще не существовало ограниченій, созданныхъ позднѣе обычаемъ. Отсюда, однако, вовсе не вытекаетъ для повседневной практики непремѣнное скрещиваніе безъ всякаго разбора. Временныя соединенія парамп никоимъ образомъ не исключаются; какъ и теперь, они въ групповомъ бракѣ составляютъ большинство случаевъ. И если Вестермаркъ, отрицающій въ послѣднее время существованіе такого первобытнаго состоянія, называетъ бракомъ всякое положеніе, когда оба пола остаются парамп до рожденія потомства, то можно сказать, что такого рода бракъ легко могъ происходить въ состояніи свободнаго общенія, не противорѣча свободѣ, т. е. отсутствію ограниченій полового общенія, созданныхъ обычаемъ“ **).

По мнѣнію Моргана изъ этой первоначальной формы полового общенія развилась семья, основанная на кровномъ родствѣ. „Здѣсь брачныя группы раздѣлены по поколѣніямъ: всѣ дѣдушки и бабушки въ границахъ семьи—общіе мужья и жены, точно такъ же, какъ и дѣти ихъ, т. е. отцы и матери, дѣти которыхъ образуютъ третій кругъ общихъ супруговъ, а дѣти послѣднихъ, значитъ, правнуки первыхъ, образуютъ слѣдующій кругъ. Такимъ образомъ, въ этой формѣ семьи только предки и потомки исключены изъ правъ и обязанностей (какъ мы выражаемся) брака. Родные и двоюродные братья и сестры первой, второй и дальнѣйшей степени между собой только братья и сестры и, именно поэтому, мужья и жены“. *Въ туналуальной семьѣ* братья и сестры исключаются изъ взаимныхъ половых сношеній. Такимъ образомъ, развитіе формъ половых сношеній состоитъ въ томъ, что кругъ, въ которомъ имѣются только половыя сношенія, суживается съ точки зрѣнія близкаго или отдаленнаго родства. Дальнѣйшее развитіе формъ брака насъ здѣсь не интересуетъ.

Эти воззрѣнія Моргана были оспариваемы. Недавно зоологъ Циглеръ попытался опровергнуть ученіе о свободномъ смѣшеніи половъ, какъ ложномъ ученіи социаль-демокра-

*) Происхожденіе семьи и т. д. Изд. третье. Стр. 12 нѣм. подлинн.

**) Ibid. Стр. 18.

товъ. Онъ пишетъ: „Уже въ древнѣйшія времена въ человѣческомъ родѣ существовала семья, основанная на моногаміи“ *). Согласно сообщеніямъ путешественниковъ, у чело-
вѣкоподобныхъ обезьянъ существуетъ моногамія, а такъ какъ чело-
вѣкъ происходитъ отъ обезьяны, то моногамія и у лю-
дей должна была быть естественной и первоначальной фор-
мой половыхъ сношеній. Циглеръ мечтаетъ о томъ, что „и
въ первобытномъ состояніи чело-вѣческаго рода существо-
вала сердечная семейная жизнь“. Онъ опредѣляетъ свободное
смѣшеніе такимъ образомъ, „что въ данномъ народѣ всякій
мужчина можетъ вступить въ половыя сношенія съ какой-
угодно женщиной и всякая женщина съ какимъ-угодно
мужиной; ни одинъ мужчина и ни одна женщина не живутъ
въ продолжительной связи и невозможно опредѣлить отца
дѣтей“. Такимъ образомъ, заключаетъ Циглеръ, свободное
смѣшеніе половъ есть не что иное, какъ всеобщая Prostitu-
ція. Эти строки собственно направлены противъ Энгельса,
но выше—цитатою изъ Энгельса—было показано, что послѣд-
ній отвергаетъ ученіе объ абсолютно свободномъ общеніи и,
наоборотъ, стоитъ за существованіе отдѣльныхъ паръ внутри
каждой естественной степени родства. Наоборотъ, рѣшительно
нельзя согласиться съ Бебелемъ, когда онъ исходитъ изъ
того положенія, что всѣ мужчины жили въ многоженствѣ, а
всѣ женщины—въ многомужествѣ. И Морганъ, кажется,
того мнѣнія, что въ первоначальной стадіи дикаго состоянія
общеніе мужчинъ и женщинъ въ предписанныхъ границахъ
составляло ядро общественной системы **). Каковы были
эти границы, онъ, къ сожалѣнію, не указалъ.

Также относительно семей, основанныхъ на кровномъ
родствѣ, Морганъ полагаетъ, что внутри такихъ группъ „всѣ
сочлены состояли въ бракѣ другъ съ другомъ ***), или что
многія сестры имѣли общихъ мужей, а многіе братья—об-
щихъ женъ ****). Энгельсъ же, наоборотъ, относитъ свободное
смѣшеніе половъ лишь къ степенямъ родства и отличаетъ
отъ этого соединеніе въ отдѣльныя пары, существующее въ

*) Ziegler. Die Naturwissenschaft und die sozialdemokratische Theorie
Stuttgart. 1894. S. 40.

**) Die Urgesellschaft. u. s. w. S. 42.

***) Ibid. S. 428.

****) Ibid. S. 331.

предѣлахъ болѣе или менѣе широкихъ круговъ родства. Въ пользу этого, повидимому, свидѣтельствуетъ и зоологія, такъ какъ человѣкообразныя обезьяны, хотя бы онѣ представляли отдѣльную вѣтвь общаго съ людьми ствола, обыкновенно живутъ болѣе или менѣе продолжительно отдѣльными парами. Зачѣмъ бы было первобытному человѣку переходить къ совершенно другой системѣ, для существованія и развитія которой нельзя привести никакихъ основаній? Свободныя половыя сношенія не касаются соединенія отдѣльныхъ лицъ въ пары, а только жизни парами именно внутри различныхъ круговъ родства. Здѣсь мы видимъ тотъ пунктъ, изъ котораго происходятъ, повидимому, всѣ заблужденія и ложныя толкованія относительно половыхъ сношеній въ первобытномъ обществѣ. Исходятъ изъ ложныхъ психологическихъ данныхъ. Не говоря уже о смѣхотворности искусственнаго перенесенія представленій нѣмецкаго профессора объ интимной семейной жизни и о проституціи цивилизованной эпохи въ жизнь первобытнаго общества, совершаютъ еще ошибку, объясняя отношенія первобытныхъ людей на основаніи нашихъ представленій вмѣсто того, чтобы принимать въ соображеніе представленія именно этихъ людей. Нельзя говорить о моногаміи и семьѣ обезьянъ, какъ было бы неумѣстно приписать животнымъ разумъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но лишь только ставится вопросъ, какъ дѣлающіяся людьми животныя приходятъ къ тому, что, посмотрѣвъ другъ на друга, говорятъ: ты—мой отецъ, ты—моя мать, ты—мое дитя и т. д., тогда вопросъ измѣняется и становится гораздо болѣе сложнымъ.

Психологическій рефлексъ физическаго родства въ душѣ первобытнаго человѣка это вопросъ болѣе глубокій, и отвѣтъ на него зависитъ отъ разрѣшенія общаго вопроса о происхожденіи міра представленій и его логическихъ законовъ въ примитивной душѣ первобытнаго человѣка. Тогда окажется, что эволюціонный рядъ браковъ Моргана, все болѣе и болѣе суживающій данный природой кругъ органическаго родства, осуществляется, какъ внутренній субъективный процессъ представленій и обусловленныхъ этими представленіями чувствъ, въ которыхъ духовно проявляются родственныя отношенія людей. Отличіе человѣческаго общества отъ животнаго именно въ томъ и состоитъ, что у

животныхъ имѣютъ мѣсто свободныя половыя сношенія на всѣхъ ступеняхъ родства, при чемъ безразлично, господствуетъ ли моногамія или полигамія, а человѣческая ступень начинается тогда, когда прекращается свободное сношеніе между родителями и дѣтьми, братьями и сестрами, и начинается развиваться семья, основанная на кровномъ родствѣ и затѣмъ пуналуальная семья. Ближайшія физиологическія и психологическія причины, приведшія къ такому исключенію близкихъ родственниковъ, намъ почти неизвѣстны. Можетъ быть, причиной этого былъ вредъ слишкомъ частаго полового сношенія между ближайшими родственниками; благодаря естественному подбору, исключеніе этихъ вредныхъ послѣдствій измѣнило формы брачной жизни и постепенно развило въ сознаніи человѣка представленіе о позорѣ кровосмѣшенія.

Сознаніе кровнаго родства представляетъ собой весьма сложный психическій процессъ и возможно только, какъ логически регулируемый ходъ представленій. Только психотехническое происхожденіе понятія о причинѣ сдѣлало возможнымъ такое сознаніе. Мы приписываемъ высшимъ животнымъ, именно обезьянамъ, почти смѣшную любовь къ своимъ дѣтямъ. Однако, и самая умная обезьяна не доходитъ до мысли: ты—мое дитя! Необходимо обратить серьезное вниманіе на это различіе, чтобы понять, какъ мало основательна прямая аналогія между животной и человѣческой семьей и какъ представленія о родствѣ, которыя основываются на переходѣ *физиологическаго* явленія въ *психологическое*, могутъ, постепенно развиваясь, проложить себѣ путь только въ обществѣ.

Съ этой точки зрѣнія весьма интересная книга Мукке *) объ „Ордѣ и семьѣ“ представляетъ собой весьма драгоценное дополненіе къ изслѣдованіямъ Моргана о первобытномъ обществѣ, такъ какъ она бросаетъ нѣкоторые свѣтъ на вопросъ о мірѣ представленій примитивной души первобытнаго человѣка. Мукке старается доказать, что въ первобытныя времена жизни людей „семья, какъ основанный на любви союзъ родителей и дѣтей, никогда не существовала“, но

*) J. R. Mucke. Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung. Stuttgart 1895.

что, съ другой стороны, наоборотъ, „не было ничѣмъ не стѣсняемаго полового смѣшенія, а былъ моногамическій бракъ“. Какъ, согласно Марксу, производство и воспроизведение людей, такъ, по Мукке, рожденіе и, слѣдовательно, родство организовали человѣческое общество въ первобытномъ его состояніи. Соединеніе въ орду основывалось на чувственной симпатіи, которая вызывала очень развитую солидарность. Соединеніе половъ совершалось съ помощью естественнаго выбора, безъ разумнаго размышленія или побужденій развитой фантазіи. Вслѣдствіе недостатка комбинирующей фантазіи существовало продолжительное однобрачіе. Непостоянство характера половыхъ сношеній принадлежало болѣе высокой ступени.

Родство, правда, опредѣляетъ расчлененіе въ ордѣ, но какъ появились въ душѣ первобытнаго человѣка представленія о родствѣ? Животныя семьи, какъ и стада, держатся вмѣстѣ, благодаря чувственной симпатіи; но какъ появляются тѣ духовныя явленія, которыя въ типической формѣ обуславливаютъ то отношеніе, которое мы обозначаемъ, какъ человѣческій бракъ, человѣческую семью и человѣческое общество, въ противоположность животнымъ отношеніямъ такого же рода? Мукке отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первобытномъ состояніи рожденіе и, слѣдовательно, родство обуславливаютъ *соединеніе* членовъ орды, конечно въ другомъ смыслѣ этихъ словъ, чѣмъ тотъ, въ какомъ ихъ обыкновенно употребляютъ, а именно—въ смыслѣ *пространственныхъ* отношеній. „Эта пространственная общность происхожденія, которая наполняетъ чувственную душу первобытнаго человѣка, это тожество, какъ сцены, такъ и области его созерцанія, даетъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ первобытнаго общества и доставляетъ основаніе, выясняющее продолжительное родовое сознаніе, существующее въ первобытное время“. Такимъ образомъ, не представленіе о кровномъ родствѣ служитъ основаніемъ полового расчлененія, такъ какъ здѣсь необходимы значительно развитыя представленія; этимъ основаніемъ является то обстоятельство, что „такъ какъ первые человѣческіе союзы—разсматриваемые, конечно, какъ союзы въ представленіи первобытнаго человѣка—были *пространственными союзами*, то и первыя человѣческія родст-

венныя связи были также пространственными“. Инстинктивное влеченіе побуждаетъ къ соединенію между собою особей, равныхъ по полу и возрасту. Дѣвочки пространственно соединялись съ дѣвочками, мальчики съ мальчиками, старые со старыми, молодые съ молодыми. Изъ созерцанія пространственнаго положенія близости и отдаленности возникло представленіе о пространственномъ родствѣ. Отдѣльныя группы происходили естественнымъ образомъ вслѣдствіе совокупленія и рожденія, но представленія первобытнаго человѣка о родствѣ первоначально были не половыя, а пространственныя. *Понятіе о поколѣтнн развилось изъ понятія о пространствѣ*. Общность жилища или мѣстопребыванія есть матеріальная причина первыхъ представленій о родствѣ, какъ это Мукке старается также показать на основаніи отношенія родства.

Эти отношенія пространственнаго родства должны объяснить основанную на кровномъ родствѣ малайскую семью Моргана, эту примитивную форму брачныхъ группъ. Мукке отвергаетъ, однако, мнѣніе Моргана, заключающееся въ томъ, что, такъ какъ дѣти называли „отцами“ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ своего отца, а „матерями“ родныхъ и двоюродныхъ сестеръ своей матери, то отсюда будто бы слѣдуетъ, что родные и двоюродные братья имѣли половыя сношенія съ родными и двоюродными сестрами. Родственныя названія вначалѣ обозначали не близость кровной связи, а только пространственную близость или отдаленность мѣстныхъ группъ. Въ первобытныя времена половыя сношенія долго были моногамическими. Но эти родственныя отношенія не были въ чувственныхъ представленіяхъ первобытнаго человѣка столь *дифференцированы*, чтобы родные и двоюродные братья отца и родныя и двоюродныя сестры матери могли быть названы особыми именами. Они *назывались* отцами и матерями, но на самомъ дѣлѣ ими не были *).

*) Душевная жизнь дѣтей вслѣдствіе филогенетической связи представляетъ аналогіи, выясняющія душевную жизнь *первобытнаго* человѣка. Маленькія дѣти, начинающія говорить, часто всякаго мужчину называютъ „папа“ и всякую женщину „мама“. Когда они становятся старше, они обыкновенно называютъ ихъ „дядя“ и „тетя“, пока, наконецъ, они изъ нихъ не выдѣляютъ дѣйствительныхъ дядей и тетокъ. Здѣсь осуществляется, конечно съ помощью родителей, сходное дифференцированіе представленій и названій, которыя въ исторіи духовной жизни первобытнаго человѣка постепенно развивались въ естественномъ процессѣ.

Мукке старается подтвердить свою гипотезу богатымъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ первобытной исторіи и филологін. Его психологическія воззрѣнія представляютъ высокій философскій интересъ для исторіи происхожденія человѣческаго сознанія. Изъ пространственнаго созерцанія смежности возникаетъ временное созерцаніе послѣдовательности. Гейгеръ какъ-то сказалъ, *что мышленіе ни само по дѣлѣ есть второе зрѣніе*, что безъ чувства зрѣнія невозможно воспріятіе причинной связи. Въ то время какъ изъ области органически чувственныхъ представленій и дѣйствій животнаго при посредствѣ зрительныхъ ощущеній развилось созерцаніе пространства, мѣстопробываніе первобытнаго человѣка въ связи съ общей дѣятельностью съ помощью орудій, т. е. трудомъ, развили въ примитивной душѣ представленія о духовныхъ отношеніяхъ.

Съ этой точки зрѣнія гипотеза Мукке представляетъ неопѣнимое дополненіе къ ученію историческаго матеріализма и, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, къ психотѣхническому ученію о развитіи, какъ оно было изложено въ предыдущей главѣ въ связи съ ученіемъ Гейгера, Каппа и Нуаре. Психофизика должна обратить вниманіе на отношеніе психики не только къ тѣлу индивидуума, но также и къ тѣламъ его ближнихъ. И человѣкъ представляетъ для другого человѣка орудіе, къ которому его внутреннее представленіе должно относиться, какъ къ чувственному предмету. Поэтому, социальная психофизика есть необходимое завершеніе индивидуальной психологін.

В. Органическій и социальный подборъ.

Какъ ошибочно примѣнять прямо органическія аналогіи къ социальному и духовному міру, такъ нельзя переносить специфически человѣческія представленія на органическій, міръ. Мы старались избѣгать этой ошибки при изложеніи связи между организмомъ и обществомъ, а также при изложеніи первобытной исторіи семьи. Но особенно важно такое критическое отношеніе при рѣшеніи послѣдняго вопроса, который ставитъ намъ связь между природой и культурой, и который заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать и опредѣлить отношеніе органическаго подбора къ социальному, т. е.

разрѣшить вопросъ о томъ, насколько естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе въ культурной исторіи человѣческаго общества можетъ быть разсматриваемъ, какъ средство къ прогрессу и усовершенствованію.

Но прежде чѣмъ сравнивать между собою органическій и социальный подборъ, необходимо подвергнуть болѣе подробному изслѣдованію самое понятіе объ органическомъ подборѣ, такъ какъ мы видѣли, что дарвинисты-соціологи не только часто переносятъ механически органическое понятіе о естественномъ подборѣ на человѣческія отношенія, но и этотъ органическій естественный подборъ примѣняли слишкомъ схематически и шаблонно ко всему пестрому многообразію органическихъ формъ; между тѣмъ, уже одинъ фактъ разнообразія организмовъ и ихъ условій существованія долженъ быть указать на то, что у отдѣльных видовъ самый принципъ естественнаго подбора претерпѣваетъ особыя измѣненія.

Выраженіе „борьба за существованіе“ было употреблено Дарвиномъ въ переносномъ смыслѣ. Оно обозначаетъ тотъ фактъ природы, что всякое органическое существо само старается поддержать свою жизнь, само служитъ себѣ цѣлью, и что въ поддержаніи своей жизни, и въ болѣе широкомъ смыслѣ, при своемъ размноженіи, оно вступаетъ въ состязаніе съ другими существами, при чемъ въ общемъ побѣждаетъ и выживаетъ наиболѣе приспособленный, въ особенности обладающій болѣе сильной организаціей. Но это поддержаніе своей жизни, въ болѣе широкомъ смыслѣ, означаетъ поддержаніе рода или вида, т. е. при прогрессивномъ измѣненіи, усиленіе организаціи,—вообще же происхожденіе новаго вида.

Если допустимъ предварительно, что этотъ общій біологическій законъ господствуетъ у всѣхъ живыхъ существъ, то слѣдуетъ все же различать растенія, животныхъ и людей, какъ носителей этой борьбы за существованіе. Эти три крупныя ступени органической жизни или вступаютъ другъ съ другомъ въ состязаніе, или предоставляютъ борьбу между собою отдѣльнымъ видамъ. *Формы борьбы за существованіе* различаются, смотря по тому, направлена ли эта борьба противъ внѣшнихъ силъ природы, или противъ другихъ видовъ. Или, наконецъ, она происходитъ между индивидами одного

и того же вида. Борьба может вестись *прямо* и *косвенно*, т. е. или организмы мѣряются силами другъ съ другомъ въ дѣйствительной борьбѣ, или какая-нибудь внѣшняя сила одинаково угнетаетъ обоихъ, приводя болѣе слабыхъ къ гибели.

Средства борьбы за существованіе состоятъ, прежде всего, въ организаціи существа, въ способности его фізіологическихъ силъ къ отправленіямъ и къ сопротивленію. Эти силы проявляются въ троякомъ направленіи: въ способности къ размноженію, въ измѣнчивости и въ вооруженіи внѣшними органами. Чѣмъ больше зародышей можетъ произвести данный видъ, или особь, и чѣмъ значительнѣе измѣнчивость этихъ зародышей, такъ что благодаря ей послѣдніе могутъ лучше дифференцироваться и приспособляться, тѣмъ больше преимущества ихъ въ состязаніи. Внѣшніе органы движенія и чувственныхъ воспріятій, въ особенности орудія защиты и нападенія, имѣютъ выдающееся значеніе въ процессѣ подбора. *Цѣль* борьбы за существованіе есть состязаніе за средства питанія, подъ которыми слѣдуетъ также разумѣть почвенныя и климатическія условія, затѣмъ борьба за совокупленіе и размноженіе и, наконецъ, какъ результатъ всей жизненной конкуренціи, *борьба за форму существованія того рода или вида*, ради котораго единичное животное способно жертвовать собою.

Въ то время, какъ такимъ образомъ осуществляется органическій подборъ въ борьбѣ за существованіе, мы видимъ, что съ началомъ специфически человѣческаго періода, въ исторіи живыхъ существъ являются *новыя формы*, новыя средства и новыя цѣли состязанія. Слѣдуетъ, поэтому, дать болѣе точную характеристику происхожденія и постановки этихъ средствъ и цѣлей въ общемъ процессѣ развитія природы.

Что касается новыхъ средствъ борьбы, то изслѣдованіе органа и орудія показало, что вмѣстѣ съ орудіемъ не явился абсолютно новый факторъ въ развитіи ни по функціи, ни по матеріалу, но орудіе означало только техническое развитіе и усиленіе органическихъ силъ. Чтобы отвѣтить на весьма важный вопросъ о томъ, какое вліяніе должно было оказать орудіе на органическій подборъ, необходимо обратить вниманіе, какъ на переходную ступень отъ органическаго къ соціальному подбору, на тотъ родъ подбора, который Гааке (Haake) называетъ *домационнымъ подборомъ* въ противоположность *конституціонному*. Гааке различаетъ выживаніе

обладающаго хорошимъ тѣлосложеніемъ, крѣпкаго индивида отъ выживанія хорошо одареннаго или наилучше вооруженнаго. Подъ конституціей тѣла Гааке подразумѣваетъ отношеніе тѣла къ общимъ химическимъ и физическимъ силамъ и воздѣйствіямъ внѣшняго міра. Подъ дотацией тѣла (dotare—одарять, снабжать) онъ, наоборотъ, подразумѣваетъ лучшее или худшее расчлененіе организма, болѣе легкое или затруднительное взаимодѣйствіе отдѣльныхъ органовъ, однимъ словомъ, свободный ходъ живой машины, но кромѣ того также и приспособленіе, подъ которымъ слѣдуетъ подразумѣвать явленія въ родѣ охранительной окраски и тому подобныя. Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ подборъ, зависящій отъ вооруженія въ широкомъ смыслѣ слова. Обитатели пустыни снабжены шерстью песочнаго цвѣта, полярныя животныя—шерстью бѣлаго цвѣта, и такія окраски въ большинствѣ случаевъ не могутъ быть созданы прямымъ приспособленіемъ органовъ, а только естественнымъ подборомъ. Странствующія крысы (пасюки), вытѣснившія нашихъ домашнихъ крысъ, побѣдили, можетъ быть, благодаря конституціи своего тѣла, но, вѣроятно, также благодаря лучшему своему вооруженію, значительной величинѣ тѣла и сильнымъ зубамъ. Птицы острововъ, неспособныя летать, плохо вооружены и поэтому были гораздо скорѣе истреблены людьми, чѣмъ способныя летать птицы тѣхъ же острововъ *).

Гааке далѣе объясняетъ, что для подбора внутри какого-либо вида, для борьбы за существованіе между индивидами одного и того же вида животныхъ или растений „дотация“ тѣла только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дать преимущество, именно потому, что различія между отдѣльными индивидами большею частью такъ ничтожны, что не могутъ быть приняты во вниманіе въ борьбѣ за существованіе. Нельзя допустить, чтобы былъ дотационный подборъ особей. И если бы онъ дѣйствительно происходилъ, то онъ не могъ бы послужить къ развитію организмовъ. Наоборотъ, нѣтъ сомнѣнія, что внутри вида господствуетъ конституціонный подборъ индивидовъ. *Дотационный подборъ имѣетъ мѣсто лишь между различными видами и расами*, такъ что въ подборѣ расъ происходитъ какъ конституціонный, такъ и дотационный подборъ.

*) W. Haacke. Gestaltung und Vererbung. 1893, стр. 73 и слѣд.

Это различіе между конституціоннымъ и дотаціоннымъ подборомъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на вліяніе *техническаго вооруженія* на подборъ первобытныхъ людей. Если понимать подъ дотаціей тѣла все внѣшнее вооруженіе механически дѣйствующими органами, то вооруженіе орудіями, понимаемое въ смыслѣ проекціи органовъ, приводитъ къ особому виду дотаціоннаго подбора, который имѣлъ мѣсто между человѣческимъ родомъ и состояющими съ нимъ, чуждыми ему организмами. Такъ какъ орудіе и все техническое вооруженіе не связаны неразрывно съ организмомъ, то слѣдствіемъ этого можетъ быть то, что *техническій подборъ* могъ еще менѣе вызвать физическій подборъ индивидовъ внутри человѣческаго общества, чѣмъ дотаціонный подборъ внутри какого-нибудь вида животныхъ, такъ какъ лучшее вооруженіе не необходимо соотвѣтствуетъ органической одаренности индивида и не наслѣдуется органически и прямо его потомками.

Но техническій, а также и конституціонный подборъ въ борьбѣ за существованіе во внѣшнихъ отношеніяхъ, когда *видъ* въ борьбѣ за существованіе разсматривается, какъ одна живая единица, представляетъ собой средство, необходимое для того, чтобы возвысить развивающійся родъ человѣческой надъ его противниками. Техническій подборъ привелъ къ выдѣленію человѣческаго рода изъ міра животныхъ, но онъ могъ только непрямо привести къ органическому подбору индивидовъ. Такъ какъ необдѣланный камень былъ недифференцированнымъ одинаковымъ орудіемъ, которое было подъ руками у всѣхъ представителей рода и, такимъ образомъ, въ среднемъ вооружалъ всѣхъ равномѣрно, то только чрезъ посредство конституціоннаго подбора такое вооруженіе, могло вызвать выживание наиболѣе приспособленныхъ. Здѣсь нельзя возразить, что все-таки кто-нибудь долженъ былъ первый употребить камень и этимъ получилъ большое преимущество передъ другими. Если это и правда, то такой періодъ предшествуетъ эпохѣ человѣка. Строеніе мускуловъ и костей руки человѣческой органически унаслѣдовано имъ отъ обезьяны, которая сама была уже способна хватать и бросать камни. Назначеніе человѣка заключалось въ томъ, чтобы данная природой функція руки усовершенствовать дифференцированіемъ орудій. Появленіе лучшаго технического во-

оруженія не есть прямое слѣдствіе конституціоннаго подбора индивидуумовъ, а болѣе сложный процессъ *соціального труда*, — созданная техникой форма борьбы за существованіе, направленной на внѣшній міръ. Штибелингъ, по-этому, справедливо замѣчаетъ: „Какъ животныя строятъ гнѣзда, роютъ норы и т. д., чтобы, съ одной стороны, защитить себя отъ непогоды, а съ другой стороны, обезопасить себя отъ нападеній своихъ природныхъ враговъ, такъ и люди, въ ихъ *нормальной борьбѣ за существованіе съ силами природы и съ враждебными или видами животныхъ*, были приведены къ изобрѣтенію оружія, орудій, одежды, жилищъ и т. д., благодаря голоду, холоду, наводненіямъ, дикимъ звѣрямъ, а не благодаря *нестественной борьбѣ за существованіе между собой* *). Техническое вооруженіе было свойствомъ рода, а не отдѣльнаго индивидуума, и все говоритъ за то, что чѣмъ глубже мы проникаемъ въ техническую исторію человѣка, тѣмъ равномернѣе оказывается вооруженіе орудіями борьбы. Въ постепенномъ развитіи процессъ подбора переходитъ съ человѣка на орудіе. Ру (Roux) отличаетъ подборъ органа отъ подбора особи; проекція органа превращаетъ подборъ органа въ подборъ орудій, которыя не связаны тѣлесно съ человѣкомъ, какъ органы, и потому не могутъ быть переданы потомкамъ посредствомъ органической наслѣдственности. Процессы приспособленія, дифференцірованія и усовершенствованія съ помощью подбора наиболѣе пригодныхъ орудій, осуществляются довольно постоянно въ исторіи развитія человѣческой техники, включая наиболѣе сложныя машины. На технику основывается хозяйственная работа, и на основаніи законовъ технического развитія создаются прогрессивныя ступени великихъ экономическихъ силъ соціального производства и распредѣленія богатствъ. Ихъ неимоверное самостоятельное могущество въ отношеніи къ волѣ человѣка нашло свое религіозное выраженіе въ представленіи о судьбѣ.

Слѣдуетъ полагать, что въ первобытныя времена техническое вооруженіе отдѣльныхъ индивидовъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ вызвало физическій подборъ и, такимъ образомъ,

*) Stiebeling. Sozialismus und Darwinismus. New-York 1879. S. 40. Ср. стр. 41 этой книги, гдѣ воззрѣнія Штибелинга полнѣе изложены.

постепенно образовало *психофизическій типъ человеческого рода*. Въ примитивныя времена тѣ способности людей, которыя усиливались въ борьбѣ съ помощью орудій, могли еще органически наслѣдоваться потомками. Но какъ только явился типъ человѣка и борьба за существованіе начала выражаться въ раздѣленіи труда и основанномъ на немъ техническомъ усовершенствованіи формъ соціального и экономического труда, тогда отступилъ на задній планъ органическій подборъ индивидовъ; усовершенствованіе стало проявляться въ техническомъ и экономическомъ вооруженіи и въ развивающемся, согласно законамъ психо-техническаго параллелизма, духѣ человѣческомъ, т. е. въ *техникѣ и интеллектѣ*. Это, повидимому, подтверждается и мнѣніемъ Кольманна, что европейскій человѣкъ со времени диллювіального періода не измѣнился ни въ своихъ остеологическихъ расовыхъ признакахъ, ни въ остеологическихъ отличіяхъ разновидностей. И Гэйкрафтъ говоритъ, что органическое развитіе основъ интеллекта съ того времени, какъ люди начали примѣнять въ первый разъ свои элементарныя свойства для защиты другъ противъ друга, до настоящаго времени не усилилось существенно *). Можно также привести свидѣтельство Дарвина, что въ самыя древнія времена, о которыхъ мы теперь вообще едва можемъ имѣть какія-нибудь свѣдѣнія, человѣческія расы настолько же или почти настолько же отличались другъ отъ друга, какъ въ настоящее время **). Но какъ только наступило органическое измѣненіе, то болѣе тонкое развитіе внутренней организаціи мозга, безъ сомнѣнія, усилилось сравнительно съ низшими видами.

Мы можемъ уже и здѣсь сдѣлать выводъ, освѣщающій великое различіе между органическимъ и человѣческимъ подборомъ индивидовъ и заключающійся въ признаніи того положенія, что подборъ животныхъ касается органовъ, тѣлесно связанныхъ съ животнымъ, т. е. результатъ подбора, выживаніе и наслѣдованіе наиболѣе приспособленныхъ въ борьбѣ за существованіе есть явленіе *органическое* и неразрывно связанное съ индивидомъ. У человѣка же подборъ раздѣляется внутри соціального общества на техническій и органическій под-

*) John B. Huxcraft. „Естеств. подборъ и улучшеніе расъ“ нѣм. перев. Leipzig 1895. S. 139.

**) См. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка.

боръ, которые въ отношеніи къ индивиду только случайно, а внутри общества необходимо связаны другъ съ другомъ. Общественный процессъ гораздо болѣе сложенъ, чѣмъ органическій, и не можетъ быть сравниваемъ съ нимъ прямо. Различать ихъ весьма важно для познанія индивидуальнаго подбора на различныхъ ступеняхъ общества, при чемъ слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на *экономическія отношенія*. Далѣе мы еще яснѣе увидимъ, какъ важно это различіе, съ точки зрѣнія естественной теоріи развитія, для сужденія о современной системѣ свободной экономической конкуренціи.

Дарвинъ, кромѣ естественнаго подбора, считалъ вліятельнымъ факторомъ развитія еще и половой подборъ и приписать ему появленіе, такъ называемыхъ, вторичныхъ половыхъ признаковъ, которые, въ своемъ великомъ многообразіи, отдѣляютъ на всѣхъ ступеняхъ животнаго міра самцовъ отъ самокъ. Оба выраженія, однако, не вполне точны, потому что половой подборъ такъ же естественъ, какъ и естественный подборъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Было бы, можетъ быть, лучше назвать первый *физическимъ* или еще лучше *экологическимъ* подборомъ. Подъ *экологіей* подразумѣвается ученіе о животной экономіи или, какъ говоритъ Геккель „ученіе о хозяйствѣ животныхъ организмовъ, ихъ отношеніяхъ къ органической и неорганической средѣ“. Такъ какъ въ „естественномъ“ подборѣ дѣло собственно идетъ о борьбѣ за питаніе, то этого рода подборъ скорѣе можетъ быть названъ вышеприведеннымъ терминомъ.

Дарвинъ, затѣмъ, старается показать, что въ человѣчествѣ всѣ вторичныя различія между мужчиной и женщиной, а также различія между человѣческими расами могутъ быть сведены къ половому подбору: „Отсюда, какое бы вліяніе ни имѣлъ половой подборъ при образованіи различій между племенами людей и между человѣкомъ и высшими четверрукими, это вліяніе должно было быть гораздо сильнѣе въ очень отдаленный періодъ, чѣмъ въ настоящее время, хотя вѣроятно, что оно не совсѣмъ еще потеряло свою силу и теперь“ *). Что половой подборъ, вслѣдствіе болѣе высокой степени развитія духовной природы человѣка въ ордѣ и вслѣд-

*) Дарвинъ. Происхожденіе человѣка.

ствіе появившеіся способности размышленія, превратился въ дѣйствительный индивидуальный выборъ, слѣдуетъ предположить заранѣе, принявъ во вниманіе развитіе логическаго сознанія. Мукке поэтому считаетъ свободный половой выборъ въ первобытныя времена психологически невозможнымъ. Вообще трудно опредѣлить, какое вліяніе имѣли на половой подборъ формы половыхъ сношеній, или, наоборотъ, какъ эти формы зависѣли отъ него. Однако, повидимому, твердо установлено, что *свободная индивидуальная половая любовь*, не слѣпо связанная условными правилами и нравственными предписаніями, есть психологическій продуктъ высшей культуры.

Относительно естественнаго подбора большею частью забывали, что кромѣ физическаго и полового подбора существуетъ еще психическій подборъ, играющій весьма важную роль именно у тѣхъ видовъ животныхъ, которыя обладаютъ дифференцированной нервной системой и соотвѣтствующимъ ей субъективнымъ сознаніемъ. Въ борьбѣ за существованіе вниманіе, смѣлость, терпѣніе, остроуміе, хитрость и т. д. составляютъ драгоцѣнное оружіе, часто болѣе драгоцѣнное, чѣмъ большая мускульная сила или большая способность размноженія. Такимъ образомъ, здѣсь долженъ происходить также и психическій подборъ такого рода, что психически болѣе одаренный выживаетъ, и его способности, если онъ несетъ въ себѣ соотвѣтствующія измѣненія зародыша, могутъ унаслѣдоваться его потомками. И именно развивающемуся человѣку въ особенности слѣдуетъ приписать хорошо развитыя психическія свойства, которыя и возвысили его надъ міромъ животныхъ. Происхожденіе человѣка въ основаніи своемъ есть *явленіе психическое*. На психическихъ свойствахъ основывается всякая социальность у животныхъ, которая посредствомъ инстинктивной симпатіи объединила ихъ стаи и стада. Соціальныя инстинкты Дарвинъ выводитъ изъ подбора ихъ въ борьбѣ за существованіе, а изъ нихъ, по его мнѣнію, развиваются моральныя свойства людей. Дарвинъ указываетъ на то, что и у животныхъ можно наблюдать борьбу между различными инстинктами, слѣдовательно, основу моральныхъ несогласій. Уоллесъ, правда, находитъ невозможнымъ, чтобы борьба за матеріальное существованіе могла вызвать высшія духовныя и моральныя свойства и такъ какъ онъ въ

извѣстныхъ ему силахъ природы не можетъ найти причины духовнаго прогресса, то онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ ненаучной гипотезѣ спиритуализма. Рѣшительно необходимо, однако, согласиться съ Уоллесомъ, что борьба за матеріальное существованіе индивида въ сущности никогда не могла и не сможетъ развити идеальныи духовныи міръ человѣка. Дарвинъ и Уоллесъ впрочемъ не замѣтили того, что борьба за существованіе въ мірѣ животныхъ не во всѣхъ случаяхъ обуславливалась матеріальной цѣлью, такъ какъ было доказано, что цѣль борьбы не всегда была направлена на питаніе и совокупленіе, но также и на *поддержаніе формы существованія и усиленіе видового типа*. Самое сильное и смѣлое животное могло въ борьбѣ съ другими животными жертвовать жизнью, даже не обладая идеальнымъ сознаніемъ человѣка, а руководствуясь однимъ инстинктомъ самосохраненія, основаннымъ на законахъ природы—инстинктомъ, который при опредѣленныхъ условіяхъ борьбы приводилъ къ сохраненію рода.

Буше (Bouchez) замѣтилъ, что въ мірѣ животныхъ индивидуальная борьба могла или должна была происходить параллельно съ борьбой рода *). Но означаетъ ли это для *отдѣльнаго* животнаго борьбу за матеріальное существованіе? Спенсеръ приписалъ и животнымъ нравственный законъ, т. е. жизненный законъ вида. Въ усовершенствованіи животныхъ видовъ мы можемъ видѣть явленія, аналогичныя этическимъ дѣйствіямъ людей. Но для того, чтобы изъ этихъ инстинктивныхъ, основанныхъ на законѣ природы, явленій могло развитися идеальное сознаніе человѣка, духовныи родовой типъ, необходимо было вліяніе еще двухъ факторовъ: психическаго общенія и дѣятельности съ помощью орудій. Соціальныи инстинктъ симпатіи приводилъ къ общимъ интересамъ животныхъ стадъ. къ взаимной помощи и общей борьбѣ съ окружающимъ. Непосредственная индивидуальная борьба внутри союза, будь это въ семьѣ или въ стадѣ, ослабляется. Но соціальное сожителство и борьба за поддержаніе рода еще не однозначущи съ нравственностью и совѣстью. Только тогда, когда въ чувственной душѣ человѣка пробудилось, благодаря техническому труду, логическое понятіе причины, — тогда изъ симпатіи и

*) Сравни стр. 49.

инстинктивныхъ усовершенствованій могли развиваться объективное общее знаніе и познаніе, законы котораго отражаются въ мысли и рѣчи. И Дарвинъ понимаетъ, что моральное развитіе не составляетъ результата физическаго подбора, когда говоритъ относительно родовой морали низшихъ народовъ: „Кто готовъ скорѣе жертвовать своею жизнью, чѣмъ предать своихъ товарищей, какъ это наблюдалось у нѣкоторыхъ дикарей, тотъ зачастую не оставитъ потомковъ, которые унаслѣдовали бы его благородную натуру“. Его побуждали къ тому хвала и порицаніе товарищей. Онъ вліялъ на другихъ своимъ примѣромъ, своимъ духовно-нравственнымъ дѣяніемъ. Подобнымъ же образомъ выражается и Кирхгоффъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ люди соединились въ государства для взаимной защиты, а польза подобныхъ союзовъ вытѣснила неорганизованные народы въ самые незavidные края и страны, въ родѣ Сахары и полярныхъ пустынь, съ этихъ поръ стали *восхвалять такіа дѣянія, которыя совершались изъ самоотверженія ради товарищества*. Кто, не боясь смерти, бросался на копья своихъ враговъ за собратьевъ, тотъ, разумѣется, не оставлялъ послѣ себя самоотверженность, какъ тѣлесное наслѣдство, своимъ потомкамъ, но у него было *высшее духовное потомство*: кто видѣлъ его геройскій поступокъ, слышалъ о немъ въ пѣснѣ или историческомъ разсказѣ, того онъ побуждалъ къ подражанію тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше его душа“ *).

Дарвинъ указываетъ также, что развитіе нравственности стремится выйти за предѣлы расовыхъ различій и доразвиться до идеи гуманности. Онъ, въ противоположность многимъ поверхностнымъ „дарвинистическимъ“ теоретикамъ морали, не боролся съ гуманностью и не представлялъ ее слабостью и глупостью, а понималъ нравственные качества въ томъ же смыслѣ, какъ и ученіе Христа и философію морали Канта. Если теперь подвести итогъ всему сказанному, мы найдемъ слѣдующія существенныя различія между органическимъ и социальнымъ подборомъ.

Развитіе общественной жизни человѣка такъ же подчинено біологическимъ законамъ дифференцированія, приспособленія, подбора и т. д., какъ и развитіе органической жиз-

*) A. Kirchhoff. Darwinismus in der Völkerentwicklung. Nord und Süd Dezember 1884. S. 376.

ни. Но главное различіе заключается въ томъ, что къ силамъ органическимъ присоединяются техническія орудія, т. е. не индивидуальныя, отдѣленныя отъ организма силы, препятствующія дѣйствію закона органическаго подбора индивидовъ, органическаго наслѣдованія и совершенствованія.

Законъ подбора органовъ и организмовъ переходитъ на техническія орудія такимъ образомъ, что орудія, въ свою очередь, дифференцируются, приспособляются къ новымъ цѣлямъ и производятъ, разумѣется черезъ посредство людей, новыя высшія формы. И въ исторіи орудій существуетъ постоянство формъ. Лафаргъ въ этомъ смыслѣ правъ, говоря, что совершенствованіе и истинная борьба за существованіе происходятъ не между людьми, а между ихъ искусственными органами.

Общіе біологическіе законы одинаково господствуютъ и въ развитіи духовной жизни. Когда говорятъ о борьбѣ идей, о подборѣ и совершенствованіи ихъ посредствомъ критики, утвержденія и отрицанія, то это не только внѣшнее образное выраженіе. И духовная исторія чловѣка становится относительно-самостоятельнымъ міромъ причинъ и дѣйствій, гдѣ духовныя формы производятъ изъ себя новыя формы.

На этомъ основаніи экономической и духовный подборъ не означаетъ непременно подбора духовно и экономически способнѣйшихъ людей, такъ какъ техническія и духовныя силы связаны не съ индивидуальнымъ организмомъ, а съ органическимъ процессомъ всего общества. Благодаря этому, образъ дѣйствія соціального подбора становится гораздо сложнѣе, чѣмъ у органическаго; этимъ же дается возможность уничтоженія первоначальнаго параллелизма между индивидуальнымъ самосохраненіемъ и сохраненіемъ рода.

Подборъ личностей и расъ принимаетъ новый характеръ. Совершенствующій подборъ не совпадаетъ непременно съ органическимъ воспроизведеніемъ и наслѣдованіемъ. Часто побѣждаетъ не наилучше организованный, а наилучше вооруженный, такъ какъ нѣтъ необходимой зависимости между лучшей организаціей и лучшимъ вооруженіемъ; наоборотъ, часто дурной или слабый наслѣдуетъ хорошее экономическое вооруженіе, а хороший и сильный, несмотря на свои богатыя органическія способности, безъ оружія и орудія безпощадно погибаетъ въ борьбѣ за существованіе, между тѣмъ какъ

побѣдитель можетъ передать по наслѣдству свои дурныя качества и слабости.

Это и есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ вырожденія.

Избранные индивиды расы иногда продолжаютъ жить не въ лицѣ своихъ дѣтей, а въ своихъ дѣянїяхъ. Люди приходятъ и уходятъ, народы поднимаются и падаютъ. Они вносятъ вкладъ въ *дѣло культуры человечества* и за это получаютъ свое счастье, свою славу. Гдѣ фیزیологическіе потомки грековъ? Они имѣютъ только духовныхъ сыновей и продолжаютъ производить духовное потомство. Возражали, что если бы естественный подборъ, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе, то греки должны были достигъ еще высшаго развитія, увеличиться въ числѣ и населить всю Европу. На это отвѣтилъ уже Дарвинъ: „Западныя націи Европы, превосходящія теперь неизмѣримо своихъ дикихъ родоначальниковъ и стоящія на вершинѣ цивилизаціи, обязаны весьма мало или даже вовсе не обязаны своимъ развитіемъ прямому наслѣдству отъ древнихъ грековъ; но они очень много обязаны литературному наслѣдству этого замѣчательнаго народа“ *).

Этимъ я заканчиваю теоретическое изслѣдованіе зависимости между естественной исторіей и социальнымъ познаніемъ. Мною были рассмотрѣны если не всѣ, то важнѣйшія точки зрѣнія. Если многое и кажется гипотетичнымъ, то не надо забывать, что въ этой темной и запутанной области познанія даже гипотеза является научной заслугой. Изложивъ, такимъ образомъ, отношеніе естественно-научнаго ученія о развитіи къ теоретической основѣ современнаго научнаго социализма, къ историческому и экономическому матеріализму, необходимо еще рассмотреть отношеніе дарвинизма къ вопросамъ социальной политики—въ особенности же къ практическимъ требованіямъ социализма.

*) Происх. чел.

ГЛАВА VII.

Дарвинизмъ и задачи соціальной политики.

1. Историческій подборъ въ расовой борьбѣ.

Съ появленіемъ человѣка, на арену міровой борьбы выступаетъ новая жизненная среда—исторія и общество.

Хотя въ наукѣ и говорится о естественной исторіи и обществахъ животныхъ, но сами животныя не сознаютъ своей исторіи и своего общества. Въ этомъ заключается основное различіе, вслѣдствіе котораго органическій подборъ превращается въ подборъ соціальный и историческій; послѣдній даетъ начало тому процессу развитія жизни, который, по своей относительной противоположности съ естественной исторіей, можетъ быть названъ *культурою*.

Существуютъ лишь болѣе или менѣе правдоподобныя догадки о томъ, гдѣ и когда возникъ человѣческій родъ; точно такъ же неизвѣстно достоверно, происходитъ ли человѣкъ отъ одного или нѣсколькихъ до-человѣческихъ видовъ. Поскольку позволяетъ намъ наше историческое сознаніе, и поскольку наука проникла въ доисторическія времена, мы вездѣ находимъ человѣка устойчивымъ органическимъ существомъ, но раздѣленнымъ на отдѣльныя племена и расы; эти племена и расы, хотя и отличаются другъ отъ друга нѣкоторыми особенностями, однако, въ общемъ представляютъ одинъ физическій и духовный типъ.

На всемъ протяженіи, доступномъ нашему историческому и научному изслѣдованію, мы находимъ борьбу племенъ и народовъ изъ-за земли, пропитанія и господства, а потому возникаетъ вопросъ объ отношеніи дарвинизма къ *исторіи народовъ* и о томъ направленіи, въ которомъ дѣйствуетъ

естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе между племенами и расами. Съ наступленіемъ культурнаго періода, когда существованіе человѣка ограждается отъ нападеній враждебныхъ ему животныхъ, борьба съ внѣшнимъ міромъ перестаетъ играть главную роль. Зато, на почвѣ внутренней борьбы—борьбы людей между собой—возникаютъ новыя и болѣе важныя противоположности интересовъ, и расы противостоятъ другъ другу, какъ бы различные виды. Процессъ подбора повторяется въ болѣе узкой, но высшей формѣ жизни—въ борьбѣ человѣка съ человѣкомъ. „Когда процессъ развитія, говоритъ Іосифъ Мюллеръ, доходитъ до человѣка, который обладаетъ извѣстными отличительными, одному лишь ему свойственными, признаками, съ этого момента отношеніе къ внѣшнему міру перестаетъ быть рѣшающимъ факторомъ дальнѣйшаго развитія; такимъ факторомъ становятся теперь отношенія *человѣка къ человѣку*. Человѣкъ, послѣ того какъ продолжительный процессъ развитія вооружилъ его превосходнымъ искусственнымъ оружіемъ, достигаетъ господства надъ прочими видами животныхъ. У него остается только *одинъ врагъ, равный ему по силѣ—другой такой же человѣкъ*; онъ не знаетъ болѣе никакого правового ограниченія въ территоріи, на которой онъ добываетъ себѣ пропитаніе, кромѣ взаимнаго ограниченія среди людей. Отсюда возникла борьба за существованіе непосредственно между отдѣльными представителями человѣческаго рода, а также между отдѣльными обществами: такой борьбы, какъ неизбежнаго и постояннаго явленія, не знаютъ прочіе виды животныхъ. Эта непосредственная борьба за существованіе, которую ведутъ скорѣе помощьюъ психическихъ средствъ (улучшеніе оружія, прочность организованныхъ боевыхъ союзовъ и т. д.), чѣмъ помощьюъ физическихъ орудій, почти равныхъ для всѣхъ членовъ одного и того же вида, имѣетъ слѣдствіемъ особенно быстрый и сильно дѣйствующій подборъ, именно подборъ психическій *). Интересно, что Мюллеръ считаетъ первобытное техническое вооруженіе факторомъ видоваго подбора и полагаетъ, что этотъ факторъ далъ человѣку господство надъ всѣмъ органическимъ міромъ.

*) Jos. Müller. Ueber Ursprung und Heimat des Urmenschen. Stuttgart 1894. S. 56. (О происхожденіи и родинѣ первобытнаго человѣка).

Только съ наступленіемъ этого господства начинается внутри человѣческаго рода соціально-историческій подборъ въ расовой борьбѣ. Однако, дальнѣйшее развитіе, въ основѣ котораго лежали внутреннія отношенія людей, на низшихъ ступеняхъ заключалось не въ индивидуальной борьбѣ за существованіе, а въ борьбѣ *между группами людей, ордami, племенами и расами*; свободная индивидуальная конкуренція есть продуктъ новѣйшей исторіи. Соціальный подборъ, поэтому, зависитъ прежде всего отъ количественнаго и качественного дифференцированія, происходящаго внутри человѣческаго рода. Но подборъ, *происходящій внутри человѣческаго рода, весьма различенъ на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія*. Онъ зависитъ не только отъ органическаго строенія ордъ, племенъ и расъ, но также, и притомъ въ значительной степени, *отъ технического вооруженія, хозяйственнаго строя и умственныхъ и нравственныхъ силъ* этихъ человѣческихъ группъ; въ силу этого условія и результаты борьбы и подбора не вездѣ и не всегда равномѣрны. Очень важно, при опредѣленіи вліянія естественнаго подбора внутри человѣческаго рода, различать это разнообразіе условій и результатовъ борьбы. Заслуга Шеффле состоитъ именно въ указаніи того обстоятельства, что каждая эпоха имѣетъ свои формы соціального подбора. Еще Альфонсъ де-Кандолль *) пытался установить условія, при которыхъ на различныхъ ступеняхъ общественной культуры имѣетъ мѣсто соціальный подборъ людей. У дикихъ народовъ физическія условія подбора слѣдующія: зоркость зрѣнія, тонкій слухъ, крѣпкая мускулатура, выносливость относительно холода, жары, сырости и голода; съ умственной и нравственной стороны эти условія таковы: умъ, благоразуміе, проницательность, краснорѣчіе, ловкость въ охотѣ и рыболовствѣ и т. д.

Де-Кандолль изслѣдуетъ эти условія у народовъ въ варварскомъ и цивилизованномъ состояніи, но онъ забываетъ объ условіяхъ, вызываемыхъ *соціальною и экономическою организацией*: эти послѣднія, на ряду съ психическими особенностями, рѣшаютъ исходъ борьбы, ибо даютъ единичной личности и всей общественной эпохѣ техническое вооруженіе. Кромѣ

*) A. De-Candolle. Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles. Genève 1873. S. 335.

того социологи-дарвинисты забывают—и эта ихъ ошибка особенно важна,—что прогрессъ культуры идетъ по тремъ направлѣніямъ, а именно, онъ распадается на прогрессъ духовно-нравственныхъ идей, прогрессъ техническихъ произведеній и прогрессъ психо-физическаго строенія человѣческой особи. Первые два, какъ замѣтилъ Уоллесъ, это, главнымъ образомъ, *процессы накопленія*. Въ нихъ выражается сумма культурныхъ благъ; эти блага, какъ историческое наслѣдство, состоящее изъ экономическаго и духовнаго имуществва, переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому. Но такое историческое наслѣдство выходитъ за предѣлы *органическаго* наслѣдованія индивидуальныхъ силъ, т. е. за предѣлы того наслѣдованія, которое *одно только* имѣетъ мѣсто у животныхъ: отдѣляясь отъ организма индивидуума, это историческое наслѣдство дѣлается функціей общественнаго организма.

Это различіе, въ основаніи котораго лежитъ логическая и техническая дѣятельность человѣка, создаетъ противоположность между естественной исторіей животныхъ и исторіей культуры людей. Какая же судьба постигаетъ всю вообще природу человѣка въ культурно-историческомъ процессѣ? Происходитъ ли тутъ органическое совершенствованіе, увеличивается ли индивидуальная производительность, развиваются ли сила мышленія, нравственные начала и вообще всѣ тѣ свойства, которыя характеризуютъ типъ идеальнаго человѣка? Исслѣдованія въ этой области указываютъ, повидимому, на то, что органическое строеніе человѣка очень мало измѣнилось со времени ледниковой эпохи; однако, эти указанія касаются лишь внѣшнихъ очертаній человѣческаго скелета. Что касается нервной системы, то слѣдуетъ признать безспорнымъ положеніе, что она подверглась болѣе тонкой органической дифференцировкѣ; это справедливо особенно относительно мозга, хотя, конечно, не слѣдуетъ придерживаться грубыхъ представлений, будто величина и форма мозга измѣняются безусловно параллельно измѣненію его продуктивной способности.

Указанныя внутреннія психо-физическія дифференцированія и внутреннія усовершенствованія коснулись какъ отдѣльной личности, такъ и всей господствующей расы. Слѣдовательно, мы приходимъ къ убѣжденію, что въ социаль-

номъ процессъ имѣеть мѣсто и органическое развитіе, которое, однако, не можетъ быть опредѣлено путемъ внѣшнихъ измѣримыхъ различій, на примѣръ, путемъ измѣренія череповъ, такъ какъ наши методы изслѣдованія еще слишкомъ грубы для того, чтобы мы могли уяснить себѣ тотъ тончайшій процессъ дифференцірованія, который происходитъ во внутреннемъ строеніи мозга.

Говоря о прогрессѣ человѣческаго рода, слѣдуетъ имѣть въ виду то утвержденіе естествоиспытателей, что медленное развитіе органической жизни потребовало почти неизмѣримаго періода времени. Кругъ историческихъ фактовъ цивилизаціи занимаетъ весьма ограниченный періодъ времени, а потому трудно говорить о сколько-нибудь значительномъ прогрессѣ въ теченіе немногихъ тысячъ лѣтъ.

Особенности, характеризующія человѣка какъ отдѣльный видъ, въ существенныхъ чертахъ остаются одинаковыми и у представителя низшей расы — папуаса, и у благороднѣйшаго представителя бѣлой расы. Законы логическаго мышленія, моральныя и эстетическія отправления остались, по своимъ формальнымъ законамъ, одними и тѣми же у всѣхъ тѣхъ существъ, которыхъ мы называемъ „людьми“, хотя мелкія частности и подвергались нѣкоторому усовершенствованію.

Правда, начиная съ низшихъ ступеней развитія, способности людей количественно увеличились, и духовная сила бѣлой расы стоитъ безусловно выше, чѣмъ у всѣхъ другихъ расъ. Тѣмъ не менѣе, хотя человѣческій родъ, какъ цѣлое, и подвинулся значительно впередъ, возникаетъ вопросъ, *увеличилась ли производительность отдѣльной личности?* Отдѣльная личность имѣетъ теперь болѣе широкій запасъ знаній, чѣмъ раньше, но лишь благодаря тому, что цивилизація представляетъ изъ себя культурную почву, возникшую какъ результатъ раздѣленія труда и совмѣстной соціальной дѣятельности, почву, на которой великій человѣкъ воздвигаетъ зданіе своихъ идей. Трудно сказать, увеличилась ли по количеству и размѣрамъ органическая сила и производительность геніевъ и талантовъ, ибо мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи сравнительно малый промежутокъ времени, занимаемый исторіей цивилизаціи. Вопросъ становится болѣе яснымъ, если его сузить и сравнивать таланты и геніи нѣм-

цевъ, французовъ и англичанъ съ талантами и геніями не древнихъ грековъ, а собственныхъ предковъ только что названныхъ народовъ: такъ какъ мы развились изъ состоянія варварства, то, очевидно, невозможно отрицать увеличеніе духовной силы какъ отдѣльнаго великаго человѣка, такъ и людей дюжинныхъ. Всякое сужденіе о прогрессѣ культуры (мы не должны забывать здѣсь о критической точкѣ зрѣнія) зависитъ отъ *цѣли*, которую приписываютъ развитію человѣчества. Но такъ какъ изслѣдователи не согласны другъ съ другомъ на счетъ этой цѣли, то и взгляды ихъ на прогрессъ человѣчества крайне противорѣчивы.

Какъ органическій, такъ и духовный и техническій прогрессъ обнаруживается не на изолированномъ отдѣльномъ человѣкѣ, но въ социальномъ строѣ и въ предѣлахъ определенныхъ общественныхъ учрежденій. При самомъ своемъ возникновеніи, въ древнѣйшія эпохи существованія человѣческаго рода, социальная группа, по своему происхожденію, была группой органической: ордой, племенемъ или расой. Насколько намъ извѣстна исторія человѣческаго рода, послѣдній всегда дѣлился на расы; что же касается происхожденія расъ, этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы нашихъ историческихъ знаній. Исторія культуры есть исторія расъ и народовъ: это расовая борьба изъ-за территоріи, средствъ пропитанія и господства. Въ социальномъ мірѣ расовая борьба служитъ органической основой всякаго культурнаго историческаго развитія. Но эта борьба обусловлена не только фізіологическими силами борющихся,—ея дальнѣйшее направленіе зависѣло отъ географическихъ и экономическихъ причинъ. По Кирхгоффу существуетъ и „*теллурическій* *) *подборъ*“ народовъ, и въ свою очередь правъ Энгельсъ, когда онъ выставляетъ расу, какъ *экономическій* факторъ**). Въ определенный историческій моментъ фізіологическія силы могутъ имѣть рѣшающее значеніе, но въ нихъ косвенно проявляются географическія и экономическія причины, т. е. внѣшнія условія существованія и приспособленія. Когда напримѣръ, германцы столкнулись съ выродившимся

*) Отъ слова *tellus* земля; Кирхгоффъ подразумѣваетъ подъ этимъ вліяніе физическихъ условій земного шара.

**) *Der Soz. Akademiker*. 1 Jahrg. № 20, S. 373.

римлянами, какъ здоровая, полная жизненной силы раса, и побѣдили, то вѣдь ихъ органическая сила была еще раньше подготовлена географическимъ и техническимъ подборомъ. Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать то общее замѣчаніе, что приспособленіе расъ къ внѣшнимъ условіямъ существованія совершается не *прямо*, а черезъ посредство социальнаго и экономическаго процесса. Это замѣчаніе справедливо также по отношенію къ подбору расъ, и то, что называютъ *физиологическимъ истощеніемъ* народовъ, можно, въ концѣ концовъ, свести къ экономическимъ причинамъ.

Историки и социологи-селекціонисты разсматриваютъ борьбу расъ, какъ борьбу различныхъ животныхъ видовъ. Хотя борьба расъ и борьба животныхъ видовъ имѣютъ между собой нѣчто общее, но между ними есть и существенныя различія. На основаніи своихъ знаній объ историческомъ прогрессѣ человѣчества мы можемъ заключить, что въ человѣческомъ родѣ *естественный подборъ въ собственномъ смыслѣ слова больше уже не имѣетъ мѣста*. Основа теоріи Дарвина заключается въ томъ, что побѣждающій видъ вытѣсняетъ побѣжденных и даетъ начало высшей формѣ. Этотъ же принципъ, должно быть, дѣйствовалъ и при возникновеніи расъ, но та сторона развитія человѣчества, которую мы называемъ исторіей культуры, не подчинена его господству. Въ этотъ періодъ мы находимъ расовыя различія, какъ уже совершившійся фактъ природы. Племена вступаютъ въ культуру уже сложившимися и съ опредѣленными органическими способностями; эти способности въ дальнѣйшей исторіи не увеличиваются значительно, а только шире развиваются. При ихъ наличности развитіе культуры идетъ въ томъ направленіи, что расы вытѣсняютъ и уничтожаютъ другъ друга, при чемъ, однако, не было случая, чтобы одна раса дала начало такой физически высшей расѣ, которая была бы единственной носительницей прогресса. Физиологическая непрерывность не ограничивается только одной расой, народомъ или племенемъ, а *народы и расы растворяются во всемъ человечествѣ* и передаютъ высшей ступени культуры въ наслѣдство не болѣе одаренное потомство, а свои техническія и духовныя произведенія.

Такимъ образомъ, хотя подборъ народовъ, какъ носителей культуры, дѣйствительно происходитъ, но историческій

расовый подборъ не есть тотъ же принципъ, что и естественный подборъ животныхъ видовъ. *Въ природѣ подборъ и усовершенствованіе совпадаютъ, а въ культурѣ не совпадаютъ.* Мы должны расчленивъ понятіе совершенствующаго подбора на его двѣ составныя части. Усовершенствованіе означаетъ органическое унаслѣдованіе новыхъ и высшихъ свойствъ организма потомкамъ. Тутъ прогрессъ есть въ одно и то же время и размноженіе и унаслѣдованіе. Это органическое усовершенствованіе въ культурномъ процессѣ происходитъ, однако, не въ такомъ размѣрѣ, какъ въ развитіи животныхъ видовъ. Правда, и здѣсь, въ борьбѣ народовъ, происходитъ подборъ въ отношеніи силы и господства, но нѣтъ подбора, который сопровождался бы органическимъ усовершенствованіемъ. И это справедливо не только по отношенію къ борьбѣ народовъ, но и по отношенію къ *индивидуальной и классовой* борьбѣ, происходящей внутри социальныхъ группъ.

Сказанному выше не противорѣчитъ гипотеза Гобино *) о значеніи расы въ процессѣ развитія культуры. По гипотезѣ Гобино, „все великое, благородное и плодотворное въ человѣческихъ произведеніяхъ, наукъ и искусствахъ“ принадлежитъ только одной большой семьѣ народовъ, различныя вѣтви которой господствовали во всѣхъ благоустроенныхъ странахъ земного шара. Эта семья есть *блгая* раса, а въ ней особенно *арійская* вѣтвь, изъ которой, по Гобино, прежде всего возникла даже египетская и китайская (?) цивилизаціи. Конечно, это только гипотеза, но очень вѣроятная. Однако, Гобино преувеличиваетъ значеніе расы, утверждая, что прогрессъ и упадокъ народовъ не зависятъ отъ мѣстности, въ которой они живутъ, и совершенно не обращая вниманія на экономическій факторъ.

Къ области культурно-историческаго процесса относятся не только цивилизованные народы, но—если культуру понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, какъ противоположность естественной исторіи животныхъ—и такъ называемыя „дикія“ племена. Если исторія человѣческаго развитія основывается на борьбѣ народовъ, то надо различать три вида борь-

*) Gobineau. Essai sur l'inégalité des races humaines.

(Изслѣдованіе о неравенствѣ человѣческихъ расъ). Есть и нѣм. переводъ.

бы: борьбу дикарей съ дикарями, цивилизованныхъ народовъ съ дикими и, наконецъ, народовъ цивилизованныхъ другъ съ другомъ—борьбу „государствъ“, какъ обыкновенно ее называютъ. Причины и дѣйствія историческаго подбора въ этихъ трехъ видахъ борьбы различны.

Для большинства дикихъ народовъ борьба есть нормальное состояніе ихъ существованія. Здѣсь господствуетъ нужда, многимъ напоминающая условія жизни животныхъ, такъ какъ средства существованія добываются тутъ скорѣе грабительской и завоевательной борьбой, охотой и войной, чѣмъ хозяйственнымъ трудомъ. Здѣсь еще происходитъ физическій подборъ отдѣльныхъ личностей и племенъ и при томъ въ тѣхъ большихъ размѣрахъ, чѣмъ примитивнѣе оружія борьбы и хозяйственныя производительныя силы. На этой ступени организмъ особи еще имѣетъ значеніе, и подборъ можетъ повести къ его усовершенствованію. Здѣсь нѣтъ соціальной „панмикси“, такъ что физическое вырожденіе встрѣчается рѣдко. Близорукость, напримѣръ,—эта болѣзнь высшей ступени культуры—тамъ не существуетъ, ибо близорукій тамъ неспособенъ къ борьбѣ и тотчасъ устраняется естественнымъ подборомъ.

Это относится только къ тѣмъ дикимъ народамъ, на которыхъ еще не повліяла чужая высшая культура *).

Иной характеръ носитъ борьба между дикими и культурными народами, и только ослѣпленные дарвинисты могутъ видѣть въ ней господство закона естественнаго подбора. Уничтоженіе „дикарей“ народами высшей цивилизаціи при помощи пороха, водки, заразныхъ болѣзней и захвата земель есть явленіе, въ „необходимости“ котораго можно сильно усомниться. На землѣ хватило бы мѣста и нѣсколькимъ милліонамъ дикарей, если бы ихъ разумно и лишь въ цѣляхъ гуманности привлечь къ цивилизаціи и указать имъ соотвѣтствующій имъ кругъ дѣятельности въ области культурной жизни. Конечно, для этого потребовалась бы иная система ко-

*) Что бы ни возражали противъ принципа „естественнаго подбора“ въ другихъ областяхъ, въ ранніе періоды исторіи человечества онъ имѣлъ большое значеніе. „Сильнѣйшіе уничтожали слабѣйшихъ, насколько могли“. W. Bagehot (У. Бэджотъ). Происхожденіе народовъ. Исслѣдованіе вліянія естественнаго подбора и наследственности на образованіе политическихъ обществъ. (Есть русск. переводъ.).

лонизаціи; въ новыя части свѣта не слѣдовало бы посылать солдатъ, преступниковъ и миссіонеровъ, вмѣстѣ съ безсовѣстно эксплуатирующими новыя крайя торговыми компаніями, какъ бы для спасенія душъ бѣдныхъ дикарей или преподнесенія имъ цивилизаціи въ видѣ дара данайцевъ. Все это, однако, случилось; да и вообще въ человѣческой исторіи существуетъ столько нелѣпостей и насилій, что даже нѣтъ желанія нравственно возмущаться этой ненормальной борьбой за существованіе. Во всякомъ случаѣ, необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ выступить противъ старанія прикрыть злодѣйскую истребительную войну покровомъ естественной справедливости; нужно покончить съ болтовней, будто тамъ, гдѣ совершаются величайшія преступленія такъ называемыхъ цивилизованныхъ націй, происходитъ лишь „естественный подборъ“.

Нельзя также оправдать, съ точки зрѣнія „дарвинистической политики“, и войны между культурными народами. Самъ Дарвинъ былъ крайне остороженъ въ примѣненіи естественно-историческихъ принциповъ къ общественной жизни. „У высоко цивилизованныхъ народовъ непрерывный прогрессъ лишь до извѣстной степени зависитъ отъ естественнаго подбора, такъ какъ эти націи не вытѣсняють и не истребляють другъ друга, подобно племенамъ дикарей“ *). Дарвинъ отнюдь не считалъ борьбу моментомъ, способствующимъ повышенію расы; наоборотъ, въ ней онъ видѣлъ факторъ вырожденія. Гэккель **), исходя изъ этихъ же основаній, сначала тоже былъ противникомъ „военнаго подбора“, но потомъ предпочелъ просто вычеркнуть изъ своей книги „юношескія увлеченія“. ✓Новѣйшіе дарвинистическіе социаль-политики полагають, что очень легко оправдать войну съ точки зрѣнія естествознанія. Аммонъ умудрился вывести, что новобранцы, родившіеся въ военное время 1870—1871 гг. во Франціи и въ Германіи, были крѣпче другихъ сложены физически. Наоборотъ, Курелла ***), указываеь, что новобранцы во Франціи, родившіеся въ періодъ отъ 1812 по 1814 г.

*) Происхожд. челоѣка.

**) *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 5 Aufl. Berlin 1874. S. 153.

***) Ср. E. Ferri. *Sozialismus und moderne Wissenschaft*. Leipzig, 1895.

были самыми слабыми, а въ Германіи дѣти, родившіяся отъ 1871 по 1873 г., дали въ три раза большее число преступниковъ противъ обыкновенной нормы. Циглеръ *) доходитъ даже до слѣдующихъ утвержденій: „Хотя польза побѣды одного культурнаго народа надъ другимъ не столь очевидна, однако, можно доказать, что послѣ счастливой войны наступаетъ періодъ экономическаго подъема и всеобщаго процвѣтанія“. Это общее положеніе, возбуждающее столько сомнѣній, Циглеръ пытается подкрѣпить ссылкой на статистику, по которой число браковъ въ первые пять лѣтъ, слѣдовавшія за войной 1870—1871 г., повысилось на 18 процентовъ, а впослѣдствіи опять понизилось до своей прежней нормы. „Эти цифры показываютъ, что послѣдовавшій за войной періодъ экономическаго подъема коснулся всего народонаселенія“. Бернштейнъ **) по поводу этого чисто политико-экономическаго оправданія войны замѣчаетъ, что ровно черезъ три года послѣ заключенія мира великолѣпнѣе „экономическаго подъема“ уступило въ Германіи мѣсто экономическому кризису, въ то время какъ побѣжденной Франціи почти не коснулся кризисъ 70-хъ годовъ. Даже съ точки зрѣнія „дѣльцовъ“ побѣда теперь чуть ли не губительнѣе войны.)

Циглеръ считаетъ причиной войны „противоположность интересовъ крупныхъ общественныхъ группъ“. Это, однако, невѣрно, такъ какъ въ настоящее время „національныя противоположности различныхъ государствъ суть исключительно соціальныя противоположности различныхъ буржуазныхъ круговъ“ ***). Въ настоящее время вошло въ моду видѣть въ экономической и военной борьбѣ между современными культурными народами *расовую* борьбу. Но ни современные дикіе народы, ни извѣстные намъ народы доисторическаго періода не представляютъ такъ называемой чистой расы, а меньше всего таковой являются граждане современныхъ государствъ. Чистая раса—экономическая мечта, начало которой коренится въ расовомъ высокомѣріи. Государство не всегда совпадаетъ съ понятіемъ отечества, а за воображаемой расовой

*) Die Naturwissenschaft und die social-demokratische Theorie. Stuttgart 1894. S. 166.

**) N. Z. XII Jahrg. № 29. S. 74.

***) H. Lux. Socialpolitisches Handbuch. Berlin 1892. S. 236.

борьбой и борьбой за отечество часто скрывается замаскированная классовая борьба, всеобщая борьба господствующих классовъ изъ-за прибыли и капитала, и исходъ этой борьбы интересенъ имущимъ классамъ, а отнюдь не народнымъ массамъ *). Оказывается, что „дарвинизмъ“ не имѣетъ ничего общаго съ войнами культурныхъ народовъ; эти войны должны быть отнесены къ „анормальной борьбѣ за существованіе“ **).

Выяснивши, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ значеніе дарвинизма въ исторіи культуры и указавъ на условія человѣческаго подбора на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, мы подготовили рѣшеніе дальнѣйшаго вопроса, который въ настоящее время особенно часто подымается въ дарвинистической социологіи, а именно — какъ проявляется естественный подборъ въ современномъ общественномъ строѣ, т. е. при системѣ свободной экономической конкуренціи?

2. Борьба за существованіе и свободная экономическая конкуренція.

Взаимное отношеніе естественно-научнаго и социальнаго познанія таково, что послѣднее даетъ первому руководящую логическую нить для біологическихъ изслѣдованій, при чемъ естествознаніе уплачиваетъ свой долгъ социологіи со стократными процентами. Указанной руководящей нитью было экономическое понятіе свободной конкуренціи; буржуазные социологи, лишеныя критическаго чутія, перенесли этотъ исторически-обусловленный экономическій принципъ со всѣми его свойствами и недостатками на всю органическую природу, а потомъ опять примѣнили къ человѣческому роду, но уже въ обостренномъ и изуродованномъ видѣ.

Гэккель восклицаетъ съ пафосомъ: „Борьба частныхъ интересовъ, свирѣпствующая въ человѣческомъ обществѣ, есть только слабое проявленіе непрерывной и жестокой борьбы

*) Поучительна въ этомъ отношеніи и новѣйшая трансваальская война.

**) Въ статьѣ „Ueber den Einfluss der Naturwissenschaft auf das Recht“ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“. Bd. 1872. S. 269. Фиккъ называетъ войну причиной гибели, а милитаризмъ „родителемъ кагльк“.

за существованіе, которая господствуетъ во всемъ живомъ мірѣ“! *).

— Хорошо сказано! говорить, обыкновенно, люди, когда хотятъ показать, что ихъ не испугаешь. Напримѣръ, нельзя говорить о жестокой борьбѣ за существованіе въ растительномъ мірѣ; съ другой стороны, Уоллесъ указалъ, какую ошибку мы дѣлаемъ, когда приписываемъ животнымъ такіа душевныя состоянія и ощущенія, которыхъ у нихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. „Намъ причиняетъ страданіе одинъ видъ крови, видъ раздавленныхъ и разорванныхъ на части членовъ, а уже одно представленіе о тѣхъ мученіяхъ, которыя должны были быть испытаны при этомъ, терзаетъ наше сердце. Мы испытываемъ ужасъ при одной мысли о внезапной насильственной смерти, ибо при этомъ у насъ возникаетъ рядъ мыслей о погибшей жизни, полной неисполнившихся надеждъ, о неосуществившихся мечтахъ умершаго, о горѣ близкихъ ему людей. Всего этого совершенно нѣтъ у животныхъ, для которыхъ быстрая насильственная смерть во всѣхъ отношеніяхъ лучше всякой другой. Въ общемъ, слѣдовательно, мы можемъ сказать, что то представленіе о борьбѣ за существованіе, которое мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, и которое преисполнено однихъ только бѣдствій и страданій, соответствуетъ не дѣйствительности, а чему-то ей противоположному. Дѣйствительность даетъ возможно большую сумму жизни и радостей и возможно меньшую сумму страданій и боли. Признавъ разъ на всегда неизбѣжной необходимость смерти и размноженія—а безъ этого органическій міръ не могъ бы прогрессивно развиваться—трудно даже мысленно построить систему, которая давала бы больше радости и счастья“ **). Уоллесъ присовокупляетъ, что животныя менѣе чувствительны къ голоду, холоду, смерти и ужасу, чѣмъ люди. Дарвинъ высказываетъ подобный же взглядъ: „Размышляя объ этой борьбѣ, мы можемъ утѣшать себя мыслью, что война, которую ведетъ природа, имѣетъ свои перерывы, что она не сопровождается ужасами, что обыкновенно смерть разить быстро, что сильные, здоровые и

*) Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. 1892.

**) Wallace. Darwinism (Есть нѣм. и русск. переводы).

счастливые выживают и размножаются“ *). Кто испыталъ неожиданную опасность, угрожавшую жизни, тотъ знаетъ, какое равнодушіе овладѣваетъ человѣкомъ въ подобныхъ случаяхъ вслѣдствіе первой подавленности. Хирургамъ хорошо извѣстно состояніе „шока“ **), часто испытываемое тяжело ранеными людьми. На низшихъ ступеняхъ культуры внезапная смерть и физическая боль сами по себѣ кажутся человѣку не такими ужасными, какъ для тонко организованной души цивилизованнаго человѣка. Насколько же незначительны должны они быть въ примитивной душевной и нервной жизни животныхъ, недоступной никакимъ высшимъ мыслительнымъ актамъ.

Но дарвинистическіе соціологи любятъ, повидимому, описывать природу страшными красками, въ видѣ ужасной картины, чтобы затѣмъ находить жизнь буржуазнаго общества еще болѣе пріятной. У нихъ есть еще одно обыкновеніе: видѣть въ принципѣ свободной экономической конкуренціи всеобщій и вѣчный законъ природы, хотя, на самомъ дѣлѣ, эта конкуренція есть пріобрѣтеніе современной эпохи, пріобрѣтеніе, которому нѣтъ еще и ста лѣтъ. Они смѣшиваютъ свободу конкуренціи съ біологическимъ принципомъ борьбы за существованіе, принимающимъ различныя формы въ зависимости отъ степени развитія организмовъ. Въ виду этого, стоитъ дать краткій историческій обзоръ ученій о системѣ свободной конкуренціи.

Экономическая свобода личности есть частное проявленіе великаго освободительнаго движенія, господствовавшего съ конца среднихъ вѣковъ въ историческомъ развитіи религіозной, научной и общественной жизни и не достигшей еще всѣхъ своихъ цѣлей. Экономическая свобода развивалась какъ противоположность государственной опекѣ, сословнымъ привилегіямъ и ограниченіямъ феодальнаго общественнаго строя. Свобода торговли и промышленности была необходимымъ слѣдствіемъ важныхъ экономическихъ переворотовъ. Открытіе новыхъ частей свѣта и морскихъ путей сообщенія, преимущества, которыя давали раздѣленіе труда и усовершенствованные способы машиннаго производства, должны

*) Происхожденіе видовъ.

**) Шокъ—особое потрясеніе, слѣдующее за раненіемъ.

были уничтожить феодальныя и цеховыя ограниченія и создать систему свободной конкуренціи. Одновременно съ этимъ экономическимъ развитіемъ возникаетъ политическая экономія, т. е. научная попытка объяснить причины этого развитія, оправдать его съ точки зрѣнія законовъ природы и требованій морали и поставить передъ нимъ самыя широкія задачи. Выраженіе „laisser faire laisser aller“, означающее свободу производства и торговли, было поставлено во главѣ экономическихъ правилъ школы французскихъ физиократовъ. Онкенъ *) говоритъ, что формулу *laisser faire* впервые употребилъ маркизъ д'Аржансонъ, предшественникъ физиократовъ, такъ какъ онъ полагалъ, что своекорыстіе и частный починъ лучше всего будетъ способствовать всеобщему благу. Гурнэ требовалъ полной свободы торговли и свободной, рѣшительно ничѣмъ не стѣсняемой, конкуренціи (*la libre concurrence est le principe étendu et le plus fecond du commerce*), доказывая, что въ свободной торговлѣ интересы частнаго лица совпадаютъ съ общимъ интересомъ. Кромѣ того, Гурнэ требовалъ, чтобы *государство облегчило отдельной личности возможность пользоваться средствами, необходимыми для добыванія пропитанія*, т. е. отмѣнило ограниченіе свободы передвиженій и стѣсненія производства, уничтожило и избѣгало монополій, привилегій, произвольныхъ раскладокъ податей и т. д. **). Тюрго, государственный дѣятель и министръ Людовика XVI, поставилъ своей задачей столько же широкія, сколько и раціональныя, реформы. „Отмѣна феодальныхъ учрежденій и средневѣковыхъ пережитковъ, уничтоженіе феодальнаго гнета и промышленныхъ привилегій, введеніе свободы торговыхъ сношеній и неограниченной конкуренціи, гарантія свободы совѣсти, печати и слова, улучшенія народнаго просвѣщенія и юстиціи, эмансипація протестантовъ и полная терпимость въ вопросахъ религіи, привлеченіе дворянства и духовенства къ платежу податей и налоговъ, полное преобразование и реформированіе финансовой системы и учрежденіе финансоваго управленія,—вотъ важнѣйшія мѣропріятія, посредствомъ которыхъ

*) A. Oncken. Die Maxime *laisser faire laisser aller*. ihr Ursprung. ihr Werden.

**) I. Kautz. Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomie und ihrer Litteratur. Wien. 1860. S. 351.

Тюрго старался привести въ исполненіе своѣ великій планъ преобразованій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основать и гарантировать своему отечеству бодрость, процвѣтаніе, благоденствіе и счастье“ *).

Декларацией правъ челоѣка и гражданина французское національное собраніе отмѣнило всѣ тѣ учрежденія, которыя противорѣчили свободѣ и равноправію: дворянство, перство (высшее и среднее дворянство), наслѣдственные различія, сословія, лены, вотчинные суды и т. д. „Ни для отдѣльной націи, ни для отдѣльнаго гражданина не существуетъ никакого изъятія изъ общаго права всѣхъ французовъ. Ни художники, ни ремесленники не могутъ въ будущемъ составлять ни корпораціи, ни ремесленныхъ цеховъ“.

Я привожу эти факты, хорошо знакомые всѣмъ экономистамъ, чтобы показать, какъ сравнительно новъ и исторически обусловленъ принципъ индивидуальной свободы и конкуренціи, какъ недавно произошло освобожденіе воли отдѣльной личности отъ сословныхъ и феодально-государственныхъ стѣсненій; я хочу показать, кромѣ того, насколько легкомысленны и невѣжественны дарвинисты-соціологи, провозглашающіе принципъ свободной конкуренціи священнымъ и вѣчнымъ естественнымъ закономъ жизни, противъ котораго грѣшатъ будто бы ихъ противники.

Новое общественное развитіе нашло систематическое научное выраженіе въ англійской политической экономіи: ученія ея, какъ извѣстно, привели Дарвина къ его теоріи. Адамъ Смитъ въ своемъ „Исслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ (Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations) **) стремился доказать, что принципъ *себялюбія* и преслѣдованія *личнаго интереса*, равно какъ раздѣленіе труда и экономическая свобода,—наилучшій и самый выгодный въ народномъ хозяйствѣ принципъ. А. Смитъ считаетъ буржуазное общество обществомъ обмѣна, въ которомъ каждый „до извѣстной степени—купецъ“. Нашъ обѣдъ зависитъ не отъ благосклонности булочника, мясника или повара, а отъ того, что всѣ они сообразуются въ своей дѣятельности съ своимъ личнымъ интересомъ. Мы

*) Ib. S. 337.

**) London. 1776 (русск. пер. Библикова).

обращаемся не къ ихъ гуманности, а къ ихъ эгоизму; мы имъ никогда не говоримъ о своихъ потребностяхъ, а всегда объ ихъ собственныхъ выгодахъ. Всякій человѣкъ постоянно занятъ мыслью о томъ, какъ найти самое выгодное примѣненіе тому капиталу, которымъ онъ владѣетъ. Въ дѣйствительности человѣкъ преслѣдуетъ только свою выгоду, но не общественную. *Однако, постоянная мысль о собственномъ интересѣ совершенно естественно или скорѣе необходимо ведетъ къ тому, что человѣкъ отдаетъ предпочтеніе именно такому употребленію капитала, какое оказывается самымъ выгоднымъ и для всего общества.* Давидъ Рикардо, этотъ осторожный и трезвый мыслитель, не отводящій въ своихъ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ мѣста гуманнымъ и этическимъ размышленіямъ, все-таки называетъ основныя положенія ученія Смита „просвѣщенной и благодѣтельной системой“.

Подобно всѣмъ прочимъ отношеніямъ; и заработная плата должна быть предоставлена свободному и разностороннему состязанію на рынкѣ и не должна подвергаться контролю законодательнаго вмѣшательства. „Преслѣдованіе личной выгоды удивительно связано съ общимъ благомъ цѣлаго“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рикардо не можетъ не видѣть, что замѣна человѣческаго труда машиннымъ производствомъ зачастую отзывается вредно на интересахъ рабочихъ. Этотъ пессимизмъ, первые слѣды котораго мы видимъ у Рикардо, получаетъ у Мальтуса въ „Опытѣ о народонаселеніи“ болѣе сильное выраженіе: бѣдствія, нищету и болѣзни рабочаго класса Мальтусъ провозглашаетъ неизбѣжнымъ закономъ природы.

Между тѣмъ, эпигоны либерализма: Кэрн, Бастіа, Принсъ-Смитъ и т. д., впослѣдствіи пытались опять доказать, что принципъ свободной конкуренціи приводитъ къ гармоніи интересовъ всего общества. Личный интересъ, говоритъ Бастіа, это та непреодолимая сила личности, которая заставляетъ ее переходить отъ одного успѣха къ другому, но побуждаетъ эксплуатировать этотъ успѣхъ только съ эгоистическими цѣлями.

Конкуренція же — это вторая, не менѣе дѣйствительная, сила, *которая овладѣваетъ каждымъ устьехомъ, чтобы изъ личнаго достоянія сдѣлать его общимъ достояніемъ всего человѣчества.* Обѣ эти силы можно критиковать каждую въ

отдѣльности, однако, *когда они дѣйствуютъ вмѣстѣ, они создаютъ гармонію общественныхъ интересовъ* *).

Уже Бастіа называлъ конкуренцію „великимъ закономъ природы“ и указывалъ на нее, какъ на принципъ человѣческаго усовершенствованія. Третью ступень въ исторіи этой оптимистической „философіи буржуазіи“ (какъ удачно называлъ Шмоллеръ индивидуалистическую политическую экономію), занимаютъ современные дарвинисты-соціологи, желающіе вновь возстановить догматъ свободы экономической конкуренціи, совершенно потерявшей было кредитъ въ слѣдствіе соціалистической критики и логики историческаго развитія. Для этого они перенесли съ животныхъ на людей великій естественный законъ совершенствованія въ видоизмѣненной формѣ дарвинизма, послѣ чего они нашли, что свободная конкуренція есть двигатель прогресса и непреложный законъ всего живого міра. Они придумали законъ соціальнаго подбора, стараясь доказать, что въ современной борьбѣ за жизнь имѣетъ мѣсто выживаніе наиболѣе приспособленныхъ въ смыслѣ лучшихъ, что дѣленіе общества на классы, равно какъ распределеніе богатства и бѣдности, политической и экономической власти, здоровья и болѣзней, добродѣтели и порока, словомъ—жизни и смерти, регулируется и оправдывается благодѣтельнымъ естественнымъ подборомъ въ борьбѣ за существованіе. У нихъ, правда, не хватаетъ храбрости утверждать, что все обстоитъ безусловно такъ, но „въ общемъ, большею частью или въ концѣ концовъ“, говорятъ они, на аренѣ общественной борьбы выживаютъ наилучшіе. Кто внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что излагалось въ предыдущихъ главахъ, тотъ пойметъ, какъ сложны и мало обоснованы положенія этой естественно-научной экономической теоріи новѣйшаго сорта.

Конечно, во всѣхъ этихъ положеніяхъ есть крупица истины, но эти „дарвинисты“ кладутъ въ основаніе соціальной системы то, что, въ концѣ концовъ, должно, какъ говоритъ Дюрингъ, служить прикрасой самому дерзкому эгоизму. Какъ раньше принципъ общественной гармоніи, такъ теперь принципъ выживанія лучшихъ долженъ оправдывать бѣдность и нищету.

*) Bastiat. Harmonies économiques. (Есть и нѣм. переводъ).

Мальтусъ былъ достаточно честенъ для того, чтобы выразить свое сожалѣніе по поводу несчастія и бѣдствій низшихъ классовъ, но онъ не зналъ средствъ, противъ этой, казалось, естественной необходимости и напрасно старался защищать высшую справедливость и милосердіе. Современные буржуазные дарвинисты мало огорчаются несчастіями низшихъ классовъ. Невѣжественные и цинично-безсовѣстные, они видятъ въ богатствѣ, здоровьѣ и добродѣтели естественное вознагражденіе лучшихъ за ихъ приспособленность и выживание; они клеймятъ бѣдность, болѣзнь и заброшенность позоромъ неприспособленности и пораженія, этимъ удѣломъ всего дурного. Имъ удается, такимъ образомъ, соединить оптимизмъ либеральной экономіи съ цинизмомъ грубыхъ заблужденій: они осмѣливаются вывести правила человѣческой дѣятельности изъ искаженныхъ правилъ животной жизни *). Если это и клеймо, то развѣ на ихъ лбу. Ихъ сочиненія, выражаясь словами Маркса, сказанными имъ по аналогичному поводу о Мальтусѣ, есть *посквили на родъ человѣческій*.

Въ исторіи политической экономіи, рядомъ съ индивидуализмомъ идетъ социалистическое экономическое ученіе, которое доказываетъ, что ожидаемая и громко проповѣдуемая общественная гармонія дѣйствительно бродила

*) Резкую критику подобныхъ социологовъ-дарвинистовъ дѣлаетъ І. Г. Фогтъ: „Теорія Дарвина изгнала послѣдніе остатки угрызенія совѣсти изъ души всѣхъ притѣснителей и эксплуататоровъ. Она проповѣдывала борьбу за существованіе, она провозгласила право сильнѣйшаго: этимъ не только была объяснена, но и оправдана дикая борьба, которая тянется черезъ всю исторію человѣчества. Современный общественный строй со своимъ принципомъ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ сталъ отнынѣ покоиться на прочныхъ, какъ скала, естественныхъ подпорахъ, и обезпеченная буржуазія можетъ опять со спокойной совѣстью отдаться своей роскошной жизни, на которую она, вѣдь, имѣетъ полное право, заработавъ ее въ потѣ лица своего! Но это успокоеніе — въ полномъ смыслѣ слова выдумка. Представители и низкопоклонники современнаго общественнаго строя раздули теорію Дарвина до безконечности и вмѣсто того, чтобы признать, что только среди людей борьба за существованіе приняла столь дикія, звѣрскія формы, стали искать извиненій и оправданій въ окружающемъ человѣка органическомъ мірѣ, утверждая, что борьба за существованіе въ такой же формѣ происходитъ во всей живой природѣ. Это невярно въ самомъ корнѣ“. *Eine Welt und Lebensanschauung für das Volk*. Leipzig 1892. S. 17.

въ головахъ теоретиковъ-оптимистовъ, но не нашла отклика ни въ сердцахъ, ни въ матеріальныхъ запросахъ общественныхъ массъ. Противъ философіи буржуазіи выступила философія пролетаріата, нашедшая окончательное и самое сильное выраженіе въ сочиненіяхъ Маркса. Великая заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ изслѣдовалъ сущность и историческое происхожденіе капиталистическаго производства и раскрылъ его внутренній ходъ изумленнымъ взорамъ современниковъ. Намъ здѣсь особенно интересуется критика буржуазной экономіи и анализъ частной капиталистической конкуренціи, поскольку вопросъ касается отношенія ея къ естественно-научной теоріи подбора.

Марксъ безжалостно разрушилъ ложныя плюзии и оптимизмъ буржуазной экономіи. Буржуазные экономисты занимались изслѣдованіемъ народнаго богатства, въ особенности же ихъ интересовалъ вопросъ о распредѣленіи. Рикардо полагаетъ даже, что главная задача политической экономіи состоитъ именно въ изложеніи законовъ, управляющихъ распредѣленіемъ ренты, прибыли и заработной платы. „Что такое собственно общественное имущество, національное богатство?“ спрашиваетъ Марксъ и отвѣчаетъ: „Богатство буржуазіи, но не богатство каждаго буржуа въ отдѣльности *) и, присовокупляеть онъ, стало-быть — нищета массъ“. Марксъ, какъ выражается Энгельсъ, показать, что свобода и равенство буржуазіи не больше, какъ „свободный обмѣнъ продуктовъ труда между равноправными *товарами-людьми*“. Современное общество есть общество обмѣна и торговли, въ которомъ всѣ блага и человѣческія способности превращаются въ товары; техническія, физическія и духовныя блага подчинены товарному закону свободной конкуренціи, сообразующемуся со спросомъ и предложеніемъ. „Пусть васъ не обманываетъ отвлеченное слово *свобода*. Спрашивается, свобода чего?“

*) Das Elend der Philosophie. 2 Aufl. Stuttgart 1892. S. 82. Политическая или національная экономія только со времени Маркса начинаетъ освобождаться отъ буржуазныхъ или національных предразсудковъ и выходитъ за предѣлы практически-политическаго домашняго употребленія господствующихъ классовъ. Примѣнивъ методы естествознанія, т. е. изучая явленія сравнительно и генетически, политическая экономія дѣлается настоящей наукой.

Это слово не обозначаетъ свободы отдельной личности по отношенію къ другой; оно означаетъ свободу, которой пользуется капиталъ по отношенію рабочихъ *). При современномъ состояніи общества свобода торговли есть *свобода капитала*. Но что такое капиталъ? „Капиталъ не только сумма матеріальныхъ продуктовъ,—онъ въ равной мѣрѣ есть сумма товаровъ, мѣновыхъ цѣнностей, *общественныхъ* величинъ“ **).

Очень важно было указать, что капиталъ не индивидуальное, а общественное средство производства, что онъ не только исполняетъ экономическія функціи, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ средство социальной эксплуатаціи и притѣсненія и служить матеріальнымъ основаніемъ классоваго господства***). Марксъ въ статьѣ о „Наемномъ трудѣ и капиталѣ“ далъ изображеніе конкуренціи, происходящей среди капиталистовъ, среди наемныхъ рабочихъ и между тѣми и другими. Теперь любятъ подчеркивать важную и вліятельную роль, которую играютъ капиталистическіе предприниматели въ общественной жизни; въ нихъ стараются видѣть особенные таланты и организаторовъ экономическаго труда, занимающихъ свои положенія въ силу „естественнаго“ социального подбора.

Безъ сомнѣнія, капиталистическіе предприниматели способствуютъ развитію общественныхъ потребностей, удовлетворяютъ ихъ и часто бываютъ великими техническими или финансовыми гениями. Марксъ называлъ ихъ *полководцами*

*) Das Elend der Philosophie. S. 186.

**) Наемный трудъ и капиталъ (Русск. пер. помѣщенъ въ „Научномъ Обзор.“ 1898 г.).

***) Ученіе Маркса о цѣнности и прибавочной цѣнности, на которой построена его теорія капитала, попавшая въ самый центръ вопроса о капитализмѣ, представляется буржуазнымъ экономистамъ пугаломъ или софизмомъ. Такъ А. Вагнеръ говоритъ: „Ученіе о цѣнности и прибавочной цѣнности, краеугольный и основной камень марксовой критики и догматики, есть величайшій софизмъ. (Академическая политическая экономія и социализмъ)“. Шмоллеръ въ свою очередь замѣчаетъ: „Капиталъ изображается фантастическимъ вампиромъ, который сосетъ кровь рабочихъ. Методологически такое представленіе есть шагъ назадъ, возвратъ къ до-гегелевскимъ взглядамъ, къ схоластикѣ. Эта попытка произведена безусловно съ негодными и не научными средствами“. Кто прочтетъ ректорскія рѣчи двухъ „главныхъ нѣмецкихъ академическихъ экономистовъ“, тотъ согласится, что ихъ оппозиція Марксу едва ли доставитъ имъ особенную славу...

въ промышленной борьбѣ. Но, съ другой стороны, эти „врожденные организаторы труда“ не могутъ помѣшать тому, чтобы вообще въ промышленности и торговлѣ господствовала анархія, „смѣсь грубаго эгоизма съ такъ называемою игрою силъ природы“ *), состязаніе, столь далекое отъ воображаемой гармоніи общественныхъ интересовъ, что въ дѣйствительности эти врожденные организаторы не могутъ не быть природными талантами по части эксплуатаціи и спекуляціи. Сюда, конечно, присоединяется и другой моментъ. „Капиталистъ“, говоритъ Марксъ: „не потому является таковымъ, что въ промышленности онъ всегда играетъ роль распорядителя; эту роль онъ играетъ именно потому, что онъ капиталистъ. Главенство въ промышленности становится атрибутомъ капитала, все равно какъ въ феодальную эпоху начальство на войнѣ и предсѣдательство въ судѣ было атрибутомъ поземельной собственности“.

Въ примѣчаніи Марксъ добавляетъ, что Огюсть Контъ и его послѣдователи точно такъ же могли бы доказать вѣчную необходимость феодальныхъ владѣтелей, какъ доказали это по отношенію къ капиталистамъ **).

Нѣмецкій академическій экономистъ, Шмоллеръ, не сомнѣетъ правъ, утверждая, что непризнаніе за предпринимателями организаторской роли, создающей цѣнности и создающей, приводитъ къ смѣшенію прибыли, получаемой предпринимателемъ, съ процентомъ на капиталъ. „При этомъ отрицаютъ справедливость прибыли, а процентъ осуждаютъ, какъ монопольную прибыль богачей, получаемую безъ всякаго съ ихъ стороны труда“ ***). Но вѣдь критика капитала никогда не отрицала историческаго значенія предпринимательства въ развитіи современной промышленности. Эта критика не сомнѣвается, что, хотя не всѣ капиталисты занимаются предпринимательствомъ, но всѣ предприниматели—капиталисты.

Ф. Тэннисъ, обсуждая книгу Аммона: „Естественный под-
боръ человѣка“, говоритъ: „Автору осталось неизвѣстнымъ,

*) Ethische Ausblicke und Hoffnungen. 2 Ausg. Berlin 1895. S. 313.

**) Марксъ. Капиталъ.

***) Die geschichtliche Entwicklung der Unternehmung. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1890. S. 737.

что естественный биологический подбор и столь же естественный самъ по себѣ, хотя и намѣренно вызванный, социальный подбор—двѣ разныя вещи и могутъ имѣть совершенно противоположныя послѣдствія“ *).

„Присмотримся“, пишетъ Б. Вилле, „ближе къ экономическимъ побѣдителямъ и побѣжденнымъ и испытаямъ, стоятъ ли съ одной стороны „лучшіе“, а съ другой—худшіе. Испытаемъ физическія, умственныя и нравственныя качества побѣдоноснаго биржевика и деревенскаго поденщика, армейскаго поручика и сапожнаго подмастерья, тайнаго совѣтника и углекопа, духовнаго лица и фабричнаго рабочаго. Я не осмѣлюсь назвать „верхнія десять тысячъ“ „лучшими“. И то дурное, что имѣютъ въ себѣ низшіе слои народа,—не причина ихъ экономическихъ бѣдствій, какъ думаетъ, повидимому, Гёккель, а *результатъ* ихъ“ **).

Исслѣдователь расовой гігіены А. Плётцъ говоритъ: „Воспитаніе не всѣмъ даетъ одинаковые шансы; тотъ, чьи родители состоятельны, съ самого начала получаетъ лучшее образованіе, чѣмъ сынъ пролетарія. Съ точки зрѣнія блага расы не много можно было бы возразить противъ того, чтобы имущественное состояніе родителей было прямымъ слѣдствіемъ ихъ экономическихъ способностей. Но очень часто это совсѣмъ не такъ бываетъ, такъ какъ многія состоянія наследуются цѣлымъ рядомъ поколѣній и въ началѣ своемъ образовались, благодаря лжи, обману или насилію ***).

Пельманъ обращаетъ вниманіе на то, что животнымъ въ сущности лучше, чѣмъ намъ. „У животныхъ—борьба за существованіе, неумолимая борьба на ножахъ, которая кончается гибелью болѣе слабаго индивидуума, у человѣка же, наоборотъ, рѣчь идетъ собственно не о сохраненіи жизни, а о достиженіи изобилія благъ и собственности. Несмотря на борьбу, часть худшихъ остается въ живыхъ и размножается: такимъ образомъ, мы можемъ объяснить себѣ малый прогрессъ человѣчества, который выражается, между прочимъ, и въ неизмѣняющейся величинѣ черепа“ ****).

*) Tönnies. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane Bd. II. 1893 S. 239.

**) B. Wille. Philosophie der Befreiung. Berlin 1894. S. 174.

***) A. Ploetz. Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. Berlin 1895, S. 150.

****) Pelmann, Rassenverbesserung und natürliche Auslese. Bonn 1896. S. 10.

Гейкрафтъ пишетъ: „Капиталь имущихъ даетъ ихъ дѣтямъ,—а они не должны быть непременно наидаровитѣйшими—огромное преимущество въ борьбѣ съ сыновьями бѣдняковъ, и въ результатѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣтя бѣдняка отстаютъ. Я хочу здѣсь подчеркнуть то, что и въ цивилизованныхъ обществахъ нѣтъ равнаго распредѣленія шансовъ и преимуществъ между всѣми рожденными въ нихъ дѣтьми. Когда это условіе не исполнено, то невозможно, чтобы объединеніе силъ и стремленій общества достигло наибольшей высоты, такъ какъ и безъ того подавляютъ много индивидуальныхъ силъ, поддерживаютъ искусственно нѣкоторыхъ безсильныхъ, и конкуренція давно не выполняетъ своей задачи доводить до вершины лишь способнѣйшихъ борцовъ“ *).

Итакъ, что касается второго пункта, то всѣ социалисты и дарвинисты, свободные отъ предразсудковъ буржуазной конкуренціи, согласны въ томъ, что система *laisser faire* никоимъ образомъ не даетъ преимуществъ лучшимъ, если цѣнить людей по способностямъ и силамъ, достойнымъ челоѣка; даже экономически наиболѣе пригодные не достигаютъ соответствующихъ положеній, хотя само по себѣ печально уже то, что грубый матеріализмъ нашего времени избралъ экономическую пригодность масштабомъ цѣнности челоѣка.

Напрасно ссылаются на Дарвина, стараясь придать этой ненормальной борьбѣ видъ естественной справедливости. Дарвинъ потомъ призналъ, что въ нашей современной цивилизаціи не имѣетъ мѣста естественный подборъ и выживаютъ не способнѣйшіе, а Уоллесъ въ своемъ „Естественномъ подборѣ“, замѣчаетъ: „Для современныхъ цивилизованныхъ націй кажется нельзя допустить, чтобы естественный подборъ вліялъ на постоянное увеличеніе прогресса нравственности и ума, такъ какъ несомнѣнно, что посредственные умы, если только не самые низшіе, лучше преуспѣваютъ въ жизни и быстрѣе размножаются“ **).

Затѣмъ мы приходимъ къ третьему пункту. Каковъ вообще смыслъ дарвинизма? Дарвинъ назвалъ свою знаменитую книгу: „Происхожденіе видовъ посредствомъ естественнаго

*) Haycraft. *Natürliche Auslese und Rassenverbesserung*, Leipzig 1895. S. 152.

**) Уоллесъ. Естественный подборъ. Есть русск. переводъ.

подбора или *выживание наилучшихъ расъ въ борьбѣ за существованіе*“. Въ этомъ заглавіи выражены и задача, и рѣшеніе его; возникаетъ вопросъ, могутъ ли эта задача и ея рѣшеніе быть примѣнены къ человѣческому обществу и, въ данномъ случаѣ, къ современности? Буржуазные дарвинисты утверждаютъ, что да. Допустимъ, что возникновеніе и соотношеніе социальныя классовъ таково же, какъ и борьба разныхъ видовъ; тогда выдвигается дальнѣйшій вопросъ: развѣ классъ капиталистовъ и все съ нимъ связанное могутъ быть названы человѣческимъ видомъ высшей біологической цѣнности?—этого не скажетъ ни одинъ серьезный изслѣдователь. Это могутъ утверждать и доказывать помощью измѣреній череповъ и опредѣленія цвѣта волосъ и кожи только г-нъ Аммонъ и К^о *).

*) Otto Ammon. Die Natürliche Auslese beim Menschen. Jena 1893. Аммонъ.—драгоценнѣйшій экземпляръ нашихъ естествоиспытателей-филистеровъ, стоящихъ за образованные и имущіе классы. Его основныя мысли взяты большею частью изъ книги Лапужа „Соціальныя подборъ“ (Lapouge, Les sélections sociales. Paris 1896). Часто разбиравшійся въ послѣднее время вопросъ о сущности и происхожденіи обоихъ человѣческихъ типовъ, свѣтловолосой и темноволосой расы у европейскихъ народовъ, находится еще въ стадіи гипотетическихъ соображеній. Аммонъ же строить на немъ тонковитканную математически-безошибочную систему современной социальной политики! Соціаль-демократическое ученіе, разумѣется, сводится этимъ социаль-дарвинистическимъ фокусникомъ къ абсурду. Ср. на счетъ расоваго вопроса о свѣтло и темноволосомъ типѣ европейца: Virchow, Rassenbildung und Erblichkeit, въ Festschrift für A. Bastian, Berlin 1896. Г. Ганзенъ, на котораго ссылается Аммонъ, тоже считаетъ образованіе классовъ и сословій результатомъ социальнаго подбора. Три класса не стоятъ рядомъ, а представляютъ собою различныя ступени развитія одного и того же населенія. Эти три ступени населенія соответствуютъ тремъ ступенямъ дохода—съ земли, умственного и физическаго труда. Въ общемъ, между производительностью и доходомъ существуетъ причинное отношеніе, такъ какъ эти три ступени подвержены процессу социальнаго подбора и представляютъ результаты борьбы (S. 31). Статистическія положенія Ганзена еще *очень* нуждаются въ провѣркѣ и расширеніи. Но ихъ дарвинистическое толкованіе становится очень сомнительнымъ и ничтожнымъ, когда читаешь, напр. слѣдующее: „Кто является побѣдителемъ въ конкуренціи (торговой или промышленной), о томъ съ правомъ можно сказать, что онъ *если и не благороднѣйшій и лучшій, то умнѣйшій и стоитъ на высотѣ уровня своего времени*“ (S. 181). Хороша „высота уровня времени“, въ которомъ цѣнность человѣка измѣряется по экономической утонченности въ социальномъ подборѣ! Впрочемъ Ганзенъ требуетъ, чтобы борьба въ конкуренціи велась законно и съ *равнымъ оружіемъ*. (S. 342). Die drei Bevöl-

Допускаемъ и это и спрашиваемъ дальше: размножается ли этотъ новый человѣческій видъ побѣдителей въ борьбѣ такъ, какъ этого требуетъ теорія Дарвина, и вытѣсняетъ ли онъ побѣжденную низшую расу? Фактъ тотъ, что эти „лучшіе“ люди послѣ нѣсколькихъ поколѣній вымираютъ (причина еще темна)—между тѣмъ, какъ побѣжденные размножаются быстро и въ большомъ числѣ.

Что бѣдность и нищета повышаютъ плодовитость и способность къ размноженію пролетаріата, замѣтилъ еще А. Смитъ. „Бѣдность безъ всякаго сомнѣнія отвращаетъ отъ брака, но она не всегда оказываетъ такое дѣйствіе; кажется, что она даже способствуетъ плодовитости. Едва не умирающая съ голоду женщина горной Шотландіи имѣетъ нерѣдко болѣе двадцати дѣтей, между тѣмъ какъ роскошествующая важная дама часто не можетъ имѣть и одного и обыкновенно истощается двумя или тремя родами“ *).

Для сравненія слѣдуетъ прочесть въ „Происхожденіи видовъ“ Дарвина главу о „Вымираніи, какъ слѣдствіи естественнаго подбора“, гдѣ показано, какъ виды, побѣжденные въ естественной конкуренціи, становятся все болѣе и болѣе рѣдкими и, наконецъ, вымираютъ. Раса пролетаріевъ, наоборотъ, становится все многочисленнѣе и плодовитѣе, между тѣмъ какъ раса дворянъ и буржуа становится все менѣе плодовитой и вымираетъ. Мы видимъ, что *экономическій классовый подборъ выворачиваетъ ученіе Дарвина объ органическомъ расовомъ подборѣ на изнанку.*

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что еще Манге опровергъ мнѣніе о господствующемъ общественномъ классѣ, какъ о высшей расѣ, что еще Персонъ доказалъ статистически отсутствіе связи между способностью воспроизведенія рода и успѣхомъ въ жизни, что даже Дарвинъ, Уоллесъ, Гейкрафтъ и другіе не приписывали соціальной и экономической борьбѣ въ конкуренціи никакой совершенствующей силы подбора. Такимъ образомъ, свободная частно-капиталистическая конкуренція становится *карикатурой* на принципъ естественнаго подбора. Въ строгомъ смыслѣ слова конкур-

kerungsstufen. Ein Versuch die Ursachen für das Blühen und Altern der Völker nachzuweisen. München 1889.

*) Изслѣд. о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Стр. 220.

ренція не имѣетъ *никакой биологической цѣнности*. Это принципъ противоположности, отсутствія всякаго достоинства, словомъ—вырожденія.

Но и современная система конкуренціи и промышленности входитъ въ широкія рамки біологической законности. И въ ней господствуетъ дифференціація, приспособленіе и совершенствованіе—не людей, а *машинъ*. И здѣсь имѣетъ мѣсто *подборъ* личностей, но это не аристократическій подборъ въ истинномъ смыслѣ слова и не ведетъ къ подбору высшей породы людей.

Соціальная и экономическая конкуренція, какъ призналъ Ланге, *борьба за лучшее положеніе*, какъ сказалъ Гексли, *борьба за средства наслажденія* или, какъ выразился Марксъ, *борьба за прибыль и прибавочную цѣнность*. Но эта борьба едва ли имѣетъ что-нибудь общее съ ученіями собственно дарвинизма и тотъ, кто приравниваетъ дарвинистическій принципъ къ экономическому соціальному подбору, занимается, какъ мѣтко сказалъ Геркнеръ, соціально-политическими шутками.

2/

3. Принципы соціальной организаціи и индивидуальнаго развитія.

Одной изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ задачъ соціальнаго естествознанія является изслѣдованіе отношенія индивидуума къ обществу и къ исторіи своего вида. Человѣкъ рождается въ обществѣ голымъ и беспомощнымъ, но въ чувствахъ и представленіяхъ членовъ его уже сложились общія положенія относительно соціальныхъ обязанностей, на основаніи которыхъ они доставляютъ духовныя и матеріальныя средства, нужныя для развитія новаго члена. Можно опредѣлить степень культурности различныхъ формъ общественной жизни по способу и мѣрѣ, въ какой соціальныя средства культуры предоставляются новорожденнымъ. Общество, состоящее изъ замкнутыхъ кастъ и сословій, въ которомъ каждый индивидуумъ по случайности рожденія попадаетъ въ тотъ или иной произвольный рангъ, въ моральномъ отношеніи ниже того общества, гдѣ индивидуальному развитію не противостоятъ ни преимущества, ни ограниченія и не мѣшаютъ развитію силъ и способностей.

Такимъ образомъ, либеральный періодъ безусловно стоитъ

выше средневѣковаго феодальнаго строя съ его привилегіями, сословіями и стѣсненіями. Эта новая эпоха открыла свободное состязаніе для всякаго или, по крайней мѣрѣ, идеальнымъ принципомъ ея было преодолѣть привилегіи сословія и рожденія въ пользу всеобщаго равноправія всѣхъ членовъ.

Въ деклараціи правъ человека и гражданина говорится: „Всѣ граждане равны передъ закономъ и, слѣдовательно, всѣ, сообразно своимъ различнымъ способностямъ, имѣютъ равныя притязанія на общественныя званія, мѣста и должности; только ихъ добродѣтели и таланты могутъ обуславливать различіе“. Мы, однако, видѣли, какъ либерализмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія отбросилъ свои идеалы и долженъ былъ устранить ихъ вслѣдствіе капиталистической тенденціи экономическаго развитія.

Либерализмъ, правда, проповѣдовалъ равенство людей относительно *политическаго* и *естественнаго* права, но объ одномъ онъ забылъ, именно о томъ, что политическая и моральная равноправность предполагаетъ *соціальное* и *экономическое* равенство правъ или должна необходимо повлечь его за собою. Правда, въ той же деклараціи говорится, что „*собственность—священное и ненарушимое право, такъ что никто не можетъ быть лишенъ его*“. Но либерализмъ никогда не спрашивалъ, есть ли у кого-нибудь собственность, или какъ и какими средствами кто-нибудь добыть себѣ собственность? Либеральная доктрина допустила, чтобы пролетаризація (т. е. похищеніе производительнаго имуществва „правовымъ“ путемъ) захватывала все большіе и большіе круги. Разумѣется, собственность выводилась этой доктриной изъ понятія о личности и о личномъ трудѣ; но дѣйствительность обнаружила ложь этой теоріи, такъ какъ накопленіе капитала на счетъ чужого труда и посредствомъ присвоенія чужой собственности является необходимымъ залогомъ капиталистической эволюціи.

Марксъ обрисовалъ этотъ процессъ въ историческомъ развитіи капитала. „Къ чему сводится первоначальное накопленіе капитала, т. е. его историческое возникновеніе? Насколько это не есть простое превращеніе рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ рабочихъ, т. е. простое измѣненіе формы, оно означаетъ только экспропріацію непосредствен-

ныхъ производителей, т. е. *уничтоженіе частной собственности, основанной на личномъ трудѣ*“ *).

Человѣкъ нуждается для своего существованія въ собственности, именно въ запасѣ средствъ труда **), чтобы развить свои силы и удовлетворить свои жизненные потребности. Въ этомъ отношеніи другой великій принципъ либерализма, означающій моральный прогрессъ сравнительно съ феодализмомъ, заключается въ томъ, что каждый индивидуумъ лучше всего заботится о себѣ самъ, и что развитіе личнаго интереса является источникомъ экономическаго и техническаго прогресса. Но при этомъ либерализмъ опять забылъ опредѣлить общее социальное основаніе, на которомъ каждый можетъ представлять свои интересы такъ, чтобы они гармонизировали съ интересами общества, вслѣдствіе чего и либеральная теорія социальной гармоніи всѣхъ индивидуальныхъ интересовъ была приведена дѣйствительнымъ экономическимъ развитіемъ къ абсурду. Здѣсь-то выступаетъ критика въ лицѣ современнаго социализма, который пытается продолжить развитіе бесспорно разумныхъ и идеальныхъ принциповъ либерализма и индивидуализма въ социальномъ и экономическомъ направленіи. Социализмъ стремится основать экономическую организацію, при которой стало бы сравнительно возможнымъ индивидуальное развитіе идеаловъ справедливости и свободы. Поэтому онъ направляетъ свою критику, главнымъ образомъ, на понятіе о собственности: поэтому же принципомъ его экономической теоріи является не *распредѣленіе*, какъ въ буржуазной экономической теоріи: фундаментомъ всей экономической жизни онъ считаетъ процессъ *производства*.

Историческій генезисъ капитализма обнаруживаетъ его стремленіе къ тому, чтобы *„освободить“* *возможно большее количество людей отъ ихъ частной собственности, а именно отъ средствъ производства* и довести ихъ до положенія наемныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, которые могутъ продавать только свою рабочую силу. Рабочая сила становится товаромъ, какъ и всякая другая сила природы, которую эксплуатируетъ капитализмъ; а чтобы эксплуатировать рабочую силу, „капиталь

*) Марксъ. Капиталъ. (Есть два русскихъ перевода—анонима и подг. ред. П. Струве).

**) (II вообще средствъ производства).

покупаетъ малолѣтнихъ или несовершеннолѣтнихъ. Прежде рабочіи продавали свою собственную рабочую силу, которую онъ располагалъ, какъ совершенно свободная личность. Теперь онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ становится торговцемъ рабовъ“ *). Уже А. Смитъ считалъ буржуазное общество „мѣновымъ обществомъ“, гдѣ каждый „до нѣкоторой степени купецъ“. Но онъ еще не думалъ о томъ, что эти купцы вмѣстѣ съ тѣмъ работоторговцы, которые вмѣстѣ съ рабочей силой человѣка тащатъ и его цѣликомъ на рынокъ. Смитъ видѣлъ въ новомъ строѣ только освободительный и благодѣтельный принципъ. Но идеалы либерализма должны были разбиться о свои собственные экономическія послѣдствія. Эта глубоко безнравственная и развращающая сторона капитализма была безпощадно разоблачена социалистической критикой, и это ея великая заслуга.

По теоріи новѣйшаго социализма главный пунктъ социального вопроса заключается въ томъ, что рабочіи все больше и больше отдѣляется отъ средствъ производства, такъ что большая часть рожденныхъ являются на арену жизненной борьбы прирожденными и безнадежными пролетаріями безъ необходимыхъ для достойнаго человѣческаго существованія средствъ труда. И послѣ этого осмѣливаются еще говорить о свободной конкуренціи тамъ, гдѣ свобода конкуренціи означаетъ свободу капитала и голода? Говорятъ о социальномъ подборѣ, который означаетъ все, что угодно, только не принципъ совершенствованія? Социалистическая критика разоблачаетъ прогрессирующее отдѣленіе рабочаго отъ средствъ производства, практическая же ея программа имѣетъ въ виду воссоединеніе *производителя со средствами производства* и именно на высшей ступени техническаго развитія хозяйственныхъ производительныхъ силъ. Истинно гениальнымъ образомъ изложенъ этотъ процессъ развитія въ извѣстномъ манифестѣ, гдѣ сказано: „Устраненіе прежнихъ формъ собственности свойственно не исключительно только коммунизму. Всѣ формы собственности были подвержены постоянному историческому превращенію и измѣненію. Французская революція, напримѣръ, уничтожила феодальную собственность въ пользу буржуазной. *Коммунизмъ характери-*

*) Марксъ. Капиталъ.

зуются не упраздненіемъ собственности вообще, а именно *буржуазной собственности*. Но современная буржуазная частная собственность—послѣднее и самое полное выраженіе производства и присвоенія продуктовъ, обусловливаемого классовыми противоположностями и эксплуатаціей однихъ другими. Въ этомъ смыслѣ коммунисты могутъ характеризовать всю свою теорію однимъ выраженіемъ: уничтоженіе частной (буржуазной) собственности. Коммунистовъ упрекали въ томъ, что они хотятъ устранить *добытую личность, ея самую заработанную, собственность*; ту собственность, которая служитъ основой всякой личной свободы, дѣятельности и самостоятельности. Заработанная, добытая, лично заслуженная собственность! Вы говорите, можетъ быть, о мелкой крестьянской собственности, которая предшествовала буржуазной? Объ устраненіи ея никто не хлопочетъ: развитіе промышленности устранило и устраняетъ ее каждодневно. Или же рѣчь идетъ о современной буржуазной частной собственности? А развѣ наемный трудъ, трудъ пролетарія, создаетъ *собственность* для него лично? Нисколько! Трудъ создаетъ *капиталъ*, т. е. собственность, эксплуатирующую наемника, способную умножаться только при условіи созданія новаго наемнаго труда, чтобы его затѣмъ вновь эксплуатировать. Собственность въ ея современномъ видѣ движется въ сферѣ противорѣчія между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Разсмотримъ обѣ стороны этого противорѣчія. Быть капиталистомъ значитъ занимать въ производствѣ не только *чисто личное*, но и *общественное* положеніе. Капиталъ—*общественный* продуктъ и можетъ быть приводимъ въ движеніе только общей дѣятельностью многихъ членовъ и въ послѣднемъ счетѣ даже общей дѣятельностью *всѣхъ* членовъ общества. *Капиталъ, значитъ, не личная, а общественная сила*. Слѣдовательно, если капиталъ превращается въ общественное, принадлежащее всѣмъ членамъ общества имущество, то при этомъ *не личная собственность обращается въ общественную*. Измѣняется только общественный характеръ собственности. Она теряетъ свой классовый характеръ“.

Соціализмъ отрицаетъ частное владѣніе капиталомъ, который обусловливается не личнымъ трудомъ, а находясь во владѣніи *единичной личности*, исполняетъ *общественную* функцію. Капиталъ долженъ быть превращенъ въ общественное

достояніе, т. е. главные средства производства—земля, копи и горные рудники, сырой матеріалъ, машины, пути сообщенія—должны изъ личнаго имуществва стать общественнымъ для того, чтобы *общественная функція и общественное имущество естественно совпадали*. Соціализмъ никоимъ образомъ не желаетъ „устранить частную собственность въ отношеніи предметовъ личнаго потребленія“, онъ также не желаетъ устранить ту собственность, которая представляетъ собою дѣло данной личности, ея прилежанія, силы и ловкости; но онъ хочетъ создать всеобщую, морально справедливую и экономически цѣлесообразную соціальную организацію, на основаніи которой каждый получалъ бы, дѣйствительно, *свое, или лично заработанное имущество*. „Коммунизмъ ни у кого не отнимаетъ возможности присваивать себѣ общественные продукты, онъ отнимаетъ только возможность порабощать себя посредствомъ этого присвоенія чужой трудъ“. Капиталъ въ своей общественной и экономической функціи продолжаетъ существовать, но теряетъ свой классовый характеръ, т. е. перестаетъ быть орудіемъ эксплуатаціи многихъ отдѣльными личностями. „Намѣсто стараго буржуазнаго общества является ассоціація, *идѣ свободное развитіе каждаго есть необходимое условіе свободного развитія всѣхъ*“. Соціализмъ не допускаетъ, ни того, что всѣ люди механически равны, ни что всѣ они одинаково много производятъ, ни что всѣ должны имѣть одинаковое количество потребительнаго имущества. Такія нелѣпости могутъ приходить въ голову только невѣжественнымъ и несправимымъ врагамъ соціализма. Еще меньше желаетъ соціализмъ подавленія *личнаго интереса и личной ответственности* индивидуума; но его организаціонные планы, сообразно съ состояніемъ техническаго и умственнаго развитія, представляютъ собою единственный путь, на которомъ обязанности индивидуума и общества могутъ быть приведены въ плодотворное соотношеніе разумнаго и цѣлесообразнаго взаимодѣйствія.

Соціалистическая организація не представляетъ собой ничего новаго въ исторіи развитія собственности. *Во все время существовали совместно общія соціальная и индивидуальная частная собственность*. Обѣ формы существуютъ и теперь и будутъ существовать впослѣдствіи. Но численное соотношеніе обѣихъ во все времена было различно, сообразно съ высотой уровня техническихъ и экономическихъ условій производства.

Поэтому ничто не даетъ такого глубокаго пониманія социализма, какъ познаніе сущности и исторіи формъ собственности.

Въ 1847 г. Гакстгаузенъ открылъ въ Россіи общинное владѣніе землею и такого именно рода, что каждый въ отдѣльности *имѣетъ только право пользованія, именно каждый вновь рожденный наравнѣ со всеми остальными членами общины*. „Земля, поэтому, поровну подраздѣляется между всѣми для временнаго пользованія. Въ силу этого не можетъ существовать наслѣдственное право дѣтей на надѣлъ отца. Сыновья требуютъ отъ общины своего (равнаго всѣмъ остальнымъ) надѣла, главнымъ образомъ, по своему *собственному* праву, какъ члены ея“. Далѣе говорится о томъ, что „если членъ общины самъ бросаетъ свой надѣлъ, то у дѣтей его, какъ членовъ общины, все же остается право взять самостоятельно свои надѣлы“ *). Вслѣдствіе этого на дѣтяхъ не отражается проклятіе преступленія или бѣдность отца. Въ ней не можетъ быть рожденныхъ пролетаріевъ. Позже нашли, что общинное землевладѣніе было первоначальной формой организаціи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и отчасти еще и теперь встрѣчается у первобытныхъ племенъ. Но этимъ еще не раскрыто историческое происхожденіе собственности, такъ какъ общность полей еще не самая первоначальная, т. е. не первобытная форма собственности.

Какъ мы не можемъ вносить наши усложненные семейныя и родственныя представленія въ половыя отношенія первобытнаго общества, такъ же не слѣдуетъ приписывать примитивной душѣ первобытнаго человѣка наши юридически утонченныя представленія о собственности. Первоначально всякое владѣніе имуществомъ есть чувственный фактъ, событіе жизни, полной инстинктивныхъ побужденій, *идѣи* *и* *право* еще составляютъ одно. Люди вначалѣ владѣли землею, какъ лѣсные звѣри, безъ всякаго юридическаго представленія объ этомъ. Остроумный И. Р. Мукке говорить о первобытномъ обществѣ: „Оно свободно пользуется для всѣхъ цѣлей земнымъ пространствомъ, на которомъ располагается, оно

*) August Freiherr von Haxthausen. Studien über die inneren Zustände des Volksleben und insbesondere die ländliche Einrichtungen Russlands. Hannover 1847, III Teil, S. 151 (Баронъ А. Гакстгаузенъ. Очерки внутренняго состоянія, народной жизни и въ частности деревенскаго быта Россіи).

дѣйствуетъ сообща при исполненіи своихъ цѣлей, но еще не рассматриваетъ ни жилище, ни мѣстность, которая даетъ ему пищу какъ „принадлежащій“ ему объектъ. Оно „обитаетъ“ на опредѣленномъ пространствѣ, но не „владѣетъ“ имъ, такъ какъ пользуется имъ временно“ *).

Развитіе *понятія о собственности* въ юридической его формѣ—очень сложный социальный и психическій процессъ. По всей вѣроятности, въ представленіи человѣка первоначальной формой юридической собственности явилась индивидуальная собственность, т. е. владѣніе домашней утварью, оружіемъ, украшеніями и орудіями и т. д. Оно было первой матеріальной причиной юридического представленія о собственности такъ же, какъ пріобрѣтеніе *орудія* есть первая технически-матеріальная причина всякаго логическаго мышленія. Дарвинъ въ своемъ стремленіи установить между людьми и животными только количественныя различія зашелъ такъ далеко, что, между прочимъ, приписываетъ высшимъ животнымъ *идею* собственности **). Теперь, когда вопросъ о животномъ происхожденіи людей рѣшенъ такъ, какъ объяснялъ его Дарвинъ, нечего придавать особенный вѣсъ такого рода параллелизму. Дарвинъ ложно истолковалъ нѣкоторое явленіе природы. Животныя имѣютъ такого рода чувственное стремленіе къ собственности, что они оспариваютъ другъ у друга пищу и жилища, а разъ пріобрѣтенныя средства существованія оставляютъ для себя и охраняютъ ихъ; но они не имѣютъ *идеи* собственности, а потому у нихъ нѣтъ и собственности въ нашемъ смыслѣ. Подобное же происходитъ въ первоначальномъ существованіи человѣка. Охотничьи народы на низшей ступени развитія владѣютъ пространствомъ, на которомъ живутъ, какъ лѣсные звѣри обладаютъ тѣмъ, что отъ природы тамъ находится, какъ необходимымъ чувственнымъ орудіемъ борьбы за существованіе.

Правовое представленіе общиннаго землевладѣнія, община, есть форма собственности гораздо высшей ступени культуры, и Дарвинъ доказываетъ, что господство личнаго владѣнія недвижимостью характеризуетъ періодъ перехода отъ охот-

*) Mucke. *Horde und Familie* (Первобытная орда и семья). Stuttgart 1895, S. 288.

**) Происхожденіе человѣка.

ничьей жизни къ земледѣльческой. Какъ подвижность, такъ и недвижность у дикарей Южной Америки, находятся обыкновенно во владѣннн отдѣльных личностей, и большая общность относительно полей и домовъ появляется только тогда, когда усиливается социальная организація, и земледѣліе становится значительнѣе *).

Такъ какъ, сообразно съ этимъ, индивидуальная собственность относительно орудій имѣетъ первичный характеръ, и такъ какъ мы знаемъ объ охотничьихъ племенахъ, что у нихъ на общей охотѣ добыча большею частью становится личной собственностью, при чемъ оружіе, которымъ сражень звѣрь, рѣшаетъ вопросъ о принадлежности **), то совершенно естественный шагъ впередъ мы можемъ видѣть въ томъ, что и земледѣліе первоначально даетъ просторъ личной собственности, на основаніи индивидуальнаго владѣннн орудіями и утварью, необходимыми для обработки земли. Это не исключаетъ той общности, что всѣ вообще владѣютъ землею, при чемъ такое обладаніе имѣетъ значеніе естественнаго факта, и эта личная земельная собственность кажется существующею только до тѣхъ поръ, пока обрабатывается земля. „У негровъ комми плантаціи—не частная собственность. Каждый можетъ культивировать любой участокъ земли, но онъ владѣетъ имъ только до тѣхъ поръ, пока обрабатываетъ его. У кру отдѣльные лица не могутъ присваивать себѣ землю, развѣ для временнаго пользованія землю считаютъ общимъ имуще-

*) J. Dargun. Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigentums. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. V Bd. Stuttgart 1884.

**) Какъ важно для возникновенія правовыхъ представленій о собственности приобрѣтеніе орудія въ качествѣ природнаго оружія показываетъ изслѣдованный Вайцемъ фактъ, что у индѣйцевъ Сѣверной Америки животное, убитое *чужимъ* оружіемъ, принадлежало собственнику оружія. Для выясненія приведемъ еще нѣкоторые примѣры изъ „охотничьяго нрава“ африканскихъ племенъ. У бечуановъ, по закону, каждый, кто первый ранитъ животное, получаетъ его, когда оно поймано или убито. Если охотятся съ собаками, то дичь принадлежитъ собственнику собаки, которая первая его нагонитъ. Въ Baweland добыча принадлежитъ тому, кто первый ранитъ животное. Тому, кто убилъ животное, полагается дать обѣ ноги съ одной стороны. У базутовъ тотъ, кто нанесъ первую рану убитому животному, получаетъ его лучшую часть. А. Н. Post. Afrikanische Jurisprudenz II Bd. S. 162. Аналогичные факты можно найти въ извѣстномъ трудѣ Н. Зибера: „Первобытная собственность“.

ствомъ, и каждый можетъ пользоваться ею по желанію, но не продавать ее“ *). Этотъ ходъ развитія понятія о собственности соотвѣтствуетъ и эволюціонистскимъ и психологическимъ теоріямъ. Такъ какъ въ представленіи людей индивидуальныя понятія являются раньше, а общія понятія присоединяются позже и на высшей ступени, и вообще сначала господствуетъ чувственное созерцаніе, то и въ практическомъ отношеніи идея личной собственности предшествуетъ идеѣ общаго владѣнія, хотя общность земельного имущества и существовала раньше, просто какъ чувственный, данный природою фактъ. На орудіи развивались правовыя представленія человека, благодаря тому, что орудіе первоначально рассматривалось, какъ замѣститель какого-нибудь изъ органовъ тѣла. Этимъ психологическимъ соображеніемъ до сихъ поръ очень пренебрегали въ исторіи развитія собственности, хотя онъ здѣсь имѣетъ такое же значеніе, какъ и въ развитіи представленій человека о родственныхъ отношеніяхъ въ первобытной исторіи семьи.

Даргунъ въ нѣсколькихъ словахъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію собственности. „На старѣйшей ступени культуры личная собственность относительно движимости и недвижимости; затѣмъ въ теченіе развитія общность полей; во многихъ случаяхъ даже ограниченіе личной собственности въ движимости; затѣмъ—переворотъ и новый, современный, преимущественно индивидуалистическій строй“. Но нельзя согласиться съ Даргуномъ, когда, основываясь на современномъ индивидуалистическомъ строѣ, онъ всѣ положительные, имѣющіе цѣлью общее владѣніе имуществомъ проекты реформъ, именно проекты *соціалистовъ*, помѣщаетъ въ царство фантазій, произвола и вымысла. Онъ говоритъ: „Если вѣрить всей массѣ того опыта, который мы имѣли до сихъ поръ, то и стремленіе одной нынѣшней партіи къ устраненію личной собственности не имѣетъ никакой будущности: изъ описанныхъ фазъ права собственности въ каждый данный періодъ у какого-нибудь народа по правилу преобладаетъ то одна, то другая; но очень рѣдко случалось, чтобы одна изъ нихъ захватила безусловное, исключительное

*) A. H. Post. *Afrikanische Jurisprudenz*. II Bd. S. 168 (Африканская юриспруденція).

господство“. Даргунъ, очевидно, заблуждается относительно настоящихъ экономическихъ цѣлей социализма. Современный социализмъ никоимъ образомъ не добивается безусловнаго, исключительнаго господства коллективной собственности. Да, вѣдь, и теперь не господствуетъ исключительно личная собственность. Существуетъ же общественное имущество въ видѣ *государственныхъ* предприятий, именно въ области путей сообщенія, и въ видѣ *капиталистическихъ* ассоціацій, въ формѣ акціонерныхъ обществъ, трестовъ, синдикатовъ и т. д. Эта государственная и капиталистическая общая собственность *технически* необходима для усилившихся производительныхъ силъ; стремленія социализма и заключаются въ томъ, чтобы обобществить эту техническую необходимость, т. е. превратить средства производства въ общественное имущество. Марксъ опредѣлилъ грядущее развитіе такимъ образомъ, что оно „*возстановляетъ снова индивидуальную собственность производителя, но на почвѣ, завоеванной въ теченіе капиталистической эры, т. е. на почвѣ кооперации свободныхъ работниковъ и на владѣнии ими общими землею и средствами производства, произведенными силами трудомъ*“ *). Социализмъ безусловно признаетъ добытую собственнымъ трудомъ частную собственность, но опровергаетъ сочиненную юристами и экономистами цивилизованнаго общества „лично заработанную собственность, этотъ послѣдній мнимо-законный предлогъ, на который еще опирается современная капиталистическая собственность“ **).

Социализмъ не хочетъ сдѣлать всѣхъ людей равными; они не должны также всѣ одинаково производить и всѣ одинаково ѣсть и пить. Это ребяческія фантазіи противниковъ, будь они ученые или неученые люди. Когда же наконецъ замолкнуть такіа смѣхотворныя обвиненія и возгласы? Социализмъ хочетъ только создать для всѣхъ равный внѣшній базисъ, на которомъ всѣ могли бы обосновать сами своимъ собственнымъ трудомъ свое индивидуальное развитіе. Отношеніе социалистической хозяйственной организаціи къ индивидуальному развитію можно формулировать въ одномъ предложеніи: „Социалистическое равенство заключается только въ

*) Марксъ. Капиталъ.

**) Энгельсъ. Происхожденіе семьи и собственности.

принципѣ, по которому всѣмъ людямъ безъ исключенія должны быть даны общественно возможные равныя условія развитія, такъ что индивидуумъ остается отвѣтственнымъ за употребленіе предоставленныхъ ему средствъ передъ самимъ собой и обществомъ“ *). Мы требуемъ равныхъ внѣшнихъ условій развитія для всѣхъ, *независимо отъ прирожденныхъ и унаследованныхъ способностей*, главнымъ образомъ, потому, что наука не такъ еще глубоко проникла въ будущее и не въ состояніи такъ безошибочно судить, чтобы по лбу новорожденного узнать, къ чему онъ способенъ, исключая развѣ случая, когда она видитъ черепъ микроцефала. Мы, къ счастью, уже научно эманципировались отъ обмановъ сословнаго и кастоваго строя, хотя нѣкоторые не въ мѣру усердные социаль-дарвинисты и стараются еще „естественно-научно“ оправдать вновь феодальное шарлатанство.

Мы не можемъ быть абсолютно гарантированы, что способные родители произведутъ столь же способныхъ дѣтей. Здѣсь могутъ существовать только догадки, такъ какъ связь между индивидуальнымъ подборомъ и подборомъ зародышей только относительная.

Но способности могутъ развиваться посредствомъ употребленія и упражненія,—посредствомъ труда,—и испытать свою цѣнность въ подборѣ. Пригодность должна быть сызнова доказана за свой счетъ каждымъ индивидуумомъ и совершенно естественно и справедливо, какъ говоритъ Геркнеръ, что „никто не долженъ почивать на пуховикахъ крупной собственности и всякихъ политическихъ и социальныхъ преимуществъ“. Для индивидуальнаго развитія, однако, необходимы орудія, которыя находятся въ функціональномъ взаимодействіи съ прирожденными органами. И весь родъ человѣчскій филогенетически, и единичный человѣкъ онтогенетически могутъ вполнѣ развиваться только при помощи употребленія орудій. Подъ внѣшними условіями развитія надо понимать также орудія труда, какъ духовно-культурныя средства развитія и общественной жизни. Точкою исхода должны быть возможно равныя шансы. Но гдѣ же будутъ тогда борьба за существованіе и конкуренція?—Буржуазная товарная конкуренція во всякомъ случаѣ станетъ невозможна, т. е. исчез-

*) L. Woltmann. System des moralischen Bewusstseins. Dusseldorf 1898 S. 317.

неть коммерческое состязаніе относительно прибыли; но не прекратится промышленное соревнованіе относительно производительнаго труда. И будущее организованное общество и его индивидуумъ будутъ вести необходимую социальную и внутреннюю борьбу за существованіе, такъ какъ этого общаго біологическаго закона не могутъ избѣжать ни одинъ человѣкъ, ни одно общество.

Но такимъ образомъ, скажемъ вмѣстѣ съ Штибелингомъ, борьба станетъ опять *нормальной*, соотвѣтствующей теоріи Дарвина. Она снова станетъ аналогичной органической борьбѣ за существованіе, поскольку обѣ означаютъ *личное* и *производительное* состязаніе; тамъ съ помощью органовъ, здѣсь—орудій, которыя предоставляются въ распоряженіе каждаго, кто выкажетъ соотвѣтствующую способность и пригодность. *Не прекратится также борьба за положеніе и за удовольствія*, на раціональномъ общественномъ основаніи, которое приблизитъ идеальныя цѣли либерализма къ исполненію. Въ этомъ смыслѣ социализмъ можно разсматривать, какъ высшую ступень индивидуализма, какъ принципиальное и историческое дальнѣйшее развитіе либерализма. *Но прекратится борьба за одно лишь существованіе* и исчезнетъ возможность торжествовать и обогащаться на счетъ чужого труда. И въ животномъ мірѣ индивидуальная борьба за существованіе имѣетъ свои естественныя границы въ общей защитѣ стада и симпатіи семьи. Если во что бы то ни стало требовать аналогіи съ природою и обосновывать все „естественно-научно“, то на будущій строй слѣдуетъ смотрѣть, какъ на солидарное общество, основанное на разумномъ познаніи и повышенной симпатіи. Но я думаю, что социаль-политики не должны спрашивать у зоологовъ, какъ организовать человѣческое общество, а людямъ незачѣмъ справляться въ своемъ поведеніи съ поведеніемъ животныхъ. К. Гротевицъ въ этомъ смыслѣ мѣтко замѣчаетъ: „Разумѣется, грубые дарвинисты не хотятъ считать для человѣка естественнымъ то, чего нѣтъ у животныхъ. Они абстрагируютъ изъ жизни послѣднихъ законы, которые считаютъ господствующими и у людей. Почему же не сказать: животные не мыслятъ, значитъ и мы этого не должны дѣлать“ *)!

*) Die künstliche Zuchtwahl des Menschen. Freie Bühne. Berlin 2 Jahre. Heft 1. (Искусственный подборъ человѣка).

Какъ мы увѣрены въ томъ, что въ социалистическомъ обществѣ прекратится буржуазная борьба за товары и прибавочную цѣнность и расшатавающая нервы гонка и скачка изъ-за „прибыли безъ производства“, такъ же научно обоснована надежда, что въ немъ будетъ дано общее основаніе, на которомъ сможетъ имѣть мѣсто *психифизическій подборъ лучшихъ*, такъ какъ каждый органъ будетъ имѣть свое орудіе, каждая способность—свое положеніе и каждое дѣяніе—то, что имъ заслужено, поскольку подобная организація вообще возможна. Такимъ образомъ, социализмъ способствуетъ естественному соревнованію труда и ограничиваетъ пагубную и истребительную войну, въ видѣ которой свирѣпствуетъ капиталистическая конкуренція въ рядахъ человѣчества. Но естественная борьба производительнаго труда и борьба за положеніе и наслажденія—еще не самъ естественный подборъ. Такъ какъ органъ, который борется и орудія, посредствомъ которыхъ онъ борется, у человѣка внѣшнимъ образомъ раздѣлены, то техническій и социальный подборъ можетъ только *косвенно* помогать органическому совершенствованію людей. Къ этому долженъ присоединяться и *брачный* подборъ, который представляетъ собою единственное *прямое* средство къ поднятію и развитію расы. Необходимая задача воспитанія рода человѣческаго—*привести подборъ и совершенствованіе опять въ естественную и органическую связь*, которую разрушила прежняя цивилизація и особенно буржуазно-капиталистическое общество. Но буржуазные дарвинисты большею частью ошибочно принимаютъ экономическій подборъ за подборъ особей и даже за естественный подборъ.

4. Облагороженіе расы посредствомъ полового подбора.

Дарвинъ въ своей книгѣ „Происхожденіе человѣка“ высказалъ положеніе: „Человѣкъ, подобно всякому другому животному, очевидно поднялся до своего настоящаго высокаго уровня путемъ борьбы за существованіе, проистекающей изъ его быстрого размноженія; если ему суждено подвигаться еще далѣе впередъ, то слѣдуетъ опасаться, что ему придется оставаться подъ вліяніемъ жестокой борьбы. Иначе онъ быстро упадетъ въ бездѣйствіе и наиболѣе одаренные люди не получаютъ большаго успѣха въ борьбѣ за

жизнь, чѣмъ менѣе одаренные. Отсюда естественная быстрота, съ которой человѣкъ размножается, несмотря на то, что она ведетъ къ разнородному и очевидному злу, не должна быть уменьшена какими бы то ни было способами. Для человѣка должна существовать открытая конкуренція, и законъ и обычаи не должны мѣшать наиболѣе способнымъ имѣть рѣшительный успѣхъ въ жизни и оставлять наибольшее число потомковъ“ *).

Въ одной изъ прежнихъ главъ уже указывалось на то, что въ этихъ положеніяхъ много истиннаго, но много и ошибочнаго. Во-первыхъ, еще не доказано, что человѣкъ во времена цивилизаціи, — а здѣсь говорится только объ этомъ періодѣ исторіи, — органически поднялся на высшую ступень, а если и поднялся, то это только голословное утвержденіе, что это усовершенствованіе вызвано его быстрымъ размноженіемъ и сильной борьбой за существованіе. Мы уже много разъ высказывали тѣ основанія, въ силу которыхъ борьба за *матеріальное* существованіе не можетъ прямо произвести ни органическаго, ни духовнаго прогресса. Здѣсь мы опять вмѣстѣ съ Уоллесомъ, Вейсманномъ и другими объявляемъ себя противъ Дарвина. Что общаго, напримѣръ, имѣетъ выживание духовныхъ способностей нѣкоторыхъ людей къ математикѣ и музыкѣ съ борьбой за хлѣбъ? Побѣждающіе народы не произвели высшихъ народовъ, побѣждающіе классы — высшихъ классовъ, а побѣждающіе индивидуумы — высшихъ индивидуумовъ, а также и не самое многочисленное потомство. Хотя талантъ и геній наслѣдственны, но они не образуютъ непрерывнаго прогрессирующаго ряда поколѣній съ духовными способностями. Гэккель невѣрно говоритъ: „Естественный подборъ *всюду*, въ жизни человѣка, какъ и въ жизни животныхъ и растеній — самый важный преобразовательный принципъ и сильнѣйшій двигатель прогресса и совершенствованія. Борьба за существованіе или конкуренція ведетъ за собою то, что лучшій, какъ совершеннѣйшій, побѣждаетъ слабѣйшаго и менѣе совершеннаго“. Правда, Гэккель прибавляетъ: „Въ жизни человѣка эта борьба, однако, все болѣе

*) „Происхожденіе человѣка“. Въ подлинникѣ буквально сказано: „And if he is to advance still higher, is to be feared (слѣдуетъ опасаться) that he must remain subject to a severe struggle“ (The Descent of Man. London 1885. Стр. 618).

и больше становится *борьбой духа*, а не борьбой *смертоносныхъ оружий*. Органъ, раньше всѣхъ совершенствующійся, благодаря облагораживающему вліянію естественнаго подбора, это *мозгъ*. *Въ концѣ концовъ побуждаетъ человѣкъ совершеннѣйшаго ума* и передаетъ своему потомству по наслѣдству тѣ качества мозга, которые помогли ему въ побѣдѣ“. Эти положенія звучали бы очень хорошо, если бы они только были истиной, а не праздною иллюзіей, вытекающей изъ ничѣмъ не обоснованной абстракціи. Но какъ же случается, что борьба за существованіе становится *борьбой духа*? *

Цѣль ихъ организаторской, образующей цѣнности, создающей дѣятельности не производительная работа, а прибавочная цѣнность, „соперничество въ отношеніи прибыли“ и въ данномъ обществѣ средствомъ для этого служить организованная эксплуатація. Кромѣ того, предпринимателемъ является часто не самый пригодный въ коммерческомъ, техническомъ и экономическомъ отношеніяхъ, а что касается предпринимательскаго таланта, то многіе „хозяева“ должны были бы уступить мѣсто своимъ подчиненнымъ и служащимъ. Бебель говоритъ: „Если бы только во главѣ буржуазнаго общества должны были стоять талантъ и умъ, то большая часть предпринимателей должны были бы уступить мѣсто своимъ работникамъ, мастерамъ, техникамъ, инженерамъ, химикамъ и т. д. Это люди, которые въ 99 случаяхъ изъ ста сдѣлали тѣ открытія и изобрѣтенія, которыя потомъ стали эксплуатировать челоувѣкъ съ толстой мошной“ *). Здѣсь рѣшительное преувеличеніе, но, конечно, еще больше преувеличенія въ замѣчаніи Трейчке: „Предприниматель заставляетъ рабочія силы дѣйствовать въ цѣляхъ общества; это движущая сила, это душа трудового сообщества“ **). Такое мнѣніе—грубая иллюзія, такъ какъ предприниматель приводитъ въ дѣйствіе рабочія силы для своей выгоды, а не въ цѣляхъ общества. Выгода для общества является случайно и ненамѣренно, и такъ же часто это вторичное дѣйствіе можетъ быть невыгодно и вредно обществу. Безъ сомнѣнія и въ экономической конкуренціи существуетъ подборъ такого рода, что при опредѣленныхъ обстоя-

*) Die Fradt und der Sozialismus. Stuttgart. 1891. S. 270.

**) Treitschke. Der Sozialismus und seine Gönner. Berlin. 1875. S. 77.

тельствахъ являются люди даровитые и пригодные въ коммерческомъ и техническомъ отношеніяхъ; но большею частью одерживаетъ верхъ чисто спекуляторскій талантъ въ связи съ хитростью и безсовѣстностью. Современная социальная система устроена такъ, что даже дѣйствительно наиболѣе пригодные въ экономическомъ отношеніи не имѣютъ большихъ надеждъ на побѣду. Къ этому присоединяется, кромѣ того, еще и то, что экономически наиболѣе пригодные — не наиболѣе пригодные въ истинно-человѣческомъ смыслѣ, и когда въ нашъ вѣкъ экономическія способности становятся масштабомъ социальной и естественной цѣнности человѣка, то это указываетъ на печальное нравственное одичаніе.

Въ полемической статьѣ противъ Прудона, Марксъ слѣдующимъ образомъ изложилъ свое пониманіе экономической конкуренціи. Въ противоположность ученію Прудона, по которому предметъ промышленнаго соревнованія непременно — прибыль, а соревнованіе и есть именно конкуренція, Марксъ доказываетъ, что конкуренція — это соревнованіе относительно прибыли, тогда какъ въ промышленномъ соревнованіи непосредственнымъ объектомъ является продуктъ, а не прибыль. „Конкуренція не *промышленное*, а *коммерческое* соревнованіе. Теперь промышленное соревнованіе существуетъ, только имѣя въ виду *торговлю*. Бываютъ даже такія стадіи экономического развитія народовъ, когда весь міръ одержимъ особаго рода страстью *получать прибыль, ничего не производя*. Эта спекуляціонная возвратная лихорадка разоблачаетъ истинный характеръ конкуренціи, стремящейся избѣгнуть необходимыхъ условій промышленнаго соревнованія“ *).

*) Нищета философіи (Есть русскій переводъ). Буржуазную добродѣтель предпринимателя надо одѣнживать по масштабу *соответствія доброкачественности продукта величинѣ прибыли*. Индивидуалистическая теорія, какъ извѣстно, полагаетъ, что между личной выгодой въ отношеніи прибыли и выгодой общества въ отношеніи продукта существуетъ предустановленная гармония. Съ точки зрѣнія дѣловой буржуазной морали можно фактически различать, спекулируетъ ли кто-нибудь только на прибыль, когда ему безразличны пути и средства, хотя бы онъ при этомъ съ трудомъ избѣгалъ тюрьмы, или же получаетъ прибыль и при этомъ дѣйствительно совершаетъ социальную работу, т. е. даетъ въ качествѣ товара полезный и солидный продуктъ. Но конкуренція старается увильнуть отъ этихъ идеальныхъ правилъ, причемъ ни ея внутренней, самъ себя регулирующий механизмъ, ни полицейское законодательство не могутъ помѣшать „недобросовѣстному соперничеству“.

Анализъ внутреннихъ пружиныхъ экономической конкуренціи наносить смертельный ударъ ученію социальнаго гармоніи и теоріямъ социаль-дарвинистовъ. Послѣдніе ошибочно полагаютъ, что въ экономической борьбѣ дѣйствуютъ и напрягаются только *индивидуальныя* силы и имѣетъ мѣсто соревнованіе относительно продуктовъ, т. е. относительно усовершенствованія вида. Но послѣ всего сказаннаго невозможно признать въ современной экономической борьбѣ тотъ принципъ, посредствомъ котораго Дарвинъ старается объяснить естественное происхожденіе и усовершенствованіе видовъ. Въ чемъ состоятъ основныя различія, въ общемъ, уже изложено въ главѣ объ „Органическомъ и социальномъ подборѣ“. Животныя борются посредствомъ органовъ, съ которыми они рождаются на свѣтъ и упражняютъ и развиваютъ ихъ въ борьбѣ за существованіе, чтобы пропитать себя и затѣмъ перенести свои органическія качества на потомковъ. Здѣсь именно имѣетъ мѣсто *производительное соревнованіе* или, какъ говоритъ Штибеллингъ, *нормальная* борьба за существованіе. У человѣка же являются орудія, и къ унаслѣдованію органовъ присоединяется юридически урегулированное государствомъ наслѣдованіе внѣшнихъ средствъ существованія. Не только индивидуальныя силы, но главнымъ образомъ, внѣшнее вооруженіе и социальныя установленія, какъ напр. юриспруденція, законодательство и договоръ, рѣшаютъ побѣду въ борьбѣ за существованіе. Почти всѣ социаль-дарвинисты упускаютъ изъ виду экономическое вооруженіе. Долго и пространно проболтавъ объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ въ борьбѣ, Циглеръ въ примѣчаніи прибавляетъ: „Я не отрицаю, что при конкуренціи производствъ важны не только личныя качества, но и производительный капиталъ“ *).

Но капиталъ создастъ существенное различіе между исходомъ социальнаго и органическаго подбора. Капиталъ вноситъ *дуализмъ* въ образъ дѣйствій естественной конкуренціи. Она становится непормальной, ведущей къ вырожденію борьбой за существованіе. Но такъ какъ обыкновенно нѣтъ полного параллелизма между субъективной даровитостью и объек-

*) Ziegler. Die Naturwissenschaft und die sozialdemokratische Theorie u. s. w. S. 161.

тивной одаренностью орудіями труда, а, наоборотъ, соціальныя классовыя учрежденія и привилегіи препятствуютъ этому параллелизму, то возможность конкурировать для каждаго бываетъ различна, по крайней мѣрѣ, относительно внѣшней вооруженности орудіями труда и производства. Органическое унаслѣдованіе качествъ и юридическое наслѣдованіе ранга и капитала не должны непременно совпадать. Наоборотъ, способнѣйшіе и пригоднѣйшіе часто не имѣютъ возможности развиться и обнаружить свои таланты, между тѣмъ какъ дѣти богатыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, несмотря на прирожденную слабость, имѣютъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства и пути къ образованію. Правда, есть соціаль-антропологи, съ трогательною наивностью вѣрящіе въ то, что богатые и высокопоставленные достигли своего положенія въ силу естественнаго подбора и вслѣдствіе этого производятъ также дѣтей съ хорошими и несомнѣнно цѣнными задатками. Но это ложное соціально-политическое ученіе.

Дарвинъ и Уоллесъ уже признали, что дѣти бѣдныхъ и богатыхъ заранѣе подвержены неравнымъ условіямъ борьбы, независимо отъ ихъ способностей. Лафаргъ указалъ на то, что искусственное вооруженіе и усиленіе органовъ совершенно измѣняетъ условія подбора и побѣдителемъ въ борьбѣ становится не наилучше организованный, а наилучше вооруженный. Каутскій показалъ, что въ современной экономической борьбѣ рѣшаютъ исходъ ея не личныя качества, а обладаніе имуществомъ. Подобно Лафаргу, изложилъ двойственное отношеніе между животнымъ и человѣческимъ подборомъ и Гумпловичъ *): „У животныхъ, говоритъ онъ, *природныя силы и свойства имѣютъ рѣшающее значеніе въ борьбѣ за существованіе. Тутъ результатъ можно назвать естественнымъ или сообразнымъ съ природой.* Не то у людей, такъ какъ природныя силы и свойства замѣщаются здѣсь *искусственными средствами, которыя фальсифицируютъ результатъ борьбы*“.

„Слабоумный наслѣдуетъ искусственныя средства, напримѣръ, капиталъ или владѣніе землей отъ своихъ пред-

*) Gumpłowicz. Darwinismus und Soziologie. Die Zeit 1896. № 70. 72 и 73.

ковъ и благодаря этому тѣснить гениальнѣйшаго человѣка, лишеннаго средствъ, который, бѣдствуя, погибаетъ. Если же естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе имѣетъ слѣдствіемъ, какъ это стремились представить многіе социологи-дарвинисты, прогрессъ въ человѣчествѣ, улучшение и облагороженіе его, то этому противостоятъ тотъ печальный, такъ же повседневно встрѣчающійся фактъ, что гениальные мошенники не даютъ себя ловить, но побѣждаютъ въ борьбѣ за матеріальныя блага, тогда какъ честные люди гибнутъ. Прославленный прогрессъ, благодаря естественному подбору въ борьбѣ за существованіе, былъ бы въ такомъ случаѣ равнозначущъ съ гибелью всякой нравственности. Вотъ Гордіевъ узелъ, котораго не могутъ распутать социологи-дарвинисты“. Гумпловичъ приводитъ слѣдующее мѣткое замѣчаніе Анджело Вакарро, въ которомъ выражена подобная же мысль: „Животныя только благодаря *физиологической насильственности* могутъ передать свои преимущества потомкамъ. А у человѣка есть разные роды и способы передачи средствъ борьбы, охраны и защиты даже и физически и умственно слабымъ, стоящимъ низко въ моральномъ отношеніи, потомкамъ, которые, благодаря этимъ, *унаследованнымъ законнымъ путемъ*, средствамъ борьбы и защиты достигаютъ хорошаго положенія и побѣждаютъ отъ природы лучшихъ противниковъ“ *).

Резюмируемъ результатъ изслѣдованія: органическая и социальная борьба за существованіе, это, правда, двѣ формы проявленія одного и того же великаго біологическаго закона. Но существенное различіе между ними заключается въ томъ, что животныя завоёвываютъ себѣ существованіе посредствомъ органическихъ орудій и органически же передаютъ результатъ борьбы потомкамъ, между тѣмъ какъ въ

*) La lotta per l'Esistenza ei suoi effetti nell'umanità. Roma 1886, S. 39. (Борьба за существованіе и ея проявленія въ человѣчествѣ). Этой книги я, къ сожалѣнію, не могъ достать, а также и работы (Chiapelli, Darwinismo e Socialismo (Дарвинизмъ и Соціализмъ), входящую въ „Socialismo e pensiero moderno (Соціализмъ и современные мыслители). Когда моя книга была уже закончена въ рукописи, мнѣ прислали книгу G. Vadala Papale. Darwinismo naturale e Darwinismo sociale. Torino. 1883. Я упоминаю заглавія этихъ книгъ, чтобы дать возможно полный обзоръ литературы предмета.

обществѣ являются техническія орудія и извѣстныя общественныя установленія, которыя измѣняютъ и фальсифицируютъ естественные законы борьбы за жизнь.

Между органической даровитостью и технической вооруженностью, а также принадлежностью къ какому-нибудь классу, обыкновенно не долженъ необходимо существовать полный параллелизмъ. И экономическое вооруженіе и дѣленіе на сословія никонимъ образомъ не составляютъ продукта естественнаго подбора психо-физическихъ способностей единичной личности. Чѣмъ больше значенія имѣютъ въ борьбѣ экономическая собственность и техническое превосходство, чѣмъ больше социальное дѣленіе соответствуетъ степени владѣнія экономическимъ имуществомъ, тѣмъ ненормальнѣе становится борьба за существованіе, тѣмъ болѣе подборъ становится факторомъ не прогресса, а вырожденія. Общество все больше и больше удаляется отъ природы *).

Эта мысль ведетъ къ дальнѣйшему различенію, которое заключается въ вопросѣ: дѣйствительно ли въ современной экономической борьбѣ имѣетъ мѣсто *подборъ лучшихъ*? Кто

*) Зоологическія сравненія дарвинистическихъ социологовъ зачастую ужъ очень смѣшны. Одинъ очень заслуженный въ области своей спеціальности ученый, А. Эккеръ, дошелъ даже до того, что сравнивалъ животныхъ съ людьми въ отношеніи конкуренціи: „Какъ въ животномъ мірѣ животныя одного и того же или родственныхъ видовъ жестоко враждуютъ другъ съ другомъ, такъ и въ человѣческомъ обществѣ мы видимъ сильнѣйшую вражду между тѣми, кто зависитъ отъ одинаковыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, средствъ существованія. Такъ замѣчаемъ мы, напр., что въ обыкновенной жизни борются за существованіе портной съ портнымъ, сапожникъ съ сапожникомъ, но не портной съ сапожникомъ“. — „Что на низшей ступени культуры дѣлаетъ *сила*, то на высшей — конкуренція. Съ упорядоченіемъ обычаевъ и нравовъ, послѣдняя постепенно занимаетъ мѣсто первой и отъ людоеда, который убиваетъ своего конкурента дубиною и съѣдаетъ его къ обѣду, до *matchand tailleur* (портного-капиталиста), который отнимаетъ скудное пропитаніе у своего сосѣда, бѣднаго мелкаго портного, посредствомъ аршинныхъ буквъ своей рекламы, тянется непрерывная цѣль переходовъ, и все, что не запрещено, считается позволительнымъ“. Между прочимъ недурно и это сравненіе каннибализма съ генезисомъ буржуазной конкуренціи, но — продолжаетъ Эккеръ: „несмотря на печальныя стороны этой непрекращающейся борьбы, мы помиримся съ ней, если точнѣе измѣримъ ея слѣдствія и найдемъ, что какъ въ конкуренціи торговли, оборота и промышленности, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ дѣйствительное превосходство въ физическомъ и умственномъ отношеніи, такъ

вообще *лучшій* въ человѣческомъ смыслѣ? Гдѣ *аристократія* нашего времени, о которой мечтаютъ социаль-дарвинисты, и которой они рабски служатъ въ области теоріи? Юнкера ли это, капиталисты, предприниматели, профессора, чиновники или офицеры? На это дарвинисты или не смогли бы отвѣтить или отвѣтили бы фразой: это „имушіе и образованные классы“—верхнія десять тысячъ!

Здѣсь то и начинаются трудности вопроса и ошибки относительно результатовъ социального подбора. Кто „лучшій“ въ человѣческомъ смыслѣ? Если отвлечемся отъ *нравственной и умственной* пригодности, которая несомнѣнно имѣетъ большое значеніе во всей общественной жизни, и обратимъ вниманіе только на *экономическую* пригодность, то найдемъ, что въ свободной экономической конкуренціи побѣждаетъ даже не наиболѣе пригодный экономически въ смыслѣ производительнаго труда. Не наиболѣе пригодный экономически въ промышленномъ соревнованіи относительно *продукта*, а наиболѣе хитрый и опытный спекулянтъ въ коммерческомъ соревнованіи относительно *прибыли*—большую частью является „наилучшимъ“ въ системѣ свободной конкуренціи и умѣетъ лучше всего приспособиться къ окружающей средѣ. Разумѣется, и въ этой системѣ имѣетъ мѣсто подборъ наиболѣе приспособленныхъ, такъ какъ приспособленіе и подборъ—необходимые законы всякаго жизненнаго процесса. Несомнѣнно и теперь выживаетъ „наиболѣе приспособленный“, и это капиталистъ, который лучше всего умѣетъ спекулировать. Напоминаю о томъ, что сказалъ Шеффле относительно экономической конкуренціи: что въ ней годится всякое средство, лишь бы оно не вело въ тюрьму, что ей присуща тенденція побѣды посредствомъ нечестнаго оружія, что извѣстное ухудшеніе нравственности въ ней „имманентно“, и что она не можетъ ссылаться на Дарвина. Чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ дѣйствіе социального подбора въ экономической борьбѣ, я приведу здѣсь мнѣнія цѣлаго ряда

и въ высшихъ областяхъ, сколько бы ни случалось исключеній въ единичныхъ случаяхъ, лучшее всегда торжествуетъ надъ худшимъ, истина всегда остается наверху, а право остается правомъ“. *Der Kampf ums Dasein in der Natur und im Völkerleben*. Konstanz 1871. (Борьба за существованіе въ природѣ и въ жизни народовъ).

писателей, освѣтившихъ капиталистическій соціальный под-
боръ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Каутскій говоритъ: „Совмѣстное дѣйствіе отдѣльныхъ про-
изводствъ предоставлено слѣпой побудительной силѣ сво-
бодной конкуренціи. Съ огромной тратой силъ и средствъ,
помощью все усиливающихся потрясеній, она поддерживаетъ
ходъ экономическаго движенія; не тѣмъ, что она ставитъ
каждаго на соотвѣтствующее мѣсто, а тѣмъ, что истребляетъ
каждаго, кто мѣшаетъ дальнѣйшему ходу движенія. Это
называютъ „подборомъ лучшихъ въ борьбѣ за существованіе“.
На самомъ дѣлѣ конкуренція бракуетъ не столько непри-
годныхъ, сколько тѣхъ, кто находится на ненадлежащемъ
мѣстѣ, для котораго имъ не хватаетъ способностей или же—
а это самое главное—капиталовъ. Но въ настоящее время кон-
куренція не довольствуется браковкой не доросшихъ до
этой „борьбы за существованіе“. За каждымъ такимъ устра-
неніемъ побѣжденныхъ слѣдуетъ разореніе или потрясеніе
цѣлаго ряда другихъ существованій, которыя были эконо-
мически связаны съ производствомъ, принадлежавшимъ
банкроту: наемные рабочіе, кредиторы, поставщики и т. д.
Еще и въ наше время охотно употребляютъ пословицу: каждый
человѣкъ самъ куетъ свое счастье. Поговорка эта ведетъ
начало изъ временъ мелкаго производства, когда судьба
рабочаго зависѣла отъ его личныхъ качествъ и только
его и его семьи. Теперь судьба cadaго члена капита-
листическаго общества меньше всего зависитъ отъ его лич-
ности, а наоборотъ все больше отъ тысячи обстоятельствъ,
на которыя онъ не имѣетъ вліянія. То что даетъ нынѣ
конкуренція—уже не подборъ „лучшихъ“ *).

Б. Фридлиндеръ пишетъ: „Свирѣпствующая теперь между
людьми одной и той же націи нечеловѣческая и истреби-
тельная „борьба за существованіе“ и особенно современная
ея форма,—какъ долженъ быть бы признать и Гэккель,—
меньше всего аристократическій принципъ, а гораздо
скорѣе *какистократическій* принципъ, такъ какъ она даетъ
*величайшимъ и самымъ ловкимъ мошенникамъ возможность господ-
ствовать*“ **).

*) Das Erf. Programm. Stuttgart. 1892, S. 64.

**) Freie Bühne Jahrg. 1893, Hertzkas Freiland. (Какистократія—господство
наихудшихъ).

Ц. Іентшъ въ своей статьѣ „Соціальный подборъ и рабочее движеніе“ оспариваетъ требованія социалистовъ, но въ то же время критикуетъ современную систему конкуренціи съ такой острой и разъѣдающей насмѣшкой, которой нельзя было бы ожидать отъ противника социализма. Іентшъ протестуетъ противъ современнаго положенія, при которомъ не только всѣ вещественныя блага, но и человѣкъ, и его рабочая сила служатъ товаромъ на рынкѣ и представляютъ не больше какъ рыночныя товары. И это, говоритъ онъ, восхваляется, какъ особое счастье, потому что служить будто бы въ пользу соціальнаго подбора. „Я рѣшительно отрицаю, что этимъ путемъ достигается соціальный подборъ лучшихъ и прогрессъ человѣчества; отрицаю какъ то, что здѣсь совершается подборъ лучшихъ, такъ и то, что тѣ, которые образуютъ осадокъ и осуждаются къ гибели отъ нужды и бѣдствій, безусловно худшіе, негодные, малоцѣнные или мало ли какъ ихъ еще тамъ называютъ. Этотъ процессъ такъ называемаго подбора не отталкиваетъ уже существующихъ малоцѣнныхъ, а *создаетъ* ихъ массами тамъ, гдѣ ихъ раньше не было. Тому, кто былъ остороженъ въ выборѣ своихъ родителей, процессъ подбора ничего не причиняетъ: можно, будучи глупцомъ и лѣнтяемъ, достичь высокихъ почестей“. Затѣмъ, авторъ обращаетъ свой взглядъ вверхъ, чтобы посмотрѣть, создала ли здѣсь конкуренція людей высшей цѣнности. Онъ обозрѣваетъ различныя профессіи и призванія и находитъ, что мѣста достаются посредствомъ лжи, обмана, рекламы, нахальства, угодливости, односторонности и т. д. „И это подобранное конкуренціей общество — *аристократія*? Точно такъ же можно назвать аристократіей голодную собаку, которая вырвала кость у другой голодной собаки. Такъ же достойно названія аристократіи и вредное насѣкомое, которое, благодаря своимъ болѣе сильнымъ ножкамъ и орудіямъ добыванія пищи добралось до самого верха всей кучи насѣкомыхъ и поѣдаетъ лежащихъ подъ нимъ. *Настоящіе аристократы* повернутся спиной къ этому состязанію, а если и примутъ въ немъ участіе, то станутъ на сторону угнетенныхъ. — Нѣтъ, не аристократы эти выдерживающіе конкуренцію двуногіе волки, лисицы, домашніе скоты и одушевленные машины! Справедливость, доброта, мудрость, красота, веселіе, индивидуальность характера дѣ-

лаютъ человѣка аристократомъ и придаютъ цѣнность жизни. Первые два изъ этихъ хорошихъ и благородныхъ качествъ совершенно отвергаются представителями дарвинизма, какъ препятствія социальному подбору, остальные погибаютъ въ травлѣ конкуренціи“ *).

А. Блашко указываетъ на то, что „естественный подборъ противоположенъ экономическому; естественный подборъ совершается не въ пользу побѣдителей, а экономически побѣжденныхъ. Этотъ законъ выражается въ общезвѣстномъ явленіи вымиранія большинства буржуазныхъ семей въ теченіе немногихъ поколѣній“ **).

Теологамъ трудно пришлось, когда надо было оправдать человѣческую исторію передъ судомъ Божиимъ; зоологамъ это далось легче. Въ ихъ распоряженіи *фразы*, и онѣ звучатъ очень „научно“. Нѣтъ, исторію нельзя ни понять, ни оправдать съ точки зрѣнія облагораживающаго принципа естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Для этого въ ней слишкомъ много *безмыслія и насилія*. Не благороднѣйшій и лучшій, не совершеннѣйшій въ истинно-человѣческомъ смыслѣ выживаетъ. Зоологи и не подозреваютъ о *тригическомъ* элементѣ исторіи, который въ душахъ человѣческихъ проявляется въ таинственныхъ, полныхъ страданія сценахъ. Я страдаю по несправедливости! восклицаетъ прикованный къ скалѣ за услуги человѣчеству Прометей и, какъ говоритъ поэтъ:

Отчего подѣ ношей крестной
Весь въ пыли влечится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Окруженъ великой славой?

Техническое и духовное развитіе настолько повліяли усложняющимъ и дифференцирующимъ образомъ на историческій и общественный процессъ жизни цивилизованнаго

*) Die Zeit. Jahrg. 1897. № 126. Тутъ же Іентшъ въ своемъ „Соціально-номъ подборѣ“ (Sozialauslese S. 223, Leipzig 1898) говоритъ: „Тутъ мы видимъ тотъ фактъ, на который уже часто обращали вниманіе, что какъ разъ въ промышленности подборъ приспособленныхъ никоимъ образомъ не означаетъ подбора лучшихъ и еще меньше улучшеніе человѣческаго рода“. Указанная книга содержитъ критику соціально-дарвинистическихъ взглядовъ Тилле и Аммона.

**) Blaschko. N. Z. XIII, Jahrg. № 20. S. 621.

человѣчества, что органическіе и фізіологическіе процессы не могутъ быть поняты посредствомъ простыхъ законовъ исторіи развитія животныхъ. Такъ какъ положенія Дарвина только отчасти справедливы для прошедшаго, то они еще менѣе могутъ годиться для будущаго. Нѣтъ достаточнаго основанія приписывать значительное вліяніе на грядущее развитіе рода человѣческаго ни многочисленному и быстрому размноженію, ни усиленной борьбѣ за существованіе. Наоборотъ, мы должны стремиться къ ограниченію пагубной истребительной войны, вызываемой индивидуальной борьбой за матеріальное существованіе, чтобы щадить органическую жизненную силу человѣческаго рода и охранить ее отъ все усиливающихся вліяній вырожденія. Для теоретика расовой гігіены цѣлая трагедія заключается въ томъ фактѣ, что односторонняя и преувеличенная индивидуальная борьба за матеріальное существованіе уничтожаетъ фізіологическую силу нашего рода, что капитализмъ и милитаризмъ безсозвѣстно распоряжаются драгоцѣннымъ сокровищемъ рабочей силы человѣка, не справляясь съ тѣмъ, страдаютъ ли отъ этого природныя способности нашего рода, представляющія собою источникъ и основу всякой матеріальной и духовной культуры.

Дарвинъ и ученики его вывели изъ абстрактной біологической теоріи относительно прошедшаго и будущаго рода человѣческаго, слѣдствія, противорѣчащія дѣйствительности и болѣе глубокому изслѣдованію исторической и общественной стороны нашего существованія. Заблужденіе возникло отъ того, что совершенно были упущены изъ виду экономическія учрежденія и государственное законодательство, болѣею частью основанное на произволѣ и насилии. Дарвинъ былъ введенъ въ заблужденіе абстрактными и тенденціозными положеніями Мальтуса и ученіями буржуазно-индивидуалистической политической экономіи *). Дарвинъ проти-

*) По поводу вышеупомянутой аргументаціи Дарвина не мѣшаетъ сравнить его разсужденія съ слѣдующимъ положеніемъ Мальтуса, которое показываетъ, какъ некритически относится Дарвинъ къ повліявшимъ на него воззрѣніямъ Мальтуса: „Я не задумаюсь опровергнуть всякую искусственную и противорѣчащую законамъ природы мѣру для сдержанія населенія, какъ средство безнравственное и *подрывающее главное побужденіе къ труду*. Если число дѣтей въ каждомъ супружествѣ будетъ произ-

ворѣчить и самъ себѣ, такъ какъ, считая высшій процессъ дѣйствіемъ подбора въ борьбѣ за существованіе, онъ тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ замѣчаетъ, что высшая сторона человѣческой природы, нравственные качества человѣка, должны быть приписаны вліянію другихъ силъ.

До сихъ поръ еще не доказано, что быстрый приростъ населенія и усиленная борьба улучшаютъ расу. Да и нельзя этого доказать, а, наоборотъ, можно привести аргументы въ пользу того, что оба эти вліянія при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ухудшаютъ расу. Въ мірѣ животныхъ и растений обильное размноженіе и усиленная конкуренція, какъ убѣдительно показалъ Дарвинъ, являются двигателями прогресса. Для человѣческаго рода этотъ законъ органической жизни имѣетъ только относительное значеніе, т. е. онъ находится въ зависимости отъ увеличенія техническихъ и духовныхъ усложненій и дифференцированій. Въ органическомъ мірѣ можно указать подобное же отношеніе, именно зависимость между способностью размноженія и степенью культуры. Пассивное отношеніе низшихъ организмовъ къ внѣшнимъ силамъ и препятствіямъ окружающей среды болѣе чѣмъ уравнивается значительною плодовитостью. Чѣмъ больше возникаетъ физическихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ въ борьбѣ за существованіе, тѣмъ слабѣе становится сила воспроизведенія, т. е. тѣмъ *активнѣе* становится отношеніе организмовъ къ природѣ. Посредствомъ *орудія и логическаго мышленія* человѣка, активное отношеніе его къ природѣ поднимается въ высшую сферу жизни, въ исторію и въ общество, *идѣ психическое отношеніе человѣка къ челоѣку становится источникомъ прогресса*. На низшихъ ступеняхъ развитія рода человѣческаго законы прироста населенія безусловно играютъ значительную роль, потому что человѣкъ тогда еще находится подъ властью силъ природы, которыя предписываютъ ему законы его жизни. Такимъ образомъ, можно сказать, что значеніе закона народонаселенія въ различныя эпохи различно.

волью ограничено, то мѣра эта можетъ породить большую безпечность; такъ что различныя мѣстности, взятая отдѣльно, и весь земной шаръ въ совокупности не достигнуть такого количества населенія, какое они могли бы имѣть. Мальтусъ. Опытъ о законѣ народонаселенія. Переводъ Бибикова. Стр. 391^а.

Марксъ говоритъ: „Это своеобразный законъ населенія капиталистическаго способа производства, такъ какъ каждый способъ имѣетъ свои особые исторически дѣйствительные законы населенія. Отвлеченный законъ населенія существуетъ только у растений и животныхъ, поскольку человѣкъ не воздѣйствуетъ здѣсь исторически“. Но этимъ рѣшеніе вопроса только отодвинуто, и это признали бы даже послѣдователи Мальтуса, такъ какъ и они утверждаютъ, что на каждой ступени развитія общества количество людей опредѣляется количествомъ средствъ пропитанія. Положеніе Маркса не обозначаетъ, что съ опредѣленнымъ способомъ экономическаго производства связана опредѣленная фізіологическая сила воспроизведенія у людей. Такой абсолютно установившейся гармоніи между воспроизведеніемъ человѣка и производствомъ средствъ существованія нѣтъ. Фактически въ каждую данную эпоху имѣетъ мѣсто приспособленіе количества людей къ количеству жизненныхъ средствъ. Это законъ природы, неизбежный для всякаго живого существа, а также и для человѣка. Но это приспособленіе въ различные времена совершается при различныхъ условіяхъ. Оно происходитъ то съ большими, то съ меньшими жертвами, при чемъ на границѣ между возможнымъ и дѣйствительнымъ количествомъ людей дѣйствительно имѣетъ мѣсто борьба за одно только существованіе. *Марксъ* никогда не отрицалъ *относительнаго перенаселенія* и стремился найти причины его въ историческомъ развитіи современнаго общества. Уже А. Смитъ говоритъ: „Всѣ животныя породы естественно размножаются въ размѣрѣ имѣющихся средствъ существованія, и никакая порода не можетъ перейти за эти предѣлы. Въ образованныхъ странахъ только въ низшихъ классахъ общества недостатокъ въ средствахъ существованія можетъ положить преграды для размноженія человѣка, — и это можетъ происходить только однимъ путемъ: уничтоженіемъ большей части дѣтей, рождающихся отъ плодovitыхъ браковъ въ этихъ классахъ народа“ *). И такъ случается, прибавляетъ онъ, что спросъ на людей, какъ и на всякій другой товаръ, регулируетъ ихъ воспроизведеніе: спросъ усиливаетъ размноженіе, если оно идетъ слишкомъ

*) Смитъ. „Бог. нар.“ Перев. Библикова, стр. 221.

медленно и замедляетъ, когда оно идетъ черезчуръ быстро. По Марксу, капиталистическое накопленіе, сообразно съ своимъ объемомъ и энергіей, производить всегда *относительный*, т. е. для среднихъ условій производительности капитала ненужный, излишекъ рабочаго населенія. Но Марксъ отрицаетъ *абсолютное перенаселеніе*.

По мнѣнію социалистовъ еще не было найдено ни слѣда доказательства того, что лишнее населеніе должно исчезнуть изъ-за непосредственной нужды въ пищѣ на основаніи *законовъ природы*. Тутъ не говорится, конечно, о голодовкахъ изъ-за случайныхъ природныхъ бѣдствій, и Энгельсъ отдаетъ справедливость Мальтусу, соглашаясь съ нимъ въ томъ, что всегда существуетъ избыточное населеніе. Всегда слишкомъ много людей на свѣтѣ; Энгельсъ не согласенъ съ Мальтусомъ лишь въ томъ, что есть больше людей, чѣмъ ихъ могло бы пропитаться на наличныя средства существованія *). Социалисты, слѣдовательно, смотрятъ на относительное перенаселеніе, какъ на дѣйствіе *соціального строя*, а не неизбежнаго *закона природы*. Остается еще вопросъ, на который не отвѣтили Марксъ и его ученики, а именно, насколько социальнo-экономическая система и естественное стремленіе къ размноженію вліяютъ на количественный составъ общества? Если каждая эпоха и имѣетъ свои законы относительно народонаселенія, то все-таки возникаетъ вопросъ, который можно назвать вопросомъ социальной фізіологіи: въ какой причинной и дѣйственной зависимости другъ отъ друга находятся естественное размноженіе и социальная система? Если законъ народонаселенія господствуетъ въ жизни животныхъ, а также и человѣка на низшихъ ступеняхъ развитія, то какъ же это онъ не имѣетъ значенія въ современномъ цивилизованномъ или хотя бы въ социалистическомъ обществѣ? На это можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: потому что съ каждымъ человѣкомъ теперь рождается и новая экономически производительная сила, между тѣмъ какъ животныя и люди на низшихъ ступеняхъ развитія являются только потребителями по отношенію къ природнымъ источникамъ питанія.

*) Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Stuttgart. 1892 S. 83.

Это, вѣроятно, думать и К. Каутскій, упрекая Мальтуса въ томъ, что онъ сравниваетъ количество средствъ существованія съ числомъ *потребителей*, а не *производителей* *). Значитъ, чѣмъ болѣе повышается *активная* дѣятельность человѣка, благодаря совершенствованію техники и экономки, чѣмъ больше человѣкъ становится экономической рабочей силой, тѣмъ больше отодвигается на второй планъ вліяніе естественнаго закона народонаселенія, тѣмъ большее количество людей, соотвѣтствующее флогіологической силѣ воспроизведенія, можетъ рождаться и находить себѣ пропитаніе. Но этимъ еще не рѣшенъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, происходитъ ли на ряду съ этимъ и въ той же мѣрѣ усиленіе объективной производительности средствъ производства, т. е. эксплуатація силъ природы. Тутъ ничего нельзя высчитать точно и математически. Достоверно извѣстно только то, что эксплуатація природы еще не закончена, а наоборотъ, благодаря огромному развитію науки и техники, принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Какъ ни полны великихъ надеждъ эти отвѣты, но еще опредѣленнѣе другой отвѣтъ: именно, что во власти человѣка урегулировать прирость населенія и ограничить господство законовъ естественнаго размноженія, вліяя на самое зачатіе потомства **).

Здѣсь видна тенденція прогрессивной культуры все болѣе и болѣе ограничивать число жертвъ въ борьбѣ за существованіе и изгнать изъ жизни страданіе. Но мы не можемъ присоединиться къ тому, съ научной стороны, очень сомнительному взгляду, по которому *способъ пропитанія* можетъ урегулировать прирость населенія. Да, въ интересахъ женщинъ мы требуемъ, чтобы все больше и больше становились извѣстными и употребительными нѣкоторыя предупредительныя мѣры.

Мы вмѣстѣ съ Бебелемъ полагаемъ, что женщина будущей эпохи больше, чѣмъ теперь, „захочетъ пользоваться своей самостоятельностью“. Такимъ образомъ, культурнымъ прогрессомъ можно назвать то, что человѣкъ все больше и

*) Kautsky. Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien 1880 S. 29.

***) Сравн. Geddes und Thomson. The Evolution of the sex; есть и франц. переводъ.

больше становится властелиномъ природы и кузнецомъ своего счастья.

Если также само собою понятно, что соотвѣтственно ограниченнѣйшій просторъ населенія есть *органическая* основа всякаго духовнаго и матеріальнаго прогресса, то слѣдуетъ отвергнуть тѣ необоснованныя и смѣлыя гипотезы, по которымъ быстрое и многочисленное размноженіе нашего рода и основывающаяся на немъ все усиливающаяся борьба за существованіе могутъ оказать выгодное вліяніе на прогрессъ нашей культуры. Скорѣе можно допустить какъ разъ противоположное. Между тѣмъ, какъ до сихъ поръ вопросы ученія о народонаселеніи разсматривали только съ точки зрѣнія *количества*, теперь начинается возникать новый біологическій взглядъ, который считаетъ главнымъ пунктомъ соціальной фізіологіи *органическаго качества* человѣка.

Какъ извѣстно, ученіе Дарвина состоитъ въ томъ, что наиболѣе приспособленныя *выживаютъ* въ борьбѣ за существованіе и *размножаются*. Ученіе это состоитъ, значитъ, изъ теоріи подбора и усовершенствованія. Теорія Спенсера о *самочищеніи* расы выражаетъ подобную же точку зрѣнія. Но раньше было показано, что въ цивилизованномъ обществѣ замѣчается тенденція отдѣлить другъ отъ друга подборъ и усовершенствованіе и направить подборъ на путь вырожденія. Далѣе мы показали, что только экономическая организація социализма въ состояніи опять привести подборъ единичныхъ личностей къ тенденціи естественной законосообразности, но что этотъ подборъ особенъ самъ по себѣ не способенъ надолго поднять уровень расы. Подъ словомъ *раса* въ этнологическомъ смыслѣ понимаютъ сумму фізіологическихъ признаковъ, которые отличаютъ одну часть рода человѣческаго отъ другой. Это слово употребляютъ и въ болѣе узкомъ смыслѣ породы, чтобы обозначить поразительную здоровую жизненную энергію отдѣльныхъ личностей. Такъ говорятъ, напримѣръ, о женщинѣ, что въ ней видна порода, раса. Въ этомъ смыслѣ раса обозначаетъ фізіологическую силу человѣка и, дѣлая послѣднюю предметомъ практически гигиеническихъ мѣръ, мы справедливо можемъ говорить о расовой *гигиенѣ*, какъ это сдѣлалъ А. Плетцъ. Сумма всѣхъ предписаній, имѣющихъ цѣлью здоровье человѣка, есть гигиена. Старѣе всѣхъ *индивидуальная и социальная ги-*

гигіена, которая предписываетъ мѣры, касающіяся единичныхъ людей и ихъ совмѣстнаго существованія. Гигіена расы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ это *гигіена размноженія*, изучающая условія, при которыхъ могутъ быть улучшены качества новыхъ поколѣній. Она составляетъ примѣненіе ученій о естественномъ и искусственномъ подборѣ къ человѣку. Такимъ образомъ окажется, что *только воссоединеніе социальнаго подбора съ брачнымъ подборомъ* можетъ предохранить органическую силу нашего рода отъ гибели и проложить дорогу къ облагороженію. Мы даже убѣждены, что многія изъ существующихъ теперь печальныхъ явленій, въ родѣ умственного разстройства, болѣзней, поражающихъ цѣлые органы, слабости тѣлосложенія, преступности, пьянства, моральнаго слабоумія и т. д., исходятъ изъ экономическихъ причинъ и представляютъ слѣдствія истощающей истребительной борьбы за матеріальное существованіе; всѣ эти нужды и недостатки исчезнутъ, когда вступить въ дѣйствіе рациональная социальная и промышленная гигиена. Но, съ другой стороны, справедливо указывали на то, что наша медицинская и гуманная помощь ускоряетъ процессъ вырожденія, поддерживая слабыхъ и больныхъ, давая даже возможность брака и наслѣдственной передачи всякихъ недостатковъ. тогда какъ, будучи сами себѣ предоставлены, эти слабые безжалостно пали бы жертвой процесса выключенія. Вспомнимъ о борьбѣ Спенсера противъ филантропіи и законовъ въ пользу бѣдныхъ и слабыхъ, о его заступничествѣ за полную индивидуальную свободу личнаго интереса и личной заботы о самомъ себѣ, съ цѣлью не мѣшать процессу очищенія расы. Гэккель еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ указалъ на послѣдствія „медицинскаго подбора“; чѣмъ больше больные родители съ помощью врачебнаго искусства тянутъ свое болѣзненное существованіе, тѣмъ болѣе многочисленное потомство можетъ наслѣдовать ихъ неизлѣчимыя болѣзни, тѣмъ большее число индивидуумовъ и въ слѣдующемъ поколѣніи, благодаря дѣйствію искусственнаго „медицинскаго подбора“, получаютъ отъ родителей наслѣдственные болѣзни *).

*) *Natürliche Schöpfungsgeschichte* 1898, S. 154. Поль Якоби (Jacoby) указываетъ на то, что медицина, сохраняя жизнь больного, котораго природа стремится и устранить и такимъ образомъ произвести подборъ силы

Вейсманнъ объединить эти факты подъ названіемъ „соціальной панмиксіи“, вслѣдствіе которой происходитъ вырожденіе расы. Тутъ, слѣдовательно, наши гуманныя стремленія въ пользу *защиты слабыхъ* несомнѣнно противорѣчатъ требованіямъ основаннаго на естественно-научномъ познаніи *очищенія расы*, такъ какъ этотъ процессъ стремится выключить всѣ несовершенныя формы. Привести къ примиренію это противорѣчіе обязанностей, при столкновеніяхъ между новой и старой моралью — вотъ этическая задача нашего и грядущаго поколѣнія *).

Какъ и во всѣхъ вопросахъ соціальной біологіи, такъ и здѣсь *Дарвинъ* выразилъ нѣкоторыя основныя мысли относительно сохраненія и улучшенія расы. Когда Дарвинъ примѣнилъ свою теорію естественнаго подбора къ возникновенію рода человѣческаго и къ дифференцировкѣ расъ, онъ пришелъ къ глубокому убѣжденію, что не только борьба за пропитаніе, но гораздо болѣе *борьба за размноженіе* и исходящій изъ нея *половой подборъ* были главными двигателями прогресса. Къ этому принципу онъ, однако, сводитъ больше вторичныя половыя признаки и внѣшнее вооруженіе; половой подборъ

и здоровья, дѣйствуетъ такъ же, какъ и постоянное войско и ведетъ къ ухудшенію населенія.—Не потомки сильныхъ, богатыхъ, мудрыхъ, энергичныхъ и интеллигентныхъ составляютъ будущее человѣчество, а потомки крестьянъ, рабочихъ, нуждающихся буржуа, низкорослыхъ и маленькихъ—будущность принадлежитъ посредственности. *Etudes sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme*. Paris. 1881. Предисловіе.

*) Соціальная панмиксія, дѣйствительно, существуетъ, но не имѣетъ ничего общаго съ смѣшеніемъ сословій или классовъ. Исключая увеличенія количества болѣзней, наслѣдственность которыхъ доказана, по изслѣдованіямъ Вейсманна, цивилизованное человѣчество подвержено и непосредственному *органическому вырожденію*. Вейсманнъ объясняетъ этимъ значительное учащеніе случаевъ сильной близорукости и ухудшеніе нашихъ зубовъ, а Гегаръ (Negar)—уменьшеніе грудныхъ железъ у женщинъ. Можетъ быть, отъ этого зависятъ и другія вредныя измѣненія въ области органовъ чувствъ, мускульной системы, строенія костей. Что касается близорукости, то среди врачей не существуетъ разныхъ мнѣній о ея наслѣдственности. Знаменитый окулистъ Арльтъ назвалъ ее соціальной болѣзнью. Такимъ образомъ, всякое искусственное вмѣшательство, которое поддерживаетъ или даже замѣщаетъ *органическую* дѣятельность *механическими* вспомогательными средствами, можетъ повести иногда къ прогрессирующему вредному измѣненію посредствомъ панмиксіи. Кромѣ *техники* въ направленіи вредной панмиксіи дѣйствуютъ еще медицина, жалость, защитительное законодательство и т. д.

онъ считаетъ скорѣе дотационнымъ, нежели конституціоннымъ *). Кромѣ того, онъ освѣтилъ вліяніе индивидуальнаго выбора, который имѣетъ мѣсто въ человѣческомъ бракѣ, на конституцію тѣла (тѣлосложеніе) и на моральныя и интеллектуальныя качества. „Человѣкъ изучаетъ съ величайшей заботливостью свойства и родословную своихъ лошадей, рогатаго скота и собакъ, прежде чѣмъ соединить ихъ въ пары; но, когда дѣло касается его собственнаго брака, онъ рѣдко или никогда не выказываетъ подобной же осмотрительности. Онъ руководствуется приблизительно тѣми же побужденіями, какъ и низшія животныя, оставленныя на собственный произволъ, хотя онъ настолько выше ихъ, что придаетъ огромное значеніе умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ. Кромѣ того, человѣка сильно привлекаютъ богатство или общественное положеніе. А между тѣмъ онъ могъ бы способствовать разумнымъ подборомъ не только развитію физическаго сложенія и наружности своихъ потомковъ, но и развитію умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Оба пола должны были бы воздерживаться отъ брака, если они въ сколько-нибудь рѣзкой степени страдаютъ физическими или умственными недостатками. Но подобныя желанія относятся къ области утопій и никогда не будутъ даже отчасти осуществлены въ дѣйствительности до тѣхъ поръ, пока законы наслѣдственности не будутъ изслѣдованы вполне. Всякій, кто способствуетъ достиженію этой цѣли, оказываетъ большую пользу человѣчеству“ **). И въ этомъ Дар-

*) Эти термины, введенные Гааке, были объяснены въ другомъ мѣстѣ.

**) Дарвинъ. Происхожденіе человѣка. Не могу воздержаться отъ того, чтобы въ этомъ мѣстѣ не указать на мѣткія замѣчанія о *качествѣ населенія*, которыя мы находимъ иногда у Мальтуса. Мальтусъ указываетъ на преимущество — *достигать требуемаго количества населенія страны съ помощью наименьшаго числа рожденій*. „Я настаиваю на томъ, что главная цѣль состоитъ въ уменьшеніи смертности для всѣхъ возрастовъ; а для составленія себѣ понятія о счастьи народа и о достоинствѣ его правительства, вмѣсто того, чтобы опираться, какъ это обыкновенно дѣлается, на относительное число рождающихся, слѣдуетъ обращать вниманіе на число умирающихъ, не достигшихъ зрѣлаго возраста“. Мальтусъ. Опытъ о законѣ народонаселенія. Пер. Бибикова, стр. 351. — „Если не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уменьшеніе относительнаго числа

винъ имѣеть предшественниковъ. Судя по тому, что рассказываетъ Плутархъ о спартанскомъ законодателѣ Ликургѣ, послѣдній очень дѣльно примѣнялъ въ дѣйствительности гигиену размноженія. Онъ придавалъ большое значеніе физическому развитію обоихъ половъ и условіямъ брака. Слабые и болѣзненные новорожденные выбрасывались на негостепримныя скалы Тайгета и, такимъ образомъ, устранялись отъ процесса образованія расы. Слѣдовательно, здѣсь имѣло мѣсто „своего рода соревнованіе въ отношеніи лучшаго тѣлосложенія“. Платонъ, на идеи котораго повліяли спартанскія установленія, въ своей „Республикѣ“ замѣчаетъ: „Съ человѣческимъ родомъ дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ охотничьими собаками и лошадьми“. Законодательство Платона предписываетъ, чтобы стражи, т. е. высшій классъ, изъ котораго выходятъ мудрецы и вожди, въ половыхъ отношеніяхъ не смѣшивались между собою безпорядочно. Лучшіе мужчины и женщины должны сожителствовать. Дѣти должны происходить отъ людей, которые находятся въ полномъ расцвѣтѣ, мужчины должны быть 30 лѣтъ, а женщины 20, чтобы изъ хорошихъ происходили лучшіе, а способные создавали бы еще болѣе способныхъ дѣтей *).

Въ новѣйшее время, послѣ общаго подъема біологическаго естествознанія, благодаря болѣе глубокому познанію органическаго процесса развитія человѣка, въ литературѣ все еще не исчезаетъ требованіе оказать вліяніе на фізіо-

рожденій есть единственное средство для прочнаго улучшенія здоровья и благосостоянія всей массы народа; если въ то же самое время уменьшеніе есть единственное средство для поддержанія той части населенія, которая состоитъ изъ взрослыхъ и общается во всѣхъ отношеніяхъ больше пользы для общества; если, поэтому, это есть единственное средство вызвать постоянное возрастаніе безспорно полезнаго населенія, то безъ сомнѣнія въ высшей степени важно, чтобы такія истины были всѣмъ извѣстны“. Тамъ же, стр. 351.

*) Ср. въ моемъ „System des moralischen Bewusstseins“ главу объ „Этикѣ Платона“, стр. 183—194. Платонъ, кромѣ *полового подбора*, знаетъ и *соціальный подборъ*. Въ нѣсколькихъ діалогахъ онъ объясняется съ софистами, на которыхъ нѣсколько похожи современные соціаль-дарвинисты. И они признавали право сильнаго, а одинъ изъ нихъ, Калликлъ, считалъ естественнымъ и справедливымъ, „что сильнѣйшій господствуетъ надъ слабымъ и имѣеть больше, нежели онъ“. Основанія, посредствомъ которыхъ Сократъ опровергалъ софистовъ, еще и теперь вѣрны и заслуживаютъ признанія.

логическую сторону жизни и предупредить органическое вырожденіе. Одни въ темныхъ краскахъ нарисовали безостановочный процессъ вырожденія, который грозитъ гибелью человѣческому роду, другіе, витая въ безпочвенномъ оптимизмѣ, хотятъ приписать грядущее облагороженіе нашего рода болѣе сильной борьбѣ за существованіе и ни передъ чѣмъ не останавливающемуся истребленію дурныхъ. Какъ и во всѣхъ новыхъ идеяхъ, такъ и здѣсь многое преувеличено и односторонне понято.

Между новѣйшими писателями, которые, слѣдуя Спенсеру и Дарвину, считаютъ главнымъ пунктомъ, имѣющимъ социально-физиологическій интересъ, улучшение расы, особенно замѣчательны Гейкрафтъ (Haeckel), Уоллесъ и Плэтцъ (Ploetz). Гейкрафтъ въ своей интересной книгѣ: „Естественный подборъ и улучшение расы“ *) обращаетъ особое вниманіе на *обязанности родителей*. Онъ требуетъ, чтобы прежде всего отдѣлили преступниковъ и бродягъ отъ честныхъ бѣдняковъ. „Общество должно было бы смотрѣть на нихъ, какъ на классъ безнадежныхъ людей, не заслуживающихъ мѣста между работающими членами его; о бродягахъ надо заботиться и контролировать ихъ; но препятствовать ихъ размноженію хотя бы *изъ соображенія къ возможному потомству*, это общественный долгъ“. Затѣмъ, онъ, какъ и Дарвинъ, требуетъ *возможно большаго распространенія знанія законовъ подбора и развитія*. Онъ надѣется такимъ образомъ возбудить въ общественномъ мнѣніи сильное чувство, направленное противъ браковъ между явно больными лицами; да, онъ даже думаетъ, что въ концѣ концовъ могли бы придти къ запрещенію подобныхъ браковъ **).

*) Haeckel. *Natürliche Auslese und Rassenverbesserung*. Leipzig. 1895.

**) Кто стоитъ на почвѣ современнаго карательнаго законодательства, можетъ, не стѣсняясь, ставить это требованіе. Если запрещены и наказуемы прелюбодѣйство, преждевременное изгнаніе плода, противоестественный развратъ, то почему же не разсматривать, какъ преступленіе противъ „нравственности“, и произведеніе больныхъ и хилыхъ дѣтей? Болѣе глубокое разсмотрѣніе дѣла съ социально-этической точки зрѣнія забросятъ весь варварскій аппаратъ современнаго карательнаго законодательства за проступки противъ „нравственности“ въ мусорную яму несправедливости и одновременно съ этимъ безусловно отвергнуть запрещеніе или наказаніе за браки между очевидно больными индивидуумами.

На основаніи разумнаго подбора родителей для будущаго поколѣнія намъ нечего было бы уже бояться при томъ уходѣ, который можетъ доставить индивидууму современная культура и гигиена.

А. Р. Уоллесъ въ своихъ вышеприведенныхъ статьяхъ: „Подборъ у человѣка“ и „Прогрессъ человѣчества“ считаетъ *половой подборъ* единственнымъ средствомъ прогресса расы. Онъ справедливо указываетъ на то, что намъ не нуженъ высшій уровень совершенства для немногихъ избранныхъ; но требуется повышеніе средняго уровня, и этого легче всего достигнуть посредствомъ выключенія тѣхъ, кто стоитъ ниже всѣхъ, и свободнаго смѣшенія остальныхъ. Уоллесъ рѣшительно протестуетъ противъ вмѣшательства, посредствомъ параграфовъ закона, въ личную свободу человѣка въ вопросахъ, которые такъ глубоко затрагиваютъ его счастье. „Развѣ мыслящій человѣкъ хотя на минуту допустить малѣйшую возможность того, чтобы мы были въ состояніи сколько-нибудь успѣшно приступить къ преобразованіямъ такихъ важныхъ соціальныхъ вопросовъ, какъ вопросы о бракѣ и семьѣ, служащіе средствами физическаго и моральнаго прогресса расы, въ обществѣ, которое смотритъ на эти огромныя противорѣчія между голодомъ и роскошью, какъ на явленія неизбѣжныя, и въ своемъ законодательствѣ считаетъ ихъ вопросами, до которыхъ ему нѣтъ дѣла? *Какая это насмѣшка—маскировать могилу современнаго общества планами нравственнаго и физическаго подъема расы*“.

Уоллесъ убѣжденъ въ томъ, что если мы „очистимъ Авіеи конюшни“ современнаго общественнаго строя и введемъ такія установленія, что всѣ рабочіе будутъ получать полное вознагражденіе за свой трудъ, то будущность расы гарантирована тѣми же законами человѣческаго развитія, которые повели за собой медленный, но непрерывный прогрессъ высшихъ свойствъ человѣка. Уоллесъ надѣется, что при повышеніи уровня образованія и при большей свободѣ процессъ подбора произойдетъ самъ собою съ тенденціей постоянно выключать низшіе типы людей и такимъ образомъ надолго поднять средній уровень расы; и именно *женщинамъ* онъ приписываетъ большое значеніе, какъ фактору въ процессѣ подбора.

Въ книгѣ Плэтца о „Годности нашей расы и о защитѣ

слабыхъ“ *) мы находимъ мысли Уоллеса въ измѣненномъ и отчасти расширенномъ видѣ. Здѣсь ясно выражается конфликтъ между стараніями врача спасти больныхъ и слабыхъ отъ вѣрной смерти, а также социальными-политическими покровительственными законами, съ одной стороны, и идеальными требованіями расовой гігіены, съ другой стороны. Плэтцъ разсматриваетъ и экономическіе вопросы и показываетъ, что социализмъ никоимъ образомъ не мѣшаетъ требованіямъ естественнаго улучшенія расы, но даже, наоборотъ, „ему слѣдовало бы приписать способность уничтоженія почти всего того, что противорѣчитъ подбору или вредитъ ему въ современной системѣ капитализма“. Альфа и омега гігіены размноженія—это примѣненіе предупредительныхъ мѣръ, дающихъ возможность отдѣлнить моментъ воспроизведенія рода отъ часто необходимыхъ чувственныхъ потребностей минуты и отложить его до желаемого срока, когда настанутъ благопріятныя условія. Плэтцъ желаетъ также уничтоженія или ограниченія матеріальной борьбы за существованіе, но (и это показываетъ глубокое пониманіе исторіи прогресса органической жизни) съ этимъ не исчезаетъ, по его мнѣнію, общій принципъ подбора, а посредствомъ предупредительныхъ мѣръ и полового подбора „процессъ подбора изъ борьбы многокѣлочныхъ организмовъ переходитъ въ борьбу составляющихъ ихъ ближайшихъ низшихъ организацій, т. е. *отдельныхъ клетокъ*“. Это значитъ, примѣняя терминологию Вейсмана: *подборъ личностей (подборъ людей) замѣняется подбо-*

*) Ploetz. Die Tüchtigkeit uns. Rasse u. der Schutz der Schwachen. Berlin, 1895. Изъ нѣмецкихъ авторовъ, еще раньше Плэтца, другой врачъ В. Шалльмайеръ (Schallmayer) въ небольшомъ сочиненіи „О физическомъ вырожденіи культурнаго человѣчества“ (Über die körperliche Entartung der Kulturmenschheit) указалъ на вредное вліяніе медицины на естественный подборъ и далъ основныя черты гігіены размноженія и наследственности. Успѣхи медицины приносятъ пользу тому или иному больному, но не человѣческому роду. „Но наше ученіе о наследственности еще въ *зачаточномъ* состояніи и недостаточно ни для поученія публики, ни для обоснованія законныхъ препятствій браку“. (S. II). III. хочетъ завалить главный источникъ зла вмѣсто того, чтобы вѣчно съ малыми успѣхами и громадными жертвами бороться съ вредомъ, который приноситъ этотъ источникъ. Indicatio causalis, указаніе причины, вѣдь, и вообще считается въ медицинѣ самымъ важнымъ. Впрочемъ III. относится къ социализму симпатично и безъ предрасудковъ.

роль зародышей (подборъ зародышевой плазмы). Уже показано мною выше, что количество людей можетъ опредѣляться посредствомъ ограниченія численности новаго поколѣнія еще до развитія зародышевой плазмы; но *качество* ихъ опредѣляется сведеніемъ индивидуальнаго подбора на зародышевый. Оба направленія имѣютъ прогрессивную тенденцію все болѣе и болѣе ограничивать число жертвъ въ борьбѣ за существованіе и устранять страданія и бѣдствія изъ процесса развитія.

Соціалистическіе писатели совершенно справедливо считаютъ *женскій* и *рабочій* вопросъ тѣсно связанными другъ съ другомъ, такъ какъ экономическая организація неразрывно соединена съ положеніемъ женщины въ обществѣ. Мы стремились доказать, что капиталистическая конкуренція не есть законъ природы въ смыслѣ теоріи Дарвина, а также, что хотя социализмъ и желаетъ уничтоженія капиталистической формы борьбы за существованіе, основанной на эксплуатации и ведущей къ вырожденію какъ побѣдителя, такъ и побѣжденнаго, но ничуть не добивается устраненія общественной и индивидуальной борьбы за жизнь. Онъ придаетъ послѣдней форму, соответствующую и требованіямъ возвышенныхъ соціально-этическихъ взглядовъ, и хозяйственно-техническому развитію. На основаніи этого признанія, социализмъ требуетъ равныхъ соціальныхъ условій развитія для всѣхъ. На почвѣ такой организаціи *неизбѣжный природный законъ соціального подбора по способностямъ и заслугамъ* найдетъ плодотворную ниву, на которой расцвѣтетъ сильное, здоровое и работоспособное поколѣніе. Социализмъ снова соединитъ соціальныи подборъ и усовершенствованіе и, посредствомъ обновленія брачной и семейной жизни, сдѣлаетъ возможнымъ естественный подборъ. Но для этого нужно возвышеніе положенія женщины и равноправіе ея съ мужчиной: необходимо установить, чтобы женщина пользовалась такими же, т. е. *принципально* одинаковыми условіями развитія, какъ и мужчина, и, наконецъ, нужно, чтобы женщина стала матеріально независима отъ мужчины. Доводы зоологовъ противъ такого пониманія женскаго вопроса не выдерживаютъ критики. Когда дарвинисты слышатъ слово „равный“, они становятся дикими и неразумными, какъ нѣкоторые животныя, когда имъ покажутъ красный платокъ. Они сейчасъ же предполагаютъ ме-

ханическое и монотонное равенство тамъ, гдѣ идетъ рѣчь только о принципиальномъ равноправіи, которое допускаетъ,— и должно допускать — для отдѣльныхъ личностей весьма значительную степень дифференцированія. Мы также хорошо знаемъ психологическія и физиологическія различія между мужчиной и женщиной, какъ и наши противники—зоологи: мы знаемъ, что эти различія не всѣ „искусственны и вызваны воспитаніемъ“; но буржуазные естествоиспытатели знаютъ только буржуазную женщину и буржуазный бракъ и дѣлаютъ мѣщанина неувядаемымъ типомъ челоѣчества. „Буржуа и не подозрѣваетъ, говорится въ извѣстномъ манифестѣ, что весь вопросъ въ томъ, чтобы *измѣнить положеніе женщины, какъ исключительныхъ орудій воспроизведенія*“.

Теперь, кажется, уже оставили манеру „научно“ доказывать меньшую цѣнность женщины посредствомъ физиологическихъ дедукцій. Вопросъ уже вступилъ въ стадію практическаго опыта и попытокъ; а это и есть единственный путь, ведущій къ раціональному рѣшенію вопроса. Есть женщины съ мужскимъ умомъ и мужчины съ умомъ женщины. Дѣлать людей на два различныхъ класса по ихъ половымъ задачамъ—значить употреблять довольно грубый принципъ дѣленія. Платонъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ передовыхъ борцовъ за женскую эмансипацію. Онъ говоритъ: „Ни одно занятіе тѣхъ, кто управляетъ государствомъ, не есть занятіе женщины собственно потому, что она женщина, или мужчины, потому что онъ мужчина. Природные задатки въ одинаковой мѣрѣ разсѣяны среди обѣихъ половъ, и по природѣ женщинѣ принадлежитъ такое же участіе во всѣхъ занятіяхъ, какъ и мужчинѣ; только женщина во всемъ слабѣе мужчины“.

Когда Аммонъ и К^о говорятъ: „Своеобразныя отношенія половъ другъ къ другу основаны на лучшемъ приспособленіи къ спеціальнымъ задачамъ: женщинъ—къ дѣтороженію и уходу за дѣтьми, мужчинъ—къ прокормленію и защитѣ семьи“, то это произвольная абстракція, которая безъ всякаго основанія обобщается. Не говоря уже о томъ, что буржуазная промышленность дѣлаетъ буржуазную семью иллюзіей, социальное положеніе половъ на различныхъ ступеняхъ развитія несомнѣнно различно. Уходъ за дѣтьми, защита и пропитаніе зависятъ отъ степени развитія семейной и экономи-

ческой жизни. Женщина, напр., первоначально является носителем началъ промышленности и сельскаго хозяйства *), а въ будущемъ военная дѣятельность мужчины совершенно прекратится, и призваніе его, какъ „кормильца“ семьи, потеряетъ большую часть своего значенія.

Въ настоящее время брачный подборъ, особенно въ „лучшихъ“ буржуазныхъ кругахъ, сопровождается отвратительнымъ звономъ металла. Положеніе и богатство больше вліяютъ на выборъ, чѣмъ физическія и умственные способности. Мы твердо увѣрены въ томъ, что будущее (и мы уже находимся въ началѣ этого движенія) *усилитъ половую любовь индивидовъ и содѣлаетъ половую совесть болѣе чуткой*. Въ то время, какъ старая мораль требуетъ отъ родителей, чтобы они позаботились о дѣтяхъ съ экономической стороны и оставили имъ возможно болѣе богатствъ, новая совесть научитъ людей обязанностямъ родителей въ отношеніи ответственности ихъ за унаследованное физическое и духовное сложеніе потомства. И въ этомъ случаѣ наши представленія, чувства и обязанности должны измѣниться, какъ уже мѣнялись не разъ.

Судя по имѣющемуся у насъ описанію великорусскаго „міра“ (см. напр. у Гакстгаузена), на высшей ступени хозяйства и свободы дитя потребуетъ отъ общества самыхъ насущныхъ и общихъ средствъ развитія, такъ что его образованіе и воспитаніе не будутъ зависѣть отъ случайностей имущественнаго состоянія родителей. Для этого намъ надо только расширить наши общественныя учебныя заведенія и дать одинаковую возможность образованія всѣмъ, кто хочетъ проявить свои таланты и способности. Но только обобществленіе крупныхъ средствъ производства можетъ принципиально устранить явленія, служація помѣхою для подбора. Однако, относительно брачнаго подбора мы не ждемъ спасенія отъ принудительныхъ государственныхъ законовъ; но ожидаемъ многого отъ выясненія законовъ развитія и наслѣдственности, которые такъ же должны проникнуть въ сознаніе и совесть людей, какъ ^{десять} ^{заповѣдей} Моисея. Многого ждемъ мы и отъ особаго воспитанія для брака, которое теперь едва только начинаетъ появляться. Чтобы установить опредѣленно формулированныя половыя обязан-

*) Ср. Н. Ellis, Mann und Weib. Leipzig 1895, 1 Kapitel.

ности, разумѣется, нужно болѣе глубокое знаніе тенденцій наслѣдственности.

Какъ половой подборъ будетъ положительнымъ образомъ повышать или, по крайней мѣрѣ, сохранять органическую силу человѣка, такъ и новая половая совѣсть отрицательнымъ образомъ помѣшаетъ наслѣдственной передачѣ недостатковъ и страданій больныхъ и выродившихся безнадежному потомству. Но самыми неподходящими для этого средствами было бы запрещеніе браковъ со стороны государственнаго законодательства. Здѣсь надо указать на значительное различіе между половымъ актомъ и *оплодотвореніемъ*, которые такъ часто смѣшиваются моралистами. Представлять половой актъ безъ цѣлей оплодотворенія преступнымъ — чисто филистерскій предразсудокъ. Половой актъ несомнѣнно можетъ имѣть мѣсто, если посредствомъ разумныхъ предупредительныхъ мѣръ устраняется зачатіе больного поколѣнія.

Мы убѣждены, что ни полицейское запрещеніе брака, ни проповѣдь „моральнаго воздержанія“ относительно этихъ вещей ничего не подѣлають. Отрицательное дѣйствіе утонченной половой совѣсти, мнѣ кажется, имѣетъ больше важности для настоящаго, чѣмъ для будущаго, когда на передній планъ выступаютъ положительныя вліянія. Въ настоящее время плохихъ слѣдствій, которыми часто сопровождается зависящій отъ состоянія или положенія выборъ супруговъ, лучше всего можно избѣгнуть посредствомъ предупредительныхъ мѣръ. Разумѣется, кто вмѣстѣ съ Мальтусомъ разсуждаетъ, какъ теологическій или морализирующій ханжа, и думаетъ, что „половыя отношенія, исключаящія дѣторожденіе, унижаютъ достоинство человѣческой природы“, тотъ можетъ считать болѣе достойнымъ и нравственнымъ рождать на свѣтъ больныхъ, хилыхъ и безнадежныхъ дѣтей, которыя являются тяжелымъ бременемъ для родителей и способствуютъ гибели рода *).

Лучше всего заключить эту главу сердечными словами свободнаго отъ предразсудковъ юриста Г. Фикка, который

*) Ханжество не могло искоренить такой соціальной язвы, какова проституція; неужели же эта язва лучший исходъ, чѣмъ чисто гигиеническія предупредительныя мѣры?

уже давно изложилъ великое значеніе принциповъ дарвинизма въ общественной и половой жизни такимъ образомъ, что каждый соціалистическій писатель вѣроятно съ удовольствіемъ согласится съ нимъ:

„На мой взглядъ, задача разума и мудраго законодательства не уничтожать борьбу за существованіе, а урегулировать ее такъ, чтобы въ борьбѣ за существованіе оружіемъ являлись истинныя физическія, умственные и нравственныя добродѣтели, истинныя качества, полезныя сперва отдѣльному государству, а, въ конечномъ результатѣ, и всему обществу. Побѣдители должны видѣть и уважать въ побѣжденномъ братѣ человѣка, утѣшать его и снабжать не средствами къ увеличенію и насльдственной передачѣ его слабыхъ сторонъ, а, поскольку возможно, средствами къ поддержанію достойнаго человѣческаго существованія“ *).

5. Природное равенство людей.

Въ предыдущихъ главахъ изложены основныя черты зависимости между дарвинизмомъ и социализмомъ относительно вопросовъ о собственности и бракѣ. Остается еще только коснуться третьяго отношенія, которое, кромѣ экономическихъ и половыхъ отношеній, имѣется между членами одного и того же общества, именно расчлененія и порядка совместной жизни общества. Эти стороны отражаются въ нравственныхъ представленіяхъ людей и дѣлаютъ возможнымъ сознательное, цѣлесообразное совместное бытіе и совместную дѣятельность. Здѣсь идетъ дѣло о вопросахъ *соціальной психологии и этики*, собственно объ идеѣ природнаго равенства людей, объ образованіи классовъ и о задачахъ управленія и господства, о расчлененіи призваній и о воспитаніи.

Теперь, кажется, сдѣлалось модою въ нѣкоторыхъ кругахъ позорить память Руссо въ историческихъ воспоминаніяхъ человѣчества и высмѣивать его представленія о первобытномъ природномъ состояніи людей съ точки зрѣнія напыщенной, естественно-исторической мудрости. Борьбу за существованіе въ первобытномъ состояніи рода человѣ-

*) H. Fick. Über den Einfluss der Naturwissenschaft auf das Recht. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. XVIII Bd. 1872.

ческаго любить рисовать въ ужасномъ и дикомъ видѣ, какъ будто первобытнымъ людямъ больше печего было дѣлать, какъ постоянно драться и поѣдать другъ друга. Между тѣмъ, новѣйшія изслѣдованія Мукке, кажется, показываютъ, что Руссо во многомъ былъ вовсе не такъ неправъ. На Руссо вваливаютъ отвѣтственность за очевидно ложныя и необоснованныя представленія социалистовъ о *природномъ равенствѣ людей* и при этомъ вдвойнѣ ошибаются, подсовывая и Руссо и социалистамъ представленія, которыхъ у нихъ никогда не было. Фонъ Трейчке восклицаетъ, что основное заблужденіе социалистовъ обусловливается „ложнымъ представленіемъ о природномъ равенствѣ всѣхъ людей“ *), а пѣмецкій національ-экономистъ Г. Шмоллеръ, который 25 лѣтъ тому назадъ защищалъ отъ нападеній Трейчке такое мнѣніе о равенствѣ людей, которое звучитъ почти социалистически (при чемъ призвалъ на помощь ученіе А. Смита, о которомъ будетъ потомъ упомянуто), теперь пришелъ къ иному взгляду. „Устарѣвшій хламъ изъ эпохи просвѣщенія, допущеніе природнаго равенства всѣхъ людей и неравенства, созданнаго исключительно государственными установленіями и неправильнымъ раздѣленіемъ капитала, является молчаливой предпосылкой всякой подобной аргументаціи“ **). Борьба съ идеями эпохи просвѣщенія получила новое подкрѣпленіе въ лицѣ социологовъ - дарвинистовъ. Наше поколѣніе, чья свободная духовная культура основана большею частью на дѣяніяхъ просвѣтителей прошлаго столѣтія, обнаруживаетъ крайнюю неблагодарность, когда оно съ такимъ важнымъ видомъ начинаетъ читать Руссо и его товарищамъ нѣсколько дарвинистическихкихъ лекцій и наставлять ихъ на путь истинный, какъ если бы передъ нами были глупые школьники. Но кто нѣсколько посвященъ въ социалистическую литературу и въ сочиненія Руссо, тотъ знаетъ, что ни социалисты, ни Руссо никогда не проповѣдовали природнаго равенства людей въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ упрекаютъ. Руссо проповѣдовалъ какъ разъ противоположное. „Я замѣчаю въ родѣ чело-

*) Н. v. Treitschke, Der Sozialismus und seine Gönner (Социализмъ и его сторонники). Berlin 1875. S. 8.

**) G. Schmoller. Wechselnde Theorien und feststehende Wahrheiten. (Мѣняющіяся теоріи и твердо установленныя истины). Berlin 1897, S. 16 ff. Ср. главу IV этой книги.

вѣческомъ, говоритъ онъ, два вида неравенства: одинъ, который я называю *природнымъ* или *физическимъ*, потому что оно введено природой и заключается въ различіяхъ возраста, здоровья, физическихъ силъ, качествъ ума и духа; другой, который можно назвать *нравственнымъ* или *политическимъ*, такъ какъ оно зависитъ отъ нѣкотораго рода уговора и вводится или, по крайней мѣрѣ, санкціонируется соглашеніемъ между людьми. Последняго рода неравенство состоитъ изъ различныхъ привилегій, которыми пользуются одни на счетъ другихъ, когда они болѣе богаты, уважаемы или могущественны, чѣмъ другіе, и даже подчиняютъ ихъ себѣ. Нечего спрашивать о томъ, что является источникомъ природнаго неравенства, потому что отвѣтъ выразится въ одномъ только простомъ объясненіи значенія слова. Еще менѣе можно изслѣдовать, есть ли какая нибудь существенная связь между обоими видами неравенства; это значило бы спрашивать, необходимымъ ли образомъ болѣе цѣнны повелѣвающіе, нежели повинующіеся, и всегда ли у индивидовъ сила тѣла и духа, мудрость и добродѣтель соотвѣтствуютъ ихъ власти и богатству: вопросъ этотъ подобало бы обсуждать рабскимъ натурамъ, которыхъ охотно слушаютъ господа, но онъ не пристоеенъ для разумныхъ и свободныхъ мужей, стремящихся къ свободѣ^{*)}). Мы видимъ, что Руссо никоимъ образомъ не проповѣдуетъ естественнаго равенства людей, какъ говорятъ его противники. Онъ также никогда не утверждалъ, что люди въ первобытномъ состояніи были всѣ равны, но онъ совершенно справедливо доказывалъ, что въ первобытномъ состояніи господствовала большая простота и однородность въ пищѣ, образѣ жизни и дѣятельности, чѣмъ въ буржуазномъ обществѣ, гдѣ воспитаніе и учрежденія создаютъ природное неравенство тамъ, гдѣ его еще нѣтъ и усиливаютъ его тамъ, гдѣ оно есть. Поэтому, по мнѣнію Руссо, вопросъ о связи между естественнымъ и общественнымъ неравенствомъ принадлежитъ къ числу такихъ, на которые отвѣтъ самоочевиденъ, такъ что человѣкъ, стремящійся къ свободѣ, вовсе не имѣетъ надобности ставить его. Это очень не нравится Гексли, который придерживается того взгляда, что общественное неравенство необходимо слѣдуетъ за естествен-

*) Rousseau. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Bâle 1754, S. 43—44.

нымъ. Изъ своего изслѣдованія Руссо дѣлаетъ выводъ, что моральное неравенство, которое санкціонируется существующимъ правомъ, противорѣчитъ естественному праву, поскольку оно не совпадаетъ съ физическимъ неравенствомъ. Это различіе показываетъ, что надо думать о томъ видѣ неравенства, который распространенъ среди цивилизованныхъ народовъ, такъ какъ очевидно противно законамъ природы, каково бы ни было ихъ опредѣленіе, чтобы дитя повелѣвало старцу, чтобы слабоумный управлялъ умнымъ человѣкомъ и чтобы горсть людей наслаждалась изобиліемъ, между тѣмъ какъ голодная масса не удовлетворяетъ самыхъ необходимыхъ потребностей *).

Но вѣдь и „Декларация правъ человѣка и гражданина“ не возвѣщала того равенства, которое мерещится полнымъ предразсудковъ реакціонерамъ-экономистамъ и естествоиспытателямъ. Она возвѣстила, какъ и Руссо въ своемъ „Contrat social“, *политическую свободу передъ закономъ*, но не то, что всѣ люди равны или должны стать такими. Наоборотъ, она объявляетъ, что всѣ члены общества должны имѣть равныя права на общественныя должности, положенія и мѣста, *сообразно со своими различными способностями*, и что только ихъ качества и таланты могутъ устанавливать различіе между ними. Изъ боязни краснаго призрака социаль-демократіи, наши современные политики, экономисты и буржуазные дарвинисты осмѣливаются причислять къ „хламу эпохи просвѣщенія“ эти идеи истинно великаго умственнаго и нравственнаго прогресса, въ которыхъ замѣчается безусловно здоровое и разумное стремленіе къ социальному познанію и совѣсти. Скорѣе надо было бы туда направить самого главу политико-экономовъ А. Смита, который, дѣйствительно, имѣетъ преувеличенное представленіе о равенствѣ людей. Онъ учитъ, что различіе природныхъ способностей у различныхъ людей на самомъ дѣлѣ гораздо меньше, чѣмъ кажется, и различнаго рода способности, которыя, повидимому, раздѣляютъ людей различныхъ занятій, когда эти люди достигаютъ зрѣлаго возраста, *представляютъ не столько причины, сколько средства раздѣленія труда*. Разница въ самыхъ несходныхъ характерахъ, напримѣръ, философа и простого носильщика не при-

*) Ibid. стр. 146.

рожденная. а произошла вслѣдствіе привычки, упражненія и воспитанія. „По природнымъ свойствамъ между философомъ и посильщикомъ нѣтъ и половины того различія въ дарованіяхъ и умственныхъ способностяхъ, какое существуетъ между дворовою собакой и борзою, между борзою и лягавою, между послѣдней и овчаркой“ *).

Это отчасти преувеличено. Смитъ вѣрно указываетъ на неравенство, создаваемое раздѣленіемъ труда; но съ исторической точки зрѣнія легко понять, что подобныя представленія явились неизбежною реакціей противъ преувеличенной феодальной сословной гордости. Хотя Шмоллеръ раньше и ссылаясь на ученія Смита о равенствѣ, теперь онъ ставитъ социаль-демократамъ слѣдующій упрекъ: утопическій идеалъ, рисуемый и Марксу въ совершенно неясныхъ очертаніяхъ, состоитъ въ *устраненіи всѣхъ классовыхъ противоположностей, всякаго экономического неравенства, всякаго различія въ раздѣленіи имуществъ и доходовъ* ***). Совершенная правда, что социализмъ стремится къ устраненію всѣхъ классовыхъ противоположностей, но невѣрно, что онъ добивается уничтоженія всякаго экономического неравенства. Уже много разъ были опровергаемы ложныя и неосновательныя выдумки противниковъ. Когда же прекратятся подобныя обвиненія? Въ „Критикѣ программы социаль-демократической партіи“ ****), Марксъ даетъ планъ социальнаго прогресса и перехода къ новому общественному строю: „Несмотря на весь этотъ прогрессъ, это *равное право* все еще находится въ буржуазныхъ тискахъ. Право производителей *пропорціонально* ихъ труду; равенство заключается въ томъ, что все измѣряется одинаковымъ масштабомъ—трудомъ. Но одинъ превосходитъ другого въ физическомъ или умственномъ отношеніи: значить, въ одно и то же время производитъ больше работы или можетъ работать въ теченіе большаго количества времени; а работа, чтобы служить мѣрой, должна быть опредѣленною по продолжительности или по интенсивности, иначе она перестаетъ быть мѣриломъ. Это равное право есть неравное право для неравной работы. Оно не признаетъ классовыхъ различій, такъ какъ каждый—только работникъ, какъ и всякій

*) Ад. Смитъ. Изсл. о прир. и прич. бог. нар. Стр. 115. (пер. Библикова).

**) Schmoller. Wechs. Theor. u. feststehende Wahrh. S. 16.

***) N. Z. 1890—91 № 18, S. 567.

другой, но оно молчаливо признает *неравную индивидуальную даровитость, а отсюда и производительность, какъ естественныя привилегіи. Оно, поэтому, по содержанію своему, такое же право неравенства, какъ всякое другое право.* Право, по природѣ своей, можетъ заключаться только въ примѣненіи одинакового мѣрила; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными), измѣряются одинаковымъ масштабомъ постольку, поскольку можно на нихъ смотрѣть съ одной точки зрѣнія, брать ихъ только съ одной какой-нибудь стороны: напримѣръ, въ данномъ случаѣ они разсматриваются *только, какъ работники*, въ ихъ больше ничего не видятъ, отъ всего остального отвлекаются. Далѣе: одинъ работникъ женатъ, другой нѣтъ, одинъ имѣетъ больше дѣтей, чѣмъ другой и т. д., и т. д. При равномъ количествѣ труда, а потому и равномъ участіи въ общественномъ потребительномъ фондѣ, одинъ, слѣдовательно, получаетъ фактически больше другого, одинъ богаче другого и т. д. Чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ, *право* вмѣсто того, чтобы быть равнымъ, должно было бы быть неравнымъ. Но эти неудобства неизбежны въ первой стадіи коллективистическаго общества, когда оно только что выйдетъ изъ капиталистическаго общества послѣ долгихъ родовыхъ болей. *Право никогда не можетъ быть выше экономическаго строя и обусловленнаго имъ культурнаго развитія общества.* На высшей стадіи коллективизма, послѣ того какъ исчезнетъ поработавшее подчиненіе индивидовъ раздѣленію труда, а съ нимъ и различіе между физическимъ и умственнымъ трудомъ; послѣ того, какъ трудъ станетъ не только средствомъ къ жизни, но и необходимой жизненной потребностью; послѣ того, какъ со всестороннимъ развитіемъ индивидовъ возрастутъ и производительныя силы, и всѣ источники общаго богатства начнутъ течь обильнѣе,—только тогда узко-буржуазный юридическій горизонтъ расширится, и общество напишетъ на своихъ знаменахъ: „Каждому по его способностямъ, каждому по его потребностямъ“.

Марксъ, значить, безусловно признаетъ природное различіе индивидовъ. Уничтоженіе классового господства и обобществленіе средствъ производства не обозначаетъ уничтоженія всякаго экономическаго неравенства. Этотъ *коллективизмъ* и есть собственно принципъ социализма въ болѣе

узкомъ смыслѣ. По ту сторону коллективизма Марксъ видитъ высшую стадію хозяйственнаго и духовнаго развитія, гдѣ господствуетъ истинный коммунизмъ и осуществляется тенденція: каждому по его способностямъ, каждому по его потребностямъ! Но это не предполагаетъ уничтоженія всякаго различія природныхъ способностей или дѣйствій, и этимъ не достигается полное равенство раздѣленія имущества и доходовъ. Такой коммунизмъ есть *воплощенный въ дѣйствительности индивидуализмъ*. Въ этомъ выражается *величайшая моральная истина* человѣчества, и кто слѣдитъ за исторіей развитія морали человѣческаго рода, тотъ знаетъ, что все духовное и экономическое развитіе общественныхъ силъ вело къ выполненію этой задачи. Въ этомъ отношеніи мы—заодно съ лучшими и благороднѣйшими представителями человѣчества, которые заступались за правду и справедливость.

Соціально-демократическая программа требуетъ „уничтоженія классового господства и самыхъ классовъ и установленія равныхъ правъ и обязанностей для всѣхъ, безъ различія пола и происхожденія“. Здѣсь, разумѣется, не говорится о равенствѣ индивидуумовъ, а о принципиальной равноправности, независимо отъ класса, расы и пола. Относительно женскаго вопроса было уже сказано все существенное. Соціализмъ не признаетъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ противъ определенной расы, и стоитъ за національное самоопредѣленіе народовъ. Дарвинистическіе соціологи нападаютъ на принципъ уничтоженія классового господства. Они считаютъ общественный классовый строй результатомъ дѣйствія естественнаго подбора. И Трейчке сводитъ экономическое происхожденіе классовъ къ природному неравенству, къ „неравенству силы, которая рѣшаетъ дѣло во всякой борьбѣ за существованіе въ первобытномъ человѣчествѣ“. Трейчке думаетъ, что классовое господство необходимымъ образомъ вытекаетъ изъ природы общества; это, по его мнѣнію, *естественная аристократія*. Превосходство господствующихъ классовъ въ исторіи большею частью основано на послѣдствѣнности нравственнаго склада. „Въ каждомъ мыслимомъ строѣ общества должны быть классы, которые принимаютъ различное участіе въ трудахъ и наслажденіяхъ культуры; въ каждомъ—низшій классъ, который принимаетъ въ свою средѣ все то, что, благодаря своей винѣ или несча-

стью, не может попасть въ высшій классъ, съ своей стороны присылаетъ свои лучшія силы въ эти высшіе слои". Вотъ задушевныя убѣжденія социаль-дарвинистовъ.

Но Трейчке витаетъ въ области чистѣйшихъ иллюзіи, которыя выворачиваютъ историческую дѣйствительность наизнанку. Такой могла бы быть исторія, такой она должна была бы быть. Но исторія не настолько галантна, чтобы слѣдовать теоріямъ ученыхъ. Сводить образованіе классовъ къ естественному раздѣленію труда также певѣрно, какъ и приводить этотъ процессъ къ социальному подбору *). Исторія вовсе не такъ легко объяснима и не настолько полна внутренней гармоніи, чтобы въ борьбѣ расъ, классовъ и индивидовъ всегда побѣждали и передавали по наслѣдству свое благородство лучшіе и благороднѣйшіе. Законы органическаго роста въ своей простой формулировкѣ не могутъ быть примѣнены къ сложнымъ духовнымъ и экономическимъ условіямъ социальнаго процесса. Если говорятъ, что дарвинизмъ аристократиченъ и является научнымъ обоснованіемъ неравенства, то можно сказать и противоположное. Уничтоженіе классового господства никакимъ образомъ не есть преступленіе противъ природы. Что такое, собственно, природа? Она не что иное, какъ теоретическое и практическое отношеніе нашихъ силъ къ препятствіямъ, являющимся извнѣ; она, значить, зависить безусловно отъ нашего поведенія относительно этихъ препятствій. Но поведеніе людей на различныхъ ступеняхъ культуры далеко не одинаково, и Марксъ, поѣтому, справедливо считаетъ всю исторію „непрерывнымъ преобразованіемъ человѣческой природы“. Рибо въ главѣ о *соціальныхъ результатахъ наслѣдственности*, разсматривая зависимость между естественной и юридической наслѣдственностью, сводитъ сущность классовъ и кастъ къ слѣпой вѣрѣ въ наслѣдственность и говоритъ: „Все предшествующее приводитъ къ выводу, что наслѣдственность есть законъ при-

*) Это утвержденіе направлено также противъ Маркса, когда онъ говоритъ: „Происхожденіе кастъ и цеховъ слѣдуетъ тому же самому закону природы, который управляетъ расчлененіемъ животныхъ и растеній на различныя виды и разновидности, съ тою только разницею, что, на извѣстной степени развитія, наслѣдственность кастъ и замкнутость цеховъ декретируется въ видѣ общественнаго закона“. Марксъ. Капиталъ.

роды, отъ котораго народы съ возрастающей цивилизаціей все болѣе и болѣе освобождаются“ *).

Послѣдовательный *индивидуализмъ*, сильно развившійся съ психода среднихъ вѣковъ, стремится освободить личность отъ случайностей рожденія или имущественнаго состоянія и обусловить ея успѣхи ея же собственными силами и талантами; это послѣдній революціонный актъ, и онъ пересилитъ наивное суевѣріе, по которому въ одной какой-либо сектѣ или кастѣ существуетъ привилегія наслѣдованія выдающихся свойствъ и способностей. Конечно, наслѣдственность существуетъ, но ни наше научное знаніе ея законовъ, ни наивное кастовое суевѣріе не обязываютъ общество къ непогрѣшимои установкѣ перегородокъ и привилегій. Таланты и способности не наслѣдственны абсолютно въ такомъ смыслѣ, чтобы можно было ввести соответствующія наслѣдственные привилегіи. Насколько хватаетъ нашихъ научныхъ познаній, цѣлесообразнѣе всего дать мѣсто *свободному индивидуальному подбору* на почвѣ социальной равноправности.

Въ силу этого, ни одинъ социалистъ не будетъ спорить противъ того положенія, что въ каждомъ обществѣ должна существовать извѣстная мѣра количественнаго и качественного раздѣленія труда, и вездѣ во главѣ должны стоять лучшіе. Дарвинисты не должны поучать насъ тому, что каждый обязанъ достигъ мѣста, соответствующаго его способностямъ. Это разумѣется исполнѣ въ интересахъ общества; но мы сомнѣваемся въ томъ, что въ современномъ обществѣ механизмъ подбора—*педагогическій, юридическій, экономическій, военный и моральный подборъ* даетъ истинно лучшимъ индивидамъ ихъ естественное мѣсто. Для этого недостаетъ предварительныхъ общихъ социальныхъ условій, которыя могутъ быть даны только коллективизмомъ средствъ производства и уничтоженіемъ классового господства. Мы придерживаемся мнѣнія Трейчке, что *простое должно сдѣлать болѣе благородному*, но мы рѣшительно сомнѣваемся, что это такъ и водится въ мнимо „природной аристократіи“ классового господства—и, кромѣ того, понятіе „простого“ и „благороднаго“ допускаетъ весьма различныя толкованія. Огромное значеніе для здороваго и цѣлесообразнаго социального

*) Ribot. L'Hérédité. (Есть нѣмецкій переводъ).

подбора имѣть, на ряду съ хозяйственной организаціей, также *воспитаніе*. Соціалистовъ упрекали въ томъ, что они хотятъ устранить профессію человѣка. Они справедливо хотятъ устранить *буржуазную* профессію, которая отдѣляетъ профессиональнаго буржуа отъ человѣка. Что такое собственно профессія? Имѣетъ ли пролетаріи профессію? или *свободу* профессіи? Можно ли въ нашемъ экономически-разрозненномъ обществѣ говорить о *призваніи труда* или же о *жизненномъ призваніи*? Капиталь, говоритъ Марксъ, раздробляетъ человека. Уже въ извѣстномъ манифестѣ выставляется требованіе, чтобы воспитаніе и производство, работа и обученіе были приведены въ тѣсную взаимную связь. „Изъ фабричной системы, какъ это можно въ подробности прослѣдить у Роберта Оуэна (Owen), возникаетъ зародышъ будущаго воспитанія, которое для всѣхъ дѣтей опредѣленнаго возраста соединить производительный трудъ съ обученіемъ и гимнастикой; и это не только способъ увеличенія общественнаго производства, но и единственный способъ произведенія всесторонне развитыхъ людей“ *). Подобныя педагогическія организаціи имѣли бы огромное вліяніе на нравственное и физическое образованіе дѣтей. Онѣ устранили бы *односторонность* раздѣленія труда, которое развиваетъ только немногіе задатки и способности, между тѣмъ какъ другія стороны вырождаются. Онѣ привели бы науку въ плодотворную связь съ соціальной организаціей и вызвали бы настоящій обмѣнъ продуктовъ труда, о которомъ напрасно мечтали либеральные соціологи. Въ этомъ смыслѣ исчезъ бы на самомъ дѣлѣ буржуазный профессиональный человѣкъ.

Люди рождаются съ различными силами и склонностями, но что въ нихъ „естественно“, и насколько каждый доступенъ вліянію воспитанія — это вопросы, которые можетъ рѣшить только практика. Въ то время какъ раньше все приписывали воспитанію, теперь впадаютъ въ противоположную ошибку, придавая слишкомъ большое значеніе прирожденнымъ свойствамъ. Надо быть осторожнымъ и не поддаваться научнымъ вѣяніямъ данной минуты. Но чего мы можемъ теперь достигъ, это возможнаго уничтоженія искусственнаго неравенства, вызваннаго чрезмѣрнымъ раздѣленіемъ труда. Вовсе

*) Марксъ. Капиталь.

не необходимо, какъ думаетъ Гэккель, чтобы техническое раздѣленіе труда вело къ соціальному раздѣленію и дѣлало единичнаго человѣка живой машиной. Надо, по словамъ Кампфмейера, создать духовныя *компенсаціи*, т. е. уравновѣшенія такого рода, чтобы „у работающихъ рукъ, ногъ, плечъ опять выростала голова, и человѣкъ, такимъ образомъ, былъ бы возстановленъ“ *).

Съ другой стороны, Толстой проповѣдуетъ Евангеліе физическаго труда, которое одно могло бы помѣшать физическому вырожденію. Занятіе физическимъ трудомъ есть естественный законъ. Люди, которые будутъ трудиться, чтобы исполнить радостный законъ труда, освободятся отъ суевѣрія личной собственности. Безусловно нравственная мысль, что каждыи человѣкъ долженъ посредствомъ физическаго труда производить средства, необходимыя для удовлетворенія потребностей его тѣла. Но не менѣ важна мысль, не въ интересахъ ли общества выдѣлить определенное количество людей, которые посвятили бы себя умственному труду. Если дѣйствительно происходитъ соціальныи обмѣнъ индивидуальными продуктами труда, если результаты умственной и научной дѣятельности не составляютъ больше привилегіи господствующаго класса, если, благодаря соціальному подбору, *умственнымъ производительнымъ* трудомъ занимаются наиболѣе пригодные для этого, то въ такомъ раздѣленіи труда нѣтъ уже никакой опасности ни для личнаго, ни для общаго блага. Разумѣется, мудрое воспитаніе потребуеъ, чтобы даже *все дѣти* приняли участіе въ физическомъ производительномъ трудѣ. Въ извѣстной мѣрѣ сосредоточеніе на какой-либо определенной отрасли труда, повидимому, необходимо для техническаго развитія и производительности, и нѣкоторые социалисты несомнѣнно преувеличили цѣлесообразность перехода отъ однихъ занятій къ другимъ. Надо остерегаться, чтобы не попасть изъ одной крайности въ другую.

Великое *нравственное* основоположеніе социализма заключается въ санкціи человѣческаго труда вообще, который никогда еще не проникалъ съ такими плодотворными результатами въ самый центръ человѣческаго просвѣщенія и нрав-

*) P. Kampfmeyer. Ist der Sozialismus mit der menschlichen Natur vereinbar? Berlin 1891, S. 24.

ственности. Первоначально трудъ былъ формою борьбы за существованіе, *принудительнымъ трудомъ*, который вваливали на женщинъ и рабовъ. Потребовался продолжительный періодъ культуры на то, чтобы человѣкъ бросилъ войну, охоту и грабежъ и принялся за продолжительную хозяйственную работу. Еще классической древности этотъ родъ труда казался чѣмъ-то нечистымъ, достойнымъ презрѣнія. Развитіе техники и признаніе того, что всякая высшая духовная культура основывается на хозяйственныхъ производительныхъ силахъ, обязываетъ и каждаго отдѣльнаго человѣка дѣйствовать самому экономически или придавать равную социальную цѣнность хозяйственной дѣятельности своихъ товарищей.

Свободный отъ предрасудковъ изслѣдователь человѣческаго общества признаетъ непостижимымъ то, что нѣкоторые ученые стремятся побороть социализмъ съ точки зрѣнія *науки*. *Критическій социализмъ* безусловно твердо обоснованъ въ своихъ принципахъ, и хотя, въ частности, онъ, конечно, нуждается въ исправленіяхъ и дополненіяхъ, все-таки несомнѣнно, что его основныя требованія не противорѣчатъ ни законамъ *природы*, ни законамъ *морали*.

Пусть наши естествоиспытатели вспомнятъ мудрыя и свободныя отъ предрасудковъ слова Карла Эрнста фонъ Бэра, звучація такъ благотѣльно и примирительно среди набора словъ буржуазныхъ дарвинистовъ: „Во всякомъ случаѣ я тоже того мнѣнія, что при обсужденіи естественно-историческихъ вопросовъ, не надо сравнивать *соціальную точку зрѣнія человека* (Standpunkt), какъ онъ развивался въ теченіе тысячелѣтій, съ *состояніемъ животныхъ*“.—„Такъ какъ человѣкъ способенъ къ совершенствованію и, очевидно, изъ болѣе грубаго состоянія развился до высшаго, то я надѣюсь на дальнѣйшее развитіе, которое будетъ заключаться не только въ физическихъ измѣненіяхъ, но и въ улучшеніи общественныхъ и духовныхъ условій“ *).

Если судить о степени культурнаго развитія человѣчества по мѣрѣ техническаго и умышленнаго господства надъ силами окружающей природы, то научный социализмъ является

*) K. Ernst von Bär. Studien aus dem Gebiete der Naturwissenschaften. СПб. 1876, стр. 322 и 463.

принципіальнымъ прогрессомъ въ исторіи формъ человѣческаго общества. Если же сила господства человѣка состоитъ въ томъ, что онъ, посредствомъ созданныхъ имъ самимъ жизненныхъ средствъ и установленій, все больше и больше освобождается изъ подъ власти стѣпныхъ законовъ судьбы и случая, то критическій социализмъ въ равной мѣрѣ означаетъ освобожденіе человѣческаго духа отъ фантастическихъ силъ *теологическаго міра* и сосредоточеніе всѣхъ физическихъ и умственныхъ силъ на трудъ и наслажденіи земной жизнью. Какъ послѣдняя формальная идея религіознаго отраженія нашей личности въ космической средѣ, намъ остается необходимое представленіе объ *эстетическомъ единствѣ* всего существующаго. Эта земная философія научить человѣка чувствовать свое единство съ великой „матерью-природой“ и заставить его отказаться отъ фантастическихъ желаній и призраковъ, находящихся гдѣ-то по ту сторону. Въ этомъ смыслѣ социализмъ есть истинное возвращеніе къ природѣ.

К о н е ц ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Глава первая.

1. *Дарвинизмъ и Марксизмъ.*

Стран.

Ученіе объ органическомъ развитіи. Историческій матеріализмъ. Естественнo-научное ученіе объ обществѣ. Подраздѣленіе книги

1—7

2. *Соціально-историческія воззрѣнія Дарвина.*

Дарвинъ и Мальтусъ. Письмо Дарвина къ Марксу. Отношеніе Дарвина въ ученію Маркса. Естественный подборъ въ промышленной конкуренціи. Осужденіе Дарвиномъ современной цивилизаціи.

7—14

3. *Отношеніе Маркса и Энгельса къ ученію Дарвина.*

Происхожденіе теоріи историческаго матеріализма. Значеніе теоріи Маркса въ исторической наукѣ. Діалектическое ученіе Гегеля о развитіи. Антропологическій матеріализмъ Фейербаха. Естественная технологія Дарвина и экономическія воззрѣнія Маркса въ области исторіи. Марксъ и Морганъ. Отношеніе Энгельса къ ученію Дарвина

14—24

Глава вторая.

Дарвинисты—сторонники социализма.

Якоби, Лафаргъ, Вабель, Либкнехтъ, Додель, Штибеллингъ, Уоллессъ, Каутскій, Жуновъ, Буше, Бернштейнъ, Грантъ-Алленъ, Ферри, Гижицкій, Бельше, Персонъ, Вольтманнъ.

25—63

Глава третья.

Дарвинисты—противники социализма.

Стран.

Гегеръ, Вирховъ, Шмидтъ, Гэккель, Прейеръ, Спенсеръ, Гексли, Гаупъ, Вейсманнъ, Киддъ, Тиле, Аммонъ, Циглеръ. . . 64—109

Глава четвертая.

Сторонники примирительно разръшенія вопроса.

Ланге, Шеффле, Вагнеръ, Шмоллеръ, Конъ, Нейратъ, Бюхнеръ, Гарменингъ, Ферстеръ, Фурреръ, Ритчи, Геркнеръ, Штейнъ. . . 110—142

Глава пятая.

Естественно-историческія основы социологій.

1. Біологическій синтезъ дарвинизма и марксизма. Опредѣленіе предстоящей задачи. Методъ аналогій. Органическое и социальное развитіе. 143—150

2. Строеніе организма и общества. Сущность клѣтки и организма. Организмъ и общество. Человѣческое общество. Органическая социологія и ея противники. Общественный мозгъ. Биогенетическій основной законъ и социологія. 150—158

3. Идея развитія. Анализъ понятія о развитіи. Дифференціация. Приспособленіе. Совершенствованіе. Совершенство человѣка 159—169

4. Естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе. Дарвинъ и Ламаркъ. Дарвинъ и Спенсеръ. Предвидѣніе Мальтусомъ теоріи естественнаго подбора. Естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе. Механический и телеологическій методъ. . . . 169—176

5. Измѣнчивость и наслѣдственность. Наслѣдованіе приобрѣтенныхъ свойствъ. Эмбриологическія основы наслѣдственности. Ученіе Вейсмана о наслѣдственности. Противники Вейсмана. Генетическій параллелизмъ между организмомъ и зародышемъ. Подборъ зародышевой клѣтки и подборъ особей 176—191

6. Ученіе о панмиксисъ 191—193

Глава шестая.

Первобытная исторія человѣческаго общества.

1. Животное происхожденіе человѣка. Параллелизмъ органической и общественной жизни. Дарвиново сопоставленіе души человѣка съ душой животныхъ. Спиритуализмъ Уоллеса. Трудъ и очеловѣчиваніе 194—202

2. Органическія основы техники. „Философія техники“ Каппа. Органика и техника. Органы дѣйствія у животныхъ. Изобрѣтеніе орудій. Вліяніе орудій на естественный подборъ. 202—211
3. Техническія основы логическаго мышленія. Кюмъ и Кантъ. Значеніе апріорности. Ученіе Гейгера о развитіи разума. Ученіе Нуара объ объективациі. Человѣкъ и его произведенія. Реальная и логическая связь. 211—220
4. Ступени общественной жизни. Органическіе союзы. Инстинктивные союзы. Человѣческое общество. 220—224
5. Первобытная исторія семьи. Физиологическій и экономическій факторы въ исторіи. Моногамія и степени родства. Происхожденіе представленій о родствѣ. 224—232
6. Органический и социальный подборъ. Формы, средства и цѣли борьбы за существованіе. Конституционный и дотационный подборъ. Поговой подборъ. Физическій подборъ. Общій обзоръ различій между органическимъ и социальнымъ подборомъ. 232—244

Глава седьмая.

Дарвинизмъ и задачи социальной политики.

1. Историческій подборъ въ расовой борьбѣ. Борьба за существованіе въ человѣческомъ родѣ. Различія въ социальномъ подборѣ на разныхъ ступеняхъ культуры. Прогрессъ человеческого рода. Естественная исторія войны. 245—256
2. Борьба за существованіе и свободная конкуренція въ промышленности. Пессимистическое толкованіе свободной конкуренціи. Историческое развитіе экономической свободы. Дарвинисты-соціологи. Марксова критика системы конкуренціи. Соціальная задача предпринимателей. Животный и человѣческій подборъ. Подборъ лучшихъ. Экономически-классовой и органически-расовой подборъ. 256—271
3. Принципы общественной организаціи и индивидуальнаго развитія. Личности и общество. Первобытная исторія собственности. Коллективное хозяйство и личная свобода. Борьба въ области промышленности и производства. 271—284
4. Совершенствованіе расы вслѣдствіе полового подбора. Взгляды Дарвина на прогрессъ человеческого рода. Вопросъ о перенаселеніи. Органическія свойства человѣка. Половой подборъ человѣка. Женскій вопросъ. 284—313
5. Природное равенство людей. Общественное ученіе Руссо. Взглядъ Смита на равенство людей. Взглядъ Маркса на будущее социальное развитіе. Общественный подборъ. Профессіи и раздѣленіе труда. „Возвращеніе къ природѣ“. 313—325